

А.Е. Наговицын

ТАЙНЫ
МИФОЛОГИИ
СЛАВЯН

Москва
Академический Проект
2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос-Рус)
Н16

Н16 **Наговицын А.Е.**
Тайны мифологии славян. — М.: Академический
Проект, 2020. — 511 с. — (Технологии культуры).

ISBN 978-5-8291-3419-8

Воссоздание культурной традиции наших предков и передача этих знаний будущим поколениям — задача настолько же важная, насколько и непростая в условиях скудости сохранившихся первоисточников. Автор привлек для реконструкции мифологического сознания славян целый ряд современных научных методов, в том числе разработанный им уникальный метод ритмо-фонетического анализа. В книге представлен богатый материал: воссозданы особенности мировоззрения наших предков, расшифрованы имена и понятия космогонии и верований, описаны сохранившиеся с незапамятных времен представления и обряды, обоснована мифологическая символика фольклорных образов и персонажей. В каждом разделе приведены раскрывающие подход автора примеры анализа и методов, с помощью которых любознательный читатель может вслед за автором книги попробовать свои силы в постижении глубинного смысла народных сказок и преданий, праздников и обрядов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос-Рус)

ISBN 978-5-8291-3419-8

© Наговицын А.Е., 2009
© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2020

Введение

Для чего нам нужно сегодня, в начале третьего тысячелетия, рассматривать проблемы, связанные со славянской мифологией?

Ответ на этот вопрос и прост, и сложен. Каждая нация и народ гордятся своей историей и самобытным творчеством. Народ, знающий прошлое, всегда сплочен, всегда един. Современные греки, например, благодаря туризму, основанному на использовании бесценного наследия древнегреческой истории и мифологии, имеют значительную часть валового дохода страны. То же наблюдается в Италии и ряде других стран. В подавляющем большинстве государств мира изучают верования и мировоззрение праотцев, не ущемляя при этом интересов господствующей религии (а также соседствующих конфессиональных учений). Ведь *мифология — это опредмеченное сознание предков*.

Изучение славянской мифологии, столь необходимое для воссоздания достоверной культурной традиции наших предков и передачи знания будущим поколениям об их исторических корнях, во-первых, затруднено рядом проблем и, во-вторых, требует привлечения новых, наряду с традиционными методов с учетом достижений современной науки в разных ее отраслях. Автор полагает целесообразным ознакомить читателя с этими актуальными вопросами, прежде чем приступить к освещению результатов проведенного исследования о тайном языке мифологии древних славян.

1. *Проблемы изучения славянской мифологии современной наукой*. В нашей стране долгое время либо отрицалось само существование серьезных мифологических представлений у древних русичей, либо они объяснялись заимствованиями у других народов. Во многом это было обусловлено царившей в СССР тоталитарной идеологией, основанной на атеизме, а также отношением Православной церкви, считавшей всю дохристианскую культуру на Руси чуть ли *бесовщиной*. Стоит подчеркнуть, что речь идет не о претензии к христианской религии, добродетели, заповеди и постулаты которой достойны всяческого уважения,

и даже не о политике РПЦ как социального института, а о конкретной позиции церковной иерархии по рассматриваемому вопросу.

Утверждение о том, что вся культура на Руси имеет истоки исключительно в христианстве, ставит русский народ среди других народов мира в ущербное положение и не способствует развитию духовности. Не чувствуя исторических корней нации, часть граждан, прежде всего молодых, предпочитает веру в культ силы и начинает поклоняться к зарубежным образам «героев» типа терминаторов и воительниц наподобие Зены — королевы воинов...

Длительное вытравливание из народной памяти всего, что связано с древней культурной традицией прародителей русского народа, привело к уничтожению колоссального числа исторических памятников культуры. Это делает весьма затруднительным восстановление существовавшей мифологии. Впрочем, ей посвящено довольно много современных изданий, а потому представляется весьма резонным возможный вопрос читателя: *какие могут быть еще тайны*, если славянская мифология так широко освещена в литературе? Однако один лишь факт наличия еще не является бесспорным доказательством достаточной разработанности темы, тем более что уровень достоверности данных и обоснованности аргументации многих опубликованных работ пока не достаточен. Обзорный анализ позволяет выделить несколько пластов публикаций.

В первом из них находятся многочисленные труды, изобилующие узкоспециальной терминологией, за которой часто скрывается недостаточность доказательной базы предлагаемых версий.

Большого внимания заслуживают серьезные и достаточно глубокие исследования, посвященные отдельным сторонам быта и верований древних славян. Однако локальность предмета изучения не позволяет в этом случае получить цельную картину мира, которая была присуща славянской традиции.

Особый сегмент составляют словари и справочники, в которых порой содержатся подробнейшие перечни и описания божественных и мифологических существ. К сожалению, зачастую они представляют собой взаимную

компиляцию с небольшими авторскими добавлениями составителей, нередко опускаются сведения об источниках информации, не приводится система доказательств.

Вполне оправданный и самый живой интерес вызывают немногочисленные, но самые надежные, в плане источниковой базы и научной добросовестности, труды, прежде всего Б.А. Рыбакова¹ и других ученых. Однако следует учитывать, что система анализа в большинстве этих основательных и полезных работ восходит еще к науке XIX и начала XX в., т. е. не учитывает новейших методов исследований. Добавим также, что в силу авторитетности имен разработчиков проблематика славянской мифологии непостижимым образом превратилась в некую табуированную зону, прикосновение к которой с любой другой научной позиции вполне может быть истолковано как святотатство. Это не способствует развитию идей выдающихся ученых прошлого века, в котором они были бы, безусловно, заинтересованы.

Существенным для научного изучения славянской мифологии является выбор подхода в смысле соотнесения способов понимания мира и места человека в нем с позиций далекого прошлого и современности. При изучении любой традиционной культуры необходимо учитывать, что способ мышления людей в различные исторические эпохи неодинаков. И коль скоро мышление древних руссов значительно отличалось от присущего их потомкам — современным русским, то стремление понять что-либо в организации быта, мировоззрении, верованиях, обычаях и традициях наших предков только с точки зрения современных ценностей и суждений окажется неплодотворным.

Необходимо иметь в виду, что существует три типа мышления: мифологическое, религиозное и научное, которые имеют место в процессе развития как социальных сообществ, так и индивида, в том числе в условиях современности.

Под *мифологическим* мы понимаем мышление, связанное с цельным космогоническим мировоззрением, оценкой

¹ Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965. № 1. С. 33–35; Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997; Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.

ситуаций в целом и рассмотрением мироздания как некоего целостного организма. Оно преобладало в социальных сообществах до появления мировых религий и может быть с известным приближением соотнесено с историей Древнего мира.

Религиозный тип мышления связан с появлением мировых религий и учений, имеющих фиксированного мифологического или исторического провозвестника (в христианстве — Иисус Христос, в мусульманстве — Магомет, в зороастризме — Зороастр, в конфуцианстве — Конфуций, в буддизме — Гаутама, в иудаизме — Моисей и т. д.). Он сменяет мифологический тип и характеризуется развитием моральных и этических норм и социальных связей. Исторически период доминирования религиозного мышления приходится на раннее Средневековье, рыцарские времена, отчасти Конкисту и эпоху Возрождения.

Научное мышление означает превалирование эксперимента в познании мира, решение тактических задач, известное торможение нравственного развития, скептицизм и точность. Исторически данный этап связывается с появлением «научного мышления» в Западной Европе и остается характерным до настоящего времени.

2. Методы исследования. Одной из главных задач данного труда является использование новых подходов, а также методов и средств изучения мифологии, в нашем случае — славянской, выявление ее своеобразия и корней национально-мифотворческого начала. Кратко перечислим примененные нами в исследовании методы.

В первой части дается краткое описание авторского ритмо-фонетического метода анализа.

Во второй части при реконструкции пантеона славянских богов и его основных функций использован метод когнитивных значений фонетических знаков и сравнения полученных значений с имеющимися сведениями.

В части третьей показаны способы сравнительного анализа представителей различных пантеонов на основе их общих социокультурных функций; проведено исследование атрибутов мифологического персонажа для установления его основных функций и динамики их изменений; рассмотрены основные зооморфные образы богов,

реконструировано их место и функциональное значение в пантеоне. При рассмотрении противостояния и родства с таким основополагающим персонажем мифологий, как змей, применен метод синтеза и обобщения мифологических систем в их развитии через общие практически для всех народов представления о базовых мировоззренческих категориях.

В четвертой части представлены методы сравнительного анализа близких — финно-карельской и славянской — мифологических систем в их естественном взаимопроникновении на уровне изучения не только текстовых источников, но и элементов материальной культуры, особенно несущей магическую символику, а также народных праздников, ритуалов, танцев.

В пятой части исследовано отражение славянской мифологии в современной народной культуре на основе аналитического метода (на материале самых известных сказок) и метода реконструкции древних мифов и ритуальных представлений. При изучении мифологических представлений нашли применение способы анализа народной игровой и праздничной культуры как источника реконструкции мифологических и ритуальных представлений. Для воспроизведения мифологической картины мира славян, отраженной в народной игрушке, проведено реконструирование элементов ритуала и повседневной магии, а в некоторых случаях, для воссоздания космогонических представлений народа, — анализ магических функций и символики народной игрушки.

В шестой части задействованы методы описания и сравнительного анализа, позволившие выявить основные символические характеристики зооморфных и фитоморфных символов и, таким образом, реконструировать древнейшие космогонические и мифологические представления славян и близких им народов. Кроме того, знание изначальной символики позволяет более полно прочитывать мифы и предметы материальной культуры с конкретными изображениями.

В седьмой части представлены авторские литературные реконструкции мифологического мировоззрения славян. На основе анализа аналогичных текстов воссоздан стиль

изложения скomorоxом (или обавником) славянских представлений о роли женских мифологических персонажей в период двоеверия. Это дало возможность реконструировать элементы народного мировоззрения в его естественной (не книжной) среде, что, в свою очередь, позволяет понять отношение в народе к тем или иным мифологическим персонажам в рассматриваемый период и выяснить причины живучести мифологических представлений, особенно низшей, народной мифологии вплоть до наших дней.

В этой части приведена также авторская версия поэтической реконструкции древнего русского мифа Творения. Для нее характерны фольклорно-поэтические форма и стиль изложения. Источниковой базой явились сохранившиеся в сказках и ином фольклоре фрагменты первоначального мифа, а также элементы аналогичных сюжетов близких индоевропейских народов, прибалтов и т. д. Традиция реконструкции из близких элементов хорошо известна науке. Так, Ленротом на основании собранных отдельных рун финнов и карел был создан эпос Калевала. Подобным образом создавались эстонский Калевопоэг, каракалпакский Алпамыш, киргизский Манас и т. д. В нашем случае важна сама попытка художественно осмыслить и реконструировать мировоззренческое наследие наших предков без претензии на неопровержимость и законченность предлагаемой версии мифа.

В главе «Кошуну» приведена авторская реконструкция древних сказаний славян, связанных с их морально-этическими представлениями, в стиле и духе имевшегося мифологического мировоззрения. Многие элементы «кошунув» взяты из более поздних источников, ряда духовных поучений периода двоеверия и «Голубиной книги», другие реконструированы по аналогии с такими источниками, как индийские веды или карельские и скандинавские руны, но основной пласт сентенций почерпнут из анализа славянского сказочного и эпического фольклора. Этот метод реконструкции позволяет также проникнуть в мировоззрение древних славянских жрецов, устанавливавших в сознании людей целостность восприятия социального мира и космоса.

ЧАСТЬ 1

РИТМО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРА

Ритмо-фонетический анализ когнитивного смысла устных и письменных текстов представляет собой новейший инструмент, разработке которого автор посвятил несколько лет: не меньшее по продолжительности время уделено апробации и использованию его результатов в научной деятельности.

ГЛАВА 1

ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РИТМО-ФОНЕТИКИ В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В предлагаемом вниманию читателя исследовании тайного языка славянской мифологии в качестве одного из основных инструментов используется авторский ритмо-фонетический метод анализа исторического, мифологического и фольклорного материалов². В связи с этим представляется необходимым сформулировать его суть, чтобы помочь читателю в понимании построений, предпринятых в тексте работы.

Известно, что в процессе становления языка зачастую происходит переориентация и переосмысление функций изначальных «божественных» категорий. Особенно сильно это проявляется во время военных конфликтов и миграции народов. Примером может служить слияние космогонических представлений различных номов (и городов) Древнего Египта при его объединении. В результате исторического оборота создается новая религия, опирающаяся на обрывки мифологий, которые служат для создания новой космогонии. При этом путаница имен и понятий приводит к выдвиганию на первый план новых демиургов (не в последнюю очередь из-за политического и экономического давления победившего региона), и система мифологии снова усложняется. Первоначальный смысл фонем и графем вновь кристаллизуется в космогонии с формальным удалением от первоначальных мифов каждой отдельно взятой земли, становясь достоянием наднациональной

² *Наговицын А.Е.* Особенности ритмо-фонетической структуры текста: смысловое наполнение фонетических знаков: Учебное пособие. МПСИ. М.: Флинта, 2005.

общности — жрецов, или посвященных, тогда как большинству населения он уже непонятен. В ходе последующих контактов с соседними государствами (например, торговых или военных) происходит дальнейшая универсализация космогонических представлений разных культурных систем. В частности, так образовалось «двоеверие» на Руси XI–XIX вв., когда древнейшие языческие представления слились с христианством и его обрядностью, дополнив собой православие. До сих пор справляются такие праздники, как Масленица, Красная горка, Иван Купала, Коляда и т. д.

Возникает вопрос, откуда могут появиться в разных языках звуки, имеющие единый смысл у всего человечества. Во-первых, человек, к какой бы национальности он не относился, имеет сходные голосовые органы, т. е. диапазон звуков, которые может произнести человек как вид, весьма ограничен. Далее, если не брать в рассмотрение архаичность и богоданность языка всем народам, что все бы объясняло, но ничего не доказывало, мы можем предположить, что природные звуки разных стихий идентичны на всей Земле.

Во всех известных мировых языках человек использует около 50 звуков. Различия языков у разных национальных, этнических и прочих социальных общностей объясняются исторически различными условиями формирования и развития этих общностей. Одни и те же понятия в различных традициях обозначаются различными морфологическими и семантическими образованиями. Язык как знаковая система развивается по определенным законам. Логично предположить, что эти законы едины для любых однородных знаковых систем, в нашем случае языковых знаковых систем. Появление и развитие того или иного языка происходит под влиянием сознания и деятельности определенного социума. Язык, в свою очередь, оказывает формирующее воздействие на это «профессиональное», «национальное» и т. д. сознание. Следовательно, он является некоторого рода «слепком» с социального сознания своего носителя и создателя. Динамика его развития и изменения отражает динамику развития и изменения самого социума — носителя данного языка или его диалекта. Из

этого следует, что ритмика и фонетические особенности каждого языка строго индивидуальны и соответствуют основным смысловым и эмоциональным картинам мира субъектов данной языковой традиции. В данном исследовании мы во многом опираемся на языковую традицию русского языка.

Оценивая с точки зрения самого языка и его семантических и морфологических законов определенный текст, необходимо в первую очередь рассмотреть основу этого языка — его словарный и корневой запасы. Наибольшей значимостью при восприятии слов обладают фонемы, стоящие на первом месте в корнях этих слов. Кроме этого, из исторической лингвистики нам известно, что в реконструированном ностратическом протоязыке присутствовал всего один гласный звук. Определяющими в понятийном смысле являлись сочетания тех или иных согласных звуков.

Менталитет и характер каждого народа накладывают отпечаток на то, какие понятия и звуки для него более предпочтительны. Можно привести аналогию с приборами, которые могут функционировать на разной частоте, но выполнять одну и ту же работу. Любой язык или диалект являются важнейшим показателем, отражающим менталитет народа. Так, в Китае с древнейших времен частота употребления буквы и звука Ц намного больше, чем у других народов. Фонема Ц, по нашей трактовке, обозначает целостность, царство земное, самодостаточность. Если на историю Китая смотреть упрощенно (что не всегда плохо), можно увидеть, что китайцы всегда стремились отделиться от окружающего мира, или сделать соседние народы «китайскими». В этом одна из причин возникновения Великой китайской стены и поголовного истребления всех, не согласных с китайским образом жизни и культурой, до кого только могли добраться китайские императоры. При этом проходила ограниченная, а не глобальная, экспансия вовне, хотя вооружение и способы ведения войны значительно превосходили, например, римские в ту же эпоху.

Можно привести в качестве другого примера так называемое волжское «оканье» и московское «аканье» при произнесении одних и тех же слов. Как причина и следствие этого, большая активность Москвы (собираение городов,

бесконечные военные походы) и относительная пассивность Поволжья, которое для активных действий нужно было сильно расшевелить, «оплодотворить» энергией, как это сделали в свое время Минин и Пожарский.

Характерно, что частое произнесение в кавказских языках звуковых групп (ГР), (ГХ) и (ПС) показывает их энергичность, агрессивность, сильную психологическую возбудимость, а также приверженность древним народным этическим традициям и нормам: (ГХ) — глагол священный, (ПС) — подавление окружающих своим сообществом, (Г) — проявленный, действующий глагол, (Р) — рождение, активность, действие.

Анализ словарного состава русского языка, его корневых образований убеждает в том, что в корнях слов ряд согласных друг с другом не сочетается, причем имеет значение и место каждого из них в рассмотренных парах. Например, фонемы (Р) и (Щ) сочетаются как (РЩ) в слове *борщ*, а корневого сочетания (ЩР) не существует. В русском языке количество корневых сочетаний одной согласной с другими согласными фиксировано. Известно, что гласные звуки сочетаются с любыми согласными звуками русского языка. Поэтому их частотность играет меньшую роль в ритмо-фонетическом строе речи, тем более мы указывали ранее, что в ностратическом языке предполагается существование всего одного гласного звука. Случаи перехода одного гласного звука в другой в процессе развития языка наблюдаются гораздо чаще, чем переход друг в друга согласных звуков.

ГЛАВА 2

СМЫСЛОВОЕ (КОГНИТИВНОЕ) ЗНАЧЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ (ЗВУКОВ И БУКВ) РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассмотрим согласные звуки, зная их предполагаемые, присвоенные нами значения. Эти значения фонетических знаков получены нами из анализа семантических полей значения всех корней русского языка по словарю Ожегова с привлечением словарей В. Даля и словаря древнерусского языка Срезневского. Была осуществлена проверка значений с использованием словарей иностранных языков. Мы также исследовали предлоги, союзы и все служебные частицы в предложениях.

Кроме того, был изучен практически весь основной пласт мировых мифологических имен как наиболее архаический и соответствующий определенным вещам и понятиям. Помимо этого, проведен анализ наименований фонетических знаков в каббале, рунических алфавитах — футархах, и славянских азбуках — кириллице и глаголице.

Для уточнения значений были рассмотрены графические написания фонетических знаков и их символическое сравнение в следующих алфавитных системах: древнефиникийской, арамейской, древнеегипетской, иеротической и гиеротической, санскритской, древнегреческой и латинской, рунической, иврита, арабицы, глаголицы и кириллицы и др. В результате были установлены семантические поля значений фонетических знаков.

Критерием отбора в отдельные группы выберем те фонетические знаки, предполагаемое значение которых

связано с наиболее значимыми понятиями, связанными с архетипическими понятиями и базовыми мировоззренческими концептами. Кроме того, укажем на качества, которые проявляются в текстах с повышенным процентным содержанием тех или иных фонетических знаков.

К первой группе мы отнесем фонетические знаки, отображающие в первую очередь мировоззренческие, базовые понятия:

(Б) — присвоенное значение — принципы бережения вплоть до «забирания» чего-то. В психологическом плане — склонность к экономности, собирательству, даже скупости.

(В) — «ведение», т. е. интуитивное знание, проникновение, внедрение куда-то. В психологическом плане — ориентация на озарение, интуитивное знание, чувствование.

(Г) — глагол, речь, язык, слово, проявленная, оформленная мысль. В психологическом плане качество овеществления идей, их оформление в материальную форму, склонность к языковому общению.

(Ж) — связано с принципом жизни. В психологическом плане связывается с жизнелюбием, оптимизмом, хорошим физическим самочувствием.

(Л) — луч, принцип архетипа, нечто несущее и передающее принципы. В психологическом плане связывается с умением обобщения, аналитическими способностями, а в ряде случаев с повышенной влюбчивостью (высокая частотность в тексте (Л) мягкого).

(Р) — активное действие, принцип рождения. В психологическом плане указывает на активность, а при переизбытке на хаотичную активную деятельность и даже агрессивность.

(Х) — понятие священного, храма, но и жесткого традиционного, устойчивого. В психологическом плане — склонность к устойчивому мнению, традиции, иногда к негибкости в общении.

Ниже приведена таблица сочетаний для согласных фонетических единиц в современном русском языке (буквой указан согласный знак, цифрой — количество сочетаний).

Б	8	П	12
В	20	Р	20
Г	7	С	20
Д	8	Т	15
Ж	9	Ф	6
З	12	Х	7
К	10	Ц	5
Л	10	Ш	9
М	16	Щ	0
Н	15	Ч	10

Итого имеем 219 корневых сочетаний согласных. Просуммировав количество корневых сочетаний для фонетических знаков, несущих архетипическое, основополагающее значение, получим: (Б) 8 + (В) 20 + (Г) 7 + (Ж) 9 + (Л) 10 + (Р) 20 + (Х) 7 = 81.

Если рассматривать общее количество сочетаний согласных, равных 219, с точки зрения «золотой пропорции», то членами ее окажутся числа 138 и 81. Общее количество фонетических знаков в двух предполагаемых группах согласных букв по количеству корневых сочетаний должны относиться друг к другу как 81:138.

Для проверки приведем присвоенные значения второй группы фонетических знаков, затем просуммируем количество их сочетаний в корнях слов.

(Д) — понятие дара, в том числе и от метафизических сил, дом как разновидность этого дара. В психологическом плане — склонность к работе, материалистические устремления, конкретность в выражении своих чувств и желаний.

(З) — знание, полученное в процессе деятельности, во всех исторических традициях оценивалось ниже откровения, понятие земного, земной хтонической природы. В психологическом плане — склонность к учебе, в некоторых случаях — изворотливость, лживость, скупость.

(К) — принцип направления. В психологическом плане — склонность к однозначным решениям, постоянное стремление найти новое направление в делах, высокая коммуникабельность. Иногда более частое выражение в текстах данного фонетического знака связано с неужив-

чивостью, появляющейся из-за известной негибкости в решении проблем.

(М) — принцип материи и материнский порождающий принцип, связанный с рождающей функцией земли. В психологическом плане выражается в склонности к опеке кого-либо, иногда мелочной. В некоторых случаях из-за трудности видеть процессы в их динамическом развитии возможно разрушение самих объектов опеки, своего рода «запрещение развития». Склонность к домовитости и заботе о семье, но под своим попечительством.

(Н) — фонема связана с понятием наложения чего-то на что-то, имеет оттенок подавления. В психологическом плане иногда означает склонность к следованию моральным законам высокого уровня, при этом оказывается давление на окружающих, «обязанных» также соблюдать данные законы, или проявляется склонность преобразовывать ситуации и отдельных личностей под свои воззрения, причем методы преобразования бывают различными.

(П) — принцип покрытия, несет оттенок отцовской власти и подавления. В психологическом плане — высокая частотность данного знака указывает на склонность к покровительству окружающим и близким людям, а также на склонность считать себя выше окружающих. Претензии на справедливость воздействия на окружающих и членов семьи в случае их «ослушания».

(С) — принцип союза, соединения, определения места. В психологическом плане — склонность к дружбе и сотрудничеству.

(Т) — принцип твердости, формы. В психологическом плане — устойчивость и некоторое упрямство.

(Ф) — принцип природного: природа как среда обитания. В психологическом плане — склонность к следованию установившемуся порядку, негибкость. Прочные отношения с людьми, которые входят в окружение субъекта. Преобладают чисто материальные интересы.

(Ц) — принцип целостности, завершенности, отделенности от окружающего мира. В психологическом плане — стремление к цельности, завершенности. Коммуникабельность проявляется в основном только в ограниченном кругу знакомых и семьи, трудное восприятие чего-то нового.

(Ш) — принцип переноса и движения. В психологическом плане — склонность к перемещению. В некоторых случаях холеристический темперамент, отходчивость. Постоянное изменение своего мнения в зависимости от конкретных обстоятельств. Склонность заводить новые контакты, но неумение их сохранять и использовать.

(Щ) — принцип защиты, щита. В психологическом плане — склонность к защите «обиженных», сильное сопротивление любому внешнему давлению.

(Ч) — принцип поворота, изменения. В психологическом плане — острый, склонный к парадоксам ум, стремление изменить все вокруг, ненадежность в отношении других людей.

Мы видим, что во второй группе фонетических знаков присвоенные им значения имеют связь с процессами социальной и предметной деятельности человека и воспроизводят соответствующий круг понятий.

Рассмотрим сумму корневых сочетаний согласных звуков для этой группы знаков.

Просуммируем количество возможных корневых сочетаний для этой группы фонетических знаков: Д (8) + З (12) + К (10) + М (16) + Н (15) + П (12) + С (20) + Т (16) + Ф (6) + Ц (1) + Ш (9) + Щ (0) + Ч (10) = 138.

Мы пришли к искомой пропорции «золотого сечения» (81:138), кроме того, 7 из отобранных нами 20 знаков относятся к другой группе (из 13 букв) по закону «золотой пропорции».

Перейдем к рассмотрению вопроса ритмической структуры текста. Ранее мы разбили согласные фонетические знаки на две группы, одна из которых, по нашему мнению, несет смысловой оттенок абстрактных космогонических мировоззрений, другая — оттенок понятий, приобретенных в непосредственной предметной деятельности, и в первую очередь связана с деятельностью в организованной социальной среде. Если рассмотрим предположительные ментальные значения гласных фонетических звуков, то увидим, что по понятийному ряду они относятся к первой группе согласных фонетических знаков, т. е. именно к мировоззренческим базовым категориям. Стоит оговориться, что предлагаемое нами разделение на две группы имеет отно-

сительный, в некоторой мере эмпирический, а не безусловный, характер, и рассматривается в качестве служебного материала при разработке метода оценки текстов.

Рассмотрим предполагаемое значение гласных фонетических знаков.

(А) — первое, великое, изначальное. В психологическом плане — попытка выделить нечто из общего контекста, в ряде случаев склонность к разрушению.

(Е) — принцип существования, естества. В психологическом плане — склонность к здоровой физической жизни, спорту, социально одобренным взаимоотношениям.

(Ё) — фонетический знак, указывающий на некоторую опасность, остроту, сексуальную активность. В психологическом плане — склонность к сексуальной жизни, некоторая неуживчивость, «ершистость», агрессивность.

(И) — принцип соединения, единства, переход внесистемных элементов в новую целостную структуру. В психологическом плане — склонность к созданию социальных и духовных содружеств, единства, которое существует по своим особым законам.

(Й) (полугласная) — принцип мужской оплодотворяющей силы, плодотворяющая сила юности. В психологическом плане указывает на повышенную сексуальную активность, иногда на половую безалаберность.

(О) — принцип охвата чего-либо, принцип пространства как определенного обозначенного места. В психологическом плане — склонность к созданию своего особого мира, своей компании, своего круга знакомств. Посторонние в данную среду, как правило, не допускаются. В некоторых случаях означает склонность к жадности.

(У) — принцип отнесения чего-либо к чему-либо, принцип связи и передачи, принцип своего рода идеи, не оформленной в произнесенное слово, фигурально говоря, некая духовная связующая субстанция. В психологическом плане — склонность к духовной жизни, любовь к саморефлексии и стремление к идеалу. Высокая коммуникабельность.

(Ы) — принцип усиления, множественности, или усиления за счет множественности. В психологическом плане — указывает на мужественность, ощущение внутренней силы и единства.

(Э) — принцип отражения чего-то как основной принцип шаманских и магических практик. В психологическом плане — стремление к подражательности, некоторая внутренняя неуверенность. В социальной группе — «ведомый».

(Ю) — принцип соития, акта оплодотворения. В психологическом плане — некоторая сексуальная и личностная распушенность.

(Я) — обозначение личности, утверждение существования и потенции. В психологическом плане — склонность к семейной жизни, домовитость, повышенная сексуальность, иногда беспорядочные половые связи.

Данные значения фонетических знаков мы считаем не безусловными, а просто несущими в восприятии человека оттенки указанных смыслов. Даже если предположить наличие некоей безусловности значений в процессе создания языка, то при его развитии они или практически стираются в сознании, или переходят в бессознательную область восприятия человека. Однако мы все же исходим из допущения, что слушатель или читатель текста воспринимает ритмику чередования этих двух значащих звуковых категорий.

Отметим, что фонетический знак, определяющий звучание корневого образования, в 4 раза более значим для восприятия, чем другие, за исключением ударного знака, который в 2 раза более значим, чем остальные фонетические знаки, за исключением начального корневого. Исходя из этого, мы проводим анализ слов в предложении, анализируя первые фонетические знаки в корнях слов.

При переходе от отдельного фонетического знака к их сочетанию, мы можем наблюдать сужение понятийного ряда, с ними связанного. Например, фонетический знак (С), означающий принцип соединения, при соединении со знаком (Т), которому мы присвоили значение твердости, приобретает характеристики, связанные с устойчивостью. Это фонетическое сочетание является базовым в таких словах, как собственно *устойчивость*, а также *ступа, стопа, стакан, столп, стена, стая, стол, стул, стоять, столб, устой, кость, структура, мост, уступ, ступень, степень, степь, заступ, стоп, стог, сталь, тфость* и т. д. В них легко просматривается смысл фиксации. В таких словах,

как *стон*, *рост* и т. п., это значение отчасти преобразуется корневыми согласными (Р) и (Н), но оно обнаруживается, тем не менее, через содержание раскрывающих понятий, как устойчивость движения (применительно к росту как изменению параметров, а не их характеристике).

Таким образом, работая с фонетическими значениями внутри слова, мы сужаем их область определения, аналогично тому, как уточняется оно при построении предложений. Например, слово *стол* само по себе имеет довольно широкое поле значений, ничего нам не говорящее о конкретной ситуации. Когда же мы строим высказывание «Большой деревянный стол стоял на веранде у открытого окна», то создаем вполне конкретное значение и постулируем его эмоциональную оценку у читателя/слушателя. Аналогичный процесс происходит и при анализе слова по его фонетическим знакам.

ЧАСТЬ 2

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФУНКЦИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Функциональное распределение персонажей славянской мифологии представляет собой настолько же важную, насколько и увлекательную исследовательскую задачу. Обобщение имеющейся фактологической и аналитической информации здесь может дополняться использованием ранее не применявшихся инструментов. В частности, с точки зрения ритмо-фонетического метода, описанного в первой части настоящей работы, поддается анализу смысловое содержание имен этих персонажей. В ходе его проведения нами был осуществлен побуквенный перевод ряда сохранившихся имен, проведено сравнение полученных данных об их смысловом содержании с теми сведениями, которые имеются в исторической и культурологической науках, и определен уровень корреляции результатов.

Но прежде чем приступить к рассмотрению образов, характерных для славянской традиции, представляется необходимым обратиться к основным понятиям, характеризующим ее.

ГЛАВА 1

ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПОНЯТИЯ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Бог, Спас, богатырь, богатый

Ритмо-фонетический анализ понятия *Бог* показывает, что это берегущий (Б) всеобщий (всеохватывающий) (О) глагол (Г) — (божественное знание). Слово *Бог* по своему фонетическому составу указывает на некое верховное существо, охраняющее основы мироздания (глагол), т. к. оно в ряде мировоззрений, в том числе библейском («В начале было слово, и слово было Бог, и слово было у Бога»), древнегреческом (понятие о Логосе) и ряде других, является первоначальным творческим началом.

Слово *богатырь* (как и *Семафгл*) несет две ипостаси: небесную (бога) и земную (тырь). *Тырь*: (Т) форма (Ы) сильнейшего (Р) действия (отсюда тырнуть, тырять, штырь). *Богатый* — близкий к Богу и имеющий по «правде» его дар.

Спас означает спасение, спасителя:

1. Соединение (С) с отцом (П), великое (А) соединение (С).
2. С покрытием (П) великое (А) соединение (С).

Это слово по значению (1) более глубоко, чем принято считать. Не просто спастись, а соединиться с Богом и тем спастись. *Спаситель* — это *Бог*. В более приращенном смысловом варианте *спас*, или *спасение*, — это соединение, прибегание к помощи кого-то более сильного, принявшего на себя функции защитника и патрона.

Дух, душа, свят, чудо

Рассмотрим ритмо-фонетическую модель понятия *духа*.

1. Дар (Д) духа (У) священного (Х).
2. Добро (дом) (Д) духа (У) священного (Х).

3. Дар (Д), связующий (У) со священным, с основой бытия (Х).

Эти истолкования объясняют изотерму понятия духа как дара. Дух — нечто связующее человека с вечным, подаренное ему Богом.

Слово *душа* означает:

1. Дар (Д) духа (У), несущий (Ш) изначальное (А).
2. Дар (Д), связующий (У) с движением (Ш) изначальным (А).

Таким образом, душа, в отличие от духа, который священен, божественен, несет изначально некую искру. Функция души в основном состоит в переносе духа (от инкарнации к инкарнации). В то же время она неразрывно связана с духом в качестве его «рабочего органа»: она связывает дух с изначальным божественным, космическим.

Понятие *свят* имеет следующие значения. Свят (Свят): соединение (С) ведения (В) оплодотворяющего (Й) божественного принципа великой (А) тверди (Т), т. е. познавший сочетание духа и материи, путей оплодотворения материи духом, тот, кто свою твердь, косность наполнил духом.

Чудо в ритмо-фонетическом аспекте означает:

1. Изменение (Ч) духом (У) дара (Д) всеохватывающего (О).
2. Чарование (Ч) духом, (У) дар (Д) всеобщий (О).
3. Изменяющее (Ч) духом (У) дарованное (Д) пространству (О) над миром.

Чудесный — эпитет, относящийся к божественному, вполне правомочен. Иными словами, чудо — это нечто, не вписывающееся в привычный уклад вещей, а связанное с божественной волей.

Обряд, жертва, тризна, треба

Смысл понятия *обряд* заключается в следующем. Об — это охват (О) и бережение (Б). Ряд — действие (Р) великого оплодотворяющего (Й) импульса, изначальный (А) дар (Д). Мы знаем, что *ряд* — это и строй, и суд. Например, «суд судить — *ряд рядить*», *рядиться* во что-то, *ряженые*. Мы полагаем, что слово *обряд* означает всеобщий творческий божественный акт.

Жертва в ритмо-фонетическом раскладе означает: оживление (оплодотворение) (Ж) естественным (Е) действием (Р) твердь (Т), ведение (В) изначального (великого) (А). Оплодотворение естественным действием тверди — это передача жизненных сил кого-то с помощью естественных действий, т. е. выжимание жизни — убийства, умерщвления некоего живого с последующей передачей его жизненных сил (оживление) косной тверди (форме). Это оживление идола, передача ему чужой жизни. Известно, что жертвенной кровью в ряде традиций мазали губы идола. Ведение изначального — это ведение жизненной силы и мощи крови. Применение этого слова к Христу как *жертве* правомочно. Применение к христианам — кощунственно.

Треба — это разновидность жертвоприношения. Ритмо-фонетическая расшифровка слова такова: форма (Т) действия (Р) естественного (Е) бережения (Б) изначального, великого (А). *Тризна* же с этой точки зрения: форма (Т) действия (Р), объединяющая (И) знанием (З) небесного (Н), великого (А). Что еще можно сказать о поминках?

Крест

Ритмо-фонетический анализ позволяет выделить следующие значения *креста*.

1. Направление (К) действия (Р) естества (над живым) (Е) к соединению (С) материи (омертвление) (Т).
2. Направление (К) действия (Р) к естеству (Е) косности (СТ).

Крест, таким образом, это орудие омертвления, направление к статичности (косности). Выражение «нести свой крест» имеет смысл груза, судьбы. Понятие русского слова *крест* относится к Иисусу Христу только в одном из значений. Крест в данном случае — орудие казни и смерти. Слова, обозначающие крестьян на Руси, — *смерд*, *смертный* и собственно *крестьянин* — просто синонимы (при этом надо учитывать, что так называли только зависимых, каменных крестьян; они как бы считались мертвыми для жизни, пока находились в зависимости у своего хозяина).

Правь, навь, явь. Правда и кривда

Категории, представленные в заголовке, относятся к числу основных философских понятий славянской традиции.

Правь (праве) имеет ряд однокоренных слов. Для более полного уяснения когнитивного значения обратимся к их краткому перечислению: *правда, право, правитель*, он *прав, исправлять, правило, направление*, он *вправе* и т. д. Издревле современная правда именовалась именно *правью*. Проведем ритмо-фонетический анализ.

1. Отец (П), действующий (Р) изначально (А) ведением (В) естества (Е).
2. Отец (П), рождающий (Р) великое (А) ведение (В) естества (Е).
3. Покрытие (П) действием (Р) великое (А), ведение (В) естественное (Е).

Иными словами, понятие *правь* — отцовское, небесное действие, связанное с ведением (интуитивным, присутствующим человеку знанием небесных и космических законов) естественного (божественного) хода вещей. Кроме того, *правь* — самостоятельная сила, выступающая как персонафикация этих законов.

Однокоренные *яви* слова *явление, явный, явить, явиться, заявка, заявление* имеют оттенок появления или привнесения чего-то нового. Разберем фонетический состав. Явь = (йаве): оплодотворяющий (Й, А), энергетический, проявленный импульс (Я), ведающий (В) естество (Е). Это сильное, проявленное, осознанное ведение природы и «я *ведаю*» — самосознание личности.

В понятии *навь (наве)* (НА) выступает как приставка, следовательно, для ритмо-фонетического разбора берем «земное» значение (Н). *Наве* — накрытие (Н) изначально (А) ведения (В) естества (Е). Таким образом, *навь* — это то, что не дает человеку следовать небесным законам. Она составляет бинарную оппозицию с *явью*. Ближайшим аналогом *нави*, пожалуй, является древнеиндийское мировоззренческое понятие о богине Майе, закрывающей свет истины от людей.

Из остальных основных мировоззренческих и нравственных категорий русской мифологической системы

следует обозначить еще понятие *кривды* (отметим, что так называло себя славянское племя кривичей): направление (К) действия (Р) единения (И), ведение (В) дара (Д) изначального (А). Кривда — это сила, направленная и единая, сила, ориентирующаяся на дар божий. Теперь считается, что кривда — *ложь*. В чем-то это так. Древние считали, что только боги живут по *прави*, а люди должны быть сильны и жить, ориентируясь на указания неба, которые не всегда могли быть правильно поняты, т. е. по *кривде*. Кроме всего прочего, слово *кривда* содержит в себе оттенок значения «следовать направлению к единству рода и семьи», что не всегда происходит по небесным законам. Данное понятие, по нашему мнению, связано со следованием групповым, семейным и родовым интересам. Указание на дар (фонетический знак (Д) в конце слова) может означать основное, наиболее значимое для людей, имущество — землю и жилище, ради обладания которыми иногда приходится пренебречь небесными законами *прави*. Характерно, что сочетание (КР) имеет силовой, жизненный характер и несет в себе указание на известную благодать. Данное фонетическое сочетание присутствует в таких важных мировоззренческих понятиях как: *кровь*, *красный* (*прекрасный*), бог *Кришна*, *красивый*, *круг*, *крепость* и т. д.

Судьба, рок, доля, недоля, лихо

Категория судьбы в нашей трактовке близка понятию *суд* (см. главу 3): соединение (С) с духовным (У) даром (Д), берегущая (Б) изначальное (А). *Судьба* — воздаяние в этой конкретной жизни. Она есть результат конкретных действий человека — своеобразный *суд* над ним в этой жизни. Ее можно изменить сейчас. Существуют сказки об «отмывании» и «приручении» злой *судьбы*.

Рок — это действие, рождение (Р) всеобщего (О) направления (К). Иными словами, *рок* определяет судьбы космоса и всего сущего, его закон не ведом никому. Приведем пословицу: «Пути Господни неисповедимы», — это о *роке*. Он является космическим законом для всех. *Рокот* — голос неба (гром), голос верховного бога, у индоарийцев, как правило, громовника.

Доля представляет собой счастливую, *недоля* — несчастную судьбу. Обратимся к ритмо-фонетике. *Доля* — дар (Д) всеобщего (О) луча (Л) Я (персоне). *Недоля* — отсутствие дара, накрывание (Н) естества (Е) дара (Д) всеобщего (О) луча (Л) для Я. *Доля* и *недоля* достаются человеку при рождении. Учитывая общие индоевропейские корни, можно считать, что они являются кармическим воздаянием за прошлые жизни. Эти понятия вкупе образуют бинарную оппозицию, свойственную индоевропейскому шаманизму (жизнь — смерть, мужчина — женщина, левое — правое, добро — зло и т. д.).

Лихо считается персонификацией *недоли* и представляется в виде одноглазой великанши («Мифы народов мира»³). Когнитивные характеристики слова таковы: луч (архетип) (Л) единого (И), священного (Х), всеобщего, локально охватывающее (О). Чтобы понять эту трактовку, нужно построить схему представлений славян о судьбе. В словарях мы находим следующие определения лиха: «*Лихо* — то же зло»; «помянуть *лихом*» — кого-то вспомнить дурно; «хлебнуть *лиха*» — узнать горе; «узнать, почем фунт *лиха*» — встретиться с трудностями, горем. Рассмотрим однокоренные слова русского языка, семантический анализ которых поможет нам разобраться в первооснове данного понятия. *Лихва* — избыток. *Лихой*, *лиходей* — приносящий беду. *Лихой*, *лихость* — молодецкий, удалой. *Лихорадка* — болезненное состояние. *Лихачество* — чрезмерная удаль в поведении. «*Лиха* (трудна) беда начало» — трудно только начать.

Обратим внимание на странную особенность приведенного ряда значений: с одной стороны, *лихой* (человек) — злодей, с другой, *лихой* — молодецкий, удалый. Для уточнения данного мифологического понятия построим предположительную схему воззрений славян на судьбу. На *лихо*, в отличие от *судьбы* и *доли* (*недоли*), ни в этой, ни в следующих жизнях воздействовать нельзя: оно слепо, одноглазо. Отсюда — *лихость*, бесшабашность, т. е. обладающие этими качествами следуют фатуму. Вспомним знаменитый рассказ М.Ю. Лермонтова «Фаталист», где

³ Далее — МНМ.

офицер стрелялся из револьвера, и хоть возможность погибнуть была очень велика, но он выжил, а буквально через полчаса был зарублен пьяным казаком. Как гласит народная пословица: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет». Отсюда и неумолимость *лиха*, ни отмотить, ни изменить его нельзя. В одной сказке, правда, говорится, что его можно передать другому.

Лихо сродни *року*, только в отличие от него, оно несет негативный характер возмездия и персонифицировано. На отрицательный, хтонический характер *лиха* указывает его одноглазость, а иногда и одноногость. Вообще указание на полную или частичную слепоту свойственно хтоническим богам. У сибирских народов существуют предания об одноногих и одноглазых злых духах, которые держат второй глаз и ногу в загробном мире, т. е. присутствуют в двух мирах. Возможно, представления о таких существах и *лихе* одноглазом имеют общее происхождение.

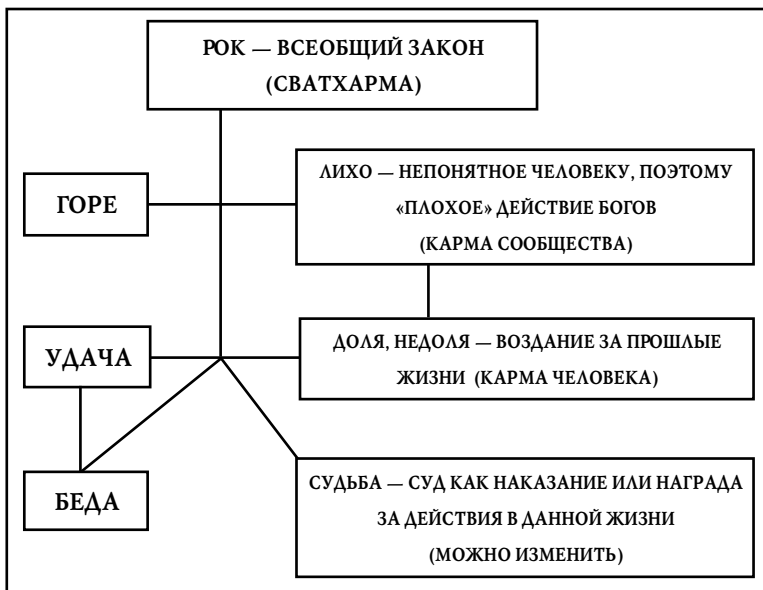
Удача, беда, горе

Удача, согласно ритмо-фонетическому толкованию, есть следующее: духовный (или приносящая) (У) дар (Д) изначальный (А), изменяющий (Ч) первоопределенное (А). Данное определение полностью соответствует общепринятому определению удачи как неожиданной радости.

Беда — берегущая (берущая для себя) (Б) естественный (Е) дар (Д) изначальный (А). Беда противоположна удаче по тому же принципу бинарных оппозиций. Определение соответствует общепринятому смыслу.

Горе — глагол (нечто проявленное) (Г) всеохватывающего (О) действия (Р) над естественным (Е) (в значении смерти и лиха). Возможно воздействие на естественный порядок вещей (тем более всеохватывающий); рассматривалось как зло, тем более, что в данном понятии отсутствует значение божественного дара (фонема (Д), как в словах *удача* и *доля*). Отметим, что римские авторы рассматривали славян и их предков как фаталистов. Подобное понимание близко к действительности, т. к. ряд понятий, связанных с судьбой, в русском языке имеет оттенок неизбежности, фатальности.

Взаимосвязь рассмотренных понятий можно представить схематично.

Земля, змей, зло

Рассмотрим три важнейших понятия славянской традиции, два из которых связаны с негативными проявлениями. Это понятие *зла* и имя главного противника небесных богов и социального порядка на земле — *змея*. Третье понятие, включающее в свою основу тот же определяющий фонетический знак (З), — *земля*. Понятие *земли* для народа является святым, *зла* — связано со всем негативным, поэтому может создаться превратное мнение о роли (З) в словах, относящихся к разнополюсным смысловым категориям.

Для лучшего понимания фонетической окраски данных слов рассмотрим ряд вроде бы несовместимых понятий: *зло, змей, знание, зима, зной, змея, зорить, заяц, за, забота, забыть, забулдыга, зависть, зад, закон, замок, заноза, зараза, зарница, заря, засов, затем, зато, затор, заточить, зачем, звать, звезда, зверь, звено, звон, звук, зги (не зги), здесь, здоровый, зев, зелень, земля, зерно, зеница, зеркало,*

зигзаг, зипун, злак, злато, знак, знакомство, знамя, знать, зов, зоб, зодчий, зола, зона, зонд, зреть, зря, зуб, зубр, зуд, зыбь, зюзя, зябь, зять, завтра, зело.

Здесь приведены практически все разнокоренные слова с фонемой (З) в начале слова из словаря Ожегова.

Разобьем их на группы с разным смысловым содержанием.

1. Слова с явно негативным или злым для человека смыслом: *зло, змей, зима, зной, змея, зорить, забота, забыть, забулдыга, зависть, зад, заноза, зараза, затор, заточить, зги, зря, зуд, зыбь, зюзя (напился в зюзю), зябь (озяб).* Всего 21 слово из 65, практически треть от общего словарного состава.
2. Слова, связанные со знанием и формами знаков, общением: *знание, закон, замок, засов, зато, зачем, звать, звон, звук, здесь, зигзаг, знак, знакомство (от знак), знамя (знак), знать, зов, зодчий, зонд, зреть, зря, затем.* Еще 21 слово, что также составляет треть от общего словарного массива.
3. Слова, связанные с природой, землей и ее обработкой: *зверь, заяц, зубр (животный мир); зелень, земля, зерно, злак, злато, зона.* Это почти одна седьмая от общего количества слов.
4. Части тела человека и его состояние: *здоровый, зев, зеница, зоб, зуб, зрачок.*

Осталось 9 слов, не вошедших в вышеперечисленные группы: *за, зарница, звено, зеркало, зипун, заря, зять, завтра, звезда, зело, зола.*

Среди рассмотренных нет слов, связанных с высокими и небесными понятиями, кроме слов *звезда, заря* и *зарница*. Мало слов, связанных с животным миром, немного связанных с хозяйством человека, орудиями труда и трудовой деятельностью. Те, что связаны с организмом человека (*зев, зоб, зуб*) несколько неблагозвучны. Зато слов, имеющих отрицательный оттенок, почти треть. Еще треть общего словарного состава связана со знанием, в эту же группу отнесем слова-связки, не имеющие точного, бесспорного смыслового значения: *зато, зачем, здесь*. Слова, связанные с землей, — основополагающие в группе слов, начинающихся с данного фонетического знака: *земля, злак, зерно,*

злато, золото. В группе слов, начинающихся с данной фонемы, практически нет глаголов и прилагательных.

По нашему мнению, когнитивное значение фонетического знака (З) связано с земным знанием, полученным человеком самостоятельно, без помощи небесных богов. Поддержку в получении этого знания оказывают земля и хтонические боги. Поэтому понятия, обозначенные словами с этой буквой в корне, в некотором смысле ущербны. Основное негативное понятие — *зло*, начинается с этого фонетического знака, а основной противник небесного — *змея*. *Змея* всегда в *земле*, он ее порождение.

Отметим, что в наиболее разработанных и сохранившихся индоарийских мифологических системах Древней Греции и Индии, Земля, в противовес Небу, порождает чудовищ. С ней связаны злые пищачи и ракшасы в индийской традиции, а в древнегреческой — это гиганты и титаны — основные противники небесных богов. В данном случае имеем ту же характерную для индоевропейцев бинарную оппозицию: *Земля* — Небо. Если Небо рассматривается как источник блага, то *Земля* порождает чудовищ. Она благостна только в союзе с Небом. Не случайно в древнегреческой традиции основных противников небесных богов — гигантов и Тифона, *Земля* (Гея) породила самостоятельно.

Сама *Земля*, не оплодотворенная духом неба, косна и зла. *Земля* становится доброй и рождающей только в сочетании, часто упоминаемом в русском фольклоре: «Мать-сыра земля».

Сырость — влага рассматривалась как проникновение небесного духа, как оплодотворение земли небесной водой — дождем (что понималось как небесное семя). В данном контексте интересен крестьянский обряд, сохранявшийся в ряде российских губерний вплоть до XX в. Перед пахотой крестьянин выходил в поле и совершал с землей ритуальный половой акт, имитируя ее оплодотворение. Изливание мужского семени в землю уподобляло изливание дождевой оплодотворяющей воды, что по законам симпатической магии являлось необходимым условием получения богатого урожая. Считалось, что неоплодотворенная земля мертва и не может родить.

Рассмотрим понятие *Змея* с точки зрения фонетического состава.

1. Знающий (З) материю (М), естественно (Е) несущий принцип силы, энергии, размножение (Й).
2. Земная (З) материальная (бездуховная) (М) естественная (Е) сила ярости и оплодотворения (Й).

Отметим, что *змея* почиталась как символ мудрости практически во всех мировых мировоззренческих традициях. В Древнем Египте она символизировала мысль, и ее изображение помещалось на лоб фараона, в Древней Индии почитались мудрые змеи Наги, в русских и болгарских сказках *змея* за спасение своего детеныша наделяет героя волшебными предметами, даже в былине «Михайло Потык» белая *змея* по принуждению героя оживляет его жену, принеся живую воду. Поэтому не должно удивлять то обстоятельство, что слово *змея* связано с понятием знания. Кроме того, мы определили, что *змея* — носитель силы и яри земли, ее косности и тайных знаний, он — персонифицированная антитеза Небу.

Указание на сексуальный характер *Змея* имеет под собой весьма серьезные основания. Отметим, что практически во всех русских сказках и былинах о *Змее* Горыныче он крадет женщин и уводит их к себе. Данный вопрос — тема отдельного исследования, напомним только о былине «Вольга», где именно *змея* оплодотворил мать героя, и цикле былин о Добрыне и *змее*, где он украл племянницу князя Владимира, Забаву Путятичну. Академик Б.А. Рыбаков в книге «Язычество Древней Руси» приводит материалы о том, что змееобразному Яше-Ящеру бросали в жертву девушек. В последующих главах, посвященных ипостасям Велеса, мы подробнее остановимся на этом вопросе.

Обратимся к ритмо-фонетической модели понятия *зла*.

1. Знание (З) архетипа (Λ) (луча) всеохватывающего, отделяющего от всего сущего (О).
2. Земной (З) архетип (Λ) всеохватывающий (всепожирающий) (О).

Приведенные трактовки показывают, что самым страшным для человека было отлучение как от богов, так и от своего рода и племени. Оба варианта свидетельствуют о

принадлежности этой категории к земному, косному миру смерти, потому что сам факт отделения от всего, кроме земного архетипа, лишает человеческую душу связи с небесными богами и Космосом.

Не случайно самой страшной карой в Древней Греции был остракизм — высылка из родного полиса. Даже в Средневековье отлучение от церкви было страшнее, чем смертная казнь. Охватывание кого-то земным архетипом, и только им, воспринималось как прерывание связи человека с источниками его духовной силы. Он лишался защиты и благодати небесных богов, и в результате изгонялся из родного племени как носитель несчастья и проклятья. Ритуалы изгнания несчастливых, лишенных небесной поддержки правителей, а иногда и их умерщвление, подробно описаны в хрестоматийной работе Фрезера «Золотая ветвь». Отметим еще, что в римской и этрусской традициях человек, достигший 70 лет, считался лишенным небесного покровительства и воспринимался своим окружением практически как мертвец. Подробнее об этом можно прочитать в нашей работе «Этруски: мифология и религия»⁴.

Кроме того, *зло* потому *зло*, что знание, в отличие от ведения, само по себе не полно, эгоистично, богоборочно. Кроме того, земной архетип — это архетип хтонический, хаотический и мертвящий. Он удаляет от Бога и лишает защиты Неба.

⁴ Наговицын А.Е. Этруски: мифология и религия. М.: Рефл-бук, 2000.

ГЛАВА 2

ЦВЕТОВОСПРИЯТИЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СЛАВЯН

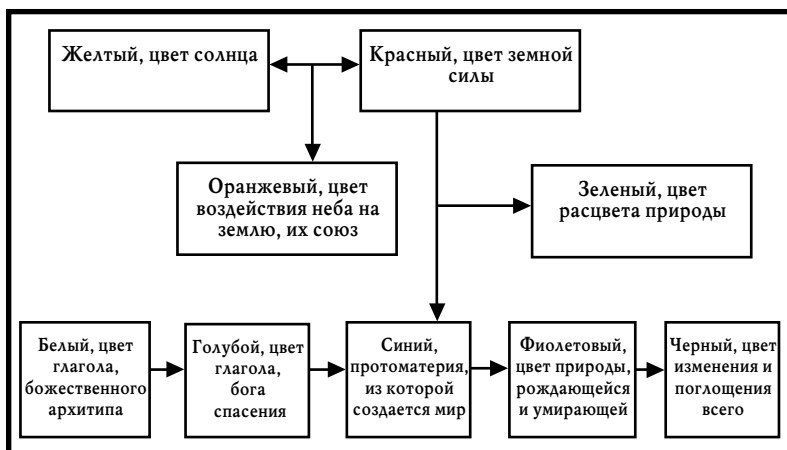
В славянской мифологии мы часто сталкиваемся с указаниями на тот или иной цвет: *Белобог, Чернобог, сине-желтый* цветок иван-да-марья, *алый* храм *Свентовита* и т. д.

Охарактеризуем на основе ритмо-фонетического метода значения основных цветов радуги, добавив белый и черный.

Цвет	Характеристика
Бело	Берегущий (Б) естество (Е) луча (Λ) (архетипа) всеобщего (О). Это цвет Бога, все сберегающего, содержащий архетип, т. е. все спектры света
Черно	Изменяющий (Ч) естество (Е) действием (Р), покрывающий (Н) пространство (О). Все изменяющий, иногда уничтожающий, цвет
Красно	1. Направляющий (К) действие (Р) великого (А) союза (С), с небесным (НО). 2. Вектор (сила) (КР) изначальной (А) связи (С) накрывающего (Н) пространство (О). Цвет связи людей с богами, цвет крови, которая при обрядах часто использовалась для такой связи. Цвет силы и ярости, цвет земной силы, связывающей пространство
Оранжево	Всеохватывающее (О) действие (Р) великого (А) неба (Н) жизнь (Ж) естественное (Е) ведающее (В) всеобщую (О). Цвет оживляющего солнца, солнца, рождающегося на восходе, цвет связи неба и земли, воздействия неба на землю
Желто	Жизнь (Ж) естества (Е), архетип (луч) (Λ) тверди (Т) всеобъемлющей (О). Цвет жизни, охватывающий косную материю, символ солнца, символ небесного царства (тверди всеобъемлющей) и огня
Зелено	Знание (З) естества (Е) архетипа (луча) (Λ), естеством (Е) накрывающее (Н) пространство (О). Цвет связи с плодородной живительной землей, цвет знания, цвет естества, природы и ее растительного мира

Голубо	Глагол (Г) всеобщего (О) луча (Λ), дух (У) берегущий (Б) пространство (О). Цвет оформленного в знание голоса Бога, сберегающего людей и Землю. Глагол бога, слова бога, цвет бережения и спасения
Сине	Соединение (С) единого (И) накрытия (Н) естества (Е). Цвет моря, все поглощающей и порождающей материи, цвет другого враждебного жизни мира
Фиолетово	Природное (Ф) единство (И), всеохватывающий (О) луч (Λ) естества (Е), твердь (форма) (Т) всеобщая (О), ведение (В) всеобщее (О). Цвет всей живой природы во всех проявлениях, цвет материи как матери. Один из главных цветов, включает все не небесное. Стремится перейти в черный. Цвета синий, фиолетовый, черный — сгущение материального

В результате можно выстроить ряд: белый (божий, духовный) > голубой (дух облекается в материю — глагол) > синий (цвет моря, колыбели жизни > но уже опасен духу) > фиолетовый (природа и материя > во всех проявлениях, включая косную материю) > черный (все уничтожающий цвет, цвет преисподней как антитезы неба). Вектор взаимодействия в цветовом спектре выглядит следующим образом.

БОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ ПАНТЕОНА

Род и Рожаницы

По мнению ряда специалистов, *Род* есть Сущий, Единый, прародитель богов и творец мира, однако другие исследователи категорически отрицают его существование в славянской традиции. В общепринятой научной трактовке, согласно МНМ, *Род* означает собрание потомков и следует за главными богами.

Рассмотрим, что именно известно об этом боге из источников. В поучениях против язычества «О вдохновении святого духа», «Слове об Идолах», «Слове Исаяи пророка», рукописи Четьи Минеи из древнерусского духовника приводится такое упоминание о нем: «Вседержитель, иже единъ бесмертенъ и непогибающихъ творецъ, дуну бо человеку на лице духъ жизни, и бысть человекъ въ душу живу: то ти не *Родъ*, сея на вздусе, мечеть на землю груды — и въ томъ ражаются дети...». Иными словами, речь идет о творце мира, зачинателе жизни и создателе души.

По сообщению о славянах Гельмольда (1125–1177), немецкого священника, миссионера из Гольштейна, «среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога, господствующего над ними в небесах, признают, что он всемогущий, заботится лишь о делах небесных, другие боги повинуются ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что они от крови его происходят, и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому богу богов»⁵.

Следует отметить, что у западных славян подобным богом был бог *Свентовит*, имя которого может быть одним

⁵ Гельмольд. Славянская хроника. I, 83. М., 1963.

из имен Рода или его ипостасей. В некоторых источниках *Род* сопоставлен с Аполлоном-Атремидом (Артемидом): «Артеми, юже нарицають Родъ»⁶. Это свидетельствует о том, что *Род* соотносился с природой и ее всепорождающей функцией, что расширяет его значение как дарителя жизни людям до всеобщего создателя жизни и вселенского демиурга, ответственного за вселенские циклы жизни — смерти.

По И.И. Срезневскому, имя бога *Рода* противопоставляется христианскому Богу, т. е. приравнивается к Сатане⁷. Приведем цитату: «То, иже служат Богу и волю его творят, а не *Роду*, не *Роженцам*, кумиром суетным, а вы поете песнь бесовскую *Роду* и *Роженцам*» (Сбор. Троиц, XVI).

Приступая к ритмо-фонетическому моделированию имени *Рода*, следует иметь в виду, что возможен ряд вариантов, т. к. каждая буква имеет несколько родственных образных значений, в зависимости от сферы применения слова.

1. (Р) — действие (О) всеобщего (Δ) дара.
2. (Р) — рождающий, (О) всеохватывающий (Δ) дар.
3. (Р) — рождающий (О) пространственное (Δ) добро.
4. (Р) — действие (О) пространственного (Δ) добра.
5. (Р) — рождением (О) охватывающий (Δ) дом.

Таким образом, функции бога *Рода* следующие: он отвечает за рождение, продолжение рода (5). Он рождает и направляет действие своего дара, выступает демиургом, отцом добра, но отстранен от конкретных дел (1). *Род* рождает и дарит, на этом его функции заканчиваются. Можно видеть, что в нашем случае значение бога *Рода* более «приподнято». Он близок древнеиндийскому Брахме и где-то даже выше его в смысле только даров добра.

В славянской мифологической системе *Роду* сопутствуют богини *Рожицы*. Согласно МНМ, они связаны с идеей продолжения рода и судьбой новорожденного, которому они эту судьбу определяют.

⁶ Мучение св. Трифона изъ февральской Миней четїи по списку XV века. Моск. дух. Акад. N 584.

⁷ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989.

Рассмотрим, что известно об этих богинях из источников. В «Вопросах Кирика»⁸ упоминается: «Аже се *Роду* и *Рожанице* крають хлеба и сыры и мед...». В «Слове святого Григорья изобретено в тольцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят» говорится: «...проклятого же Осирита рождение. Мати бо его ражаючи оказися и того створиша богом и требы ему силны творяху, окньнии... И от тех избыкоша древне халдеи и начаша требы им творити великия — роду и рожаницам пороженью проклятого бога Осира <...> Тако и до словен доиде се же слова, и ти начали трапезу ставити *Роду* и *Рожаницам* переже *Перуна* бога их»⁹. С *Рожаницами* часто связывают богинь *Ляду* и *Лелю*. По своим функциям названные богини определенно связаны с рожаницами, или являются развитием и персонификацией в народном представлении их образов, гораздо более архаичных.

Эти богини, судя по источникам и этимологии самого имени, связаны с рождением и судьбой. На наш взгляд, *Рожаницы*, часто изображенные на народных вышивках и иных предметах совместно с богиней *Макошью*, составляют триаду индоевропейских богинь — жизни, смерти и судьбы, аналогичных древнеримским паркам, древнегреческим мойрам, германским норнам и т. д. Примечательно, что все они имеют хтонический характер.

На связь *Рожаниц* с судьбой указывает то, что они стригут у новорожденного «первые волосы», которые в народном представлении до сих пор являются сильнейшим средством над жизнью и смертью человека. Сохранение этих волос матерью может повлиять на счастливую судьбу человека, как и их магическое уничтожение на призывание его смерти. Были приняты и соответствующие обряды: «с робять первыя волосы стригуть и бабы каши варять на собрание рожаницамъ»¹⁰.

⁸ Сведения о Кирике, предлагавшем вопросы Нифонту, епископу Новгородскому. Тр. и летописи Об-ва истории и древностей российских. М., 1828. Ч. 4. Кн. 1.

⁹ Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. С. 528–530.

¹⁰ Комарович В. А. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Тр. Отдела древнерусской литературы. Т. 16. М.–Л., 1960.

В источниках сохранились упоминания о почитании рожаниц. Например, в «Книге нарицаемая изборникъ и о многъ оць тълкованы» сообщается: «А овце вернии людъи, иже работаютъ Богу, а не рожаницамъ»¹¹. Упоминания о них имеются в Захарьинском псковском паремийном сборнике (1271)¹² и др.

Рассмотрим слово *Рожаница* с точки зрения ритмофонетики:

1. Действие (Р) всеобщей (О) жизни (Ж), важное изначальное (А) небесное (Н) единство (И), целостность (Ц) изначальная (А).
2. Рождение (Р) всеохватывающей (О) жизни (Ж), изначальное (А) защищает (Н) единое (И) целое (Ц), изначальное (А).

Следовательно, можем сделать вывод, что *Рожаницы*, в отличие от *Рода*, отвечают конкретно за жизнь и действие, неиссякание жизни на земле, а также за единство и целостность неба и земли. Их функции имеют оттенок функции судьбы, т. е. принуждения к охраняемой целостности. Судя по всему, *Род* явился просто мужской заменой богиням *Рожаницам*. Произошло это во время перехода от общинного строя к ранней государственности. Подобный процесс замены женских демиургов на мужских характерен для любой мифологической системы¹³. При этом почитание богинь сохранялось на бытовом уровне со снижением их вселенского значения. Поэтому в трактовке МНМ *Рожаницы* представлены как мелкие природные духи-защитницы, вроде фей, интересующиеся более всего детьми.

Стрибог и Дажьбог

Важнейший персонаж славянской мифологии — *Стрибог* (*Стрибо*, *Стриба*). Это бог-отец, стрый, т. е. старый бог. Именно в этом качестве он фигурирует в МНМ. В данном случае слово «старый» указывает на первичность его

¹¹ Цитируется по: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. М.: Индрик, 1994.

¹² РПО ГПБ. Оп. 1, 13.

¹³ Наговицын А.Е. Трансформация гендерных ролей в мифологических системах. М.: Флинта, 2005.

относительно молодых и, следовательно, более деятельных, богов, а также на хтоничность персонажа, определенную связь его с Нижним миром, поскольку старики, находящиеся «одной ногой в могиле», по мнению традиции, такую связь имеют. Его день — суббота (не случайно, что именно суббота считается родительским днем, а также днем связи и поминания потомками умерших предков).

В «Слове о полку Игореве» читаем: «Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрья полкы Игоревы»¹⁴. В русских летописях, в пересказах Стрыйковского, «Слове Иоанна Златоуста» говорится об этом божестве как о покровителе неба, воздуха и ветра. В связи с этим уместно вспомнить, что во многих мировых мифологиях ветры переносят вести и волю богов. Почему бы им ни переносить волю *Стрибога*, причем гневную волю? Ведь поход князя Игоря неудачен и направлен на нарушение порядка и единства как в русской земле, так и в степи, а высокий смысл древнего «Слова...» заключается в призыве к единству русских князей и русской земли. Отметим, что гнев богов и природы здесь — не просто пророчество несчастья, а недовольство высших сил действиями князя, который, видимо, преступил некие божественные законы. В этом случае *Стрибог* выступает в качестве древнего бога — хранителя законов и правил. В родовом обществе такими хранителями были именно старики, а он — старый бог.

Кроме того, этимологически *Стрибог* связан с древним божественным царем Сатре у этрусков и с хтоническим Сатурном греков, которые владели молнией и следили за выполнением законов. Это еще раз подтверждает возможность наличия подобных функций у *Стрибога* и неслучайность молний, метаемых ветрами от моря на войско Игоря, нарушившего шаткое равновесие на Руси (впрочем, к разговору о стрибожьих потомках мы еще вернемся).

О значимости этого бога упоминал В.Н. Татищев в «Истории Российской», называя в примечаниях (со ссылкой на Стрыйковского и изъятия из «рускаго древняго летописца») важнейших древнерусских богов: «1) Перун, грома бог, ему же неугасаемая жертва от дров дубовых,

¹⁴ Здесь и далее: СопИ.

яко у грек и римлян Юпитеру содержана, 2) Стрибо, 3) Мокос, скотов, 4) Хорс, 5) Дидо, богиня брака и любви, 6) ея сын Ладо, или Лело, равный Купиде, 7) Тор, 8) Купала и пр.»¹⁵.

Г.А. Глинка считал, что «*Стрибог* — божество, наказывающее беззаконников в преисподней, и бич злодеяний в сем мире. Он так же истребитель всего видимого, подобно индийскому Сибе (Шиве, бывшему Рудре), или разрушителю... Его мести предавались заслужившие проклятие»¹⁶.

Академик Б.А. Рыбаков высказал идею, что *Стрибог* есть не столько собственное имя, сколько эпитет, определение Единого, верховного божества как отца вселенной: «*Стрибог* («бог-отец»), <Ладъ» Род («рождающий») — эти слова могли означать одно патриархальное мужское божество, пришедшее на смену архаичным представлениям о Небесных Владычицах»¹⁷.

Полагаем, что *Стрибог* со временем превратился в подземного демона Вия (персонажа одноименной повести Н.В. Гоголя), убивающего взглядом богатырей и имеющего железные веки, который позднее (XVI в.) стал изображаться в виде одной головы с большими ушами. Символизм подобного изображения свидетельствует о принадлежности к хтоническому царству¹⁸, равно как и наличие больших ушей, которые указывают на преимущественное значение слуха, стало быть, на некие проблемы зрения, свойственные хтоническим персонажам. В православии место Вия занимает св. Касьян, который, по народным представлениям, также способен убивать взглядом.

Стрибог, возможно, связан с лунным культом, поскольку часто упоминается в паре с *Дажьбогом*, тесно связанным с солярной сферой: «...кумирьскую жертву ядять... верують *Стрибога*, *Дажьбога* и *Переплута*, иже вертячеса ему пють в розех»¹⁹. По принципу бинарных оппозиций это вполне допустимо. Такая связь древнего бога с лунным — женским — культом и женской магией

¹⁵ Татищев В.Н. История Российская. М. — А., 1972. Ч. 2. Гл. 6.

¹⁶ Глинка Г.А. Религия древних славян. М.: Воениздат, 2003.

¹⁷ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Ч. 3. Гл. 7.

¹⁸ Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993.

¹⁹ Лет. рус. лит. Т. IV. С. 99, 108–109.

объясняет «его старость» и известную вторичность, т. к. при вытеснении женских божеств в пантеонах мужскими первые нередко теряли свое значение. Кроме того, связь с Луной означает ответственность за приливы и отливы (и ветры его дуют с моря). Уместно вспомнить, что в разных мифологиях обыгрывается миф борьбы черных сил, пытающихся похитить солнце и луну, в основном луну, и бога Луны и Солнца. Этим объяснялись ущерб луны, новолуние, затмения и т. д. Логично предположить, что бог порядка и целостности борется с этими темными силами, защищая луну и небо. Ветры разгоняют тучи, очищают небо, т. е. тоже участвуют в борьбе, особенно с учетом наличия у них стрел — молний, копий.

А теперь рассмотрим имя данного бога с точки зрения ритмо-фонетики. Слово Бог имеет отдельное важное значение и входит в большое количество имен, поэтому следует обратиться к корню «стри». Отметим, что фонетическое сочетание (СТ) — символ не только устойчивости, стабильности, но и косности, где (С) — соединение, а (Т) — твердь, форма. Таким образом, (Стри) означает:

1. Твердое, устойчивое, стабильное (СТ), действие (Р) единства (И).
2. Утверждение (СТР) закона единства (И).
3. Устойчивость (СТ), рождающая (Р) единое (И).

Из этого можно предположить, что *Стрибог* рождает и объединяет устойчивые, нерушимые связи и отношения между богами и людьми, небом и землей, но уничтожает все, нарушающее этот порядок. Наша трактовка указывает на *Стрибога* как отца мира и установителя его законов. Он сам олицетворяет силы природы с их неумолимостью возмездия нарушителям мировой гармонии. Подобная трактовка способна объяснить разночтения в толковании функций этого бога.

Обратившись к образу *Дажьбога*, начнем с построения ритмо-фонетической структуры его имени, точнее его корневой основы. При этом следует оговорить, что мягкий знак (ерь) произносился в древнерусском языке как (е), т. е. речь идет о *Даже*:

1. Дарование (Д) великой (А) жизни (Ж) естеству (Е).
2. Дом (Д) изначальной (А) жизни (Ж) естества (Е).

Вспомним, кто или что абсолютно во всех мировых космогониях дарует жизнь естеству земли? Разумеется, Солнце. Именно оно является домом и дарителем этой жизни. Кстати, как уже упоминалось, с солнцем *Дажьбог* и связывается. По МНМ, характеристика его такова: «Связанный с Солнцем, возможно, бог ясного неба, предполагается, что имя образовано от глагола “дать” и бог: в таком случае воплощает первый член мифологического противопоставления “доля — недоля”». В СопИ русские названы дажьбожьими внуками, что очень важно. Многие народы (египтяне, инки) возводили свою родословную от бога Солнца. Даже у скифов — земледельцев, родственных, по мнению Б.А. Рыбакова, со славянами, первопродок Колоксай — царь Солнца. Кстати, и мифологизированный князь Владимир в русских былинах именуется не иначе, как Владимир Красное Солнышко.

В отличие от *Рожаниц*, которые создают саму жизнь и ее действие, *Дажьбог* конкретно дарит ее естеству. Если *Рожаницы* всеобща для мира, то *Дажьбожьи* внуки — русские. Он непосредственно заботится о них и об их хозяйстве. *Дажьбог* более конкретен и не отстранен от мира, как *Род* и *Рожаницы*.

Велес (Волос)

Сфера полномочий бога *Велеса (Волоса)*, важнейшего представителя славянского пантеона, в результате выделения побуквенного значения его имени может быть представлена следующим образом.

1. Ведающий (В) естеством (Е) архетипа (луча) (Λ) естественно (Е) соединяет (С).
2. Ведающий (В) естеством (Е) проникновения (Λ), естественное (Е) соединение (с ним?) (С).
3. Ведающий (В) естеством (Е) закона (Λ), естественно (Е) связывающий (С).
4. Ведение (В) всеобщего (О) архетипа (закона) (Λ), всеобщее (О) соединение (С).

Отсюда следует, что, во-первых, *Велес* ведает всеобщим, естественным законом и охраняет его. Он соединяет своих почитателей естественным образом, по естеству, т. е. от-

деляет «овец от козлищ» и объединяет своих по архетипическому признаку, т. е. это племенной бог. Более того, он хранитель мудрости, поскольку знает естество своих подопечных.

Имя его созвучно слову *волхв*, означающему *ведущий, знающий*. Одно из значений говорит о возможности проникновения данного бога куда бы то ни было. Дело в том, что буква «Л» в образном понимании дает значение архетипа, прототипа и луча. Образное понимание луча (а иначе понять стиль мышления древних народов невозможно) строится как нечто всепроникающее. Не случайно к волосам (однокоренное слово с именем бога *Волоса/Велеса*) относились с осторожностью и почтением. Бритье бород Петром I вызывало бунты на Руси; женщины в церкви обязаны покрывать свои волосы как атрибут магической силы.

Согласно точке зрения МНМ, *Велес* — это «скотий бог», покровитель домашних животных, богатства, он соотносится с золотом. Имеется переплетение с культом медведя как хозяина животных. Боян в СоПИ назван «*Велесовым* внуком», что может отражать древнюю связь культа Велеса с обрядовыми песнями и поэзией. Это вполне логично, т. к., по нашему анализу, *Велес* ведает естество закона, т. е. отвечает за колдовство, обряд, мистическую сторону жизни. По МНМ, *Велес* связан также с сельскохозяйственным культом, после сбора урожая ему оставляют колосья «на бородку». Предполагают, что в исходном праславянском мире *Велес* был противником *Перуна*.

Рассмотрим, что общего в нашей трактовке с трактовкой МНМ. Во-первых, Велес не создает закон, а ведает его. Он соединяет людей по родовому признаку. Зная законы и тайны, он может как помогать (функция защиты скота, посевов, богатства), так и уничтожать. В МНМ сказано, что он иногда понимается как лютый зверь, черт и т. д., что говорит о его неблагоприятных для человека чертах. Отметим, что если *Велес* несет функцию судьи — «ведущего законы», то он не для всех и не всегда благоприятен. Функция его проникновения повсюду логично может связываться с тем, что он считается хранителем кладов. По реконструированному индоевропейскому мифу, *Велес*

крадет жену (или корову) Перуна и является его противником. Всепроницаемость этого бога в нашей расшифровке указывает на его потенциальную способность к похищению чего-либо. Более того, *Велес* естественно соединяет, возможно, не только род подопечных людей тотемом, которым он является, скорее всего, в образе медведя. Он отвечает за богатства и клады, которые, возможно, и собирает сам, пользуясь своим всепроникновением. Он не может иначе: подобное к подобному. Если есть в земле золото, то он должен к нему добавить еще золото; тот, кто богат скотом, обязательно даст еще и т. д.

Перун

Рассмотрим имя одного из верховных богов славянского пантеона — *Перуна*.

1. Отец (П) естественного (Е) действия (Р), дух (У) неба (Н).
2. Отец (П) естества (Е), действие (Р) духа (У) неба (Н).
3. Отец (П) естество (Е) рождающий (Р), духом (У) накрывающий (Н).
4. Отец (П) естества (Е), рождающий (Р) дух (У) неба (Н).
5. Покрывающий (П) естество (Е) действием (Р) дух (У) неба (Н).
6. Покрывающий (П) естество (Е), действие (Р) духа (У) накрытия (Н).

Из этих трактовок имени бога можно сделать несколько выводов. *Перун* — отец, покровитель естества, родил проявленный мир, покрывает (воздействует на этот мир) естество действием, т. е. он породил, но может и уничтожить, он карает и судит виновных в нарушении небесных законов. *Перун* рождает дух неба, действует духом неба, накрывает и карает им. В некотором приближении можно сказать, что он сам является духом неба.

Мы полагаем, что духом неба почитался небесный огонь, молния. *Перун* — карающий бог, строгий отец, он покровительствует, т. е. охраняет, но не помогает. Камни *Перуна* являются орудием высекаания молний. Выбор *Перуна* как покровителя воинов также вполне правомочен.

Как уже говорилось, *Перун* занимается естеством, т. е. людьми, их жизнью, природой, всем проявленным миром, имеет судебные и карательные функции. Князь и его дружина по своим функциям во многом совпадали с *Перуном*, поэтому по закону аналогии, *Перун* являлся покровителем верховной власти.

Сварог

Проанализируем имя еще одного бога славянского пантеона — *Сварога*, начав с рассмотрения однокоренных с ним слов. *Сварга* в Древней Индии обозначало небо, дом верховного бога Индры, место, где души праведников собираются до новой инкарнации. На (СВА), (СВАР) начинается целый ряд слов русского языка: *свадьба, свастика, сват, сватать, сваха*. Слово *свастика* обозначает символ солнца и его движение, остальные слова связаны со свадьбой, т. е. соединением людей, причем соединением, санкционированным высшими силами.

Теперь обратимся к самому имени *Сварог*. В МНМ говорится, что *Сварог* и *Сварожич* — синонимы, с чем трудно согласиться. Смысл имени *Сварожич* говорит либо о принадлежности его носителя к роду *Сварога*, либо указывает на него как ближайшего потомка. Если остановиться на понятии *Сварога* как неба, то *Сварожич* означает *небесный*. По МНМ, *Сварожич* связан с Гефестом. *Сварога* соединяли с *Дажьбогом*, по этой версии, *Дажьбог* сын *Сварога*. У балтийских славян *Сварожич* (иначе *Радгост*) почитался, как один из главных богов. Атрибуты — конь и копыя. И, видимо, в виде огромного вепря, вышедшего из моря. Связывают со *Сварогом* огненного духа *Рарога* (*Страха, Раха*). Его культ связан и с трупосожжением.

Перейдем к расшифровке имени *Сварог*:

1. Соединение (С) ведения (В) великого (изначального) (А) действия (Р), всеобщий (О) (всеохватывающий) глагол (Г).
2. Соединение (С) ведения (В) великого (А), действие (Р) всеобщего (О) глагола (Г).
3. С ведением (В) изначальным (А) действует (Р) всеобщим (О) глаголом (Г).

4. Ведением (В) изначального (А) рождения (Р) всеобщего (О) глагола (Г).
5. Соединяет (С), ведает (В) изначальное (А) рождение (действие) (Р) всеохватывающего (О) глагола (Г).
6. Соединяет (С) ведением (В) изначального (А), действует (Р) всеобщим (О) глаголом (Г) (законом).

Из этого следует, что *Сварог*, во-первых, не изначальный демиург. Он не создает мир, а организует этот мир посредством слова (глагола), соединяет ведением небесных законов (дает людям закон Неба). В отличие от Велеса, который соединяет людей по родовому признаку, *Сварог* объединяет словом, всеобщим законом Неба и Космоса, который и несет земле. В этом смысле он близок древнегреческому Гермесу — вестнику богов. Отметим важное обстоятельство. *Сварог* связан с понятием неба и, как мы определили, передает на Землю космические законы, а читать по небесным знамениям указания высших богов могли только специально подготовленные жрецы. Такая практика существовала практически у всех древних народов. *Сварог* скорее объединитель, но не племен и народа, как *Стрибог*, он соединяет знанием тех, кто это знание имеет или хочет получать. Через посредничество жрецов, передающих людям волю Неба, происходит объединение народов и племен. Можем допустить, что *Сварог* — бог жречества. Он связывает жрецов небесным законом, дает прорицания и предсказания, и потому является одним из важнейших богов пантеона. Кроме того, объединительная функция *Сварога* со жрецами и сообществом людей видна в семантической связи его имени со словами, связанными со свадьбой. *Свадьба* — важнейший жреческий обряд, и она не возможна без божественного, небесного благословения. Отметим, что на ранних стадиях развития общества семья понималась гораздо шире, чем теперь. Практически все племя или родовая община связывались родственными узами. Следовательно, *Сварог*, помимо остальных своих функций, нес покровительство родовой общине или их союзу, т. к. невест обычно брали из соседнего племени или общины, что способствовало их объединению. Связь *Сварога* со жреческой кастой в

этом случае только подтверждается, т. к. подобными общинами управляли люди, совмещающие и светскую, и религиозную власть, своего рода цари-жрецы, подобные этрусским лукумонам. Подробно о сакрализации царской власти говорится в широко известном труде Фрезера «Золотая ветвь».

Ярило

Рассматривая имя еще одного важнейшего славянского бога — *Ярилы*. Обратим внимание на то, что слова с корнем (ЯР) семантически связаны с представлением о весеннем плодородии: *яровой*, *ярый* — весенний, посеянный весной, *ярь* — весна (кур.); о хлебе: *яровой* хлеб, ярена — ячмень, овес; *ярь*, *ярица* и др.; животные — бычок-*яровик*, овца-*ярка*. Сравним со значением слов *ярый*, *яростный* — сердитый, горячий, огненный. Слово *яркий*, также близкое к имени *Ярило*, указывает на его функцию носителя света.

По поводу принадлежности бога *Ярилы* к весне и восходам сомнений в литературе не возникает. Автор также придерживается общего мнения. Однако на связь этого бога с Солнцем стоит обратить особое внимание. Сам *Ярило* не может быть Солнцем хотя бы потому, что в основном связывается с весенним цветением и буйством природы. Скорее всего, он воплощает оплодотворяющую силу Солнца, своего рода Небесный огонь. В этом случае становятся понятными некоторые сохранившиеся в Белоруссии особенности культа этого небожителя. По описанию ряда исследователей, персонаж, изображающий *Ярилу*, предстает то в мужском, то в женском облике (в русских сказках само солнце также принимает то мужской, то женский образ). Одним из атрибутов *Ярилы* является живая ветвь, что указывает на его плодородную сущность, а другим — мертвая голова. Мертвая голова может указывать на то, что ярая сила Солнца, выражением которой и является *Ярило*, может убивать и выжигать поля во время засухи. На то же обстоятельство указывает еще одно слово, семантически близкое к имени данного бога, — *яръсть*, т. е. необузданность, гневливость.

Перейдем теперь к подробному рассмотрению имени этого бога. Ярило = (ЙА) РИЛО. (Я = Й+А).

1. Жизненный, оплодотворяющий импульс (Й), изначально (А) рождающий, (действующий) (Р), объединяет, связывает (И) архетипы (Л) пространства (О).
2. Жизненный импульс (Й), оплодотворяющий изначально (АР) всеобщим лучом (ИЛ) Землю (пространство) (О).

В целом вышеперечисленные функции *Ярилы* подтверждаются структурой его имени. *Ярило* связан в первую очередь с *Дажьбогом*, как с солнцем, его силой и огнем. Подобное соотношение может говорить за то, что *Ярило* — сын *Дажьбога*. Само название арийцев, ариев, может быть, звучало первоначально как *яриши*, т. е. *ярие*, сильные, светлые. В СопИ русские называются Дажьбожьими внуками — возможно, они являются детьми *Ярилы*?

Лада

Имя богини *Лады* понимается как лад, согласие, доброта. Аналитическая модель его с точки зрения ритмо-фонетического метода такова:

1. Луч (Л), архетип великого (А) дара (Д) изначально (А).
2. Луч (Л) изначально (А) добра (Д) великого (А).
3. Любовь (Л) великая (А), дар (Д) великий (А).

Эта богиня по своим функциям вполне подходит в жены *Дажьбогу*. *Лада* — весенняя богиня. *Ярило*, возможно, получает от нее принципы тепла, сезонности, как от *Дажьбога* — огонь, яркость, даже силу огня, которую *Лада* не всегда может сдержать. «Семейные отношения» небожителей автор реконструирует исходя из принципов целесообразности сочетания разных богов. Семья — это союз. В русской, финской и во многих других мифологиях функции мужа и жены схожи (леший — лешачиха, Перун — Перуница и т. д.). В литературно обработанных и развитых мифологиях, например, древнегреческой, сходство функций богов в семье обнаруживается в не всегда заметных плоскостях (как, например, в супружеской паре Зевса и Геры). Однако речь всегда идет о взаимодополнении обоих богов в семейном союзе. Например, в результате брака Зевса, олицетворявшего

силу, и Мнемосины — покровительницы мудрости, была рождена богиня мудрого покровительства и воинской доблести Афина.

Но в архаичные времена, когда всем основным понятиям и сакральным действиям присваивались божественные (магические) имена, эта связь была более очевидной. Дети богов в таких парах продолжали в некоторой новой плоскости функции своих отцов и матерей.

Макошь (Мокошь)

Великая богиня славянского пантеона *Макошь*, как принято считать, была покровительницей земли, посевов, плодородия, защитницей женщин, охранительницей женских рукоделий, например прядения. Академик Б.А. Рыбаков в книге «Язычество Древней Руси» описывает ее образ так: «Все женские работы, связанные с льном, пряжей и ткачеством, находились под покровительством древней богини Макоши. Ко времени этнографических записей ее первоначальные аграрные функции (“Ма-кош” — “мать урожая”) сильно сократились, и она стала на русском Севере по преимуществу покровительницей женских работ, суровой повелительницей прядения. В русской вышивке удалось установить сохранность образа языческой Макоши вплоть до конца XIX в. Это огромная фигура женщины с раскинутыми врозь руками; на весенних праздничных полотенцах она изображена с руками, поднятыми к небу, к источнику тепла и влаги, а на летних — руки склонены к земле, уже выростившей плоды, уже готовящей новый урожай. Народный календарь очень внимателен к Макоши — ей посвящено 12 праздников в году».

То, что существуют две версии этого имени, при ритмофонетической расшифровке особого значения не имеет.

1. Мать (М) великого, всеобщего (О) (изначального (А)), направляющая (К) всеобщее (круговое) (О) перемещение (ШЬ).
2. Мать (М) изначального (А) направления (К), все (О) переносящая (ШЬ).

Итак, *Макошь* — это великая мать, причем мать изначального небесного, кругового направления и перемеще-

ния. Следовательно, она отвечает за движение светил, за смену времен года, за смену дня и ночи. Именно поэтому с ней связаны 12 праздников в году, по одному на каждый месяц. Без нее, по верованиям древних славян, не была бы возможна смена сезонов. Она является богиней времени, богиней судьбы, т. к., отвечая за мировые перемещения, отвечает и за перемещение человека по жизни и в загробный мир (стоит вспомнить древнегреческих Мойр, которые «пряли» судьбу людей).

Автор считает, что повышенный интерес Макоши к прядению льна связан с судьбоносной функцией богини. Отметим, что Б.А. Рыбаков также указывает на значение корня (КОШ), (КОЩ) как на понятие жребия, судьбы. Фонетическое сочетание «ма» специально переводить не надо — это сокращение от слова «мать». Функцию «матери урожая» *Макошь* тоже выполняет, поскольку смена времен года и их качественные характеристики находятся в ее божественных руках. В ее изображениях весной с поднятыми руками (призыв ниспослать солнце и дождь на поля), летом с разведенными в стороны (просьба охранить, сберечь урожай), ближе к осени — с опущенными (просьба помочь собрать созревший урожай и принять новые семена озимых) видится древнейшая женская магия времен матриархата. Следы подобной магии сохранились в традиции танца разных народов как своеобразной пантомимы с просьбой к богам. Количество праздников, посвященных *Макоши*, тоже говорит о том, что не только за урожай, а за весь год, за всю жизнь она была ответственна. Более того, доброй богиней *Макошь* считать нельзя. Неурожай, засухи, плохая судьба — дело ее рук. Не случайно поэтому включение ее в пантеон князя Владимира, и на Збручском идоле она присутствует с рогом изобилия в руке.

Фонетическое образование (КОШ), которое Б.А. Рыбаков связывает также с понятием урожая, входит в ряд слов, которые на первый взгляд не имеют к нему отношения. Приведем некоторые из них: *кошель*, *кошафа*, *кошевой атаман*, *кошмар*, *кош (стан)*, *кошма*, *кошт* (прибыль) и даже в общеизвестное слово *кошка*. Этимологически все эти слова так или иначе связаны с понятием перемещения,

что подтверждает нашу версию о том, что *Макошь* — богиня перемещения года, судьбы, счастья, урожая и т. д. До наших дней сохранился обычай «на счастье» в новый дом первой пускать кошку. Слово *кошка* связано с понятием перемещения: она гуляет сама по себе. *Кош* — стан, остановка в походе. *Кошмар* — перенесение мари (мар), страха на кого-то. *Кошель* носят с собой, деньги в него то приходят, то уходят. *Кошма* — походная подстилка. *Кошевой* атаман — походный атаман. Получить прибыль — взять, ухватить *кошт*.

Хорс

Перейдем к рассмотрению имени бога *Хорса*. В литературе его принято считать солярным божеством. Ритмофонетическая модель его имени такова. Хорс:

1. Священное (X) всеобщее (O) действие (P) соединения (C).
2. Священный (X) круг (O), рождающий (O) силу (соединение) (C).

Символика этого имени связана с магическим хоро-
водом. Однокоренными являются такие слова: *хорошо* (округло), *хор* (многоголосье и гармония), *хорал* (церковное многоголосое пение), *хоромы* (большой хороший дом, как правило, круговая застройка двора), *хорониться* (найти спасение), *хоругвь* (символ и знамя). Возможно, понятие *хорс* происходит от понятия священного защитного магического круга. Кстати, этот круг является древнейшим сакральным символом не только у славян, но и у целого ряда народов. Например, в поэме древнегреческого поэта Эмпедокла «О природе» Абсолют, из которого все возникает, предстает в образе круга или шара. Священный круг соединяет и возводит защиту и святость (в большинстве случаев священный нимб, указывающий на святость, изображается в виде круга). Не случайно в «Вие» Н.В. Гоголя Хома Брут чертил вокруг себя круг защиты. Совет в народе назывался также кругом. Солнце, как солнечный круг, было частным случаем для *Хорса*. Хорс отвечал за обряды и магию, причем магию защиты и благоденствия. Причем, в отличие от магии *Сварога*, она

была не личная, тайная, а коллективная, объединительная. Скорее всего, имя *Хорс* — вторично от этой общинной «хорошей» магии. Он как бы персонифицировал ее. Как образ благодетельного круга, *Хорс* вполне может олицетворять Солнце как планету, круг солнца. Отметим, что в ряде индоевропейских мифологий отдельный бог мог олицетворять Солнце как планету, а другой — его живительную силу. Так, у этрусков бог Усил — персонификация Солнца как небесного тела и его движения на барке ночью и колеснице днем. Душой Солнца был бог Каве. Аналогично в греческой мифологии Солнце как небесное тело представлял бог Гелиос, а душу, свет Солнца и его животворную природу — бог Аполлон. Понимание такого различия решает возникающие недоумения по поводу необходимости иметь в одном пантеоне нескольких лунных или солнечных богов.

Подобные представления встречаются у всех народов и по сей день. Каждый человек четко разделяет свою духовную жизнь и физиологическую жизнь тела. У древних народов эти представления вылились в образование божественных пар, в которых один бог отвечал за физическое тело солнца или луны как космических тел, а другой характеризовал их мистические, духовные сущности.

Суд

Интересен бог под именем *Суд*. Современное значение этого слова известно всем. С точки зрения ритмофонетической характеристики смысл его заключается в следующем:

1. Соединение (С) духовного (У) дара (сущностью) (Д).
2. Соединение (С) с духом (У) добра (Д).
3. Соединение (С) с духовным (У) даром (Д).

Вспомним, в чем заключался в древности суд. Не было присяжных и адвокатов. Обвиняемого при Божьем суде бросали в воду или давали в руку раскаленное железо, или вызывали на поединок. Считалось, что правого боги защитят. Тут-то и нужно было объединяться с духовным даром, иначе обвиняемому грозила смерть. Убеденность

в правоте и вера в богов справедливости часто приводила испытуемых в такое психическое состояние, что они выдерживали подобное «божественное» испытание. Аналогом такого сакрального действия являются танцы на углях в наше время, в частности, в Болгарии.

Леля

Богиня *Леля* предположительно относится к весне. В нашей трактовке *Леля* — богиня любви и секса в обществе и природе. Она лелеет и заботится о влюбленных. Ритмо-фонетический анализ ее имени таков: луч (архетип) (Л) естества (Е), луч (архетип) (Л) оплодотворяющей (Й) силы изначальной (великой) (А), где Я = Й + А.

Див

Это древнейший бог (ср. *Див* в Индии, *Дев* в Иране). В русском языке имеет семантически сходный корень с такими словами, как *дивиться*, *дивный* (чудной), также *дева*, *девица*, *удивить*. Имя *Див* означает:

1. Дар (Д) единого (И) ведения (В).
2. Добро (Д) единое (И) ведает (В).
3. Дом (Д) единого (И) всеведения (В).
4. Дарящий (Д) единое (И) ведение (В).

В СопИ *Див* предупреждает Игоря об опасности похода, он ведает, предвидит события. Можем предположительно считать, что *Див* — одна из ипостасей древнего демиурга. Существует мнение, что слово *дьеус* праиндоевропейской мифологии обозначает ясный день, т. е. бога света. Свет, ясность, чистота, чистое небесное ведение, добро воспринимались в древности даже не как понятия одного порядка, а как нечто единое, божественное. Обозначалось все это у славян одним словом — *нравь*. Возможно, что персонификацией *нрави* в ее древнейшем варианте являлся бог *Див*. Отметим, что слова, семантически сходные с его именем, имеют указание на получение новой информации, причем с положительным оттенком: удивлять, дивиться; красна девица (дивица) тоже удивляет окружающих своей красотой.

Семаргл (Симаргл)

Следующий персонаж славянской мифологии — *Симаргл* (*Семаргл*), по МНМ, восходит к славянскому «Семиглаву». По другой версии, его имя связано с иранской мифической птицей Сенмурв. Б.А. Рыбаков рассматривает *Семаргла* как синтез зверя и птицы, защищающего и охраняющего богов и людей. Его внешний облик сходен с грифоном. Есть две трактовки имени *Симаргл* (*Семаргл*):

1. Соединение (С) единого (И) (естества) (Е) материи (М), велико (изначально) (А) действующий (Р) глагол (Г) архетипа (луча) (Л).
2. Соединенный с единой матерью (СЕМ), изначально рожденный (действующий) (АР), глагол архетипа (ГЛ).

Сочетание (ГЛ) (глаголом пронизывающий, глагол луча, глагол архетипа, глас луча) присутствует в таких понятиях, как *глас*, *глагол*, *глава*, *главный*, *глядеть* и т. д. Оно может означать проявление на земле божественных законов и принципов. В Библии сказано: «Вначале было слово, и слово было Бог». По нашему мнению, имя *Семаргл* состоит из двух корней. Один указывает на его земные функции: (СЕМ) — соединение естества материи, т. е. он несет в себе всю силу и мощь материи, и поскольку этот корень стоит в слове на первом месте, то происхождение и основная функция *Симаргла* — мощь и сила, крепость, связанные с землей и на земле.

Вторая часть имени — (АРГЛ). Остановимся на версии: великое (А) действие (Р) глагола (Г) архетипа (или небесного луча) (Л). Иными словами, он вестник и страж выполнения воли богов. Он, видимо, насильно проводит их волю в жизнь. Отметим, что схожие по внешнему виду грифоны считались стражами скифских земель. *Семаргл* сочетает в своем облике черты птицы — принадлежность неба и зверя — принадлежность земли. Причем вид его грозен — он страж и воин, «небесная собака» (предположительно, это одно из имен *Семаргла*). От *Сварога* он отличается так же, как аппарат президента, доносящий его волю до народа, от полицейских сил особого

реагирования. Семаргл передает нужную информацию или карает немедленно и по прямому назначению, тогда как у *Сварога* посредниками выступают жрецы. Можно сказать, что *Семаргл* является покровителем княжеской дружины и судебной власти в их фискальных функциях.

ДРУГИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Святогор и Илья Муромец

Рассматривая имя чудо-богатыря *Святогора*, следует иметь в виду, что корень «гор» может означать не только высокий холм, он соотносится также с понятием *горний*, т. е. высокий (горний — небесный) мир, а также семантически близко к словам «горлинка» и «горница». В ритмо-фонетической трактовке это имя обнаруживает следующий смысл: соединение (С) ведения, проникновения (В) импульса (Й+А) оплодотворяющей силы с твердью, формой (Т), глагол, проявление (Г) всеобщего (О) действия, рождения (Р).

Иными словами, он олицетворяет древние стихийные силы, т. е. аналогичен древнегреческим титанам. Это перво-богатырь, который не может спуститься на землю: не держит она его. Таким образом, самое простое атрибутивное *Святогора* заключается в определении его в качестве первопредка-великана, который создан богами до людей и сам является полубогом. Практически во всех мировых мифологиях люди почитали великанов — строителей земли как своих первопредков: Калев финно-карельского эпоса, древнегреческие титаны и герои, бог-первопредок Яма в индийской мифологии и т. д. Примечательно, во всех традиционных культурах имелось представление о том, что они своей смертью дарили жизнь и силу последующему поколению людей. Так, из тела великана Пуруши (индийская мифология) был создан мир, то же в древнегерманской мифологии происходит и с великаном Имиром.

Омертвление *Святогора* в былине «Илья Муромец и Святогор» и передача им своей силы Илье — не что иное, как событие того же порядка. *Святогор передает — выдыхает ведение и силу Илье Муромуцу*. Сакральная связь *Святогора* и *Ильи* подчеркивается еще и тем фактом, что в ряде вариантов сказания указывается — жена *Святогора* незадолго до его смерти склоняет Илью к сексуальной связи. Нетрудно предположить, что таким образом она давала понять, что видит в нем следующего мужа, по праву родственной связи. Хорошо известен тот факт, что в ряде традиций жена погибшего старшего брата или побратима переходила к младшему, как бы подкрепляя этим его право наследования имущества покойного. Отметим, что в архаических былинах об *Илье* после убийства им Соловья Разбойника он вступает в половую связь с его женой или дочерью, что также узаконивает захват имущества покойного. Дело в том, что в период матриархата наследование имущества шло по женской линии, и без женитьбы на наследнице получить его никто не мог. Позднее данное обстоятельство выродилось в простое указание на половую связь наследницы и героя, так что Илья Муромец явился прямым наследником Святогора, его имущества и силы.

Характерно, что имя *Илья* отвечает ритмо-фонетической характеристике: Единый (И) архетип, луч (Л) мужской силы, личности (Й + Я).

Святогор начал действие по одухотворению материи, но тяга земная ему еще не подвластна («Былина о встрече Святогора с Микулой Селяниновичем»). Он ездит по Горному (Горнему) миру, по святым горам. Небо у славян было двухслойным, состоявшим из Небесной тверди — небосвода, и небес обетованных — места жизни богов. Вот по нижнему небу *Святогор* и едет. Он относится, по аналогии с греческой мифологией, к полубогам, титанам и передает, как эстафету, силу и меч земным героям.

Отметим, что основная функция *Ильи Муромца* — защита родной земли от чудовищ (Соловей Разбойник) и многочисленных врагов, подчас имеющих явно хтонический характер (Идолище поганое). Так что параллель с древнегреческой мифологией, где мир титанов переходит

в мир героев, таких как Геракл, у славян просматривается в плееде богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича и т. д.

Свентовит

С точки зрения ритмо-фонетической модели можно представить несколько трактовок имени *Свентовит*.

1. Соединяет (С) ведение (В) естественного (Е) накрытия (Н) тверди (Т), всеобщее (О) ведение (В) единой (И) тверди, формы (Т).
2. С ведением (В) естества (Е) небесной (Н) тверди (Т) охватывает (О) ведением (В) единую (Е) твердь (Т).
3. Соединяет (С) ведение (В) естества (Е), накрывает (Н) твердь (Т), охватывает (О) ведением (В) единую (И) твердь (Т).

Следовательно, можно сказать, что *Свентовит* является своеобразным «родственником» Святогора. Он знает и может воздействовать с помощью небесных сил на Небесную твердь (нижнее небо) и управлять земной твердью. Он — представитель богов на Земле, стоящий ниже небожителей, но является их потомком и божественным прародителем, первопредком людей.

По МНМ, *Свентовит* в западнославянской мифологии — «бог богов», связанный с войной и поборами. Его атрибуты: меч, знамя, боевые знаки, в том числе изображение орла и копыя. Храм в его честь имел красную кровлю и пурпурный занавес, в сундуках хранились пурпурные одежды, а при храме держали белого коня. Идол имел четыре головы по сторонам света. Поскольку слово «Бог» (см. главу 1) означает «берегущий всеобщий глагол», понятие «бог богов» лишний раз указывает на земную оборонительную и сберегающую (своих) функцию *Свентовита*. Он бог войны, смотрит на четыре стороны. Нужно учесть, что Перун, в отличие от *Свентовита*, воин небесный, и ему посвящались горы и дубы (можно сказать, что он охраняет небесный мир и параллельно борется с Велесом). *Свентовит* же — родоплеменной бог, он ближе к людям, и просьбы к нему доходят быстрее. Сам факт развитости его культа говорит о том, что обращались к *Свентовиту*

достаточно часто, основным защитником племени всегда являлся он, первопредок-полубог (Геракл и Прометей в Древней Греции, например, или Вяйнემейнен и Калев в финно-карельской мифологии). Вообще все направление древнейшего тотемизма относится к культу предков. Даже у римлян и этрусков основные просьбы о защите и помощи относились к священным предкам. Практически все цари и правители античного мира в том случае, если вводили культ того или иного бога, старались возводить свой род от него. Так, Александр Македонский считал себя потомком Зевса, и почитание этого бога в разных его ипостасях стало практически обязательным для всей его империи.

Чур и Щур

Персонажи, именовавшиеся *Чур* и *Щур*, обычно представляются в качестве домашних духов-охранителей и приравнивают друг к другу. Мы с этим принципиально не согласны.

Приведем однокоренные слова для обоих имен: *Чур*: *чурка*, *чураться* (избегать кого-то), защитное заклинательное высказывание: *чур меня*. Кроме того, считается, что чуры находились в домах и имели оберегательную функцию, отсюда перенесение христианами нарицательного смысла на этих божеств. Обычно их изображения изготовлялись из дерева, поэтому при принятии христианства слово *чурка* приобрело значение деревяшки, а то и тупости. Аналогичной оказалась судьба слова «болван», изначально обозначающее изображение божества (см. СопИ, упоминание о «тьмутараканском болване»), а впоследствии приняло значение олицетворения глупости. Слово «чураться» (избегать, отваживать), возможно, происходит от основной функции чуров — отваживать от дома и человека злую силу, избегать ее. Само понятие данной функции, вероятно, было перенесено в разговорный язык, а постепенно с потерей знаний о языческом славянском мировоззрении исходное значение этого слова было утрачено.

Теперь обратимся к однокоренным со *Щуром* словам: *щуриться*, т. е. закрывать глаза, как мертвый (бояться живительного солнечного света); сравним: жмуриться — жмурик (мертвец), *прищур*.

Разберем фонетический состав слова *Чур*.

1. Измененный (Ч) духом (У), действующий (Р).
2. Волшебный (Ч) дух (У) действия (Р).
3. Чарами (волшебством) (Ч) духовно (У) действующий (Р).
4. Изменяющий (Ч) неким (У) действием (Р).

Скорее всего, напрасно *Чура* связали со *Щуром* и отнесли к предкам. Возможно, это дух чар и бытовой магии. Он может выполнять и охранные функции, но в имени этом нет указания на связь с культом предков.

Имя *Щур* в ритмо-фонетической модели выглядит следующим образом: щит (защита) (Щ) духом (У), действующая (рожденная) (Р). Как видим, здесь явно просматривается отношение к духам предков, т. к. речь идет о защите. Основным аргументом для этой версии служит наличие в русском языке слова *пращур* (заметим, что нет понятия «прачур»), которое напрямую связано с предками. Широко известна римская и этруская традиции почитания ларов — олицетворения предков, которые также несли охранительную и защитную функцию для человека и его дома. Мы полагаем, что *Щур* — аналог их, ведь и славянский, и римский культы почитания предков во многом совпадали.

Кощей Бессмертный, Марья Моревна,
Морена, Кострома... и Иван Купала

На первый взгляд выделение этих мифологических персонажей в общую группу может показаться необоснованным. Однако не будем спешить с выводами.

Кощей Бессмертный, как известно, представляет собой худого скелетообразного старика, крадущего прекрасную девицу, олицетворяющую жизнь и красоту в природе, и склоняет ее к браку (в некоторых версиях повествований — успешно). Как можно перевести его имя, воспользовавшись ритмо-фонетикой?

Кощей — направление (К) всеобщего (всеотгораживающего) (О) щита (отгорожения) (Щ) от естественного (Е), оплодотворяющего жизненного импульса (И).

Характерно, что данное имя точно указывает на функцию Кощей: он убивает, «отгораживает от мира щитом»

оплодотворяющую и порождающую силу, которая в сказках персонифицирована в образе *Марьи Моревны*. Возможно, отсюда же происходит нарицательное понятие *кощунствовать*. В «Язычестве Древней Руси» Б.А. Рыбакова этот персонаж описывается очень подробно. Примечательно, что трактовка образа Кощея в названном труде полностью совпадает с вышеприведенным переводом его имени. Стоит только добавить, что *Кощей* омертвляет все живое, он сама косность. Корень (КОЩ) может переводиться как *кость*. В русском языке фонема (Щ) и фонетическое сочетание (СТЬ) взаимозаменяемы (ср. *прощение* — *прости*, *угощение* — *угости*, *крещение* — *крестить* и т. д.).

Кощей живет в стеклянном, а вначале, видимо, в костяном дворце, его «костлявость» — скелетообразность подчеркивается еще тем обстоятельством, что смерть его заключена в игле (а в первоисточнике, вполне возможно, в кости: в древности иглы были костяными). Яйцо, в котором она покоится, тоже не случайный образ. Это зародыш жизни, окруженный твердой, «костяной» оболочкой, скрывающей эту жизнь. При уничтожении оболочки и иглы, спрятанной в ней, мир, добро, весна обретают свободу от Кощея, и он умирает.

У этого персонажа имеется еще и другое имя — *Трипетович*, которое можно перевести следующим образом: твердь (Т), действующая (Р) к единому (объединению) (И) (ТРИ), отец естества (ПЕ) тверди (Т) (ПЕТ), всеобщее (О) ведение (В) единого (И) изменения (колдовства, чар) (Ч) (ОВИЧ).

Следовательно, *Кощей* стремится все объединить в естестве тверди, в костной, мертвой материи. Он ведает всеобщим, единым колдовством, посредством которого можно превратить живое в неживое. В некоторых вариантах сказок говорится об окаменении противников *Кощея* в результате его собственных чар или чар родственников ему персонажей.

Кощей крадет невесту положительного героя — *Марью Моревну*. По общепринятой версии, время нахождения *Марьи Моревны* у Кощея связывается с зимой, омертвлением земли, а после ее освобождения наступают весна и лето. В некоторых вариантах *Марью*, или *Настасью*,

убивают (приносят в жертву). Наша трактовка дает объяснение этого акта (см. слово «жертва» в главе 1). Кровь *Марьи* переносит живительную силу на мертвую природу. Отсюда, возможно, происходят весенние праздники сжигания и топления куклы: *Мары*, *Костромы* и т. п. Вероятно, изначально для пробуждения природы приносились человеческие жертвы. Вспомним обряд принесения в жертву Яше-Ящеру девушки-невесты. Вполне вероятно, что сказки о похищении *Кощеем* девушки-невесты связаны с культом принесения сезонной жертвы данному божеству. Вполне вероятно, что *Кощей* мог быть персонификацией мороза, который «вытягивает» жизненную силу из природы и человека и их омертвляет. Окаменение героя, преследуемого *Кощеем*, возможно, является указанием на его замерзание. Добродушный Дед Мороз новогоднего праздника, скорее всего, понимался нашими предками как грозное омертвляющее божество. У близких к славянам финнов Мороз имеет жуткую внешность, он «вспоен гадюками в чужих землях, мать его без груди, отец — злодей».

Упоминание о том, что жилище *Кошея* находится в «тридевятиом царстве, тридесятом государстве», которое в традиции русских сказок является то центром, то краем земли, представляется достаточно важным. Дело в том, что в монголо-тибетской мифологии существует персонаж, связанный с центром мира и мировым деревом — елью. Он весь год насылает на людей ветер и холод, а в январе приходит к людям, и через детей тем, кто выполнял законы предков, дарит подарки. Этот персонаж является прототипом Деда Мороза, принесенным в Европу гуннами. Характерно, что он повелевает морозами и имеет скелетообразный вид, т. е. выглядит как живой мертвец. Эти обстоятельства говорят в пользу того, что *Кощей* русских сказок в архаический период мог приравниваться к богу, отвечающему за холод и мороз, — Деду Морозу.

Рассмотрим семантику имени женского персонажа, похищаемого Кощеем. Это *Марья Моревна*, или *Морена*. Однокоренными этим именам являются слова: *мор*, *морок*, *марь*, *смерть*, *морё*, *морда*, *марать* (портить), *кошмар*, *кикимофа*.

Само имя *Марья* (*Марья*) расшифровывается следующим образом:

1. Мать (М) изначального (А) действия (Р) естественного (Е) оплодотворяющего (Й) импульса великого (А).
2. Мать (М) изначального (А) рождения (Р) естества (Е) личного (Я).
3. Материя (М) великая (изначальная) (А), действующая (рождающая) (Р) естество (Е) самосознания (Я).

Таким образом, *Марья* дает материальное (носитель) самосознания (не духовное), рождает естество, создает живую форму. Иными словами, она является создателем тела человека, в том числе и его мозга. Она отвечает за личностные и социальные характеристики человека, его «Я». Следует особо отметить, что духовные составляющие личности не входят в ее компетенцию, т. е. она не отвечает за посмертное перерождение души, и, по своей сути, отделена от небесного, от Неба и Духа. Важно и то обстоятельство, что второе ее имя — *Моревна*, указывает на происхождение, т. е. она дочь *Морены*, которая являлась одной из древнейших славянских богинь.

Рассмотрим семантику имени *Морена*: мать (М) всеобщего (О) действия (рождения) (Р), естественно (Е) накрывает (Н) изначальное (А).

Следовательно, *Морена* по своему значению двояка, т. к. она рождает и убивает (накрывает). Не случайно *Кощей* стремился похитить ее дочь, убивающая сущность ему необходима, а порождающая находится у него в плену. Положительный герой, напротив, всеми силами старался вырвать у *Кощея* *Марью Моревну* из-за ее рождающей сущности, с тем, чтобы остановить убивающую. Оговоримся, что указание на происхождение *Марьи* — невесты героя, от богини *Морены*, свидетельствует, во-первых, о мифологичности и космогоничности самого сюжета, а во-вторых, о том, что функции богини *Морены* свойственны и ее дочери *Марье*, но в меньшей, «не космической» степени. Кроме того, если *Кощей* связан с холодом, омертвлением и морозом, а *Марья* — с жизнью и смертью, то сам положительный герой, по закону бинарных оппозиций, должен быть связан с солнцем, теплом и жизнью. Возможно, он — олицетворение бога *Купалы*. Здесь мы имеем некое

триединство. *Марья Моревна* не несет в себе небесного, может как рожать, так и убивать, у нее «нет души». Находясь у *Кощея*, где он выступает в браке с *Мореной* как дух косности, она порождает мор и смерть. Богатырь-спаситель (см. слово «богатырь» в главе 1) несет в себе дух жизни и неба, он наполняет *Морену* духом, и она сама или посредством своей крови оживляет природу. В конечном счете мы имеем своеобразную триаду богов: *Кощей* связан с подземным хтоническим миром и смертью, *Марья* олицетворяет, подобно древнегреческой Деметре, смену жизни и смерти, зимы и лета на земле, *Иван Купала* — представитель Небесного мира, который несет на землю жизнь, тепло, дух и свет. О связи данного сюжета с праздником *Ивана Купалы* будет сказано ниже. Нужно учесть, что в различных мифологиях многие боги несут двоякие функции. В зависимости от сакральных, магических действий они то добрые, то злые. Наличие фонемы «М» в значении материи в начале имен *Марьи Моревны* говорит о ее косной, хтонической первоосновной природе.

В ряде случаев *Марья* имеет и другое имя — *Настасья*. Его перевод еще более приоткрывает двоякую — живительную и омертвляющую — сущность: накрытие (Н) изначального (А), соединение (С) тверди (Т) изначальной (А) совместно с (С) (личностью) или с оплодотворяющим мужским признаком (Я).

Имя как бы состоит из двух частей. (НА) указывает на ее функцию подавления и убивания, т. е. на прямое омертвление и духа, и тела, окаменение, а (СТАСЬЯ) — на соединение мертвой формы (СТА) с духовной и оплодотворяющей мужской силой (И). Под этим именем она своего рода как ипостась (жена) *Кощея*, так и ипостась бога тепла и жизни. Вспомним семантически близкое к данному имени слово *неластье*. Отрицательная частица «не» и общая отрицательная характеристика слова указывают на благоприятный характер морфемы (НАСТЬЕ), не случайно уменьшительно-ласкательная форма полного имени — *Настя*.

Рассмотрим имя другого женского персонажа, куклы, которую сжигают в ряде местностей на праздник *Ивана Купалы*. Имя это нам тем более интересно, что тот же

персонаж в иных местностях называется *Мореной*, а сам обряд — это олицетворение сакрального брака огня и воды, тепла и холода, женской и мужской ипостаси. Итак, *Кострома*: направление к (К) всеохватывающему (О) соединению (С) тверди (Т) (сочетание (СТ) — стагнация), действие, рождение (Р) всеохватывающей (О) материи (М) изначальной (А). Иными словами, *Кострома* — другое имя богини, связанной со смертью-жизнью — *Морены*. *Кострома* — это омертвление в первой части имени (КОСТ) — направление к стагнации, но во второй части имени (РОМА) она порождает материю, действующую в материальном мире, правда, она бездуховна.

Рассмотрим теперь имя бога *Купалы*, которое является народным именем Иоанна Крестителя.

1. Направление (К) к духовному (У) покрытию (П) изначального (А), архетип (луч) (Л) изначального (А).
2. Направление (К) духа (У) отца (П) великого (А), луч изначальный (ЛА).

Сочетание (КП) в реконструированном праиндоевропейском языке трактуют как череп, голову. Череп как бы «покрывает» дух. То же корневое основание имеют слова *купол*, *капище*, *кап* (нарост), *капля* и т. д. Во всех этих словах видна когнитивная связь с чем-то округлым. По МНМ, считается, что обряды и названия Купалы происходят от глагола *купать*, *кипеть*. Данное слово родственно латинскому *Cupido* (Купидон), означающему «стремление» (ср. индоевропейский корень *kip* в его значении «кипеть, вскипать, страстно желать»). Это указывает на соотнесение купальских ритуалов с огнем — земным и небесным — Солнцем, в купальских ритуалах представленным огненным колесом) и водой, которые выступают в купальских мифах как брат и сестра. Считается, что Купала олицетворяет огонь, Мара — воду. В ночь на солнцестояние (ночь Купалы) расцветает цветок папоротника, и тогда находят клады. Это символизирует союз Купалы и Мары и их свадебные дары. Прыгают через костер, чем выше прыжок, тем выше будут хлеба. Во время обряда Мару (Марью) сжигают, Купала погибает в воде, когда в нее скатывают огненное колесо, и возрождается вновь. Но огонь кипятит воду, а ведь этот глагол — однокоренной с именем Купалы.

Вода испаряется и возносится к небу, одухотворяясь, она погибает и рождается в новом качестве как живительная влага полей.

Как говорилось выше, *Ма́ра* (*Ма́рья Моревна*) — носитель земного двуединого (жизнь и смерть) начала. Брак ее с братом *Купалой* есть брак одухотворения и орошения земли. Купала — небесный бог, он луч и архетип всего. Вспомним, что протоматерия (хаос) почти у всех народов представлялась водой (в Библии: «И дух носился над водами»), первоматерия — льдом («Ис» у скандинавов растапливается огнем, и появляется жизнь и т. д.).

В основе реконструированного мифа лежит мотив кровосмесительного брака брата с сестрой, олицетворяемых двухцветным цветком *иван-да-марья* — важнейшим символом купальских обрядов. Желтый цвет воплощает одного из них, синий — другого. Есть вариант песни, где брат собирается убить сестру, а она просит посадить на могиле цветок. Соитие брата и сестры, как земли и неба, считалось священным инцестом, более тайным обрядом, чем любой другой брак.

Три вида волшебных трав и цветов соотносятся с тремя дочерьми и тремя змеями *Купалы*. Сестру *Купалы* зовут *Ма́ра* (*Ма́рья Моревна*). Сам обряд, скорее всего, соотносится с богиней *Мореной*. Перенесение данной древнейшей праздничной традиции в мифологические сказания, связанные с дочерью *Морены* — *Марьей Моревной*, есть позднейшее переосмысление обряда. Тем более, что по законам мифологического мышления, на детей переносятся качества родителей (ср.: *Сварог* и *Сварожич*, отец и сын, которых часто не разделяют между собой; русская сказка «Иван Медвежье Ушко», герой которой, родившись от брака женщины с медведем, приобрел медвежью силу; Сказания о Вольге, отцом которого являлся змей, и в силу этого сын обладает качествами оборотничества и волшебства). Столь серьезное отношение к происхождению от высших сил с последующим приобретением их качеств выразилось даже в том, что в СопИ высокие поэтические и магические качества Бояна Вещего подчеркиваются указаниями на то, что он — Велесов внук (а русичи, как уже упоминалось, вообще именуются Дажьбожьими внуками).

Вернемся к нашему переводу имени *Купалы*.

1. Направление (К) духовно (У) покрывает (П) изначальное (А) (материю), является архетипом (Л) изначального (А).
2. Направление (К) духа (У) отца (П) великого (А).

Значит, *Купала* — сын демиурга *Рода* или его ипостаси. Он одухотворяет мир, покрывает его духом и гибнет во время обряда. У славян он — сын и дух божий для мира, терпящий смерть ради возрождения мира. Его связывают с Иоанном Крестителем, он крестит огнем и водой. В то же время он может быть связан с такими важнейшими богами смерти и возрождения, как древнеегипетский *Озирис*, древнегреческий *Дионис* и даже славянский бог *Ярило*.

Баба Яга

В ритмо-фонетическом переводе значение имени *Баба Яга* таково: берегущая (Б) изначальное (А). Удвоение (БА) — это усиление смысла (например, мама) или умножение. Подобный прием удвоения присущ многим языкам. Например, Баба Яга индонезийских сказок зовется Индо-Йорор-Йорор. *Яга* — оплодотворяющий (Й) мужской принцип изначального (А), глагол (Г) изначального (А).

Она есть проявление древних хтонических сил. По аналогии с другими мифологическими системами (в вавилонской — богиня Тиамат, этрусской — Медуза и т. д.) *Яга* может олицетворять первоматерию, из которой все возникло и попадание в которую является полной аннигиляцией (съедание). Как правило, она то добрая, то злая, в одних случаях помогает герою, способствуя его преображению, воцарению, в других пытается героя съесть. Но даже попытка съедания — способ своеобразного перевоплощения героя.

Можно предположить, что *Яга* в то же время — олицетворение ярых, ничем неограниченных буйных сил и инстинктов. Имя *Яги* в то же время указывает на эгоцентризм (перенос на себя) глагола великого, т. е. использования божественных сил в личных интересах.

Ящер

Ящер в славянской мифологии — символ подводного и подземного миров, противник неба. Когнитивный смысл его имени моделируется таким образом: оплодотворяющий (Й) принцип изначальный (А) закрывает, отгораживает (Щ) естественным (Е) действием (Р); Щ — щит, закрытое, отгороженное. Естественное действие — смерть.

Мы можем видеть, что *ящер* — ипостась смерти, подземного мира, он захватывает и сохраняет у себя жизненную, оплодотворяющую силу. По данным Б.А. Рыбакова, ему в древние времена бросали в жены девушку. *Ящер* связывался с ореховым кустом, сидел под ним. Отметим, что орех — растительный аналог яйца, т. е. средоточие растительной жизненной силы, которую и выкупали у *Ящера* для того, чтобы земля могла родить, давая ему взамен красну девицу, «какую хочешь».

ГЛАВА 5

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАНТЕОНА РУССКИХ (СЛАВЯНСКИХ) БОГОВ

Попробуем составить пантеон русских (славянских) богов на основе полученных данных. Вопреки установившейся традиции считать славянский пантеон не оформившимся, в это трудно поверить. На Руси, тем более при родовом строе, к родству относились с пристальным вниманием. Данное обстоятельство подтверждает, например, громадное количество слов для определения степени родства: сват, сваха, кум, кума, племянник, племянница, дядя, тетя, бабушка, дед, отец, мать, сын, внучатые племянники, прабабушки, прадеды, деверь, сноха, теща, тесть, свекровь, свекор, золовка, двоюродные и троюродные братья и сестры, дочери, дяди и тети, шурины и т. д.

Теперь мы можем распределить значения богов-покровителей по их влиянию на следующие группы:

1. *Род* — бог родовой общины, семьи, почитания предков.
2. *Сварог* — бог жречества и волхвов, вообще всех книжных и умных людей, включая ремесленников и зодчих.
3. *Перун* — бог князей, их дружин, вообще ратных и служилых людей.
4. *Стрибог* — бог сельских и городских старейшин, а также князьих законников, всех, кто следил за соблюдением древних законов и обычаев (ср.: *стри* — старик).
5. *Дажьбог* — бог-прародитель русичей.
8. *Велес* — бог землепашцев.

Попробуем воссоздать следующую картину. Древнейший бог *Род* сам или со своими женскими ипостасями, Рожаницами, создает мир, являясь демиургом. Причем, *Род*, подобно древнеиндийскому Брахме, создает некую

схему, прототип. Рожаницы эту схему оживляют и приводят в действующее живое состояние. Сыном *Рода* и *Рожаницы* является *Сварог*, который и олицетворяет небесное начало. Он организует землю, рождает всеобщий закон и устройство. Прямым и непосредственным потомком *Рода* мог стать и *Див*, по проведенной реконструкции — бог ясного неба. Поскольку во всех мифологиях одновременно с небом появляется земля, нетрудно предположить, что мать-сыра земля у русичей изначально была дочерью того же *Рода*. Учитывая древнейший матриархат и зная, что *Макошь* — богиня благополучия, судьбы и, главное, перемещения, смены времен года, можем считать ее также дочерью демиурга и, стало быть, сестрой матери-сырой земли. Таким образом, складывается триада: Небо > Закон > Земля.

Сварог связан с небесным огнем, к тому же мы выяснили, что он бог ведения и действия. Такие слова, как сварить, сварганить и т. д., говорят о делании чего-то. По аналогии с другими мифологиями мы можем считать, что *Сварог* — небесный кузнец (соответствует Вулкану, Гефесту, Илмаринену). Словом «сварга» можно назвать небо, вкупе с разговорным «сварганить», т. е. произвести что-то; это еще больше сближает *Сварога* с финно-карельским Илмариненом. Видимо, *Сварог* сковал небесный купол — второе небо, и пустил по нему Солнце и Луну. В ряде мифов бог-кузнец кует Небо, Солнце и Луну, а потом передает их своим сыновьям.

Согласно летописям, отпрыском *Сварога* был *Дажьбог* (предположительно — отец *Ярилы*), рожденный, скорее всего, *Макошью*. Другим его сыном мог быть *Свентовит* — «бог богов», воин, который защищает и охраняет. Кстати, являясь земным отражением *Перуна*, он тоже в качестве атрибута имеет орла.

Поскольку «стри», с одной стороны, это старик, а с другой — дядя по отцу, то *Стрибог*, который следит за единством народа и выполнением небесных законов, оказывается братом *Сварога*, и тогда *Дажьбог*, являющийся подателем всяческих благ, — его родной племянник. Стоит напомнить, что *Дажьбог* соотносится с Солнцем, а *Стрибог* — с Луной, культ которой древнее солярного, что также

свидетельствует в пользу названной степени родства. Культ этот восходит ко временам матриархата; в славянском и позже русском языке у нее было две ипостаси — мужская и женская (Месяц и Луна). Первую и мог олицетворять *Стрибог*, в качестве его супруги можно предположить Лелю (см. ниже), дополняющую его строгость собственной ласковостью и взбалмошностью. Детями *Стрибога* могут быть земной Суд и Суденицы. Прямым потомком *Стрибога* и Лели можно предположить и Хорса, который почти повторяет его функции по единению, но только на земном плане. Кроме того, Хорс олицетворяет движение Солнца как небесного светила (в отличие от *Дажьбога*, который символизирует его тепло). А поскольку ветры — вестники и мстители, являются Стрибожьими внуками, то они вполне могли бы оказаться сыновьями Хорса. От связи *Стрибога* как охранителя единого порядка и богини Макоши (в ипостаси судьбы) могли родиться Доля, Недоля, Лихо.

Возвращаясь к семейству *Сварога*-кузнеца, неплохо вспомнить, что ему полагалось выковать и небесные стрелы. Так что воин — покровитель князей и дружин *Перун*, тоже, по-видимому, состоит с ним в прямом кровном родстве, более того, в качестве громовника он может претендовать на статус старшего сына по рождению. И, похоже, что мать у него с братьями *Дажьбогом* и *Свентовитом* была одна и та же. Сам же *Перун*, вполне возможно, дал отцовство небесному посланнику Семарглу — вестнику богов и защитнику земли.

Бог грозы ведет вечную борьбу с *Велесом*, и по преданию, после их битвы на землю ниспосылается дождь — живительная влага. Это обстоятельство позволяет высказать гипотезу, что его супруга — Живина. *Велес* же, противник *Перуна*, — хтонический, земной бог. Судя по его земным функциям, он мог быть произведен *Сварогом* и матерью-сырой землей.

По разным вариантам мифа, *Велес* крадет с неба то коров, то девиц (в числе похищенных упоминается и Морена). Вспомним, что ее крадет и Кощей бессмертный, и этот брак вызывает стужу, смерть, зиму. Но откуда взялся Кощей? Возможно, он не отстал от скандинавского Локки, породившего от хтонической великанши чудовищных богиню

Смерти, Мирового змея и волка Фафнира, и произвел потомство с матерью-сырой землей в виде Змея Горыныча, Кощея, Вия, Ящера. Ведь из славянских богов, кроме него, хтоничны только она и Морена. А Кощей, в свою очередь, с украденной Мореной мог породить зиму — Зюзю, Смерть, Мор, Морок, Бабу Ягу.

Купала, матью которого предположительно могла быть Макошь, поскольку сам он связан с сезонными циклами, освобождает Морену, свою сестру и, возможно, жену. Значение Морены двояко: она может как способствовать жизни, так и убивать; принадлежа к стихии воды, причем воды хтонической, она могла быть произведена на свет матерью-сырой землей. В своей светлой ипостаси она соотносится с весной, как и Купала, из чего можно вывести предположение, что благодаря этому союзу родились Лада, Леля, Живина.

Первая из них более других связана также с весной, а еще семьей, порядком. Поэтому в качестве супруги она была бы хорошим дополнением буйному Яриле, чтобы упорядочивать его приход. И, кстати, в напевках на праздник Ярилы Лада упоминается. Сыном от этого брака мог быть Переплут — бог корней и ростков.

Значительное количество других мелких, местных богов, леших, русалок и т. д. в данной работе не рассматривается. Их функции довольно прозрачны.

Предположительно описанный пантеон построен с использованием закона аналогий и соответствий другим индоевропейским мифологиям. Автор не настаивает на бесспорной точности. Но лучше иметь хоть какой-то порядок, чем никакого. Работа по расшифровке и реконструкции русско-славянской мифологии посредством ритмо-фонетического моделирования имен и понятий может быть продолжена. Каждое древнее слово несет в себе круг магических и мифологических понятий и мировоззрений.

ЧАСТЬ 3

ЭЛЕМЕНТЫ
КОСМОГОНИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ СЛАВЯН.
ПРОТИВОБОРСТВО ВЕРХА
И НИЗА

Данная часть исследования направлена на анализ того, что древние славяне рассматривали в качестве сил верха и низа — противопоставление, имеющее место во всех индоевропейских мифологических системах. При этом следует учитывать, что божества низа не обязательно отрицательны, во всяком случае, не во всех проявлениях, а небесные божества, в свою очередь, могут нести в себе и ряд негативных функций. Четкое разделение низ — верх как противопоставление греха и благодати, Бога и Сатаны появляется только после принятия христианства. Наша задача состоит в том, чтобы выявить, был ли конфликт между верхом и низом в представлениях древних славян, а если был, то кто и что, кому и чему противопоставлялся. В этом разделе постараемся выйти на древнейшие — еще зооморфные — представления о силах природы и космоса. Поэтому значительное место будет занимать рассмотрение различной «звериной» символики в связи с тем или иным мифологическим персонажем.

ГЛАВА 1

ОБРАЗ БОГА-ТРИКСТЕРА КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Для того чтобы понять, кем являлся славянский бог *Велес* в мифологии, нужно знать, что он, как и скандинавский бог Локки, имел черты трикстера. Это не просто понятие, а символическое значение образа, стоящего на грани зарождения новой культуры и замены или разрушения старой. В этом и состоит главная причина противоборства *Велеса* и Перуна, где один из них является гарантом стабильности старой системы, а второй стремится к ее переосмыслению и изменению. Ниже на примере антагонистических пар — *Велес* и Перун, Зевс и Прометей, мы подробно остановимся на данном вопросе.

В современной науке и литературе все чаще и чаще встречается понятие *трикстера*. Без осмысления его функций и значения довольно трудно разобраться в любой мифологической системе. Поэтому дадим краткое описание и разъяснение этого понятия. Оно появилось в научном обиходе относительно недавно и связано с обозначением *плута, хитреца, нарушителя правил*. Он для того и появляется, чтобы разрушать устоявшиеся, как правило, косные социальные и иные нормы, чтобы дать возможность развития и изменения. Он во всем революционен, хотя поведенческие проявления зачастую имеют жестокий и даже жуткий характер. В ряде случаев под трикстером понимается бог демиург — хитрец типа чукотского Ворона, индейского Койота или кролика. Явления трикстера в мировой культуре можно разделить на несколько типов.

Архаические мифы творения: древнегреческие Прометей и Гермес, славянский *Велес*, чукотский Ворон, скандинавский Локки, Койот и кролик у индейцев.

Народный фольклор, сказки и анекдоты: значительная часть анекдотов о Ходже Насреддине, связанных с захватническими войнами Тамерлана; сказки об Иване Дураке в России, позже, в XVIII–XX вв., сказки о хитром солдате; Джек-простак — в Великобритании; Плутовка из Багдада — в арабском мире; немецкие народные шванки о бароне Мюнстаузене, немецкие шванки о Тиле Ойленшпигеле.

Народный театр: развитие театра Петрушки в России перед Октябрьским переворотом и Русско-японской войной соответственно; театра Пульчинелло в Италии перед борьбой с Австро-Венгрией.

Сценические образы: Чарли Чаплин; сходные лица и сюжеты перед Второй мировой войной.

Литературные произведения: «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека (Первая мировая война); «Тиль Уленшпигель» Шарля де Костера (в связи с борьбой Нидерландов против Испании); «Севильский цирюльник», «Женитьба Фигаро» Бомарше; «Симплицисимус» (простак) Ганса Якоба Кристи Гриммельсгаузена (Германия); «Барон Мюнстаузен» Ш. Распе; «Мастер и Маргарита» М. Булгакова (Бегемот, Коровьев).

Идея трикстера в первую очередь связывается со смешным нарушением тех или иных «очевидных» установок и законов, размыванием устоев. Известно, что русские цари-реформаторы Иван Грозный и Петр Первый, борясь с устоями, постоянно проводили «всепитейные собрания», «ассамблеи» и т. д., где участники наряжались, скоморошничали, а неугодных бояр жаловали в шутов, как, например, князя Долгорукова. Через такие и подобные действия разрушалась всебоярская вольница и проводилось изменение социальных порядков.

Как можно видеть, появление большинства литературных произведений с трикстерными персонажами, так же как и усиление популярности народных театров, часто кукольных, связано с повышением активности в обществе, и их появление можно связать с некими глобальными изменениями. Более того, чаще всего городовые, пародируемые в русском театре Петрушки во время революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г. подвергались самым большим нападкам со стороны толпы и бывали часто убиваемы на месте без суда и следствия.

ВЕЛЕС И ПЕРУН

Начнем наш анализ с рассмотрения функций богов *Велеса* и *Перуна*, которые практически во всей научной и научно-популярной литературе противопоставляются между собой.

Судя по имени *Велеса*, а также по сохранившимся преданиям и их отрывкам, *Велес* — земной бог. Не случайно князь Владимир отделил его от пантеона и поставил идола на Подоле. Принцип противопоставления земли и неба, видимо, сказался в отношении к *Велесу*. Глубокое знание («ведение») законов и архетипов мира дает возможность их избегать и обходить, будь то людское или божественное установление. *Велес* в этом смысле сродни скандинавскому богу Локки, который именно этим и занимался.

Предполагаемый конфликт *Перуна* как явно небесного бога с *Велесом* — богом земным, имеет более глубокие корни, чем принято считать. Если допустить, что *Перун* «присвоен» княжеской властью как личный покровитель правителя, то *Велес* — фактически покровитель народа. Он учит народ уклоняться от закона власть предержащих. Следовательно, окружение князя негативно отзывалось о прототипе этого обмана — *Велесе*. Надо учитывать тот факт, что боги народом воспринимались как объективная реальность. Отсюда многие черты позднейшего черта в этом боге. А если добавить его вороватость, капризность, самоволье и возможность проникнуть куда угодно, скрыться, а также силу родового объединителя (род всегда противостоит центральной власти), то странно, как князь Владимир терпел *Велеса* даже на Подоле.

Имя *Велеса* созвучно с глаголом *велеть* («ведение естества луча [архетипа]») и, видимо, сводится к знанию и пониманию верховных небесных повелений. Следуя магическому закону подобия, свойственного любому мифоло-

гическому мышлению, приходим опять к тому, что земля — отражение небесного, следовательно, *Велес* имеет власть велеть, повелевать. На примере сохранившихся по сей день обрядов можно увидеть, что *Велес* (позднее — святой Власий и Николай Угодник) являлся одним из основных и самых близких богов для крестьян. Рассматривая портреты дореволюционных добротных селян, мы можем вывести облик *Велеса* по тому же закону подобия, в данном случае идеалу. Он с хитрецей, оборотливый, трудолюбивый, терпеливый, но может стать буйным, жадным, беспощадным. Большое количество растительности на лице и на теле в народе — символ богатства. *Велес* отвечает за богатства, второе его имя — Волос. Это тотем рода. Учитывая это, можем с легкостью присоединиться к мнению ряда ученых о том, что его прототипом, скорее всего, был медведь.

Рассмотрим образ антагониста *Велеса* — бога *Перуна*. *Перун* — бог грозы и грома. Считается покровителем княжеской дружины и ее предводителя. Внешне — немолодой муж. У идола бога имелись золотые усы и «серебряная» голова. В некоторых источниках ничего не сказано о бороде, по-видимому, не случайно, т. к. ее нет. По другим источникам, борода у *Перуна* наличествовала и даже имела большое значение. Ритуалы, связанные с этим богом, соотносятся с дубами и горами, приурочены к четырем сторонам света, что тоже сближает их с общей индоевропейской традицией. Главное оружие — камни, стрелы, топоры. Причем существенно, что стрелы *Перуна*, по преданиям, достигнув земли, каменели.

Миф о *Перуне*, восстановленный по белорусской и некоторым другим славянским традициям, гласит, что он, первоначально на коне или колеснице, поражает своим оружием змеевидного врага, или ранее то существо, которое олицетворяется Волосом (Велесом) (МНМ). *Велес* последовательно прячется (его «всепроницаемость» соответствует приведенной выше версии) от противника в дереве, камне, в человеке, животных, в воде.

Здесь необходимо некоторое пояснение. *Велес*, как и вообще любые боги в мифологических традициях, может прятаться только в родственных себе вещах, в том, чем он повелевает. Это утверждение верно, поскольку исходит из

законов сравнительной мифологии: те объекты или предметы, в которые может перевоплощаться некое божество, являются его ипостасями. Данное божество может почитаться в одной или нескольких ипостасях. Следовательно, деревья, камни, животные (но не птицы), люди — все во власти *Велеса*. *Велес* фактически становится хозяином Земли. Отсюда следует, что если он что-то украл у *Перуна*, то украл у Неба для своего хозяйства, украл для Земли. Следовательно, по аналогии, можем предположить гипотетическую связь *Велеса* с Прометеем. Отметим, что после победы *Перуна* над *Велесом* освобождаются воды (в этом случае миф аналогичен древнеиндийскому мифу о борьбе Громовника Индры с чудовищем Вритрой), а в архаических и боковых трансформациях мифа — скот, женщина и т. д., и проливается дождь. Одно из толкований мифа рассматривает борьбу *Велеса* с *Перуном* как миф о происхождении грома, грозы, плодородного дождя.

Рассмотрим сам основополагающий миф с участием *Перуна*. На последующем допущении автор не настаивает, но считает его очень вероятным. Рассмотрим, что же похищает *Велес* у небесного *Перуна*. Упоминаются то коровы, то богини-дарительницы различных благ — Макошь, Додола, Морена. Миф о похищении коров у небесного бога был общим для многих индоевропейских народов. В древнеиндийской культуре есть миф о похищении их у самого громовника Индры неким таинственным полубожественным существом; а корова Камадхену, исполняющая любые желания, по преданию, появилась из океана при его пахтанье, и явила собой одно из величайших сокровищ мира.

У древних египтян небесная корова олицетворяет небо: утром рождает солнце, вечером его глотает. У древних скандинавов небесная корова лизала камни, вследствие чего появились боги — ассы. Согласно древнегреческому мифу, Гермес, функционально довольно близкий *Велесу*, похитил коров у небесного солнечного бога Аполлона (отметим, что Аполлон до принятия древними греками его культа, возможно, являлся громовником, по крайней мере рассматривался как обладатель стрел). Для нас важно прежде всего то, что Аполлон — один из верховных богов, олицетворяющий Небо и его сокровища.

В «Ригведе», гомеровском эпосе и по-латыни коровье вымя означает изобилие, плодородие и т. п. Не останавливаясь более подробно на данном вопросе, отметим, что в русской народной сказке «Крошечка Хаврошечка» (из сборника А.Н. Афанасьева) корова заменяет девочке-сироте мать и своими, зачастую волшебными, действиями определяет ее счастливую судьбу. И это также подтверждает значение образа коровы как символа довольства и изобилия. Наконец, небезызвестный Прометей, который, являясь хтоническим существом, тоже похищает у небесных богов некие сокровища (в научно-популярной версии — огонь). Его пример может помочь лучше разобраться в исследуемом вопросе и понять возможные взаимоотношения персонажей в славянской мифологии. Ниже приведена сравнительная таблица характеристик *Велеса* и Прометея.

Велес	Прометей
Земной бог, тесно связан с землей и ее недрами	Титан, рожден землей, тесно связан с ней и жизнью на ней
Отвечает за благополучие людей, их посевов — «велесовы бородачки», скота — «скотий бог», благополучие и богатство (в договорах русских князей с Византией соотнесен с золотом)	Помогает людям, учит их всему: ремеслам, сельскому хозяйству, скотоводству
Хитрый, изворотливый, обманывает богов неба	«Мыслящий прежде», «предвидящий», обманывает богов неба
Покровитель, соединитель племени, его тотем	Объединяет черты «божественного покровителя» племени
Имеет независимое положение от небесных богов — идола стоит на Подоле, имеет хтоническое происхождение	Сохраняет независимое положение от богов из-за своего хтонического положения
Может вселяться в человека (прячется от Перуна), предположительно предок или создатель людей	Создатель людей

Противостоит громовнику Перуну. До сих пор имеет поклонение в образе святого Власия	Противостоит Зевсу, получает поклонение народа
Борется с Перуном, крадет хитростью (Перун действует грубой силой)	Борется с Зевсом хитростью (Зевс действует грубой силой)
Молнии (стрелы) Перуна называются перуницами	Молнии Зевса зовутся перунами
Крадет то коров как носителей блага, то богинь как носителей того же блага. Добычу приносит на землю	Крадет у неба «премудрое умение» Гефеста к ремеслам, у Афины — мудрость, счет вместе с огнем и отдает на землю людям, т. е. крадет блага для людей
Жестоко наказан за проступок посредством камня (оружие Перуна — камни, каменные стрелы)	Жестоко наказан за проступок посредством камня (прикован к скале)

Так что же украл *Велес* у *Перуна* для земли, возможно, для людей? Очень вероятно, что огонь и небесные блага. Не случайно, что после битвы *Велеса* и *Перуна* идет благодатный дождь. Огонь появился у людей в результате возгорания от молнии (*Перуна*), и кому же было похитить его для своих людей, как не *Велесу*. Кстати, осуждение *Велеса* и превознесение *Перуна* как покровителя властителей аналогично осуждению Прометей и вознесению Зевса уже во времена Гомера. Миф Прометей, видимо, также идентичен мифу о боге Индре и его коровах. Сюжеты всех мифов в принципе аналогичны и связаны с осуждением грабителей с земли. Правда, возникает вопрос: откуда иначе людям получить блага, как не с неба?

Отметим характерную деталь. После получения небесных благ боги карают не только похитителей этих благ (*Велес*, Прометей), но и людей. Данное обстоятельство указывает на близость *Велеса* и Прометей именно к людям. Прометей в мифологии описан как прямой создатель людей, *Велес*, возможно, также связан с их созданием. Само наказание связано со стихией воды. Вода в мифологическом мышлении воспринималась как первооснова,

нечто первичное, растворяющее в себе существующее в мире (по Библии: «И Дух Божий носился над водами»). В реконструированной славянской мифологии говорится о водах, отпертых *Перуном* после битвы с *Велесом* (в других вариантах — о дожде). В древнегреческой мифологии это истребление людей Зевсом с помощью потопа, по одному из вариантов, после наказания Прометея. В Библии указывается на грех людей после нисхождения к ним некоторых ангелов перед Всемирным потопом. Возможно, в изначальном еврейском, заимствованном у ассиро-вавилонцев, мифе говорится о получении людьми от ангелов силы и знаний. На данное обстоятельство указывает тот факт, что в Библии сообщается о сожительстве ангелов с дочерьми земными и рождении от них потомства. Это потомство, по законам сравнительной мифологии и даже современной генетики, должно было иметь силу и возможности, свойственные небожителям, т. е. ребенок, рожденный от ангела, — это своеобразная передача на землю небесных сокровищ. В древнеиндийской мифологии в результате боя Индры и Вритры тоже текут потоки воды и идет дождь.

Можем предположить, что библейский миф и сообщение Платона о гибели Атлантиды через высшие и греховно использованные знания, вероятно, один и тот же миф, имеющий несколько пластов понимания и историчности.

Противостояние *Перуна* и *Велеса* как «верха» и «низа» в историческом плане отражает противоборство древнейших родовых богов с «призванными» обслуживать интересы власти. Это связано с процессом социальной дифференциации, увеличивавшей неравенство слоев общества, который вызывал чаяния народа о дарах, т. е. о справедливости путем перераспределения ценностей. Подобное противостояние можно проследить практически во всех мифологических системах, что дает нам возможности для сравнительного анализа и реконструкции славянской и иных мифологий.

ГЛАВА 3

ГРОМОВНИКИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И ИХ ОРУЖИЕ

Рассмотрев саму природу конфликта между верхом и низом, мы подошли к главному вопросу — древнейшей роли богов-громовников в мифологии, в первую очередь славянской. Считается, что боги грозы и грома, в их древнейшей ипостаси, были противниками хтонических, злобных, противостоящих небу существ, порождений земли. Это противостояние прослеживается практически во всех индоевропейских культурных традициях: в древнегреческой — это Зевс и Титаны, в славянской — *Перун* и некий змеевидный противник²⁰, в древнеиндийской — Индра и чудовище Вритра, в скандинавской — Тор и инеистые великаны, в хеттской и лувийской мифологиях — бог Грозы (иногда Тешуб) и змей Иллуянка и т. д.

Это противостояние является содержанием основного индоевропейского мифа в период перехода от домифологических представлений к мифологическим. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: как именно и с помощью чего громовержцы или лица, их заменяющие в позднейшем фольклоре, побеждают своих хтонических противников? Этот вопрос важен потому, что само оружие бога связано с выражением его внутренней сущности и магической силы, являясь в определенном смысле его продолжением. Для понимания этого рассмотрим одно из важнейших домифологических магических представлений, бытующее тем не менее до сих пор: подобное уничтожается подобным.

Например, по славянским верованиям, водяного (водное хтоническое существо) можно умиловить шерстью

²⁰ По реконструкции В. Иванова и В. Топорова, это Велес.

черного козла, злой Домовой мучает всех животных в хозяйстве, кроме собаки и козла. У Дьявола — козлиное копыто, и одна из любимых жертв — козел. Вся симпатическая и любовная магия до наших дней основана на этом принципе. Это может быть воздействие на изображение или фотографию, или любой другой образ человека, на часть тела: волосы, ногти, пот, кровь, сперму; на личные принадлежности: вещи, след и т. д. Все народные заговоры построены на фразе: «Как делает тот то-то, так пусть будет то-то и то-то». Известно, что многие древнеславянские обереги также изготавливались по принципу подобия: изображение челюсти хищника являлось защитой от них, ключ — от воров, маленькие топоры или ножички — от вражеского оружия, печенье — козулька (изображение козла) на зимний праздник Коляды — от темных сил.

Вспомним, чем, по мнению создателей фольклора и народа в целом, можно победить хтоническую, позднее нечистую силу? До сих пор сохранились поверья, что для этого необходимо специальное оружие или орудие.

1. Волкодлака или оборотня можно убить серебряной пулей. Серебро — металл Луны, а волкодлаки (люди-волки, да и вообще оборотни) всегда связывались с Луной, особенно с полнолунием.

2. Вурдалаков и упырей, по преданиям, можно убить осиновым колом. А почему? Считалось, что они — проклятые при жизни (заложные) души, как и осина — проклятое дерево. В христианской традиции считается, что на осине удавился Иуда после предательства Иисуса Христа, и поэтому осина стала проклятым деревом. В энциклопедическом словаре²¹ говорится: «Этимологические мифы связывают "трясение" осины с Божьим проклятием, наложенным на осину за то, что из нее сделан кресты, на котором распяли Христа, гвозди, которыми он был прибит к кресту, а также "спицы", которые мучители Христа загоняли ему под ногти».

Но еще до принятия христианства такое представление об этом дереве было довольно распространенным. Так, в

²¹ Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995.

литовском народном предании «Ель — королева ужей» говорится, что Осина, дочь Ели, предав мать и отца, послужила причиной их гибели. После смерти девушка превратилась в дерево осину.

Кое-где у восточных славян осину считали также «чертовым деревом» (ср.: характерное гуцульское название черта — «осиновец»). В местах, где растет осина, по поверьям, «вьются черти».

3. Кошеч Бессмертного можно убить, только сломав иглу или кость. Уничтожение иглы или кости — подобия Кошечя, нередко представляемого живым скелетом или ожившим мертвецом, приводит к его смерти.

4. В индоевропейских, да и в любых других сказках, герой вначале ищет меч-кладенец или какое-то другое магическое оружие, а затем побеждает змея, дракона, великана, как правило, хтоническое существо. Это оружие чаще всего спрятано в подземелье и принадлежит хтоническому персонажу. Даже меч королю Артуру в цикле кельтских преданий о Круглом Столе дала рука из озера, или с «того света», и после его смерти Эскалибур был возвращен на дно озера. Специальное оружие, направленное против определенного персонажа мифа или легенды, после выполнения своего предназначения возвращается в хтонический мир. Этим подчеркивается, что нашему земному миру оно не принадлежит.

Выявив основное качество такого оружия, рассмотрим, что оно из себя представляло. Происхождение оружия, т. е. того, что делает этих богов громовниками и царями, по нашей гипотезе, должно быть хтоническим. Само небо, по представлению древних народов, было из камня, или на нем находились камни *Перуна*, Укко, Перкунаса. Это соответствует индоевропейской мифологеме каменного неба и означает, что власть свою боги-громовержцы получили или напрямую, или опосредованно от Матери-земли, либо соответствующих ей хтонических сил.

Перечислим виды оружия индоевропейских громовников.

1. У *Перуна* главное оружие изначально составляли камни, а позднее — топор, лук и стрелы («стрелы громовни»). Камень болевнит в народе считают стрелой *Перуна*. Поль-

ский историк Стрыйковский (XVI в.) писал, что истукан — идол *Перуна* (Перкуна), держал в руке камень, а перед ним постоянно пылал священный огонь²². В Густынской летописи это записано так²³: «Перконос, си есть *Перун*, бяше у них старейший бог, создан подобие человеце, ему же в руках бяше камень, многоценный аки огонь, ему же огонь неугасающий с дубового древия непрестанно паляху». Если огонь гас, то новое пламя высекалось жрецами из камня, находящегося в руке идола. Интересно сравнить описание многоценного, горящего, как огонь, камня в руке *Перуна*, с приведенным ниже описанием Ваджры древнеиндийского бога Индры. Само имя славянского *Перуна* связано с понятием грозы: греметь, гром. Если возвратиться к понятию высечения искры — молнии при ударе камней, то и с камнями, и с подземным миром²⁴. Напомним, что народная этимология слова *перун* определяется следующим образом: *вперить* (пристальный, пронизывающий взгляд), *вперить* — проткнуть, *понеф* — натиск, всепреодолимость, *пери* — нечто острое (перо как нож в среде уголовников), летающее, пронизывающее воздух. Слова: *перед*, *вперед* — того же корня. Священные камни, посвященные как *Перуну*, так и его литовскому аналогу — Перкунасу, говорят об их связи с камнем и, следовательно, с землей. Камни, по представлению индоевропейских и ряда других народов, являются костями Матери-земли. Они, камни, имеют явно хтоническое, земное происхождение.

2. Перкунас (Литва), Перконс (Латвия), Перкунас (Пруссия) имел топор или молот, камни; позднее — меч, бьющий молниями, лук и стрелы, палицу, бичи.

Иногда литовский Перкунас выступает творцом своего оружия, как *Akmeninis kalvis*, т. е. *каменный кузнец*. Это имя четко указывает на связь оружия Перкунаса с камнем.

3. Карело-финнский бог-громовник Укко, эстонский Уку изначально катал небесные камни (гром) и поражал

²² *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его «Хроника». М., 1966; *Błoński J.* Mikołaj Sęp-Szarzyński a początki polskiego baroku. Kraków, 1967.

²³ Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.

²⁴ Ср.: эстонское *porgu* — «преисподняя» и русское *пурга* как проявление хтонических сил.

громом и молнией злых духов, святилищами его были рощи и камни. Позднее атрибуты стали более разнообразными: молния, топор, меч.

В ряде традиций Укко высекает молнию посредством удара камней (иногда наковальней служит колено, а молотом кулак), которые в процессе «производства» будто бы каменеют. Не случайно старец Вяйнемеинен, земное воплощение Укко, таким же образом использует окаменевшие колено и кулак, высекает огонь в чреве великана. Священные камни, посвященные Укко по всему ареалу финно-карельского расселения, говорят о том, что финно-карельский громовник, как и его индоевропейские собратья *Перун* и Перкунас, имеет камень в качестве орудия творения молний и грома. Аналогично, по признаку основной функции, он, Укко, ассоциируется с камнем и камнем может быть представлен.

4. Скандинавский Тор, древнеисландский *Thor*, немецкий *Donar* — топор или молот, часто каменные. По преданию, оружие сковали или добыли подземные карлики — цверги, которые первоначально были червями в теле перворожденного великана Имира. А из тела Имира и была создана Земля. Цверги живут в земле и камнях, как черви. Не выносят света, и при попадании его на тело гибнут, каменея. Эти цверги очень напоминают магму земли: она, аналогично воде, могла в сознании древних мыслиться живой. Магма текуча, проходит по «жилам земли», а попадая на поверхность, застывает — «превращается в камень». В мифах часто говорится о сокровищах цвергов, а магма выносит с собой минералы и драгоценные руды. Цверги — явно хтонические существа, следовательно, оружие Тора имеет такое же происхождение. А молот Тора — Мьелльнир (*Mjollnir*) имеет тот же смысловой корень, что и русская молния — оружие *Перуна*, его стрела.

Кроме того, древнеисландское *Fjorgyn*, имя матери громовержца Тора, переводится как *гора*, *каменная гора* (ср.: готское *fairguni* — гора, хетское *peruna* — скала, древнеиндийское *parvata* — тоже гора).

Германский Тор имеет в корне имени значение: проторить — пробить (ср.: *тур* — бык, *турнуть* — резко от-

бросить, *тороватый* (мужик) — смелый, умелый, быстрый, оборотистый).

5. «Громовому старику», богу-громовнику скандинавских саамов, в жертву приносили миниатюрные каменные молоты.

6. Индийский Индра владеет Ваджрой (*vajra*), т. е. дубиной, палицей, которую, по ведийской традиции, выковал для него Тваштар. Это творец, создатель, женатый, однако, на демонице, что означает, что без хтонического начала здесь тоже не обошлось. Один сын его, трехглавое чудище Вишварупу — противник Неба и Индры, а другой — главный враг громовержца Вритру. Ваджра прежде находилась в океане, в водах, в первоматерии²⁵. Можем предположить, что это та же магма, которая окаменела на свету. Ее называют то медной, то золотой, то железной, а также «как из камня или из скалы». Хтоническое, каменное, а возможно, и магматическое, происхождение Ваджры как основного оружия громовника не вызывает сомнений.

7. Греческий громовержец Зевс. На Крите у Зевса — двойной топор, лабрис, дающий и отбирающий жизнь. В других местах — гром, молния и перун. Это оружие сделало его царем богов, и оно — хтоническое, выкованное сторукиими киклопами в подземной, или, иными словами, вулканической кузне. Происхождение его явно магматическое, связанное с вулканической деятельностью.

8. Громовник хеттской и хурритской мифологии Тешуб использовал каменный резак, которым Земля была отделена от Небес. Хтоничность его очевидна — он был еще во время Хаоса, смешения Земли и Неба и, возможно, связывался с той же застывшей магмой как символом хаоса и смешения. Этим резаком Тешуб победил чудовище, грозившее уничтожить мир — отрезал его от скалы, поддерживающей небо.

Из приведенного перечня видно, что основным материалом оружия громовержцев был камень. Основные причины этого заключаются в следующем:

1. В эпоху неолита основным орудием людей был камень.

²⁵ По тексту Ригведы (1, 121 12, V 342). М.: Наука, 1999.

2. Огонь мог быть высечен при ударе камней, например кремней.

3. Небо мыслилось, как и земля, каменным.

4. Падение метеоритов — «небесных камней», указывало на камень как орудие верхних богов. Эти камни почитались (например, священный мусульманский камень Каабы имеет метеоритное происхождение).

5. Камни — «жилы земли», они хтоничны. В старинной литовской сказке «Молодец и черт»²⁶, соответствующей по содержанию русским народным сказкам о Морском Царе, описывается: черт, живущий в подземном или подводном хтоническом царстве, носит имя «Седой горы кость». По аналогии с русским Кощеем (Костеем) он олицетворяет камень, как кость земли. В германской мифологии из костей великана Имира сделаны камни и горы земли. В великорусских христианских апокрифических сказаниях «Голубиная книга»²⁷ сказано:

Кости крепкие от камени,
Телеса наши от сырой земли,
Кровь-руда от черна моря.

Хтоничность камня определяется даже современным названием «рудная жила», явно намекающим на то, что он является частью живого организма Земли. За камни отвечают хтонические божества земли: киклопы, *Кощей* русских сказок, славянский бог *Велес*, гномы, карлики, цвирги, позже, как собирательное, черти.

Остановимся на вопросе, почему каменное оружие громовников могло почитаться, как священное? Вопрос вызван тем, что такие орудия в каменном веке представляли нечто обыденное и обожествлять их, тем более представлять достоянием богов, не было никакой явной причины. В качестве ответа можем выдвинуть следующую гипотезу. Прежде всего отметим тот факт, что при извержении вулкана, когда изливается магматическая порода с ее «сокровищами» и «полуфабрикатами» для изделий, происходят сильнейшие грозы и землетрясения. Мифоло-

²⁶ Королева лебедь. Литовские народные сказки. Вильнюс, 1965.

²⁷ Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М.: Московский рабочий, 1991.

гическим отражением этого может быть бой громовника с ужасным хтоническим чудовищем, трясущим землю. Всеобщность мифа о вселенском катаклизме — потопе, землетрясениях и извержениях вулканов подтверждает эту гипотезу.

Твердые магматические породы, выходящие после извержения на поверхность, — наиболее доступный и уникальный материал для изготовления оружия еще в эпоху неолита. Отваживаться на поход за таким опасным материалом, находящимся на склонах вулканов, могли только герои. Эти герои в древнейшие времена посредством приобретенного оружия и личной смелости могли захватывать власть в племенах, становиться первыми царями — князьями. Эпизоды такого захвата власти могли послужить поводом создания некоторых мифов о громовнике — царе и герое. Оружие, сделанное из куска застывшей лавы, носило мистико-магический характер по своему происхождению. Кроме того, оно могло искриться вкраплениями минералов и руд. Сам вид и происхождение оружия неолитического героя мог вызывать ужас у его врагов, лишать их силы. Оружие это со временем обрастало легендами, и, в конце концов, связывалось с верховным богом, да и сам герой-предок мог сливаться с ним.

Например, в германской мифологии бог-громовник Тор одновременно рассматривается как бог и как первопредок германцев. Славяне, по свидетельству СопИ, Дажьбожьи внуки. Описание оружия в виде дубины, каменного молота или палицы указывает на неолитическое время появления этих мифов об оружии громовержцев. Палица, дубина, каменный топор или молот были самым грозным оружием древнего человека. В дальнейшем такое оружие могло стать прообразом царского скипетра, который по сути своей представляет собой дубину, украшенную драгоценными камнями.

Самое важное, что мы можем заключить в результате проведенного анализа, — первоначальное хтоническое происхождение бога-громовника у индоевропейцев. Он использует камни или иное оружие хтонического происхождения. Как Зевс или Укко, сам иногда может пред-

ставляться и почитаться в виде камня. Силу берет у земли, которая чаще всего его и породила. Во всех случаях небесная власть громовника поддерживается силой через владение волшебным хтоническим оружием. Характерно, что его основные соперники — наиболее близкие ему же по происхождению хтонические боги.

ЗООМОРФНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОГАХ

Далее будут рассмотрены некоторые зооморфные представления славян. Это важнейший вопрос, т. к., даже забыв имена богов, чьими символами являются те или иные животные, мы все равно в повседневной жизни накладываем на реальных животных древние символические представления. Данная подборка, с одной стороны, связана с приведенным ниже анализом сказок, с другой — описываемые зооморфные образы отражают наиболее яркие стороны славянского пантеона богов. Кроме того, предпринимаемый анализ поможет разобраться в иерархии богов в индоевропейской и конкретно славянской традиции.

Конь

Конь в традиции славянских народов почитается как священное, мифологизированное животное. Конь — необходимый атрибут высших языческих богов, но он и хтоническое существо, связанное с культом плодородия и смертью. Конь, помимо прочего, связан с загробным миром, он — проводник на тот свет. Участие ряженных конем на праздниках, в том числе Коляде, Святках, указывает на связь коня с календарными обрядами и культом плодородия.

Можно добавить, что в Упанишадах сказано: коня приносили в жертву, в первую очередь богу Индре — небесному царю (аналог нашего *Перуна*), который отвечал за ведение войны и урожай на полях, был богом-громовником. Коньки на крышах русских домов делаются и по сию пору как знак солнечный, призывающий урожай, а следовательно, достаток в дом. Добавим еще, что жертвоприношение коня описывается в Шатапатха-брахмане, Ваджасанейи-

Самхите Яджурведы. Там указывается на сотворение мира из частей коня при его жертвоприношении.

Являясь символом солнца или атрибутом солнечного бога, конь постепенно стал атрибутом царской власти. Само солнце совершает круговорот через дневную и ночную сторону мира, так и конь должен пронести своего всадника через смерть к новому перерождению, к новой жизни.

При развитии религиозного учения появляется идея посмертного воздаяния, в том числе награды. Развитие этих представлений и сделало коня проводником в царство мертвых. Конь как бы способствует воцарению усопших в загробном царстве.

Для нас важно, что конь одновременно связан с перерождением души, т. е. вроде бы должен иметь непосредственное отношение к богу *Велесу* и соотносится с солнечной символикой, равно как и с символикой царской власти, т. е. должен иметь отношение к богу-громовержцу. Однако нигде не зафиксировано отношение коня к *Велесу* и аналогичным индоевропейским богам, а его принадлежность к культу *Перуна* имеет очень поздний, опосредованный характер, через отношение коня к царской власти.

По нашему мнению, конь со своей символикой ближе к небесным богам, в первую очередь солнечным. Он не соотносится ни с *Перуном*, ни с *Велесом* именно из-за их хтонической сущности, противоречащей сущности конской символики.

С *Перуном*, как и со всеми индоевропейскими громовниками, в той или иной мере соотносится символика хтонического животного — козла, что нами будет показано ниже.

Бык

Бык в народной традиции — воплощение силы, особо почитаемое и жертвенное животное. В южнославянской космогонии бык — опора земли.

В Индии он олицетворяет космическое начало. Истоки этого видны еще в верхнепалеолитическом искусстве. Голова быка и его рога отгоняли нечисть. Обычай питья из турьих (бычьих) рогов на Руси и Кавказе — тоже древняя

охранительная магия от яда и всякого зла. Глиняная модель храма, украшенного бычьими рогами, обнаружена в поселении Трипольской культуры у реки Рось. Бычьи рога и маски, как охранительные, известны на Балканах еще в V–IV тысячелетиях до н. э.

В хеттской и хурритской мифологии у бога грозы два быка. Греческий Зевс, в том числе и бог грозы, превращается в быка при похищении Европы. Греки и водяных божеств, в том числе Посейдона, также изображали быками. Следует указать, что Посейдон у греков изначально был богом земного плодородия, и только потом в его ведение перешло море, как, возможно, важнейший источник жизнеобеспечения, через рыболовство и торговлю. Но он же — колыхатель земли и моря. От него исходят землетрясения, что во многом соответствует функциям бога грозы в регионах с повышенной сейсмической опасностью. И римляне своему богу грозы — Юпитеру, приносили в жертву быка, который иногда и изображался в образе этого животного.

Согласно «Войне с готами» Прокопия Кесарийского (VI в.), славяне жертвовали быков богу — «творцу молний». Речь идет, разумеется, о *Перуне*²⁸. До настоящего времени сохранились представления о быке как о жертвенном животном. Так, бык как жертвенное животное известен на Русском Севере, в Нижегородской, Пензенской, Орловской губерниях. Когда в праздник, например, в Ильин день, собиралась мужская скотоводческая братчина (пир), то закалывали быка, специально откормленного всем миром, а затем съедали или раздавали его мясо, но сохраняли кости: считалось, что они приносят удачу. В Олонецкой губернии охотники и рыболовы верили, что кость зарезанного на Ильин день быка утраивает добычу. Вспомним, что Ильиным днем стал именно *Перунов* день. Значит, быка посвящали *Перуну* и удачу ждали, именно от него. Существует поверье, что кости жертвенного быка обеспечивают ясную погоду при жатве и сенокосе. На Орловщине кости жертвенного бычка закапывали в хлеву, чтобы не переводился скот в доме. В Костромском крае при

²⁸ Цит. по: Хрестоматия по истории СССР. М., 1951. Т. 1. С. 16–17.

падеже скота закалывали бычка. Иными словами, бык как жертва связан с плодородием и охотничьей удачей.

На первый взгляд кажется неожиданным, что бык в ряде случаев выступает еще и как противник бога или героя: в иранской мифологии — убийство первобыка Ахриманом, на шумерских печатях человек сражается с человекобыком, критского минотавра одолевает Тесей, на Крите существовали ритуальные игры — сражения с быком. В зороастрийской мифологии бог Митра убивает быка, что стало одним из его основных подвигов.

Все это связано с обрядом ритуального состязания и последующего принесения в жертву священного быка. К примеру, в Испании и Латинской Америке до сих пор проводят корриду — отголосок древних игр и жертвоприношений. Во время греческих буффоний убивали быка, съевшего жертвенный хлеб.

Дадим пояснение. Смерть быка как зооморфного бога, связанного с громовержцами, указывает просто на сезонность плодоносящей силы. На Крите даже указывали на могилу Зевса именно как сезонного бога.

Только в раннегосударственный период громовники все больше и больше становятся покровителями дружин правителей, отчасти теряя свою первичную земледельческую функцию.

Славянский *Перун* — бог также и воинов, в дополнение к земледельческим функциям и роли громовника. По СопИ, друг князя Игоря, предводитель воинов Всеволод именуется Буй Тур Всеволод, т. е. буйный, сильный бык Всеволод. Быки или туры на Руси олицетворяли воинов, и значит, посвящались *Перуну* в его воинской ипостаси. Так, в былине «Три года Добрынюшка стольничал» колдунья Маринка Койдаловна превращает Добрыню в тура, т. е. в быка:

Обвернула его, Добрыню, гнедым туром,
Пустила его далече во чисты поля,
А где та ходят девять туров,
А девять туров, девять братников,
Что Добрыня им будет десятый тур,
Всем атаман — золотые рога!

Проверим, не имеет ли наш случай отношения к лунным богам. Известно, что в Древнем Двуречье и Средней Азии в III–II тысячелетиях до н. э., в древнеиранской и в древнеиндийской традициях, бык в первую очередь — образ лунного божества. В иранской мифологии месяц называют «имеющим семь быка», в Шумере и Аккаде бог луны Син изображался в облике синебородого быка.

В связи с тем, что в современной литературе бык часто соотносится с богом *Велесом*, стоит обратить внимание на замечание Г.С. Беляковой²⁹ о том, что несколько поздняя ипостась (сущность, проявление) *Велеса*, связанная со скотоводством, — тур, встречающийся в южнославянских областях от Украины до Далмации. После введения христианства на имя популярного славянского бога был наложен строгий запрет, а в святочных песнях появилось новообразование «тур — турицы». Бык при раннем христианстве на Руси из ведения громовника перешел к хтоническому *Велесу*. При этом переходе на первое место выступила функция плодovitости быка.

Вот и Б.А. Рыбаков в «Язычестве Древней Руси»³⁰ указывает на игры «турицы», в которых парни, наряжаясь быками, гонялись за девушками, стараясь боднуть их в «непотребное» место. Игра эта указывает на некую ярую, связанную с плодovitостью, роль быка.

Баран

В Упанишадах говорится, что барана приносят в жертву для связи с предками, их угощения и привлечения. В «Одиссее» Гомера для выхода и привлечения души из Аида главный герой закалывает черного барана. По многочисленным поверьям, пить жертвенную кровь слетаются души предков. Жертвенный агнец, т. е. тот, кого приносят в жертву, — это барашек. Испытатель Христос в раннем христианстве иногда изображался в этом образе, например в Апокалипсисе святого Иоанна.

Образ барана связан с солнцем. Астрологически Овен — время, соответствующее марту–апрелю, и связан с уве-

²⁹ Белякова Г.С. Славянская мифология. М.: Просвещение, 1995. С. 85.

³⁰ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.

личением дня, с весенним солнцестоянием. Баран подчеркивает плодovitость. Овец и баранов белого цвета приносили в жертву богам огня и солнца, черных — злым духам и предкам. В МНМ отмечено, что «...жертвоприношение черной овцы божествам подземного царства, злым духам для их умилоствления. Часто коза приравнивается к черной овце (черной овцой нередко называют плохого человека, ср.: «заблудшая овца» — о грешнике)».

В Ригведе³¹ Пушан, божество, связанное с солнцем и плодородием, тклет овечьи одежды и чистит их. Гадание на овечьей лопатке после жертвоприношения также указывает на связь с миром духов и предков, их вопрошание о будущем. В Египте барана приносили в жертву богу Амону, богу Солнца, который изображался с бараньей головой. В Древней Греции баран был посвящен Афродите — богине любви, из-за его плодovitости.

Приведем две славянские приметы. Поймать во сне барана — к преодолению всяческих препятствий; есть баранину — к торжеству над неприятелем. А у римлян увидеть во сне золотого или пурпурного барана означало возможность стать царем. У хеттов шкуру барана, посыпанную золотым песком, в качестве солнечного символа несли перед царской процессией во время торжественных праздничных шествий.

Древнеиндийский бог Агни, имя которого переводится как «огонь», кроме того, что «заведует» огненной стихией как таковой, является в ведической мифологии богом домашнего очага (что означает связь с предками) и жертвенного костра, отвечает и за огонь в водах. В Ригведе Агни — главный из земных богов, ему посвящено около 200 гимнов. Он центральный персонаж основного древнеиндийского ритуала, и главная функция этого небожителя заключается в посредничестве между богами и людьми. Несмотря на то, что почти всегда ему в жертву приносили козла, этот персонаж мог превращаться в барана, причем только в ипостаси солнечного, небесного огня и для связи с миром духов и предков.

³¹ Ригведа, (10, 26, 6).

Плодовитость овец до сих пор соотносится с плодородной силой, дарованной небом, через дождь — небесную влагу. Именно громовник (*Перун*, Тор, Индра и т. д.) выпасает этих небесных барашков (в некоторых традициях коров), под которыми подразумеваются облака.

Козел и божества, связанные с этим символом (Фавн и Велес, Ярило и Дионис)

Известно, что козел — символ похотливости и плодовитости. Но плодовитость эта отличается от плодовитости быка, коня, барана, дарованной им Солнцем и Небом. Она ближе к Земле и ее плодородным функциям, и имеет оргиенистическое направление. Земную плодовитость козла выражал, например, козлоногий греческий Пан, противопоставленный в греческой традиции Аполлону. Римские Сатиры и Селены так же козлоноги, связаны с растительностью, пьянством, оргиями. Они олицетворяют и буйство природы, и ее хаотическое начало.

Козел гетеросексуален, как и коза, он очень шкодлив и непостоянен. В качестве примера можно вспомнить русскую народную сказку «Коза-Дереза». В некоторых древних обрядах существовали эпизоды сожительства женщины с козлом, осуществлявшиеся для повышения плодородия земли. Сожительство ведьм во время шабаша с Сатаной в козлином обличье имеет основанием как раз эти древние традиции. Козел — это хтоническое животное, связанное с землей и даже Адом и Хаосом.

Еще одна сторона символики козла связана с его функцией проводника. Козел в стаде овец используется до сих пор как вожак. В горах он всегда найдет проход, который так и называется — козьей тропой.

Несмотря на хтоническую природу этого животного, он имеет отношение к громовникам, правда, опосредованное, а именно через их оружие. Индийскому громовержцу Индре козла приносили иногда в жертву (когда речь шла о связи с предками), как уже упоминалось, богу Агни он доставался на жертвенном костре в несколько раз чаще. А скандинавский Тор ездил на козлах и принимал их в пищу. Перкунас

водил за собой на веревке козла и иногда садился верхом. Грозного Зевса выкормила на Крите коза Амалфея, и эгис (или эгида), т. е. козья шкура, является его атрибутом.

Как это объяснить? Дело в том, что козел связывает громовержца с подземным царством, как птица или солнечный конь — с небом. Без него царь богов не мог бы повелевать подземным миром. А поскольку эта власть прежде всего предусматривала возможность наказания и преследования темных сил, козел выступал не только в роли проводника, но являлся своеобразным военным атрибутом в борьбе с темными силами, оберегая и делая неуязвимым для обитателей Тьмы.

Важнейшей сакральной функцией этого животного была жертвенная. В качестве «козла отпущения грехов» им заменяли человека, который эти грехи сотворил. В этом случае четвероногую подмену могли выгнать, чтобы боги мести наказали его за чужие проступки, либо заколоть. Такова, например, история с сыном Креза Адрастом, совершившим по неосторожности убийство своего брата, которая описана в «Киропедии» Ксенофонта³². Отец, убив козленка, омыл Адрасту руки пролитой кровью животного. В русской народной сказке «Сопливый козел» также приводится случай замены виновного на козла.

Кратко рассмотрим сочетание корневых согласных (К-З) в слове *козел*. Сочетание (К-З) встречаем в следующих группах слов.

Указ, указать, производное — *приказ, наказ* (козел указывает путь стаду овец, душам в загробный мир).

Кузня, кузнец — связывались с колдовством, хтоническим миром, тайной.

Казна — богатство, место хранения богатства (подземный мир и подземные боги всегда считались хранителями богатств и кладов).

Казнь, казнить — отправить напрямую в распоряжение подземных богов; ягода кизила, по крымской легенде, — ягода Сатаны.

Кузов, кузовок — место хранения и сокрытия имущества (связано со скрыванием, прятаньем,кладами).

³² Ксенофонт. Киропедия. М.: Наука, 1976.

Сказка, сказ, рассказ, сказать — производное от казать, указать (по смыслу означает сообщение).

Козни — злобные, дьявольские происки.

Казитися — повреждать, получать вред.

Казь — искажение.

Казь — козлиная выделанная шкура.

Древнерусское слово *казь* обозначает и зло, и искажение, и козью шкуру, и это совпадение явно не случайно. В протоязыке существовал один гласный звук, поэтому целый комплекс понятий определялся сочетанием согласных звуков.

Из приведенных примеров можем видеть, что сочетание (К–З) (коза, козел) несет как указательную функцию, так и элементы, присущие подземным, хтоническим божествам. Все слова связаны со злом, богатством, колдовством, смертью. Даже имя Кузьма иносказательно используется в слове *подкузьмить* — сделать гадость, и в поговорке *показать Кузькину мать*, т. е. злую, нехорошую.

Можем сделать вывод, что все вышеприведенные качества козла в народных представлениях переносились и на божественных персонажей, чьим зооморфным символом он являлся. Хтонический бог *Велес*, в частности, мог обладать похотливостью и плодовитостью, иметь оргиенистическую направленность, быть гетеросексуальным, вредным и непостоянным. С другой стороны, его вездесущность и всепроникаемость говорят о том, что проводник он превосходный, к тому же связан со злом, богатством, колдовством, смертью, но может и помочь в искуплении грехов.

При реконструкции славянской мифологии, в условиях крайней бедности сведений о ней и практически не сохранившихся источниках, важнейшую роль играют фольклорные материалы — былины, сказки, заговоры и т. д. Используя их, попробуем воссоздать образ древнейшего славянского и индоевропейского бога *Велеса*. Ранее нами было показано, что однозначное прочтение функций данного бога просто «как змеевидного противника громовержца» несколько неуместно и некорректно.

Великий славянский бог *Велес*... О нем много сказано, но до сих пор идут споры, какое место он занимает в пантеоне древнерусских богов. Не всегда понятно, какие

именно персонажи фольклора, дошедшего до наших дней, являются его отражением и ипостасями.

В вопросе выявления роли *Велеса* в славянской мифологии очень помогает то обстоятельство, что у всех народов древние боги соотносились с теми или иными животными, имели зооморфные ипостаси. В силу этого в некоторых сказках сохранились отголоски мифов и древнейших жреческих обрядов. Один из таких сюжетов представлен в сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Кроме того, в ходе изучения вопроса оказались весьма полезными некоторые аспекты теории деятельности А.Н. Леонтьева. Именно через деятельность и феномены, связанные с ней, а также взаимодействие отдельных персонажей мифологии удастся реконструировать некоторые черты древних славянских верований.

Рассмотрим козлоногий персонаж римской мифологии — *Фавна*. Следует указать, что более тесная, чем у Диониса, связь его с символикой козла говорит о том, что этот персонаж появился еще во времена матриархата, расцвета женских оргиенистических мистерий. В античной Греции той поры они уже резко осуждались, но продолжали сохраняться в других местах, дольше всего всего продержавшись у этрусков и среди плебеев Рима.

Фавн соответствует греческому богу Пану, входящему в свиту Диониса. Уже сам этот факт должен привлечь наше внимание. *Фавн* (Faunus, от *favere* — помогать; также *Fatuus*, *Fatulcus*, от *fatuor* — быть одержимым; *fando* — пророчествовать) считается в римской мифологии богом лесов, пастбищ, полей, животных³³.

Функции *Фавна* в некоторых аспектах, по нашему мнению, совпадают с функциями славянского бога *Велеса*:

1. *Фавн* давал предсказания в стихах. Вещий Боян, который говорил стихами и пророчествовал, в СопИ назван *Велесовым* внуком. Это дает возможность предположить наличие таких способностей у его божественного деда.
2. *Фавн*, когда его хитростью поймал Нума, был вынужден рассказать, как отворачивать молнии Юпитера. Интересно, что бог *Велес* тоже знает, как скрываться от молний *Перуна*.

³³ Serv. Verg. Aen. VII 47.

3. *Фавн* хтоничен, он может воровать детей, насылать кошмары и болезни. О *Велесе* можно сказать то же самое.
4. *Фавн* вступал в связь со всеми животными и соблазнял женщин. Это качество хтонического бога плодородия связано с древнейшими ритуально-мистическим оргиями, направленными на оплодотворение всего живого. Он носил функции бога плодородия.

Во время праздника луперкалий *Фавну* приносили в жертву козла. После принесения жертвы жрецы-луперки, с одной только козьею шкурой на бедрах, бегали по округе и стегали встречных женщин ремнями, вырезанными из шкуры жертвенного козла. Эта экзекуция должна была сделать выпоротых плодovitыми.

Что в этом смысле можно сказать о *Велесе*? Св. Николай, заменившего *Велеса* после принятия христианства, всегда просили об урожае. Последние колосья до недавнего времени на Руси оставляли «*Велесу на бородку*» в целях повышения урожайности. Одной из его ипостасей был медведь, который тесно связан с представлениями о здоровом потомстве и зачатии. Молодым стелили медвежью полость на брачное ложе. Вплоть до 30-х годов XX в., чтобы забеременеть, женщины пролезали между задних лап ручных медведей.

5. *Фавн*, как и *Велес*, был покровителем скотоводства.

6. Ритуалистика праздников и обрядов, посвященных *Фавну* и *Велесу*, также обнаруживает сходство, при этом используется козлиная символика.

В праздник *Фавна* в Риме происходил обряд задабривания жуткой хтонической богини Мании — повелительницы мрака и безумия, культ которой был связан с культом умерших предков. Она, как и *Велес*, отвечала за их посмертное существование. Первоначально ей приносили в жертву мальчиков (явная черта матриархата)³⁴. Ребенка ставили на возвышение, чтобы он был лучше виден богине, к голове прикладывали нож, смоченный кровью жертвенного козла, и он должен был смеяться, изображая безумие и тем са-

³⁴ Иванушка, который в сказке жаловался сестрице Аленушке, что его хотят резать, тоже был мальчиком. В более поздние времена на Руси в праздник Купалы изготавливали жертвенную куклу и носили ее по городу.

мым вызвать расположение Мании³⁵. Хтоничный характер *Фавна*, а тем более Мании, не вызывает сомнений.

Сходство основных сакральных действий — жертвоприношение хтоническим богам, связанным с культом предков, мальчика, и более поздняя его замена во время проведения праздника козлом, позволяет отнести обряд подобного жертвоприношения к времени матриархата. Как будет показано ниже, этот праздник имел аналог и у славян.

Но как с *Велесом* соотносился символ козла? Эта связь сохранилась в представлении ряда народов вплоть до XX в. В «Золотой ветви» Д.Д. Фрезера³⁶ сообщается, что в Нижней Баварии о человеке, сжинающем последний сноп, говорят: «У него хлебный козел». В последний сноп втыкают рога и называют козлом рогатым. В Восточной Пруссии женщине, вяжущей последний сноп, полагалось кричать: «А в снопе-то козел сидит». В Швабии и Баварии козлом называют последний сноп. Там же фигурку козла вырезают и ставят на поля при уборке урожая. Подобные обряды и обычаи встречаются по всей Европе. Последний сноп, жнец, вяжущий последний сноп, последняя полоска хлеба — это козел. А на Руси последняя полоса хлеба, как уже упоминалось, оставалась «*Велесу на бородку*», последняя скирда — тоже она, «*Велесова бородка*».

На связь *Велеса* и символа козла указывает и следующее обстоятельство. Еще В.Я. Пропп³⁷ установил, что жалоба сказочного Иванушки утопленной ведьмой сестрице — это отголосок обряда жертвоприношения козла на Коляду³⁸:

Аленушка, сестрица моя!
 Выплынь на бережок:
 Огни горят горючие,
 Котлы кипят кипучие,
 Ножи точат булатные,
 Хотят меня зарезати!

³⁵ На этом празднике, как и в случае с Иванушкой из сказки, рассматриваемой в главе 1 части 5, человеческая жертва подменяется жертвой именно козла.

³⁶ Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1983.

³⁷ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. М.: Лабиринт-К, 2004. С. 47–48.

³⁸ С праздником Коляды связан Велес как хозяин подземно-подводного мира. Велес многолик. Он — воплощение древнего змея, связан с медведем — хозяином леса, одно из его воплощений — козел.

Об этом свидетельствует и сохранившаяся колядная песня.

За рекою за быстрою
Леса стоят дремучие,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые.
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы.
Поют песни колнодушки (колядные).
В середине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горячий,
Возле котла козел стоит,
Хотят козла зарезати...

Кроме ранее приведенной песни, также пели:

Сето, сето на новое лето!
Куда конь хвостом,
Туда жито кустом.
Куда коза рогом,
Туда сено стогом...

В зимний праздник Каляды маска козла была обязательна, пекли специальное печенье — козюльки, и раздавали калядующей молодежи. *Фавн*, как и Дионис, тоже мог быть развитием образа древнейшего индоевропейского бога — *Велеса*.

Из приведенного материала видно, что бог *Велес* может быть аналогом *Фавна* и соотносимого с ним греческого Пана. Это соотнесение дает возможность лучше разобраться в его функциях, что нам будет необходимо для дальнейшего анализа.

Другой древнегреческий бог, *Дионис*, также связан с символикой козла, хотя и в меньшей степени, чем *Фавн*. По нашему мнению, этот бог сродни славянскому Яриле, что, представляя интерес само по себе, дает возможность разобраться как в зооморфной символике, так и в функциях мифологических персонажей, с нею связанных.

Малоазиатский, позднее греческий бог *Дионис* — бог плодоносящих сил земли, растительности, виноделия

(МНМ) имел, как одно из воплощений, козла. Он долго не признавался греками за истинного бога, что отразилось и в мифологии. По легендам, очень многие цари заплатились жизнью за неприятие его культа.

По мифологической традиции, *Дионис* путешествует по Малой Азии, Индии, Персии, даже Гиперборее. Все эти регионы связаны с протославянами и их общими мифологемами. *Дионис* попал на греческий Олимп из Фракии, где, по ряду теорий, обитали протославянские племена. В качестве примера приведем ношение оселедца (чуба) у древних руссов, в Запорожской Сечи и во Фракии.

В убранстве *Диониса* присутствуют ветви винограда, из которого делают вино. *Ярило* украшен листьями хмеля, из которого делают пиво.

Рассмотрим славянского бога *Ярилу*. Это бог жизненной силы, сексуальной силы — яри. Его ошибочно, под влиянием сказки А.Н. Островского «Снегурочка», сопоставляют с Солнцем. *Ярило* несет признак силы и оплодотворения, но это оплодотворение земное, оно хтонично. Не случайно одним из атрибутов *Ярилы* является мертвая голова — бесспорный атрибут смерти. *Ярило* по своим атрибутам и функциям оказывается сродни малоазийскому *Дионису*, который одной из своих ипостасей имел козла, а свита его состояла из козлоногих сатиров и селен. Отметим, что козлиная ипостась *Диониса* тесно связывает его с символикой данного животного.

Дионис и *Ярило* почитаются шумно, весело. Часто праздники, посвященные им, переходят в оргии. На праздники *Ярилы* умыкали девушек. То же самое происходило на праздники *Диониса*.

Дионис как бог вина, веселья и земной хтонической силы интересен нам потому, что одним из его воплощений был козел. Кроме того, при вакхических мистериях люди впадали в экстаз, безумие. Символом, как *Ярилы*, так и *Диониса*, служил фаллос. В мифах подчеркивается всеобщность культа *Диониса*, а в конечном плане — женского жреческого экстаза.

Вакх — это римский аналог *Диониса*. Мать одного из царей, находясь в вакхическом безумии, растерзала сына, приняв его за животное. Даже божественный певец Орфей

был убит вакханками, проходившими мимо и находившимися в священном экстазе. Носителями этого экстаза были, в первую очередь, женщины.

Сам *Дионис* очень женоподобен, близок к праматери-Земле. Именно хтоническое, женское начало он и несет. Он отражает ярые оргические, мистико-магические ритуалы матриархата. Ритуалы, связанные со священным безумием, с растворением в женском хтоническом, хаотическом, протоматериальном и антидуховном, антимужском принципе. Козел хтоничен, вспомним хотя бы козлиную ногу Сатаны, связан с буйством и силами земли.

Женоподобность *Диониса* — это смена пола или двуполость. В шаманских традициях женоподобность и ритуальная смена пола присутствуют до наших дней. Смена пола дает возможность шаману общаться с духами и силами земли. *Ярилу* изображала девушка, переодетая юношей, что также указывает на двуполость. Тем более, что долго шли споры — женским или мужским персонажем является бог *Ярило*.

Ярило, как и *Дионис*, связан с плодородием — носит в руке молодые побеги, но заодно и мертвую голову, значит, связан с миром смерти. Одежда *Ярилы* белого цвета. Белый цвет у славян — цвет смерти, цвет савана³⁹. Хтоничность образа подчеркивает то, что в его праздники нередко доходило до смертоубийства и разнuzданных сексуальных оргий. Праздники *Диониса* от праздников *Ярилы* в этом отношении не отличались. Проходили сезонные похороны *Ярилы*, что соответствует почитанию *Диониса*.

Трансформация символа змея в мифологических системах. Велес, Бадняк, Змей, Волх

Рассмотрение данного вопроса необходимо для того, чтобы, наконец, выяснить, что же за «змеевидный противник» громовержца выступает в реконструированных славянских мифах? Более того, змей, побеждаемый св. Георгием, присутствует на гербе Москвы, а во всех народных источниках

³⁹ Белое платье невесты указывало на ее смерть в родительском роду. Из этого представления и идет обычай оплакивать невесту как покойницу. В Апокалипсисе святого Иоанна конь смерти назван «конь блед».

(которых несколько тысяч) Георгий спасает от змея деву-христианку. Считается общепринятым, что св. Георгий как змеборец в этом качестве заменил древнего славянского *Перуна*. Вопрос о соотношении женщины, змея и змеборца не так прост, как кажется. Поэтому нам придется обратиться к различным мифологическим традициям.

Отметим, что *змея* архетипически связывалась с землей, с которой соотносилась и богиня Мать. Поэтому в наиболее архаических мифах богиня-прародительница имеет змеиный облик. В частности, в таком обличье она сохранилась у майя, где верховная богиня представляется в виде женщины со звериными лапами и змеей на голове⁴⁰. Древняя мексиканская богиня Мать Чуакоатль изображалась с ребенком на руках и считалась «женой змея»⁴¹. В ряде случаев такие богини изображались со змеями, как, например, критские богини, этрусская Менрва и римская Минерва, греческие Афродита и Геката и т. д.

Позже, когда родоплеменные отношения стали заменяться (вытесняться) государственными или раннеклассовыми и вступили с ними в противоречие, символ змеи переходит к мужскому персонажу. Отметим важную особенность: в обществах, где сами условия жизни требуют напряжения всех социальных усилий, роль мужского персонажа заметно возрастает. Особенно это связано с кочевыми обществами. Так, у некоторых австралийских аборигенов, не привязанных к конкретной территории, змея может иногда связываться с мужчиной.

Характерно описание австралийского ритуала Изабеллой Уайт⁴², во время которого женщины представляли себя предками: «Однажды я присутствовала на церемонии, на которую не допускают мужчин. У ног танцующих женщин показались две змейки; это было истолковано как знак, посланный предками-женщинами, обозначающий, что за ними подглядывают какие-то мужчины и что танец нужно прекратить. Чтобы нейтрализовать злые силы, женщины

⁴⁰ МНМ. М., 1982. Т. 2. С. 520.

⁴¹ По: *Danzel T. W.* Handbuch der präkolumbischen Kulturen in Lateinamerika. Hamburg, 1937. С. 29.

⁴² *Уайт И.* Мифы австралийских аборигенов // Женщина в легендах и мифах. М., 1998. С. 331–332.

бросали в воздух песок, быстро стирали узоры на теле и пучками прутьев подметали свои следы».

Змей в период становления военной аристократии становится противником бога-громовника, покровителя военной аристократии. Отсюда появляется и все многообразие мифов о змеборчестве. При стабилизации государственного правления и появления ранних форм монархий змей становится одним из атрибутов царской власти, как, например, урей египетских фараонов или дракон китайских императоров. Дракон в Китае также связывался с императором, являлся его эмблемой, а также обозначал верховного мужчину в ритуалах.

Обратимся к образу одной из древнеегипетских богинь — создательниц мира, Нейт, образ которой имеет как ряд отличительных, так и типологических особенностей. При этом отметим, что ее культ при развитии Древнеегипетского государства был вытеснен культом солнечного бога Ра.

Рождение Ра знаменовало собой начало года. В мифе, посвященном богине, мы имеем, во-первых, древний зооморфный образ Нейт как коровы, а во-вторых, в нем появляется мотив змея и смерти бога Ра, связанного с плодородием⁴³. Само сезонное убийство Ра богиня передает змею, своему сыну, однако сам принцип сезонного убийства бога плодородия по желанию, или от рук богини, не изменяется. Впоследствии культ богини повсеместно был вытеснен культом бога Ра и некоторых иных мужских персонажей.

Хорошо известно, что мифы Творения мира отражают господствующие в обществе социальные отношения и являются их отражением. При этом динамика изменения таких представлений является показателем детерминирующего влияния социальных факторов на культурные и кросскультурные процессы. Мы рассматриваем представления о создании и обустройстве мира на примере мифологических систем, существовавших в государственный период. В данном случае мы можем проследить динамику развития данных представлений и попытаться выявить

⁴³ Рак И.В. Египетская мифология. М., 2004.

их общую функциональную детерминанту при переходе от мировоззренческих представлений родового строя к раннегосударственному.

Важная для понимания данных постулатов мифологема связана с древнейшими сказаниями пеласгов, имевших раннегосударственный строй⁴⁴. Отметим, что ряд исследователей называет этот миф орфическим, т. к. в трудах Аполлония Родосского говорится, что он получен из уст Орфея и имеет ряд совпадений с орфической космогонией. Рассмотрим содержание мифа. *«В начале Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами»*.

Отметим важный момент в тексте. Он состоит в том, что танец был религиозным ритуалом, а поскольку речь идет об инициировании порождения мира, богиня начала творение с него. Для нас данное обстоятельство представляет интерес еще и потому, что с древнейших времен сохранялся язык жеста для коммуникации в социальной среде: и с людьми, и с богами. Священность языка жеста и танца может указывать на его «первородность», и поэтому «священность» относительно фонетической речи, тем более что в зоопсихологии хорошо известны различные типы языков жеста и «танца» как комплекса ритуальных движений в животной среде.

В нашей работе по мифологии и религии этрусков, одним из возможных предков которых являлись пеласгийские племена, описано, что танец у этрусков служил инструментом борьбы со смертью и болезнью, так, во время эпидемии чумы в Риме этруски смогли остановить ее с помощью магического танца. Древнейшие жреческие коллегии Рима использовали танцы в своей сакральной деятельности⁴⁵.

Имеется сообщение о том, что в Малой Азии возле танцующих стояли старики с луками, готовые покарать тех, кто допустит ошибку⁴⁶. По староиндийскому поверью,

⁴⁴ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. С. 37–38.

⁴⁵ Наговицын А.Е. Этруски: мифология и религия. М.: Рефл-бук, 2000.

⁴⁶ Sachs C. World history of dance. N.Y., 1937. P. 219.

танец без предварительной молитвы считался вульгарным⁴⁷. До сих пор в Индии сохранились традиции храмового танца, направленного на воссоздание и возрождение жизни и природы.

В Древней Греции одна из древнейших богинь-Матерей — Артемида, по выражению Гомера, «шумливая», считалась заядлой плясуньей. Греческая поговорка гласит: «Где только не танцевала Артемида»⁴⁸. Она часто изображалась танцующей или в сопровождении пляшущих. Танцы были обязательны и в культуре Кибелы.

Вернемся к пеласгийскому мифу для рассмотрения последующих этапов Творения у пеласгов и его аналогов в иных мифологических системах. *«В своем танце она продвигалась к югу, и за ее спиной возникал ветер, который ей показался вполне пригодным, чтобы начать творение. Обернувшись, она поймала этот северный ветер, сжала его в своих ладонях — и перед ее глазами предстал великий змей Офион. Чтобы согреться, Эвринома плясала все неистовей, пока не пробудилось в Офионе желание, и он обвинил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Вот почему северный ветер, который также зовется Бореом, оплодотворяет: вот почему кобылы, поворачиваясь задом к этому ветру, рожают жеребят без помощи жеребца. Таким же способом и Эвринома зачала дитя.*

Затем превратилась она в голубку, села, подобно наседке, на волны и по прошествии положенного времени снесла Мировое яйцо. По ее просьбе Офион обернулся семь раз вокруг этого яйца и высиживал его до тех пор, пока оно не раскололось надвое. И появилось из него все то, что только существует на свете: солнце, луна, планеты, звезды, земля и ее горы, реки, деревья, травы и живые существа.

Эвринома и Офион обосновались на Олимпе, но он обидел ее, объявив себя творцом Вселенной. За это она ударила его пяткой по голове, выбила ему все зубы и изгнала в мрачные подземные пещеры.

⁴⁷ Sachs C. World history of dance. N.Y., 1937. P. 223.

⁴⁸ Nilsson M.R. The Minoan-Mycenaen religion and its survival in Greek religion. L., 1927. P. 433.

После этого богиня создала семь планетарных сил, поставив во главе каждой титаниду и титана».

Отметим, что данная мифологема находит неожиданный резонанс в изобразительном ряде этрусской культуры, где богиня-Мать Туран, соотносимая с греческой Афродитой, изображена на зеркале⁴⁹ обвитой змеей и с голубкой в руке, что полностью совпадает с текстом приведенного мифа. Божественность Туран подчеркнута тем, что за ее спиной изображены две пары крыльев, кроме того, данная богиня часто изображается в сценах, связанных с возрождением души человека.

Атрибутами греческой Афины также являются змея и птица. Они же присутствуют и на изображениях древнекритской богини, имя которой не известно. Связь Афины с богинями — Прародительницами мира подчеркивается сообщением в мифе о том, что она посадила дерево на Акрополе и этим установила здесь свое господство. Мы полагаем, что олива, посаженная Афиной, — некий аналог Мирового дерева, дающего благо, как и дерево благ земных в вышеприведенном хеттском мифе о Телепинусе. Кроме того, космогонизм Афины следует из того, что она считалась матерью Феба, т. е. Солнца. В ранних верованиях Афина имеет одно из прозвищ — Кгапаос; видимо, потому, что великая Богиня была женой бога, одним из имен которого было Κρονος — царь богов в доолимпийском пантеоне. В таком случае Афина — царица богов.

В связи с содержанием данного мифа следует упомянуть хеттский миф о змее Хедамму и Великой богине Астарте. По тексту мифа богиня соблазняет змея своим обнаженным телом, а затем они удаляются вместе, и змея больше никто не видит. В некоторых вариантах мифа сказано, что семья Хедамму попало в Иштар, и она зачала и родила змей: *«...Вниз к морю пошла Иштар, и видит она Хедамму, он в волнах глубоких плавал. Но Хедамму голову поднял и стал смотреть на Иштар. А Иштар обнаженное тело обратило навстречу Хедамму... И больше Хедамму не пьет, и больше Хедамму не ест... О том рассказали Энлилю, что*

⁴⁹ Зеркало из Принесте (G.K.V, 12).

все удалось Иштар, что после встречи с Богиней Хедамму не пьет и не ест...».

Возможно, в несохранившихся частях текста речь также идет о пляске богини перед змеем, потому что в другом хеттском мифе об Улликумме Иштар именно пляской стремится воздействовать на чудовище.

Характерно, что и в хеттском, и в пеласгийском мифах присутствуют одновременно три мотива: моря; Великого змея и его конфликта с богиней; сексуальных отношений между змеем и богиней. Вполне вероятно, что в хеттском варианте мифа мы имеем отголоски того же мифа сотворения, только со временем переосмысленного и переработанного, т. к. после уничтожения или исчезновения Змея мир обновляется, как бы перерождается вновь после гибели, связанной с мотивом змея.

Отметим, что связь правителя земли со змеем прослеживается, например, у египетских фараонов, одним из символов царской власти которых являлось изображение змея — урий. Даже в Китае дракон, аналог змея, служил символом мужского начала, а женским символом — птица феникс. Дракон в Китае также связывался с императором, являлся его эмблемой, а также обозначал верховного мужчину в ритуалах.

Связь женщины и змеи прослеживается и в русском фольклоре. Так, былинный герой Вольга родился от связи княгини и змея, при этом его рождение сопровождалось многими космогоническими явлениями: затмениями, колыханием земли и т. д.

По устному сообщению А.Н. Рыбина (Нижний Новгород, 2002) в Нижегородской области сохранились любовные заговоры — присухи, связанные со змеей. В одном случае живой змеем протыкают глаза иголкой с ниткой и говорят, что *как сохнет голова змеи, так должен сохнуть по такой-то мяреке*. Или завороченной, «как палка», змеей стреляют с той же целью из лука. Такой «палкой» женщины выкапывают некоторые волшебные травы. Кроме того, змея используется в обряде, предшествующем первой менструации у девушки, когда надо скормить специальную жабу, чтобы пройти посвящение воды и «не утонуть». Отметим, что вода повсеместно рассматривалась как чисто

женская стихия. Все эти моменты указывают на существование на Руси женских инициаций, связанных со змеей, а также связи змеи и любовной женской магии.

Представляется крайне интересным, что мотив борьбы женского персонажа посредством магии со всепожирающим змеем сохранился в русском и славянском фольклоре до настоящего времени⁵⁰. Нижеприведенный текст был записан А.Н. Ивановым 25 января 1988 г. в поселке Кумская Долина Ставропольского края от Марии Кондратьевны Елесетюковой (1934 г. р.) и Анны Илларионовны Рамзаевой (1935 г. р.). Особенность текста состоит в том, что под женским персонажем понимается Орлица, которая защищает свое гнездо и детей, т. е. выполняет основные женские функции, при этом способ борьбы со всепожирающим противником носит явно магический характер. Соотнесение в нем женского персонажа с Орлихой указывает на ее мифологический и даже божественный характер, позволяющий через зооморфный образ Великой богини (а символ орла у индоевропейцев всегда соотносился с высшими божественными силами) явным образом не вводить в христианскую традицию единобожия образ богини-Матери как защитницы и спасительницы народа. Приведем текст песни для его сравнения с мифом о змее Хедамму.

Во Вилоне, Вилоне славном городе
Урожался, собака, Змей Тугарин⁵⁰
Об двенадцати же голов да об семь хоботах.
Обвивал Змей Тугарин весь Вилон-город,
Обкладал свои главы да над воротцами.
Нападал Змей Тугарин на старших-больших,
На старших-больших, Змей Тугарин, на князей-бояр.
Поедал он, Змей Тугарин, всех князей-бояр,
До рогатый скот Змей Тугарин, до курей-гусей.
Поедал Змей Тугарин всех курей-гусей.
Сподымалася невзгодушка со синя моря,
Затопила же невзгодушка все желты пески.
Потопила же невзгодушка все желты пески,
Поваляла же невзгодушка все сыры дубы.

⁵⁰ *Набоко М.В.* Сказание о Вавилоне и новая запись эпической песни о Змее Тугарине // Живая старина. № 4. 1994. С. 9–10.

Разорила же невзгодушка теплу гнездушку,
 Теплу гнездушку невзгодушка, все орлиную.
 Затопила же невзгодушка всех орляточкых,
 Всех орляточкых невзгодушка, дитеняточкых.
 Прилетела она, Орлиха, ко теплу гнезду.
 Ее теплая-то гнездышка разоренная.
 Ее мелкие орлятушки потопленаи!
 Залетала же Орлиха высоко-далеко,
 Как и билася Орлиха об сыру землю.
 Заклинала же Орлиха все невзгодушку,
 Все невзгодушку, Орлиха, — Змея Тугарина!

Отметим некоторые особенности. Во-первых, Змей Тугарин «зародился» в самом городе Вилоне, иными словами, с ним генетически связан. То, что Змей «обкладывает» свои главы над воротами города, т. е. над сакральным местом связи пространства города с внешним миром, также говорит об определенной идентификации города Вилона (Вавилона) и самого змея.

Следует учесть то обстоятельство, что эта тема бытовала и в христианской среде. Так, в Откровении святого Иоанна⁵¹ говорится: «8. И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы. 9. И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется Зверю и образу его и принимает начертание на чело свое и руку свою. 10. Тот будет пить вино ярости божией...». Иными словами, соотнесение Вилона (Вавилона) и Змея Тугарина между собой и наказание города тем же змеем было вполне мотивированно с точки зрения христианской идеологии. Однако образ сырого дуба и Орлицы в народном мировоззрении соотносился с небесным миром. Невзгодушка представлялась как Вселенский потоп, стремящийся уничтожить не только земной мир, но и мир небесный, в образе орлиного гнезда, орлят и сырых дубов. Орлица как зооморфный образ Великой матери выступает в данном случае как спасительница не просто рода людского, а всего мироздания. Интересен магический при-

⁵¹ Откровения св. Иоанна (гл. 14, 8–10).

ем такого спасения. Рассмотрим его подробнее: «Залетала же Орлиха высоко-далеко». Речь идет о выходе Орлихи в иное пространство, не соотносимое с реальной землей (в принципе варьируется принцип Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю»). Такое удаление указывает и на возможность использования Орлихой высших иномирных сил.

Далее по тексту: «Как и билася Орлиха об сыру землю». Отметим, что магия ударения героя о сыру землю в русском фольклоре связывается с принципом оборотничества героя. В сказках герой или героиня после этого становятся такими красавцами, «что ни в сказке сказать, ни пером описать». С ударом о землю также связано превращение в тех или иных животных в сказочной традиции. Хотя по тексту Орлиха ни в кого не превращается, принцип изменения имеет место, т. к. должна измениться сама ситуация гибели мира от Змея Тугарина и вызванного им потопа — «невзгодушки». В таком контексте удар Орлихи о землю может восприниматься как аллегория битвы неба и хтонических земных сил. Сам удар сопровождается магическим приемом: «Заклинала же Орлиха все невзгодушку. Все невзгодушку, Орлиха, Змея Тугарина!».

Рассмотрим преобразование мотива порождающей и убивающей богини, связанной со змеиной символикой, в русской фольклорной традиции. Отголоски мифа находим в былине о Михайло Потыке⁵². Речь идет не о традиционной мифе змеборства, а именно о хтонической змее, обитающей в подземном мире, которая, с одной стороны, приходит (!) пожрать тело Потыковой жены, с другой — владеет живой водой и первородным жизненным принципом (в ряде случаев эту функцию выполняет ворон, т. е. ворониха).

Во всех случаях белый персонаж — герой, «шантажирует» черного персонажа, связанного с культом матери-сырой земли, через потомство: подавят, мол, змееньшей или воронят-детушек. Земля, поглощая мертвую плоть, как и ворон — падаль, как и змея, вынуждена возвернуть ее в новом виде. *«А молится змея тут, поклоняется: “Моло-*

⁵² Былины. Л.: Лениздат, 1984; Былины. М.: Современник, 1991.

дой Михайло Потык сын Иванович! Не бей больше змеи, не кровавь меня, принесу я те живу воду в три часу”.

Как отпуская Михайло сын Иванов был, как эту змею он поганую, как взял в заклад себе змеенышов, не пустил их со змеей со поганую. Полетела та змея по подземелью, принесла она живу воду в три часу...».

Поэт В.А. Жуковский, основываясь на древних сказках и преданиях, переложил данную мифологему в стихи⁵³. При этом уже происходит замена женского персонажа на мужской, хотя и остается мотив шантажа через детей и семейную привязанность, более свойственную богиням-Матерям. Мы приводим именно поэтический вариант мифологемы, а не какой-либо из его многочисленных фольклорных прототипов, как наиболее понятный и обобщенный, тем более что и то и другое относится к одной культурной традиции. *«А между тем, недвижим, бездыханен, облитый кровью, на поле широком лежал Иван-царевич. Так прошел весь день; уже склоняться начинало на запад солнце; поле было пусто; и уж над мертвым с черным вороненком носился, каркая и распутивши широко крылья, хищный ворон. Вдруг, откуда ни возьмись, явился Серый Волк: он, беду великую почуяв, на помощь подоспел; еще б минута, и было б поздно. Угадав, какой был умысел у ворона...»*

Кстати, умысел ворона был вполне очевиден — выесть очи, что непосредственно связаны с душой, и, таким образом, унести душу в навь. *«...он дал ему на мертвое спуститься тело; и только тот спустился, разом цап его за хвост; закаркал старый ворон. “Пусти меня на волю, Серый Волк”, — кричал он. “Не пуцу, — тот отвечал, — пока не принесет твой вороненок живой и мертвой мне воды!”*. И ворон велел лететь скорее вороненку за мертвою и за живой водою. Сын полетел, а Серый Волк, отца порядком скомкав, с ним весьма уживчиво стал разговаривать, и старый ворон довольно мог ему порассказать о том, что он видал в свой долгий век меж птиц и меж людей. И слушал его с большим вниманьем Серый Волк и мудрости его необычайной дивился...».

⁵³ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. / Под ред. А.С. Архангельского. Т. I–XII. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1902.

В былине о Добрыне также обнаруживаем древнейший сюжет о противоборстве, но и об определенном единстве черного и белого начал, выразившемся в вызволении из Змиева плена людей, через победу белого героя над хтоническим персонажем. В данном случае представлен мотив борьбы социально-государственного «княжего человека» Добрыни и Змея, связанного с горами, пещерами, землей. Отметим, что исторический Добрыня был известен как креститель Новгорода и иных мест по воле Владимира. Фактически он боролся с родовыми культами, связанными с родовой землей в пользу государственной социальной религии — христианства. Все нехристианское в православии соотносится с Сатаной, одним из проявлений которого в поучениях против язычества называется «зверь лютый», или «змея». Поэтому сюжет, связанный с циклом былин о Добрыне, возможно, следует связать с темой борьбы социально-государственного и родоплеменного строев, выразившейся, в том числе, в борьбе христианства против славянского язычества.

Данный мотив может иметь и более глубокий подтекст. Люди, находясь в плену, как бы пребывают вне жизни, затем получают ее вновь. Соответственно выручается и героиня — Забавушка Путятична. Можно сделать вполне закономерное предположение, что содержание былины связано с идеей посмертной реинкарнации души (или ее спасением в христианстве), выхода из хтонического мира, т. к. змиев плен и нахождение в его пещере может расцениваться как символическое умирание, а победа «светлого» героя над змеем — как победа над самой Смертью.

В данном случае для нас представляется важным то обстоятельство, что если наша гипотеза верна, то возрождение души в славянской традиции связано с женским персонажем, как и в мифологемах, приведенных в предыдущем исследовании этрусской и иных традиций. При этом отметим, что само слово «душа» в русском языке имеет женский род. *«Брал-то ю за ручушки за белыми, да за ней брал за перстни за злаченыи, да повел-то ю из нор он змеиньих. Говорил Добрыня таковы слова: Ай же полона да вы ресейскии! Выходите-тко со нор вы со змеиньих, ай ступайте-тко да по своим местам, по своим местам да*

по своим домам. — Как пошли-то полона эти расейским ай со тых со нор да й со змеинных...»

Символика рассмотренных текстов восходит уже не просто к космогонической битве Черного и Белого богов, а к слиянию и разделению женского и мужского начал, порождающих жизнь и сам Мир на всех его уровнях.

И ворон, и змея есть представители хтонического мира, первичного по отношению к остальным, причем змея ползает и ходит (змееньшу отдавили лапу), а также может летать. Иными словами, хтонический мир представлен в трех ипостасях и связан с тремя космическими сферами: подземной (ползание), земной (хождение), небесной (полет).

Женский змееборческий мотив в мифах, как антицарский, где под царем понимается временный сезонный или циклический жених Великой богини, указывает на то, что переход власти от родовых структур к раннегосударственной в ряде случаев не был безболезненным, а носил затяжной и переменчивый характер. Также следует отметить, что в литературе (например, в «Золотой ветви» Д.Д. Фрезера) рассматривались древнейшие варианты принесения в жертву царя для возрождения сущности природы и Космоса, являющихся функциональными атрибутами Великой богини-Матери.

Следует указать на достаточно существенную особенность змееборческого мотива. В ряде случаев, когда острота социальной борьбы отступает на второй план, змееборцем опять становится женщина. Характерным примером такой обратной трансформации являются русские духовные стихи о Егории Храбром (Георгии Победоносце). Т.Б. Хлыбова⁵⁴ указывает на преобразование данного мотива в разных социокультурных условиях: «В белорусских стихах описание расправы над змеем выглядит более детальным и полным... Это закономерно: здесь змей — символ язычества; его уничтожение — центральная идея, а соответствующий мотив — кульминация стиха. В русских стихах расправа переносится: Егорий не убивает, а лишь усмиряет змея, лишает его власти и силы».

⁵⁴ Хлыбова Т.Б. Образ змееборца в духовных стихах о Егории Храбром // Сб.: Художественный мир традиционной культуры. М., 2001. С. 68–76.

Центральным в русской версии становится обвязывание змея поясом и передача во власть царевны, которая должна вести его в город и заставить бросить «веру латинскую, басурманскую», вернуться к «истинной христианской». Иными словами, женщина функционально организует социальное пространство. Ее противник — змей практически соотнесен с городом и царством: как он утрачен и покорен, так и сам город должен быть утрачен посредством уже самого змея. Таким образом, город и его царь, как и в наиболее архаических мифах, выступают противниками Великой богини или лица, ее заменяющего — царевны. При этом ее победа достигается через змеборческий мотив.

Автор указывает, что мотив змеборчества женского персонажа при этом не исчезает: «В ряде текстов царевна превращается в змеборицу: именно она осуществляет окончательную расправу над змеем: “Повела змея на гору каменную, поставила змея она на камни, проклинать стала змея с камнем”⁵⁵, “стегнула змея она да поясом, а рассыпалась змея желтым песком”»⁵⁶.

Далее исследователь отмечает роль самого изначально змеборца, святого Георгия: «Соответственно и Егорий перестает выполнять функцию “классического” змеборца, чаще всего он усмиряет змея словом и передает его во власть царевны, которой в доброй половине текстов рекомендуются и задачи физической расправы со змеем. В большей степени Егорий напоминает чудесного помощника: он помогает царевне справиться со змеем. В белорусской же версии Юрий — змеборец, побеждающий силой оружия змея — язычество и спасающий девицу от смерти».

На столь показательном примере хорошо видно, что идея мужчины-змеборца становится актуальной только во время серьезных социальных преобразований, будь это борьба царской власти с властью локальной (родовой) или института церкви против язычества, также связанного с родовыми устоями.

Для подтверждения нашего тезиса обратимся к другому региону и соответствующему другому историческому периоду. Рассмотрим некоторые особенности культа

⁵⁵ Бессонов П.А. № 120.

⁵⁶ Ончуков Н.Е. № 3.

этрusco-римской богини Уни (Юноны). В Риме с Юноной связан обряд кормления девушками змеи, от которой зависело плодородие года. О древнейшей связи богини-Матери и Змея (змеи) ранее уже говорилось. Сама мифологема связывалась с сезонным возрождением и умиранием природы, а также с женскими жреческими посвящениями и культом брака и любви.

Еще у италиков существовал обычай в честь Юноны/Уни: в Ланувии при обряде инициаций в пещеру вводили девушек, которым предстояло накормить змею. Кормление проводилось для проверки девственности испытуемой: поглощение змеей предлагаемой еды доказывало невинность девушки⁵⁷. Отметим, что принятие змеей корма символизировало оплодотворение девушки и должно было оказать магическое влияние на урожай и общее изобилие. Проведение подобных ритуалов указывает на древнейшее хтоническое происхождение культа богини, что подтверждает выдвинутые нами гипотезы. Хтоничность Уни подтверждается еще и тем, что ей посвящались хтонические животные — козы.

Связь Уни (Юноны) со змеями имеет много параллелей среди культов различных материнских божеств и божеств плодородия, имеющих хтонический характер. Так, изображения женщин-богинь со змеями в руках известно на Крите. Часть пеласгов одно время жила на острове Крит, возможно, они и перенесли культ Уни в Италию. Это указывает на определенную близость верований этрусков и древнейшего населения Крита, черты такого родства мы встречали и ранее. Кроме того, по характеру культа считается, что Уни имеет восточное происхождение.

Характерно, что у скифов и славян связь женщин и змей также носила культовый сакральный характер. Упомянем легенду о происхождении скифов от полуженщины-полузмеи, рассказанную Геродотом. Повсеместный культ змей у славян был связан с плодородием. Кроме этого, одним из основных оберегов у русских вплоть до XIX в. были медальоны-«змеевики», на которых часто изображались змеи и женщины.

⁵⁷ Propert. IV 8, 3–14.

Само наличие подобных мифов указывает на некий змееборческий цикл, где борцом со змеем предстает Великая богиня. Змей в мифах, особенно в пеласгийском — явное олицетворение мужского начала. Фабула его восходит к сюжету о сакральном браке богини и представителя родовой земли — бога или царя. Со временем при разделении принципа единства мироздания на принципы бинарных оппозиций и противопоставлений типа *небо–земля, верх–низ* символ *змея* отошел к мужскому персонажу в мифологии, которое и олицетворяло родовую землю. Конфликт богини со змеем — это конфликт древней матриархальной мировоззренческой структуры, где богиня олицетворяет все мирозданье, и новой патриархальной, где родовая земля соотносится в ряде случаев с ведущей мужской гендерной позицией.

Мотив битвы со змеем имеет максимальное распространение в предгосударственный и государственный периоды как отражение конфликта между представителями предгосударственной власти и родовой системой правления, выразившийся во всеобщем индоевропейском мотиве битвы бога Громовника и Змея. В ряде случаев под змеем понималось все не соответствующее в народной культуре официальному христианству. Оно понималось как «поганое» и, следовательно, должно было быть уничтожено. Предполагается возможным показать, что таким Змеем на Руси, возможно, являлась одна из ипостасей Велеса — покровителя простого народа. Скорее всего, Змей изначально никакого отношения к Велесу не имел, но при десакрализации мифологических представлений и тем более в период двоеверия эти мифологические персонажи слились в народном сознании. Рассмотрим доводы, говорящие в пользу данного взгляда. Новгородский хтонический, змееподобный Яша-Ящер мог быть ипостасью того же Велеса. Откуда это следует? Ящеру приносили в жертву, «давали в жены» девушек, на что указывает Б.А. Рыбаков. Но в сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» героиню не могли кинуть в воду в качестве жены хтоническому персонажу, на чем настаивает уважаемый академик. Дело в том, что находясь в замужестве, она девственность потеряла и поэтому в жены богу не годилась. Утопили ее, скорее всего, для

снятия проклятия с племени за нарушение племенных законов и по политическим соображениям. Повторяющаяся фраза Аленушки «Люта змея сердце высосала» указывает на принесение ее в жертву именно змееподобному Велесу или другому подобному персонажу. Именно сердце как носитель жизненной силы человека угодно богу. Вспомним кровавые обряды индейцев майя с вырыванием сердца жертвы. За кандидатуру Велеса говорит и следующее. Еще В.Я. Пропп⁵⁸ установил, что жалоба Иванушки — это отголосок обычая жертвоприношения козла на Коляду (зимний новогодний обряд). Б.А. Рыбаков в «Язычестве Древней Руси» пишет: «...славянский Ящер, женившийся на утопленной девушке, соответствует Аиду, богу подземного мира, супругу Персефоны. А жертва приносилась не самим этим силам сезонного действия, а постоянно существующему повелителю всех подземно-подводных сил, действующих плодородию, т. е. Ящеру, Аиду, Посейдону». Далее он предполагает, что «Аленушка — это Купала <...> жертва, обреченная стать в воде потопляемой».

Мы с таким утверждением согласиться не можем. Во-первых, точно установлено, что жертва козла производилась на Каляду. Во-вторых, на Купалу куклу Морены — олицетворение влаги, сжигали. Потопление было крайне редко. Какое может быть ритуальное убийство, если, как во время «Шемякина суда», щуку бросить в воду? Топить «нечистую», замужнюю женщину тоже было грехом перед Богом, особенно если она предназначалась ему, Богу, в жены. Ошибка, видимо, произошла по следующей причине. По общеевропейскому обычаю, злых ведьм кидали в воду. Если всеочищающая вода (вспомним обряд крещения) принимала женщину, то она, утопленница, была чиста перед богом и людьми⁵⁹.

⁵⁸ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. С. 47–48.

⁵⁹ Ночь Купалы с древнейших времен считалась ночью разгула нечистой силы и разных колдунов и ведьм. Их боялись. Видимо поэтому, чтобы обезопасить себя, в эту ночь топили попавших под подозрение в черном колдовстве женщин. Со временем, когда подобный произвол стал преследоваться и караться государством, этот обычай постепенно смешали с обрядом ритуального сжигания Морены. Морена, кроме всего прочего, олицетворяла хтоническую водную стихию. Она вступала в ритуальный брак со своим братом Купалой, связанным со стихией огня. Огненное колесо — Купалу, как раз и скатывали в воду. Водная стихия — Морена, в священном браке горела,

С Колядой был связан обряд сжигания *Бадняка*. Происходило это, чаще всего, у южных славян. В МНМ читаем: «Бадняк связан (по данным этимологических исследований) с образом змея у корней дерева. Характерен обычай ударять по горящему изображению *Бадняка* палкой и смотреть, сколько искр поднялось в воздух. Чем больше при таком ударе искр, тем больший приплод скота ожидают». *Велес* — «скотий бог», его отношение к приплоду скота, как и *Бадняка*, лишний раз указывает на их связь и даже идентичность.

Сожжение *Бадняка* в конце старого года эквивалентно, таким образом, поражению огнем *Змея*, воплощения Нижнего мира, вредоносного начала, и знаменует начало нового сезонного цикла, гарантирует плодородие и т. п. Мы видим, что на празднике Коляды, с одной стороны, присутствует символика хтонического мира, *Змея*, прослеживается связь с козлиной символикой и жертвоприношением козла. В нашей сказке также присутствует хтонический мир в образе моря, в котором топят Аленушку. Фраза Аленушки «Лютая змея сердце высосала» указывает на присутствие *Змея*, жертвоприношение Иванушки-козленка опять же соответствует символике праздника Коляды.

С этим праздником связан и *Велес* как хозяин подземно-подводного мира. *Велес* многолик. Он, возможно, воплощение древнего *змея*, связан с медведем — хозяином леса, и как было сказано, одно из его воплощений — козел. Южные славяне отдавали предпочтение змеевидному образу *Велеса* под именем *Бадняк*, восточные справляли тот же самый праздник, но предпочитали чтить *Велеса* в образе козла.

Покажем что, *Ящер* и *Велес* связаны между собой, как и *Бадняк*, через функцию плодородия. Сохранилась такая белорусская песня.

Сяде Ящер под пирялуцем
На ореховом кусте,
Где ореховая лусна...

огненная — Купала, соединялась с водой. Сохранилось большое количество песен об Иване и Марье, отражающих этот священный инцест. Даже цветок иван-да-марья содержит в одном соцветии желтый цвет огня и синий цвет воды. Этот цветок — обязательная принадлежность празднования Купалы.

(Жанитися хочу).
— Возьми себе девку,
Котораю хочешь...

Уже указывалось, что *Ящеру-Велесу* жертвовали девушек. Но в данном случае — не невесту. Главное здесь — упоминание об орехах. Орех в восприятии древних славян был сродни яйцу. Яйцо — это символ жизни и Вселенной, орех — растительный вариант этого символа. Яйцо, как и орех, имеет твердую скорлупу, скрывающую до поры его плодородную, живительную сущность. Ящер грызет орехи, т. е. выпускает эту сущность на волю. «Смертию смерть поправ», как поется в пасхальной христианской молитве. Ядро ореха — это зародыш жизни, зародыш растительного мира. Ящер освобождает эту скрытую растительную силу, как и сама земля, он требует смерти — невесту в песне, но через смерть рождается новая жизнь. Так умирает и вновь возрождается зерно, как боги *Озирис*, *Дионис*, *Бадняк*, умирают и рождаются, чтобы возродиться вновь. Орех считался оберегом от хтонических существ, в первую очередь змей. Это очень напоминает описанную нами магию хтонического оружия.

Есть русская примета: если урожай на орехи, значит будет большой урожай хлеба на будущий год. Стоит упомянуть о русской сказке «Где коза с орехами». Орехи к козам отношения не имеют, но в этой сказке козел упорно борется за то, чтобы коза орехи принесла. Важно и то, что орешник считался священным деревом, недоступным молниям *Перуна*. Где еще прятаться змеевидному противнику *Перуна* от этих молний, как не под орешником?

Многие орехи собирали и хранили в земле, поэтому к земле они имеют явное отношение. В Болгарии, Македонии, Восточной Сербии орех считался местом обитания душ предков. Велес тоже царь и пастух этих душ. Теперь становится понятно, что делает Ящер под орешником: это символ его подземного царства, а «невеста» — жертва ему.

Можем сделать вывод, что *Велеса* и *Ящера* объединяет их связь с орехом как символом царства душ предков, загробного, подземного царства. Змеевидность *Бадняка* на Каляду у южных славян и аналогичный обряд, связанный с козлом у восточных славян, говорят о соответствии различных ипостасей *Велеса*.

Рассмотрим еще одну возможную связь представления о Змее и боге Велесе. В древнейшем хеттском мифе о змее-драконе Иллуянке говорится, что он победил в поединке бога грозы и похитил у него сердце и глаза. Чтобы отомстить, побежденный бог грозы берет в жены дочь человека, у них рождается сын, у которого тоже появляется сын. Он женится на дочери змея Иллуянки и, войдя в дом тестя, просит себе (по отцовскому совету) сердце и глаза бога грозы. После возвращения их бог грозы восстанавливает свой облик и вступает в новую схватку с Иллуянкой, убивая в ней и змея, и стоявшего рядом с ним своего сына, который велит не щадить его. Эпизод с гибелью сына легко объясним. У индоарийских народов, в том числе хеттов, жена или муж, вошедшие в дом своего супруга, становятся там кровными, родовыми родственниками. Сын бога грозы, предав своего кровного родича — змея Иллуянку, совершил тем самым величайший грех. Ему нет прощения. То, что это он сделал ради отца, значения не имеет. Отец сам его карает за вынужденное предательство.

Змей Иллуянка — олицетворение хтонических сил. Он крадет у бога грозы сердце и глаза. В одном из вариантов нашей сказки Аленушка на просьбу брата выйти к нему из моря, говорит, что «рыба белая глаза выела, змея лютая сердце высосала». Рыбой белой, или белорыбицей, в различных вариантах былины о Садко называется жена Морского царя. Академик Б.А. Рыбаков доказывает идентичность Морского царя и бога реки Волхов и озера Ильмень — Ящера, и показывает, что встреча Садко с Морским Царем происходит неподалеку от Волосовой (Велесовой) улицы Новгорода⁶⁰. Это указывает на возможную идентичность Ящера и Велеса. По древним преданиям, Ящер имеет еще одно имя — Волх. В новгородской летописи сказано: «Большой сын оного князя Словена — Волхов, бесоугодный и чародей, лют в людех тогда бысть и бесовскими ухищрениями и мечты творя и преобразуяся в образ лютого зверя коркодела и залегаше в той реце Волхове водный путь. И не поклоняющихся ему овых пожираше, овых извергая потопяше».

⁶⁰ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.

Нам интересно имя Волхов. Бог *Велес* назывался еще Волосом, эпитеты волосатый, волохатый — синонимы. Слово «волохатый» более древнее. Значит, можем заключить, что Морской царь — Ящер, предстает в былине о Садко под своим настоящим именем Волх, или Волох. Переход звука Х в звук С в словах *волохатый* — *волосатый* дает основание для такого же перехода в словах *волос* — *волох*. В связи с этим следует упомянуть и русскую былинку «Волх Всеславьевич». Приведем отрывок из нее, т. к., кроме самого имени Волх, нам будут интересны и некоторые другие ее аспекты.

По саду, саду зеленому, ходила-гуляла
 Молода княжна Марфа Всеславьевна.
 Она с камню скочила на лютого на змея:
 Обвивается лютой змей около чебота зелен сафьян,
 Около чулочика шелкова, хоботом бьет по белу стегну.
 А втепоры княгиня понос понесла,
 А понос понесла и дитя родила.
 А и на небе просветил светел месяц.
 А в Киеве родился могуч богатырь,
 Как бы молодой Волх Всеславьевич.
 Подрожала сыра земля,
 Стряслося славно царство Индейское.
 А и сине море сколыбалося
 Для ради рожденья богатырского,
 Молода Волха Всеславьевича...

Далее в былине говорится, что Волх, в отличие от остальных богатырей русских былин, обладает способностью оборотничества.

А и первой мудрости учился
 Обертываться ясным соколом,
 Ко другой-то мудрости учился он, Волх,
 Обертываться серым волком,
 Ко третьей-то мудрости учился он, Волх,
 Обертываться гнедым туром — золотые рога...

Для нас важно, что Волх, имеющий отцом лютого змея (*Велеса* или *Ящера*) обладает способностью оборотня. Оборотни всегда относились к хтоническим силам, сам Велес обладал способностью оборотничества. Это следует

хотя бы из многочисленных его ипостасей, в том числе и в образе человека. Имя — Волх Всеславьевич — связывает героя былины тоже с оборотнем, сыном князя Словена коркодайлом-Волхом, которого Б.А. Рыбаков связывает с Ящером реки Волхов.

Интересно, что при рождении Волха Всеславьевича происходят природные катаклизмы. Так и должно быть при рождении сына бога Велеса или его ипостаси. Интересно, что воздействие рождения Волха происходит на луну — антитезу солнца, на сине море и на колыхание земли, т. е. на те природные объекты, к которым хтонический змей Волос имеет непосредственное отношение.

Былина заканчивается тем, что, завоевав царство Индейское, Волх оставляет в живых только три тысячи девушек для своей дружины, а затем раздает золото. Доброта Волха-Велеса несколько кровава и своеобразна, но в то жестокое время это было нормой.

Возможно, змей хеттского мифа — Морской царь в былине «Садко», Ящер и бог Велес — один и тот же змеевидный мифологический персонаж. Иллуянка отнимает у бога грозы сердце и глаза. В русской сказке эти же органы отнимают у Аленушки змей и его жена-белорыбица. Сердце в мифологии воспринималось как центр жизненной силы, души, физической силы персонажа. Глаза, кроме функции ориентации в мире, несли функцию местоположения души.

В связи с вышесказанным приведем цитату из «Славянских древностей»⁶¹: «Македонцы верили, что на 40-й день у покойника в могиле лопались глаза и приползала змея, чтобы их “выпить”». В данном случае важны несколько моментов. Во-первых, «выпивание» глаз змеей в сороковой день после смерти. По общим индоевропейским поверьям, душа уходит с земли на небо именно на сороковой день. К тому же хорошо известно выражение «глаза — зеркало души». Следовательно, глаза змее нужны не для того, чтобы просто насытиться, она могла сделать это и раньше, а для того, чтобы изловить душу человека. Кроме того, змея имеет ярко выраженный хтонический характер.

⁶¹ Славянские древности. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 501.

В случае с македонским поверьем и сказкой об Аленушке, а также с хеттским мифом о змее Иллуянке мы, видимо, имеем общую мифологему о самой страшной каре: отнятии жизненной силы тела и самой души. При этом жизненная сила связывалась с телом, а душа — с глазами. Верование о такой же каре существовало, например, у этрусков, которые считали, что жизненную силу и душу по отдельности отнимали у человека два демона, при этом смерть души человека связывалась с глазами. Демон, отнимающий душу — Тухолка, имел птицеобразный облик, в архаическом искусстве Древней Греции и Этрурии его образ часто заменяли хищные птицы, выклевывавшие жертвам глаза⁶². Стоит отметить, что у древних египтян само солнце было оком (глазом) бога Ра. Как известно, солнце и его живительный свет соотносились с жизнью и душой. Путешествие солнца через ночь (подземный мир) и его восход (оживление) соотносились с путем души человека через испытания загробного мира к новому перерождению или «воцарению» в небесном мире.

Русская примета о том, что потеря или болезнь глаз может вызвать болезнь или смерть детей, тоже не случайна. Кроме чисто практической значимости этого органа, важно поверье, что души родителей (в первую очередь матери) охраняют своих детей, что особенно проявляется во сне.

Иллуянка — основной противник громовержца. Если Аленушка подверглась такому же наказанию, как и хеттский громовержец, то она приравнивается к главным врагам хтонического бога. Противник Велеса — *Перун*. Аленушка, как царская дочь и царица, и, как мы говорили, женщина, имеющая большое значение в структуре царства, бесспорно, относилась к ведению *Перуна* как покровителя царской (княжеской) родовой власти. Древний хеттский миф, даже скорее законы создания этого мифа, был осмыслен славянами в аналогичной, но специфической, славянской ситуации.

Мы видим, что связь Велеса и змеевидного противника громовержца возможна. Кроме того, она расширяет «владения» Велеса на весь загробный и вообще Нижний мир.

⁶² См.: Наговицын А.Е. Этруски: мифология и религия. М.: Рефл-бук, 2000.

ЧАСТЬ 4

ФИННО-КАРЕЛЬСКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИИ КАК РОДСТВЕННЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Традиции и мифология финнов и карел для нас важны прежде всего потому, что имеют много общих черт с традиционной славянской культурой северо-запада европейской части. Понимание ряда характерных черт исконно славянского видения мира невозможно без анализа родственной культуры ближайших соседей славян — финнов и карел. Эти общие черты мы и попытаемся показать в данной части работы.

Нас особо интересует балто-финская группа, как имеющая наибольшее количество материальных и песенно-эпических памятников, близких славянам. По летописям и археологическим памятникам можно выделить следующие места ее расселения:

- эсты (чудь) — область севера Эстонии;*
- емь (хяме) и сумь (суоми) — южная часть Финляндии, основа современной финской народности;*
- карелы — северно-западное Приладожье и Карельский перешеек;*
- ливы Видземе — северо-западная часть современной Латвии, низовья реки Даугавы и северная часть Курземе;*
- водь — северо-западные районы Новгородской земли, территория южнее Финского залива и восточнее Чудского озера;*
- ижоры — на реке Неве и южнее ее;*
- весь — юго-восточное Приладожье, Карелия и Беломорский край;*
- чудь (заволочская) — северо-восток Новгородской земли.*

Если рассматривать общие черты мифологии всех финно-угорских народов, то складывается следующая картина. Бог-демиург велит водоплавающей птице (или младшему брату в облике птицы, плавающей по первичному океану) достать со дна моря щепотку земли. Из нее он творит Землю и все полезное на ней, а его брат из части земли, утаенной во рту, создает горы и все злое на Земле. Другой вариант космогонии — творение из яйца, снесенного птицей. Данная мифологема встречается в финской, карельской, эстонской, саамской, коми мифологиях. Мир у финно-угров разделяется на три основные зоны: верхнюю — небо с полярной звездой в центре, среднюю — земля, окруженная водами океана, нижнюю — загробный мир холода и мрака. Мировой осью служило дерево, столб или гора.

Перейдем к конкретному рассмотрению балто-финской мифологии. Начнем с того, что рассмотрим сохранившиеся данные об устройстве мира и мифологических персонажах, его населяющих. Устройство мира, по представлениям балто-финской группы, имело вертикальное строение, верхняя часть которого состояла из девяти (семи) небес.

НЕБЕСНЫЙ МИР

Верхнее девятое небо

Приведем пример описания путешествия на данное небо из «Калевалы»⁶³.

Выше месяца под солнцем,
Между дивных звезд небесных.
В первый день там пролетая,
Ты виски луны заденешь.
На другой день подлетишь ты
Под Медведицы лопатку,
А на третий вознесешься
Над спиною семизвездья.
Тут уж не долга дорога,
Путь останется не долог
И до божьего сиденья,
До убежища святого.

Характерен тот факт, что описание местонахождения высшего неба имеет астральный характер. Престол верховного бога находится в определенном месте небесной сферы, над созвездием Медведицы (семизвездьем). Важно то, что для славян оно связывалось с *Рожаницами* (лосихами) — *Малой* и *Большой Медведицами*, и само дарование жизни соотносилось с данными созвездиями. Поэтому представляется крайне интересным, что над ними же находился и престол финно-карельского верховного бога Укко. Причем в данной руне указывается, что мед жизни, за которым и была послана пчела, находится именно в месте расположения астральных знаков, связанных со славянскими Рожаницами.

⁶³ Калевала. Руна 15.

Верховный бог Укко

По представлениям карел и финнов, на высочайшем седьмом (иногда девятом) небе обитал глава пантеона богов Укко (Уку), который считался олицетворением не всего небесного свода, а только верхнего, божественного неба. Укко был хозяином неба, грозы, дождя⁶⁴.

О, ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты, что правишь в тучах,
Облаками управляешь.

Он так же являлся демиургом — творцом мира. Укко сопровождала его воинская дружина, вместе с ним, на девятом небе, обитала и его жена Рауни — богиня Земли. Укко представляли в виде старика с седой бородой и в голубой накидке, возможно, олицетворяющей небесные просторы⁶⁵.

Укко, этот бог верховный
И творец небесной тверди...

Стал на край он темной тучи,
На границу неба вышел.
Он стоит в чулочках синих,
В башмаках прекрасных, пестрых.

Голубой цвет часто фигурирует в национальных одеждах финнов, карел, эстонцев и как бы связывает их с небесным отцом. Особенно характерно это проявляется в свадебных костюмах. Интересно, что голубой цвет почти у всех народов мира — символ уравновешенности и спокойствия. Психологи рекомендуют: чтобы человек пришел в равновесие, он должен представить голубое небо и синее море. И не случайно, что карелы, финны, эстонцы всегда славилась спокойствием и уравновешенностью. Хотя в гневе они страшны и порой жестоки, что является другой ипостасью Укко как громовержца, уничтожающего мол-

⁶⁴ Калевала. Руна 48.

⁶⁵ Там же. Руна 47.

ниями нечисть, которая может скрыться от него только в пучине моря.

Вообще, в отличие от многих богов — создателей мира, которые, сотворив его, «отходили от дел», подобно древнегреческому Урану и древнеиндийскому Брахме, Укко совмещал функции законодательной и исполнительной небесной власти. У него имелся Совет верховных небесных мужей, как и у скандинавского бога Одина. Отметим, что Совет имелся и у этрусского громовержца Тина.

Укко-громовержец уничтожает нечистую и злобную силу молниями. В этой карательной функции Укко соответствует славянскому богу *Перуну*. Он имеет колесницу с впряженными в нее небесными конями и ездит в ней по каменной небесной дороге. В этом аспекте он также сродни русскому, полуязыческому-полухристианскому Илье-пророку или тому же *Перуну*.

По преданию, Укко-творец отделил от неба воду и воду от суши. Атрибуты Укко — молнии, топор, меч, но они вторичны. Основной атрибут Укко — священные камни, которые он катает, после чего появляются гром и молния. Святыщами Укко были рощи и камни (кучи камней). По воспоминаниям европейцев, идол *Перуна* в Новгороде в руках держал священный камень, что также сближает его с Укко.

К Укко обращались в трудную минуту за помощью. Он также почитался, как хранитель скота, помогал молоть хлеб, к нему обращались с просьбой о дожде, об урожае. Приведем пример такого моления⁶⁶.

Укко, боже милосердный,
Приходи скорей к нам в гости,
Побывай у нас, желанный.
Дай ты силу нашим нивам,
Мягкости придай полям!

Его просили об излечении болезней. Например, в «Калевале» мать Лемминкайнена, чтобы оживить сына, просит помощи у Укко и посылает пчелу в его кладовую за волшебным медом и лекарствами. Пчела летит к Укко⁶⁷.

⁶⁶ Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 38.

⁶⁷ Калевала. Руна 15.

Полетела в погреб к богу,
К всемогущему в чуланы.
Там готовилось средство,
Там вываривались мази,
Там в серебряных кувшинах,
В золотых котлах богатых
Посредине мед варился,
По бокам помягче мази.

Эта мазь, какой ждала я.
Вот таинственное средство.
Им сам бог великий мажет,
Утоляет боль создатель.

Укко также был связан с культом предков. Вяйнемеинен, который соотносился с Укко на земле, был его ипостасью, рассматривался как один из прародителей людей⁶⁸:

Встал, чтоб видеть светлый месяц,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба.
Так родился Вяйнемеинен,
Племени певцов удалых
Знаменитый прародитель,
Девой Ильматар рожденный.

Отметим, что певцы в данной традиции рассматривались и как чародеи. Своеобразным аналогом Вяйнемеинена являлся Боян в СопИ. В древнейших сказаниях Укко — это «небесные когти», птица-громовержец. Интересен миф коми, где говорится, что за отказ приносить кровавые жертвы богу Йомалю коми были изгнаны в леса коршуном или орлом, крылья которого извергали гром, а из клюва текло пламя. К данному мифу близок эпизод карело-финской «Калевалы», где описан момент, связанный с огненным орлом, преградившим путь Лемминкайнену. Огненный ужасный орел появляется в рунах Калевалы в тот момент, когда культурный герой Лемминкайнен, вопреки

⁶⁸ Калевала. Руна 1.

здравому смыслу и просьбе матери, едет неприглашенным на свадьбу в Похьелу⁶⁹.

Встретишь огненную реку
 На пути среди дороги.
 В ней кипит огнем пучина,
 И горит скала в пучине.
 На скале той холм сверкает,
 На холме орел пылает.
 Ночью он все зубы точит,
 Днем навастривает когти
 На чужих, кто там проходит,
 На людей, кто ходит близко.

Орел, как бы соблюдая высшую справедливость, хочет остановить Лемминкайнена. Здесь, как и в мифе народа коми, огненный орел послан богами как испытание и наказание. Можем видеть связь орла и огня, а также орла и верховного бога. Ипостась Укко в виде громовой птицы, орла с железными когтями, родственна орлу Зевса, который, выполняя высшую волю и высшую справедливость, может, с точки зрения людей, делать что-то страшное и несправедливое, например казнить Прометея. Отметим, что орел является атрибутом бога-громовника в римской, древнегреческой, этрусской, хеттской и ряде других мифологий. У славян точной связи орла с богом-громовержцем не прослеживается, но орел в народном фольклоре рассматривается как царь птиц, что, несомненно, сближает его с царской властью и «царем богов» *Перуном*. Кроме того, изображение двуглавого орла — древнейший знак царской власти, который известен уже у хеттов, как атрибут верховного бога громовника Тешуба.

Связь орла с Укко подчеркивается еще и тем, что, по мифу, именно орел доставляет огонь на землю, высекает его крылом, уподобляясь в этом богу громовнику Укко⁷⁰.

Мотив сказаний об орле, как культурном герое, добывающем свет и огонь, известен в мифологиях Евразии, особенно Сибири и Северной Америки. Например, у якутов орел связан с легендой о принесении им огня, а при некото-

⁶⁹ Калевала. Руна 26.

⁷⁰ Там же. Руна 2.

рых обрядах врачевания и магии огонь мог высекать только человек, происходящий из рода Орла. В МНМ⁷¹ говорится: «Важнейшее совпадение между кетскими и американскими индейскими мифами о разорителе гнезда орла состоит в том, что они являются мифами о происхождении огня, о получении его героем от орла».

Отметим, что в труде о шаманизме Мирча Элиаде пишет: «...большинство мифов о происхождении шаманов говорит о непосредственном вмешательстве Высшего Существа, или его представителя, Орла, солнечной птицы»⁷² и далее: «Предки являются всего лишь потомками того мифического “первого шамана”, сотворенного непосредственно Высшим Существом, являвшимся в образе Орла». По преданиям енисейских остяков, телеутов, орочей и других сибирских народов, первый шаман был порожден орлом или научился у него своему искусству.

Вяйнемеинен «Калевалы» может рассматриваться нами, как первочеловек и первый шаман, который магическими словами и песнями творит и благоустраивает мир. О связи Вяйнемеинена с шаманскими представлениями говорит интересный эпизод из второй руны «Калевалы». Устраивая первую пашню, он оставляет нетронутой березу.

Посрубил он все деревья,
Лишь березу он оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб кукушка куковала.
Вот орел летит по небу,
Прилетел издалика он,
Чтоб увидеть ту березу:
«Отчего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза,
Стройный ствол ее не срублен?»
Вяйнемеинен отвечает:
«Оттого она осталась,
Чтоб на ней дать отдых птицам,
Чтоб орел слетал к ней с неба».

⁷¹ МНМ. Т. 2. С 259.

⁷² Элиаде М. Шаманизм. М.: София, 1998. С. 64–65.

И сказал орел небесный:
 «Хороша твоя забота,
 Что березу ты не тронул,
 Стройный ствол ее оставил,
 Чтобы птицы отдыхали,
 Чтоб я сам на ней садился».
 И огонь орел доставил,
 Высек он ударом пламя.
 Ветер с севера примчался,
 И другой летит с востока.
 Обратил в золу он рощи,
 В темный дым леса густые.

Связь орла и березы далеко не случайна. У ряда народов береза рассматривалась как Мировое дерево, а верховный бог-громовник, в нашем случае Укко в образе орла, был с ней связан. У М. Элиаде читаем: «Якуты, как, впрочем, и многие другие сибирские народы, устанавливают связь между орлом и священными деревьями, особенно березой. Когда Айы Тойон сотворил шамана, он посадил также в своей небесной усадьбе березу с восемью ветвями, на которых находились гнезда с детьми творца»⁷³. Следовательно, можно констатировать, что связь Верховного бога с Орлом и Мировым деревом достаточно постоянное явление в мифологиях, и что этим деревом у финнов и карел, возможно, тоже являлась береза.

Приведем еще один вариант получения огня, связанный с Укко, Вяйнემейненом и Орлом⁷⁴.

Высекал огонь бог Укко,
 Выбил кремнем Вяйнемейнен⁷⁵.
 Стукалок пять в кремне было,
 Колотилок шесть в нем было,
 В огниве с семью концами
 Три пера орлиных было.

Еще один пример создания огня с помощью Вяйнемейнена и Укко можно увидеть в ингерманландском мифе⁷⁶.

⁷³ Элиаде М. Шаманизм. С. 64.

⁷⁴ Карельское народное поэтическое творчество. Л.: Наука, 1981. С. 20.

⁷⁵ Как земное отражение бога.

⁷⁶ Ингерманландская эпическая поэзия. С. 39–40.

Высек искру Исмаройнен⁷⁷,
Выбил пламя Вяйнемеинен
На морском просторе чистом,
На морской волне широкой.
Высечен огонь без кремня,
Был раздут огонь без трута.
Искра малая сверкнула,
Упорхнула в недра моря,
Внутри волны морской влетела,
Меж колен сверкнула Вяино.
Обожгла колени старцу,
Кости голени спалила.

Первоначально огонь создается Укко на колене. Приведем еще один вариант добывания огня богом Укко. В данном отрывке важен тот факт, что происхождение солнца и месяца восходит к огню. Это подчеркивается и следующим текстом⁷⁸.

Тотчас Укко выбил пламя,
Искру вышиб он живую,
Выбил огненным мечом он,
Тем клинком, горящим ярко.
Выбил он огонь ногтями,
Выпустил его из пальцев
В верхней области небесной,
В небе за оградой звездной.
И когда огонь он высек,
Спрятал огненную искру
В шитом золотом мешочке,
В сереброкованной шкатулке.
Искру дал качать девице,
Дал ее воздушной деве,
Чтобы вырос новый месяц,
Солнце новое явилось.
Дева в облаке уселась,
На краю высокой тучи.
Там огонь она качает,
Убаюкивает пламя

⁷⁷ Другое имя Укко.

⁷⁸ Калевала. Руна 47.

В золотой прекрасной люльке
 На серебряных повязках.
 Серебра повязки гнутся,
 Золотая ходит люлька.
 В туче шум, движенье в небе,
 Перегнулась крыша неба.
 Так огонь качался в люльке,
 Колебалось в небе пламя.
 Вот огонь качает дева,
 Убаюкивает пламя
 И огонь перстами гладит,
 На руках то пламя нянчит.
 Вдруг упал огонь у глупой,
 Безрассудной этой девы.
 Он упал из рук качавшей,
 Из перстов его ласкавшей.
 Потряслось, расселось небо,
 Двери воздуха раскрылись,
 Искра огненная мчится,
 Капля красная слетает.
 И скользит сквозь крышу неба,
 И шипит сквозь толщу тучи,
 И небес прошла все девять,
 Шесть покрывшек этих пестрых.

Следует указать, что Укко у эстонцев отождествляется с Пикне, Кыу, Эйке — персонификацией грома и молнии, а также соответствует Иеянен, Уку. Со времени почитания старшего в роду, а также предка рода (не тотемического) сохранились названия — Ванамеес, Ванем (старик, дед, старший), Таеватаат («небесный дед»), Вана Таат, Ванаиса. Характерно, что культурный герой, по другим версиям, бог, прародитель рода, наиболее почитаемый в народе, Вяйнемейнен имеет основные характеристики — старый мудрый, старый верный, и появляется на свет уже стариком.

Ильматар

Дева творения Ильматар — перворожденная (Каве), создательница моря, вышла из воздушной среды. Она является матерью Вяйнемейнена.

Очень важный момент состоит в том, что по аналогу с Библией (хотя заимствований нет никаких) Укко творит Мир не напрямую, а создает принципы (матрицы) мира. В Библии: «В начале сотворил Бог Небо и Землю, Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водой». Это говорит о том, что здесь Земля и Небо — не те, что существуют в нашем понимании, а разделение божественного принципа и принципа материи. Так же и Укко разделяет воздушное пространство и воду. Но и это не та вода, матерью которой стала Ильматар. Она мать морей и воды рек и озер. Она их одухотворила, принесла в них себя из Воздушной среды и удалилась от нее. Укко остается в Воздушной среде и на Небе. Именно из-за этого разделения нечисть и может скрыться от гнева Укко только в море. Царство смерти и Манала (Туонела) связаны с морем, т. е. отделены от Укко. Царство Канмы, смерти, тоже связано с морем.

В акте творения Земли, пригодной для жизни человека, основную роль сыграла богиня Ильматар (Каве). Она, создательница вод и берегов, дева света, зачала главного устроителя Земли — Вайнемейнена.

Только руку простирала —
 Мыс за мысом воздвигался.
 Где ногою становилась —
 Вырывала рыбам ямы.
 Где ногою дна касалась —
 Вглубь глубины уходили.
 Где земли касалась боком —
 Ровный берег появлялся.
 Где земли ногой касалась —
 Там лососьи тони стали.
 И куда главой склонялась —
 Бухты малые возникли.

Старый верный Вайнемейнен
 В чреве матери блуждает.
 Тридцать лет он там проводит.

Отметим, что Ильматар — олицетворение воздушной среды, и она же порождает (одухотворяет собой) море и

землю. Она мать всему. О ее нисхождении в море говорится так⁷⁹:

Дочь воздушного пространства,
 Стройное дитя творенья,
 Долго девой оставалась,
 Долгий век жила в девицах
 Среди воздушного простора,
 В растянувшихся равнинах.
 Так жила — и заскучала.
 Странной жизнь такая стала![®]
 Постоянно жить одною
 И девицей оставаться
 В той большой стране воздушной
 Среди пустынного пространства.
 И спустилась вниз девица,
 В волны вод она склонилась,
 На хребет прозрачный моря,
 На равнины вод открытых.
 Начал дуть свирепый ветер,
 Поднялась с востока буря,
 Замутилось море пеной,
 Поднялись высоко волны.
 Ветром деву закачало,
 Било волнами девицу,
 Закачало в синем море,
 На волнах с вершиной белой.
 Ветер плод надул девице,
 Полноту дало ей море.
 И носила плод тяжелый...

В виде ветра в данном случае, видимо, выступает сам Укко. Кроме того, можно провести некоторые параллели. Так, в древнегреческой мифологии богиня любви Афродита — «пенорожденная», появляется из морской пены, которая ассоциировалась с семенем бога неба Урана. Аналогичную картину мы видим и в рассмотренном отрывке, тем более, что практически во всех традициях бог-громовержец может управлять ветрами и бурей, которыми сопровождается гроза в природе. Ильматар так говорит о себе⁸⁰:

⁷⁹ Калевала. Руна 1.

⁸⁰ Там же. Руна 47.

Я — старейшая из женщин,
Первая из дев воздушных,
Мать древнейшая на свете,
Жен пяти не ниже честью
И шести невест красою.

Рауни

На седьмом небе обитала также священная жена Укко, Рауни. Одно из «проявлений» воздушного пространства, она является богиней Земли⁸¹.

На самом деле Рауни-Земля находится внизу и составляет с Укко-небом священную пару, характерную для мифологии всех народов. На небе находится душа Земли — Рауни. В мифологиях различается тело бога, которое может быть горой, священной рощей, источником, и его сакральная сущность, близкая человеческой душе. Под личностью бога и понималась эта сакральная субстанция, которая могла по своему желанию перемещаться по Вселенной. Поэтому богиня Земли могла жить в доме своего небесного мужа⁸².

Обратим внимание на различные способы творения мира в финно-карельской мифологии: Укко в первую очередь создал трех небесных дев — потер руки на колене. По основному мифу, создание земли, солнца, месяца, звезд, туч, небесного свода произошло из железных и золотых яиц, отложенных на колене Ильматар, когда она носилась в водах. Яйца отложила утка. Укко — птица; характерно, что Ильматар призывала Укко, носясь в водах. Но это лишь одна из версий. По другой версии, мир создавался на колене Вяйнемейнена; по третьей — солнце, месяц и небесный свод выковал божественный кузнец Илмаринен, аналогичный небесному кузнецу *Сварогу* в славянской мифологии.

Бесполое рождение мира говорит о том, что Рауни — принцип жены, а не персонифицированная жена Укко. Возможно, в древности Укко, как и многие верховные

⁸¹ Фин. *гаупи* — куча камней (восст. из герм. *fgraujan*; ср.: готское *господин*, скандинавское *Фрейя*).

⁸² Ср.: в греческой мифологии присутствие богини Земли Геи на Олимпе.

боги-создатели, совмещал в себе женский и мужской принципы. Так как в «Калевале» явно прослеживаются следы матриархата, то, видимо, к его женскому принципу, Рауни, и были обращены молитвы предков карел, финнов, эстонцев.

Восемь нижних небес

Наличие девяти небес — традиционное место многих культур. Девятка считалась магическим числом, лежащим в основе Мира. Во многих традициях, в том числе ведической, Укко — бог неба. Все небо это его физическое тело. Персона бога — его душа может жить в этом теле на одном из уровней, в нашем случае в верхнем. Семь небес — это семь энергетических частей тела бога Неба. Эти небеса составляли воздушное пространство.

Небеса заселены перворожденными девами и их детьми. Принадлежность этих небес женским божествам говорит о древности этих представлений, относящихся, видимо, еще к временам матриархального женского правления. К богам среднего неба часто обращаются в заговорах и песнях. Важнейшие из них: Кейто — бог металлов, Терхенетар — богиня туманов⁸³:

Терхенетар, дочь туманов!
 Ты просей туманы ситом,
 Ты рассыпь туманом тени
 Там, где ходят в роще звери,
 Чтоб мой шаг им был не слышен,
 Чтоб они не убежали.

Туймики — божество ветра, Суонетар — богиня жил, крови, жизни, которая плавает в воздухе в медной лодке⁸⁴:

Ты красотка, жил хозяйка,
 Суонетар, ты жил богиня.
 Ты прядешь прекрасно жилы,
 Пряха с острым веретенцем,

⁸³ Калевала. Руна 26.

⁸⁴ Там же. Руна 15.

С медным остовом у прялки,
С колесом ее железным!

Есть на воздухе высоком
Дева в крытой медной лодке,
В челноке с кормою красной.
Опустись с него, девица,
С середины неба, дева!
Проплыви по этим жилам,
Проплыви по членам, дева,
По пустым костям проплавай
И по щелям в этих членах!
Положи на место жилы,
Где они лежали прежде⁸⁵.

⁸⁵ Калевала. Руна 1.

МИФЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Верховный бог пантеона Укко чаще всего рассматривался как создатель мира. С этим богом связано почитание различных птиц, в первую очередь орла, на чем мы остановимся ниже, но, по-видимому, ипостасью орла не ограничивается «птичья» иконография Укко — создателя мира. Его ипостасью, вероятно, является и утка, отложившая яйца, из которых был создан Мир. Подобное предположение является вполне приемлемым, т. к. именно Укко призывала богиня Ильматар, носясь в первозданных водах. После ее призывов появилась утка, снесшая на ее колене яйцо, из которого был создан Мир.

При этом отметим, что любимыми оберегами у финноугров были изображения утки или ее лапы. Они осуществляли постоянную связь и обращение к первоутке, из яйца которой создан Мир, т. е. к самому Верховному божеству. Обереги носили на середине груди или на поясе. У финноугров в качестве оберегов также использовались изображения птице-людей и людей с головами хищных птиц. Это, видимо, относится к культу почитания Верховного божества Укко в виде орла или другой хищной птицы. Приведем выдержку из «Калевалы», связанную с созданием мира⁸⁶:

«О, ты, Укко, бог верховный!
Ты всего носитель неба!
Ты сойди на волны моря,
Поспеш скорей на помощь!
Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева!
Поспеш, не медли боле,
Я в нужде к тебе взываю!»

⁸⁶ Калевала. Руна 1.

Мало времени проходит.
Протекло едва мгновение —
Вот летит красотка-утка,
Воздух крыльями кольшет,
Для гнезда местечка ищет,
Ищет места для жилища.
Мчится к западу, к востоку,
Мчится к югу и на север,
Но найти не может места,
Ни малейшего местечка,
Где бы свить гнездо сумела.

На колено опустила
И гнездо себе готовит,
Золотые сносит яйца:
Шесть яичек золотые,
А седьмое из железа.
Вот наседкой села утка,
Греет круглое колено.
День сидит, сидит другой день.
Вот уж третий день проходит —
Ильматар, творенья дева,
Мать воды, вдруг ощутила
Сильный жар в своем колене.
Кожа так на нем нагрелась,
Словно в пламени колено
И все жилы растопились.
Сильно двинула колено,
Члены сильно сотрясает —
Покатились яйца в воду,
В волны вод они упали,
На куски разбились в море
И обломками распались.
Не погибли яйца в тине
И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращенью.
Из яйца, из нижней части,
Вышла Мать-земля сырая.

Из яйца, из верхней части,
 Встал высокий свод небесный.
 Из желтка, из верхней части,
 Солнце светлое явилось,
 Из белка, из верхней части,
 Ясный месяц появился.
 Из яйца, из пестрой части,
 Звезды сделались на небе,
 Из яйца, из темной части,
 Тучи в воздухе явились.

Сходный вариант творения из яйца, снесенного божественной птицей, имеется в другом источнике, правда, там вместо утки выступает ласточка⁸⁷:

Лес увидела на море,
 Там три кочки отыскала —
 Кочку синюю нашла,
 Кочку красную нашла,
 Третья желтая была.
 Свить гнездо решила птица,
 Сделать пристань для себя.
 Вот гнездо уже готово,
 Сделана на кочке пристань.
 Три яйца в гнездо сложила
 На вершинке первой кочки.
 Туча божья налетела,
 Вихрь морской сердитый дунул,
 Круто волны набежали,
 Вспенились сердитой пеной —
 Яйца в воду покатались,
 На волну гнездо упало.

Море в кучу я сгребла,
 Волны штабелем сложила.
 Полбелка в воде нашла,
 Полжелточка обрела.
 Найденные полбелка
 Солнцем сделала на небе,
 Чтоб светило людям солнце.

⁸⁷ Ингерманландская эпическая поэзия. С. 36–37.

Найденные полжелтка
 Сделала луной на небе,
 Чтоб луна сияла людям.
 А из крошек, что остались,
 Что крупинками распались,
 Сделала на небе звезды,
 Чтоб вверху они мерцали,
 Чтоб блестели на морозе.

Представляется необходимым привести еще один вариант мифа создания Мира посредством птицы⁸⁸, имеющий параллели в русской традиции.

Гагара летала над морем, был туман. Дух Сатаны появился перед гагарой:

— Что ты здесь летаешь?

Гагара ответила:

— Я водоплавающая птица, поэтому и летаю над морем.

— Что ты летаешь над морем, раз нет у нас земли?

— А где эту землю достать, если ее нет.

— Но земля есть на дне моря. Если ты водоплавающая птица, так подними клювом горстку земли.

На первый раз гагара подняла мало земли, вода ее размыла.

Сатана ей предложил:

— Нырйай второй раз, подними еще немного.

Гагара второй и третий раз ныряла. Она уже часть земли из моря подняла и живет на ней. Появился однажды божий дух.

— Откуда вы здесь землю достали?

— Гагара на дно моря ныряла.

— Давай теперь вместе создавать землю, раз ее вдоволь на дне моря, — сказал бог. — Нет еще где земли? Не спрятана ли она еще куда-либо?

Злой дух сунул часть земли себе в рот. Бог сказал:

— Больше должно быть земли, не вся еще здесь.

Злой дух клянется:

— Нет ее больше.

— А ну, открой-ка рот! Смотри, она у тебя за щекой. А еще клялся, что нет ее больше.

⁸⁸ Карельское народное поэтическое творчество. С. 311.

Злой дух выплюнул эту землю на север, и она превратилась в камни, скалы и горы. Так они расширили землю. Сатана поранил палец на руке. Рана опухла, кровь из нее течет:

— Что теперь делать?

— Почему скрыл от Бога землю, вот она и превратилась в камни и всякую нечисть.

Бог заговорил рану на пальце злого духа⁸⁹.

Аналогичные варианты мифов создания Мира в воде уткой или другой птицей мы находим и у славян в редком источнике⁹⁰:

Коли то з початку (нашада) света,
 Подуй же, подуй, Господи,
 И з духом Святым по земле.
 Втоды не было неба ни земли,
 Неба ни земли нем (а) сине море,
 А серед моря ита два дубойки.
 Сели впали два голубойци,
 Два голубойци,
 Два голубойцы на два дубойки.
 Почали собе раду радити,
 Раду радити и гуркотати:
 Яко мы маеме свет основати.
 Спустиме мы ся на дно моря,
 Вынесеме си дрибного песку,
 Дрибного песку, синего каменьце,
 Дрибный песочек посееме мы,
 Синий каменец подунеме мы,
 З дрибного песку черна землиця,
 Студена водиця, зелена травиця,
 З синего каменьця синее небо,
 Синее небо, светле сонейко,
 Светле сонейко, ясен мясячок,
 Ясен мясячок и все звездойки.

Б.А. Рыбаков приводит записанную в Заонежье легенду⁹¹:
 «По досюльскому (давнишнему, первичному) Окиян-мору»

⁸⁹ Сальминен, 1908 (от Валеккайнена, Суйстамо). Оригинал — К VII, 11.

⁹⁰ Срезневский И.И. Дополнения и замечания // Замечания о праздниках у малороссиян. Т. XI. Маяк, 1843. Кн. 21. Гл. 3.

⁹¹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. С. 588.

плавало два гоголя; первый бел-гоголь (бог), а другой черен гоголь (сатана). Черная птица достала со дна комок земли, из которой бог сотворил земной мир. Другой вариант легенды связан с апокрифической “Тивернадской легендой”: бог, создав безбрежное Тивернадское море, “сниде на море по воздуху и виде на море гоголя плавающа... и рече господь Сатанаилу (гоголю): “Понырни в море и вынеси мне песку и кремень”, и взяв господь песку и камень и рассея песок по морю и глаголя: буди земля толста и пространна!”»

Существует и костромской источник с весьма близким сюжетом⁹²: «...Была сначала везде вся вода. Вот бог и послал доставить земли со дна морского птицу. Два раза она опускалась на дно, брала землю в лапу. Два раза не могла удержать, покуда поднималась наверх, водой-то землю-то у ней, вишь, вымывало. В третий раз взяла землю в рот и вынесла наверх. Вот бог и велит ей выхаркнуть землю: “Посмотри ничего не утаивай”. Она выхаркнула, и стала везде ровная земля, только немножко она во рту утаила, и почала у ней та земля во рту расти. Растет и растет. Она взмолилась богу: “Господи, ведь я земли-то утаила, не всю выхаркнула”. “Ну, не ладно это ты сделала. Делать нечего, выхаркивай остальную”. Она выхаркнула, и сделались от того горы по всей земле, а если бы она не утаила, так не было бы и гор».

Другой заонежский вариант таков: «По старосветному Окиян-морю плавали два гоголя, первый — бел-гоголь, другой — черен гоголь. И теми двумя гоголями плавали сам Господь Вседержитель и Сатана. По божию велению, по богородицину благословению Сатана вызынул со дна синя моря горсть земли. Из той горсти Господь сотворил ровные места и путистые поля, а Сатана понаделал непроходимых пропастей, ущелий и высоких гор. И ударил Господь молотком и создал свое воинство, и пошла между ними великая война...».

А.Н. Афанасьев приводит несколько мифов о сотворении Мира Богом и Сатаной, среди которых один из древнейших гласит⁹³: «В начале Света благоволил Бог

⁹² *Ширский А.А.* Из ветлужского края // Тр. Костромского научн. об-ва по изучению местного края. Вып. 29. Кострома, 1923. С. 6.

⁹³ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 2. М.: Индрик, 1994. С. 458–462.

выдвинуть Землю. Он позвал Черта, велел ему нырнуть в бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принести ему. — Ладно, думает Сатана, я сам сделаю такую же землю! Он нырнул, достал в руку земли и набил ею свой рот. Принес Богу и отдает, а сам не произносит ни слова... Господь куда ни бросит землю — она вдруг является такая ровная-ровная, что на одном конце станешь — то на другом все видно, что делается на земле. Сатана смотрит... хотел что-то сказать и поперхнулся. Бог спросил: чего он хочет? Черт закашлялся и побежал от испугу. Тогда гром и молния поражали бегущего Сатану, и он где приляжет — там выдвинутся пригорки и горки, где кашляет — там вырастет гора, где проскачет — там высунется поднебесная гора. И так, бегая по всей земле, он изрыл ее: наделал пригорков, горок, гор и превысоких гор».

Элементы вышеприведенных мифов содержатся в реконструированном Р. Грейвсом мифе пеласгов⁹⁴, которые приходились русскому народу одним из непосредственных предков и ближайшими соседями⁹⁵. Для нас интересен тот факт, что описания создания Мира в «Калевале» и в мифе пеласгов практически идентичны. Отметим, что ряд исследователей называет этот миф орфическим, т. к. в трудах Аполлония Родосского он получен из уст Орфея и имеет ряд совпадений с орфической космогонией: «В начале Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами».

В приведенном фрагменте примечательно то, что в начале творения небо отделяется от первоморя, а само создание тверди, или земли, в нашем понимании, происходит позднее. Этот первичный акт соответствует отделению друг от друга принципов бинарных оппозиций и вполне соответствует библейскому описанию создания Мира. В вышеприведенных описаниях создания Мира по финнокарельским и славянским источникам земля так же была создана позднее из яйца или из песка, добытого в первоморе. Характерно, что библейский миф творения, который, по

⁹⁴ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. С. 37–38.

⁹⁵ Наговицын А.Е. Этруски: мифология и религия. М.: Рефл-бук, 2000.

мнению ряда исследователей, был заимствован у пеласгов или ханаанеан, говорит о том же: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою».

Следовательно, под словом «земля» понимается вода первоморя. Само понятие земли — антитеза, противопоставление небу. Если говорить строго, то первый акт творения — это отделение верха и низа, иными словами, создание принципа бинарных оппозиций: плохо — хорошо, низ — верх, черное — белое, левое — правое и т. д. В данном случае налицо прямая параллель с зороастризмом, где при создании мира присутствуют два начала — Ангхро Майнью (Ахриман) и Ахура Мазда:

«...3. Два Духа, два близнеца в начале провозгласили от себя чистое и нечистое мыслей речей и поступков...»

4. В первый раз, когда они пошли создавать жизнь и отсутствие жизни, и все, чем стоит наконец мир, — где дурное, там виден был и Нечистый, Дух же Благой всегда пребывал неразлучен со святостью...»⁹⁶.

Такое же противопоставление существовало у славян в понятиях Чернобог и Белобог, оно присутствует в христианской традиции. У А.Н. Афанасьева можно почерпнуть такой пример⁹⁷:

«...взял Господь камень, преломил надвое, и из одной половины от ударов божьего жезла вылетели духи чистые, из другой же половины набил Сатана бесчисленную силу бесовскую». По другой версии, черт «омыл свое лицо и руки водою, брызнул ею назад от себя — и сотворил столько чертей, что ангелам не доставало уж места на небесах».

Отделение неба от земли не имеет отношения к реальному небу и земле в мировой космогонии. Это утверждение правомочно, поскольку в Библии далее читаем: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды».

⁹⁶ Коссович К.А. Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария. СПб., 1861. С. 40–42.

⁹⁷ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. С. 458–462.

И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью.

И стало так.

И назвал Бог твердь небом...

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.

И назвал Бог сушу землею, и собрание вод назвал морями».

Кроме того, существенным представляется и пеласгийский миф об Эвриноме, подробно рассмотренный нами ранее⁹⁸, где, как и в «Калевале», Мир создает перворожденная дева. Кроме того, она зачинает мировое яйцо от ветра. В обоих случаях под ветром понимается верховное мужское божество. В финно-карельском варианте это Укко, а в пеласгийском — Офион. Еще один важный факт заключается в том, что зачатие от змея известно и в русской традиции, например в былинке «Волх Всеславич»⁹⁹.

Мы уже останавливались на связи образов змея и Велеса. Представляет интерес, что в рассматриваемом пеласгийском мифе змеем Офион, как и Змей русской быliny, становится хозяином Подземного Загробного мира, что подтверждает нашу гипотезу о соотношении древнейшего Змея и бога Велеса. Кроме того, и ветры в пеласгийском мифе связываются с этим миром. При этом мужской персонаж принадлежит не небу, а земле. В неопубликованной статье Д. Громова «Вий» имеется указание на связь ветров и хтонической стихии: «Во многих древних традициях ветры рассматриваются не как составляющая небесной стихии, но как производная стихии хтонической; ветер представляется как “дыхание Земли”. Данное воззрение зафиксировано как у многих индоевропейских народов (от Индии до Западной Европы), так и за пределами индоевропейского мира (например, в Китае).

Следы подобных представлений встречаются и в славянской традиции. Считалось, что ветры проживают в пропастях, ямах, пещерах. В сказках часто указывается на связь ветров с подземельем (морем, озером). Описания

⁹⁸ См. «Трансформация символа Змея в мифологических системах. Велес, Бадняк, Змей, Волх».

⁹⁹ См. там же.

ветров, выходящих из подземелий, можно встретить и в заговорах». Отметим, что полуязыческому святому Касьяну «...подчинены все ветры, которые он держит на двенадцати цепях, за двенадцатью замками. В его власти спустить ветер на землю и наслать на людей и на скотину мор (моровое поветрие)», автор продолжает: «Встречаются и другие описания “виеобразных” повелителей ветров. В южнорусских областях ветер представляли себе *сердитым стариком*, который живет “за морем”. По представлениям южных славян, пещеры и пропасти, служащие обиталищем для ветров, стерегут одноглазая ведьма или *слепой старец*».

Напомним, что, согласно древнейшим верованиям, в небесах царили богини, а мужские боги олицетворяли хтонический мир. При переходе от матриархата к патриархату они просто поменялись ролями. Учитывая этот факт, рассмотрим, кем был «северный ветер», оплодотворивший пеласгийскую богиню для этрусков, дольше всех сохранявших пеласгийские верования. Так, бог Тин, один из древнейших этрусских богов, считался владыкой Неба и Света и имел пеласгийское происхождение. Его владения располагались в северной части мира, на что указывает ряд источников, например сочинения Плиния Старшего. Этот факт подтверждается тем, что В. Пизани выявил тождество этрусских слов *antas* (орел) и *andos* (северный ветер). Орел считался птицей бога Тина, поэтому названное тождество возможно только в том случае, если владения Тина находились на севере. Но известно, что у многих народов, в том числе славян, карело-финнов, древних греков, этрусков, римлян и ряда других, орел соотносился с верховным небесным богом и являлся его ипостасью.

На первый взгляд возникает некоторое противоречие. У пеласгов северный ветер соотносится с хтонической, змеиной природой, а у этрусков — с небесной, орлиной, что не должно нас удивлять, поскольку в обоих случаях верховное божество выступает в роли оплодотворителя верховной богини. Мы также неоднократно указывали на смену роли мужского персонажа с хтонической на небесную, более того, как видно из содержания пеласгийского мифа, змей Офион изначально находился в небесном царстве, а потом за гордыню был изгнан в Подземный мир. Это

обстоятельство лишний раз подтверждает заимствованный характер древнееврейских мифов, в том числе об изгнании Сатаны богом в Ад за гордыню.

Отметим, что владения Тина располагались на севере, где эллины помещали таинственную страну Гиперборею, которая, по ряду современных гипотез, соответствовала протославянскому миру. Наличие культа Тина у пеласгов и в Гиперборее заставляет нас очень внимательно отнестись к этому богу.

Врнемся к названию страны богов Гипербореи. Само оно означает «за *Бореем*», т. е. за северным ветром. Тогда легендарный народ гипербореи — это народ, живущий за северным ветром. Вспомним, что этрусское слово *antas* как раз и обозначает северный ветер, или Борей. Но слово *antas* практически идентично греческому названию славянских или близких к славянам племен — *анты*. Из вышеизложенного можем сделать вывод, что *гипербореи* и *анты* — слова — это синонимы, которые обозначают славянские или родственные им племена, проживающие, относительно греков и этрусков, на севере.

Именно места расселения славян становятся страной богов, *Гипербореей*, куда на зиму отправлялся бог Аплу/Аполлон и откуда Геркле/Геракла перенес ростки священной оливы в Олимпию. Отметим то общеизвестное обстоятельство, что бог Аполлон был негреческого происхождения, он и отправлялся в Гиперборею в колеснице, запряженной лебедями.

Аполлон имел первоначальные функции высшего небесного бога, связанного с Солнцем. Хорошо известно, что любая атрибутика бога указывает на его функции в пантеоне. Связь Аполлона с водоплавающей птицей лебедем может быть отдаленным следом мифа о создании им Вселенной в образе лебедя. При этом следует учесть, что и верховный древнегреческий бог Зевс в образе лебедя вступал в брак с богиней Ледой, бывшей в образе дикой гусыни, а от их брака родилась Елена Троянская, земное воплощение Афродиты. Интересен тот факт, что рождение Елены Троянской явилось своеобразной причиной рождения нового мира. Из-за нее возникла Троянская война, на которой было уничтожено поколение героев и их по-

томков, а после них возникло пятое поколение людей. На это обстоятельство указывает, например, Гесиод в своих «Трудах и днях».

Для полноты изложения необходимо сослаться на миф о сотворении мира коми-зырян, родственных финно-карелам как по языку, так и по основным религиозным и мифологическим представлениям. Данный вариант основного космогонического мифа показывает развернутость древнейших космогонических представлений, как финно-угорских народов, так и славян, имеющих с ними сходные мировоззренческие представления. Рукопись мифа на коми-зырянском языке была обнаружена в 1923 г.¹⁰⁰ В силу важности этого текста приведем его полностью.

«По беспредельному морю-океану плавала утка “чож”, носившая в себе яйца жизнезарождения. Она долго искала место, где бы ей высидеть своих птенцов, но так и не нашла себе пристанища...»

Можем видеть, что начало мифа полностью соответствует финно-карельскому варианту.

«...Четыре яйца, снесенные ею, были поглощены пучиной морской, только два последних яйца она сумела спасти. Высиженные под крылом матери, из двух яиц вылупились два птенца, два утенка: Ен и Омоль. Это были два брата, два противоположных начала: жизни и смерти, добра и зла, правды и неправды, дня и ночи...»

В этом отрывке содержится дуалистический миф, который в самом ярком своем виде предстает перед нами в зороастризме, где доброе и злое начало мира являют два брата-близнеца, Ахура Мазда и Ахриман. Кроме этого, видно типичное для индоевропейского шаманизма деление на бинарные оппозиции: день — ночь, правда — неправда и др. Наличие подобного мифа ряд исследователей находит и у славян. В самой поздней, христианской трактовке, это — противопоставление Дьявола и Бога. Характерно, что в отличие от позднейших толкований этого архетипического мифа у индоевропейцев и соседних им народов, братья полностью равновелики и равнозначны. Отрицательное отношение рассказчика к одному из них не меняет сути

¹⁰⁰ Тетерин С. Двойняшки. Пермский оракул для гадания и привлечения личной удачи. М.: София, 2000. С. 123–126.

дела. В поздней, христианизированной традиции носитель отрицательного начала находится в некотором подчинении от носителя положительного, например в приведенных нами ранее фрагментах.

«...До возраста мать носила их на своей спине, потом попросила утят достать из пучины морской выроненные яйца и разбить их на своем теле. После этого сама взметнулась ввысь, с разбегу ударилась об воду и убилась...»

Следует отметить интереснейшую деталь, отраженную в данной версии мифа. В отличие от большинства мифологических систем, творцом Мира является некое нейтральное хтоническое начало в образе утки. Повидимому, она олицетворяет принцип Хаоса, в котором содержатся и *добро*, и *зло*. Аналог можно встретить в древнеегипетской мифологии, где, по одной из версий, творения, Мир появляется на холме, вышедшем из Хаоса от яйца утки, «великой птицы Гоготун». Отметим, что в литературе эта птица зачастую называется гусем, но, к сожалению, гуси и вообще птицы-самцы яиц не несут. Представляется важным то, что указывается на смерть утки — Первоматерии (Хаоса), т. к. с появлением добра и зла начинается преобразование Хаоса в порядок. В этом смысле мы имеем множество параллелей в мировых космогонических системах, в том числе таких, как ассиро-вавилонская, где богиню хаоса и первоматерии, прародительницу Тиамат уничтожает бог Мардук. Переход от хаоса к порядку описывается в греческих орфических и иных произведениях, например у Гесиода. В неявной форме такой переход виден в мифе об убийстве Медузы Горгоны Персеем. Тот же миф подробно разработан в хеттской мифологии.

Дальнейшее создание мира после смерти — отхода от дел самой создательницы первооснов мира ведут два диаметрально противоположных принципа в образе Ена и Омоля. И здесь тоже напрашиваются аналогии. В индуистской космогонической системе бог-творец Брахма после создания Мира практически отходит от дел, перепоручив устройство его своим потомкам. Та же ситуация, возможно, связана с богом-демиургом славян Родом. У древних греков бог неба и создатель Мира Уран оскроплен своим сыном Кроносом и так же отходит от активной деятельности.

Во всех трех приведенных примерах речь идет о мужских ипостасях богов-создателей. При переходе различных племен и народов от матриархата к патриархальному типу социального устройства ряд высших божеств, в первую очередь богинь матерей-прародительниц, был заменен на мужские персонажи. Следы древнейших матриархальных верований можем видеть в таких, казалось бы, отдаленных мифологиях, как древнеегипетская, где небо олицетворяет небесная корова, порождающая солнце, и древнегерманская, где сам акт творения связан со вселенской коровой Зимун. В рассматриваемом случае мы имеем дело, видимо, с древнейшей трактовкой мифа, где прародительницей Мира является утка. Корова, как существо-прародитель, могла появиться только вначале скотоводства, а в период охоты и собирательства ее функцию часто заменяла олениха или лосиха, о чем будет коротко сказано ниже.

«...Вот два брата, Ен и Омоль, начинают доставать материнские яйца из пучины морской. Нырнул сначала Ен в бездну морскую и стал искать потонувшие яйца. Прирожденное начало противоречия заговорило в Омоле: пока брат его находился на дне морском, Омоль засвистел, закричал таким голосом, что от его крика все застыло, и поверхность океана заледенела. Омоль возрадовался, что не осталось для брата выхода из-под воды. Вдруг засверкали молнии, и с такой силой ударил гром, что сразу весь лед растаял и забурила поверхность моря-океана. От испуга Омоль сразу нырнул в воду. Это Ен, выходя из пучины морской, ответил на козни Омоля громом и молнией. Ударил Ен вынутое из пучины морской яйцо о тело убитой матери и взметнул вверх. В вышине сразу загорелось и заиграло солнце своими живительными лучами, а тело утки-матери разрослось в длину и ширину, покрылось лесом зеленью и цветами. Так появилась земля-матушка...»

В данном отрывке можно видеть четкое расслоение мира в сознании создателей мифа на бинарные оппозиции, выраженное в противопоставлении богов Ена и Омоля: холод и мороз — Омоль, кипение и жар — Ен. Следует обратить особенное внимание на то, что основным живительным началом является солнце. Вспомним, что в ранне

упомянутом древнеегипетском мифе в начале мира также называется появление солнца, вышедшего из яйца птицы Гоготун. В нашем случае тепло солнца превращает мертвое тело матери-птицы в плодородную землю. Представляется интересным и тот факт, что в сознании создателей данного мифа «лес, зелень и цветы» являются прямыми атрибутами земли, ее порождением, для их творения не нужно прилагать дополнительных усилий. Подобные верования, что земля-мать порождает растительную природу, до XX в. бытовали и у славян, и с ними связывались многочисленные обряды земледельческой магии. Кроме того, в данном отрывке описано начало творения Мира. Проследим особенности представлений об этом космогоническом акте в приводимом тексте.

«...Нырнул еще раз в пучину морскую Ен, достал второе яйцо зарождения и сделал себе помощников-ангелов. Нырнул в пучину морскую завистливый Омель и достал оттуда два яйца, покрытые затхлой тиной. Разбил он первое яйцо и бросил вверх. На небосклоне зарделась тусклая, вечно холодная луна, признак ночи и холода, а по земле потекли безжизненные потоки воды, зазияли озера, болота и зыбуны трясушие. Разбил он второе яйцо и создал оттуда себе помощников, таких же злых, завистливых и злоторных, как и сам Омель.

После этого Ен и Омель вступили на землю, приняли человекообразный вид и стали править землей...».

Рассматривая последовательность творения Вселенной, можем видеть, что создание Неба и Моря, как первоосновы Мира предполагается само собой. Творческий акт созидания можно разделить на следующие этапы.

1. Создание Хаосом первых четырех яиц с зародышем первооснов Мира и отдача их самой близкой утке морской стихии-первоматерии («уронила в море»).
2. Создание двух начал: добра и зла, холода и огня, ночи и дня, которые способны организовать порядок и равновесие мира.
3. Самоуничтожение Хаоса — утки и, как следствие, исчезновение сдерживающего противоположности начала, выразившееся в конфликте между Еном и Омелем. Их попытки остаться одними в мире.

4. Появление главного животворного начала — Солнца и преобразование мертвой материи — тела матери-утки в живую Матушку-землю. Указан способ переработки смерти в жизнь. Отметим, что по тексту Матушка-земля остается чем-то нейтральным между Еном и Омолем, т. к. ею они правят совместно. К этому же этапу следует отнести создание Омолем Луны и земной влаги. Во время этого этапа творения земля обустроивается и принимает свой естественный вид.
5. Этот этап, пожалуй, самый сложный для понимания. Боги создают себе ангелов-помощников. Попробуем разобраться, что же они собой представляли изначально, до христианизации и получения чина ангелов? Отметим, что они не антропоморфны, по крайней мере вначале. Сами Ен и Омоль имеют образы уток, как и их мать, а человеческий образ принимают, только поселившись на Земле. Человека-мужчину Ен создает из земли и одухотворяет своим дыханием. В данном случае для нас важно то обстоятельство, что яйца первотворения, из которых появились и сами боги Ен и Омоль, для создания человека не используются. Данное обстоятельство указывает на более высокое иерархическое положение помощников по отношению к человеку. Как сказано: «бесовские полчища могут заслонить собой весь мир, а могут уменьшиться до размера мошек». Эти помощники имеют явную духовную сверхъестественную природу. Мы полагаем, что на этом этапе творения были созданы духовные начала материального мира, а возможно, и человека. Даже если рассматривать данный текст, не обращаясь к аналогиям из других мифологий, можно сказать, что созданные богами «ангелы» — существа иного мира, высшего по отношению к человеку.
6. Далее Ен создает все полезные живые существа и мужчину, а Омоль — все вредные, в том числе женщину, но эти подробности для нашего исследования не существенны.

Отметим, что многие элементы данного мифа и различных мифологических концепций индоарийских и иных народов очень схожи, вероятно, они имеют единую первооснову. Мы видим, что легенды о создании Мира у славян и

финно-балтов практически идентичны, это дает основание рассматривать и другой мифологический материал этих народов как родственный.

На основе проведенного анализа можно перейти к реконструкции способа создания мира в финно-балтской мифологии. Для этого приведем важный мифологический отрывок из «Калевалы»¹⁰¹:

Укко, тот творец верховный,
Старец Укко, бог небесный,
Отделил от неба воду,
Разделил он воду с суши.

В другом месте «Калевалы» также говорится о порядке создания Мира¹⁰²:

Пел вещей происхождение,
По порядку все заклатья,
Как по божьему веленью,
Всемогущему приказу,
Сам собой распался воздух.
Из него вода явилась,
Из воды земля возникла,
Из земли пошли растения.

На первом этапе Укко отделяет небо от воды. Он создает ту среду, куда может спуститься богиня воздушной среды, Ильматар. Важность этого космогонического акта связана с тем, что воздушная среда — Небо, рассматривается в мифологическом мышлении как одицетворение духовного начала, а вода-первоматерия — как воплощение всего материального. Другими словами, на первом этапе творения всепорождающее начало было разделено на мужское (небесное) и женское (материальное).

На втором этапе вода была отделена от суши, т. е. была создана земля как таковая. По одной из вышеприведенных версий, она была создана из яйца, снесенного Укко в виде утки на колене Ильматар, по другим вариантам — была добыта из моря, т. е. происходило конкретное отделение суши от тверди. Важен вариант мифа о создании светил лас-

¹⁰¹ Калевала. Руна 9.

¹⁰² Там же. Руна 17.

точкой, который как бы примиряет обе традиции. Суша отделяется от моря, а небесные светила создаются из яйца.

Воздух — мать всему на свете,
Старший брат — водой зовется,
Младший брат воды — железо,
Средний брат — огонь горячий.

Отметим важную особенность, связанную с разделением составляющих элементов мира на четыре части. В древнегреческой философии указывается, что мир составляют четыре элемента: воздух, вода, огонь, земля. У финно-балтов представлена та же картина: воздух, «мать всему на свете», — это богиня Ильматар, олицетворяющая воздушную стихию. Старшим сыном названа та вода, куда снизошла Ильматар с неба и которую одухотворила. Средний брат — огонь. Как было показано выше, появление огня во всех вариантах мифа связывалось с морем и водой. Он — третья стихия финно-балтов. Стихия земли соответствует у них железу, которое рассматривается как нечто твердое, основа всему. Не случайно вековечный кузнец Илмаринен, брат культурного героя Вяйнемейнена появляется одновременно с железом.

На третьем этапе творения создавался весь материальный мир в его многообразии. Четвертый связывается с Илмариненом, который является прообразом создателя культуры. Если Вяйнемейнен — покровитель песенников, магов, хлебопашцев, рыбаков, то Илмаринен — культурный герой следующего исторического этапа жизни финно-балтов, покровитель любого ремесла.

Вот родился Илмаринен.
Он родился, подрастает.
На горе углей родился,
Рос на угольной поляне,
И в руке он молот держит,
В кулаке щипцы сжимает.
Темной ночью он родился,
Днем уж кузницу он строит,
Место кузнецы он ищет,
Где мехи свои поставит.

Важность этого этапа жизни народа подчеркивается тем, что появление железа и кузнечного дела рассматривается как отдельный этап творения мира, для которого необходимо вмешательство верховного божества. Кроме того, для создания разного вида железа, известного финнобалтам, было необходимо появление трех дев творения, по одной на каждый вид железа.

Не рождалось лишь железо,
Не рождалось, не всходило.
Укко, этот бог верховный,
Протянул однажды руки
И потер их друг о дружку
На своем колене левом.
Появились три девицы,
Эти дочери творенья,
Эти матери железа
И голуборотой стали.
Вот пошли они, колышась,
В облаках они ступают.
Молоком полны их груди,
И сосцы отяжелели,
Молоко течет на землю.
Грудью полной орошают
Девы землю и болота,
Тихо дремлющие воды.
Каплей черною стекает
Молоко у девы старшей.
У второй же девы, средней,
Каплей белою стекает.
А у той, что всех моложе,
Каплей красною сбегает.
И из черных этих капель
Вышло мягкое железо.
Где же белые упали
Сталь упругая явилась,
А из красных капель вышло
Лишь некрепкое железо.

Следующие этапы творения в основном связываются с именем Вяйнемейнена, Илмаринена и других культурных героев.

ГЛАВА 3

МОРЕ

Хозяин моря — Ахто и его жена Велламо безраздельно правят морской стихией¹⁰³.

Ахто, ты глубин хозяйка,
Сотни омутов владыка!

Велламо, воды хозяйка,
С тростниковой грудью в волнах!
Ты смени свою рубашку,
Свой кафтан смени скорее!
Ведь камыш — твоя рубашка,
Пена моря — покрывало.
Их дала тебе дочь ветра¹⁰⁴,
Дочка моря подарила.

Кроме природных обитателей моря, в их подчинении находятся русалки, чайки, утопленницы. Интересен миф о том, что при появлении огромного дуба, загородившего солнце на земле, на помощь Вьянмейнену из моря появляется закованный в медь карлик. Этот карлик превращается в великана и помогает срубить «злое дерево». Видимо, Бог Ахто и является этим карликом. Характерно, что морские божества, в отличие от хтонических, не противостоят, а помогают героям в устройстве Земли. Сын Ахто и Велламо Ику Турсо (Турсос) помог Вьянмейнену в полевых работах, выносит из моря огонь. Как говорилось ранее, огонь четко связан с морем и его обитателями¹⁰⁵.

Тут из моря вышел Турсас,
Богатырь из волн поднялся.

¹⁰³ Калевала. Руна 48.

¹⁰⁴ Ильматар.

¹⁰⁵ Калевала. Руна 2.

Запалил огнем он сено,
Ярко сено запылало.

В пепел нежный лист кладет он,
Вместе с ним дубовый желудь.

Море может не только помогать, но и карать. Это отражено в том, что Турсос иногда принимает вид морского чудовища.

Описание морского царства у финнов и карел близко к описанию водной стихии в фольклоре славян: морской царь с царицей, русалки, часть из которых — бывшие утопленницы.

Между морем и небесным сводом пребывали боги: Ракхой — творящий лунные затмения, дух Рахко, управлявший фазами Луны и Капеет — мифологическое животное, пожирающее Луну. Скорее всего, все три персонажа обозначали изначально одну божественную сущность.

ГЛАВА 4

ЗЕМЛЯ

Древние финны и карелы, так же как и славяне, рассматривали Землю в качестве места, населенного бесчисленными духами и богами. За каждую работу, растение, животное отвечал определенный персонаж, которого в песнях и молитвах надо было просить о помощи. Вот основные из них.

Тапио, он же Куктана, — хозяин доброго леса (разновидность лешего), имел дом, двор, зверей, которые были его стадом.

Нюрикки — хозяин охоты.

Хийси (Ютас, Лемпо) — дух недоброго леса, которого призывали для злого колдовства, запугивания, но также просили об удаче на охоте, особенно на лося. Лось — «конь» Хийси.

Сампса Пеллервойнен (в переводе *сын Поляны*) — засеял мир деревьями. Изображался маленьким мальчиком — духом деревьев.

МИР СМЕРТИ

Мир смерти у финно-карел делился на две части: место ужаса, или Ад, называлось Манала (Туонела); жилище богини смерти — Канмы. Аналогичное разделение мы можем наблюдать в германской мифологии. Злые духи и боги были многочисленны, многие из них связывались с силами природы.

Мана (Кальма) — царь страны страха и мертвых Маналы (или Туонелы), окруженной ущельями черной реки смерти, в которой плавают черный лебедь, огромная щука и змея. Души туда доставляют в лодке. Жена его — Туони. Один сын этой супружеской четы — олицетворение страха, другой (Каммо) — дух ужаса. Ему поклонялись в образе камня. Сын Камо, Киви (или Киммо) — хозяин речных порогов, он имел священный камень со своей генеалогией. Но было и женское божество этих водных преград — Мелатар.

Все названные персонажи связаны в первую очередь с опасностью (или смертью на воде), и это вполне объяснимо. Рыболовство у финнов и карел было одним из важнейших и древнейших занятий, поэтому и боги, связанные с ним, более архаичны, чем те, что покровительствуют сельскому хозяйству.

В сказочных текстах до наших дней сохранилось имя ведьмы Сюэтар. Правда, из людоедки, живущей в норе и вредящей людям своим колдовством, она преобразилась в аналог русской Бабы Яги. Согласно мифу, эта особа причастна к появлению на свете гадюки: та возникла из мозгов уток и чаек и слюны Сюэтар. Волны растащили этот «коктейль», солнце согрело, ветер качал на воде и выбросил на берег. И там жизнь в ядовитое тело вдохнул злой бог Хийси.

Жива до сих пор память и о Ловьятар — матери девяти недугов, зачатых ею от бури и ветра. Примечательно, что в русском фольклоре тоже имеется старинное предание о

Кумохе — персонификации весенней лихорадки, которая давала поручения насылать на людей болезни своим сестрам — Глухее, Глядее, Грисее, Груднице, Дряхлее, Желтее, Коркуше, Ледее, Немее, Огнее, Пухнее, Трясее.

У финнов и карел полностью отсутствует благодушие, имеющееся в русском фольклоре, в отношении демонических и опасных персонажей. Даже Мороз у них изначально впоен гадюками в чужих землях, мать его без груди, отец — злодей.

ГЛАВА 6

БОГИ И КУЛЬТУРНЫЕ ГЕРОИ – УСТРОИТЕЛИ ЗЕМЛИ

В тексте «Калевалы» так определяется место жительства небесных светил¹⁰⁶:

Из избы тут вышел месяц,
На кривую влез березу. ЛАНЬ®
Вышло солнышко из замка,
На сосновой ветке село...

На небесном своде располагались солнце, луна и звезды. Илмаринен, «небесный вековечный кователь», сковал над Землей свод неба, отделяющий девять небес Мира Укко от Земли. Он же выковал солнце и месяц, правда, они не светили.

Кроме этого, Илмаринен еще и хозяин бури, повелевающий воздушными стихиями. Вместе с братом своим он занимается устройством Земли. Брат Илмаринена, Вяйнемейнен, он же *Вейно*, *Увантолайнен*, *Осмайнен*, *Сувантолайнен*, певец, вековечный заклинатель, устроитель благоденствия Финляндии и Прачеловек.

Со времени почитания старшего в роду, а также предка рода (не тотемического) сохранились названия *Ванамес*, *Ванем* (старик, дед, старший), *Таеватаат* (небесный дед), *Вана Таат*, *Ванауса*. Интересна параллель с Ванами, противостоящими Ассам в мифологии германских народов. Напомним, что культурный герой (по другим версиям, бог), прародитель рода, наиболее почитаемый в народе, Вяйнемейнен имеет основные характеристики — старый мудрый, старый верный, и появляется на свет уже стариком. Он близок к славянскому вешему Бояну.

¹⁰⁶ Калевала. Руна 47.

ГЛАВА 7

ОБОЖЕСТВЛЕННЫЕ ПРЕДКИ

В финно-карельской мифологии весьма развиты представления о первопредках. Для нас это представляет существенный интерес в первую очередь потому, что подобные представления существовали и у славян, но в силу исторической судьбы практически не сохранились. Среди обожествленных предков финно-балтов можно назвать:

Антеро (он же *Виппунен* и *Калева*) — вещий, могучий исполин, давно умерший певец, родоначальник героев «Калевалы».

Калерво — вещий старец.

Унтамо (или *Унтамойнен*) — брат Калерво, божество сна, один из хранителей глубинной мудрости, не умирающий, а погруженный в сон. Пробудившему его может передать знания, полученные в вещих снах, чем и пользуется Вайнемейнен, чтобы узнать забытые колдовские слова.

Турккас — дающий победу в битве¹⁰⁷.

Очень важно упоминание в карельских и финских рунах о том, что вещий кузнец Илмаринен (в данном случае не бог, а культурный герой), потеряв супругу, выковал взамен нее золотую жену. У финно-угров бытовало поклонение золотой бабе как хранительнице рода и солнечной жене. У хантов жена после смерти мужа (или муж после смерти жены) вырезала его изображение из дерева, одевала, кормила, сажала на мужнино место. Изображения предков рода тоже бережно хранились, но в настоящее время увидеть их можно редко.

У коми-народа (потомков чуди, т. е. балтийских финно-угров) предки представляются в виде людей-лосей. Любопытно, что в язычестве древних славян праматери — лосихи. У ливов, веси, карелов также встречаются на

¹⁰⁷ Ср. Туурип (Таари) — один из высших богов у эстонцев, у германцев — Тор.

нагрудных амулетах изображения головы лося или двух лосей, переплетенные рога которых дают изображение мирового дерева.

В одной из кольских легенд говорится о том, что когда человек-олень Мяндаш оказывался на пороге своего жилища, где его ждали жена, «дочь человеческая», и дети, то обретал людской облик. Однажды, когда они нарушили табу¹⁰⁸, это превращение не состоялось, и он убежал в тундру. Продолжение истории таково:

«...то и все дети его <...> ребятаки его все за ним побежали один за другим. И даже самый маленький, тот, что на коленях у матери был и грудь сосал, и тот встрепенулся, обернулся пыжиком-олениночком, соскочил с коленей матери и туда же в тундру, за оленями побежал.

Вскочила Мяндаш-каб, метнулась, зовет маленького: “К маме, домой поди! Поди к маме, поди! У мамы теплые колени и грудь...” А Мяндаш-парень отвечает ей: “Не могу я вернуться, мама, не могу! Олений зов меня влечет. Жар молодых рогов — мой восторг! Игра пургой — моя радость! И хруст копытец — мое весельство! Не могу я вернуться, не могу вернуться, мама...” »

В другом древнем кольском сказании говорится, что шкура убитого оленя, попав в морскую пучину и испытав ряд превращений, на гребне волны возрождается к новой жизни. Волны выносят молодого и прекрасного оленя на берег — и снова начинается Мяндаш свой вечный путь по бескрайней тундре. И будет земля, пока Мяндаш бежит по ней, и будет солнце, пока Мяндаш видит его...

«Из-за Каменского, из-за Имандры, из нутра матери-земли бежит Мяндаш — дикий олень. Мяндаш-пырре (Мяндаш-благо) имя ему, он начало жизни. От края до края земли Мяндаш-пырре бежит, златорогий олень. Путь его — солнца путь, туда его бег... »

Академик Б.А. Рыбаков¹⁰⁹ убедительно показывает, что культ человека-лося и двух космических лосих-рожаниц являлся общим для ряда народов, в том числе и для славян.

¹⁰⁸ Жена постирала его постель, служащую магическим инструментом превращения Мяндаша в человека и обратно в оленя.

¹⁰⁹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. С. 71–73.

На многих финно-карельских рисунках имеются изображения, связанные с происхождением людей и предками. На уровне земного мира, который отмечался двойным ромбом с крестом внутри, видно изображение тотемического предка, человека-оленя. В нижней части рисунков изображен предок или путешествующий шаман в окружении духов. Олень, направляющийся в «верхний мир», где содержится изображение ростка растений, указывает на связь культа оленей с верховными богами и зависящее от них благополучие людей. На космогоническое значение культа оленя указывает и то обстоятельство, что на уровне земли парные фигуры оленей находятся в композиции с богом-громовником и изображением человека-оленя.

ГЛАВА 8

ХОЗЯЙСТВО

Все виды хозяйственной деятельности имели своих покровителей и защитников (аналогичную ситуацию можно наблюдать в славянском фольклоре). Вот имена некоторых из духов-покровителей хозяйства:

Кратой — дух, оберегающий имущество.

Тонту — покровитель домашнего хозяйства.

Калевантиойят — косари лугов (великаны — сыны богатыря Калева).

Рынготеус — дающий рожь.

Пеллон Пекко — дух ячменя.

Виранканнос — дух овса.

Эгрее — урожай бобов, гороха, репы, капусты, льна, конопли.

Кендес — покровитель пахоты.

Укко и Рауни (дождь, земля) — хорошая погода, забота об урожае.

Кекри — увеличение прироста скота.

Ведеи-эма — рыбная ловля.

Поистине замечателен тот факт, что знаки, используемые карелами в магических амулетах, встречаются на языческой утвари и даже на окладах русских икон. Причем, если у карел магический смысл амулетов, т. е. магия знаков на них, ясен (по их основной функции), то русскую вязь рассматривают просто как узор.

Одним из основных оберегов у финно-угров была утка или ее лапа. Это было своеобразное обращение к первоматери-утке, из яйца которой создан Мир, т. е. к самому верховному божеству. Обереги носили в середине груди или на поясе.

Сильным оберегом считалось изображение медведя или три головы медведя, одна над другой. Этот оберег приносил охотникам удачу. Медведь — священный хозяин леса, играл важную роль в свадебном обряде. Бытовали легенды о браке медведя и женщины. Охотники извинялись за его убийство перед его духом. Эти представления о медведе очень близки к древнеславянским, совпадают и мотивы половой связи женщины и медведя¹¹⁰.

Двуглавый конь как оберег использовался для украшения гребней зданий и как подвеска на груди (коньки на крышах известны по всей России). В отличие от славянских аналогичных украшений, конек у финнов и карел имел подвески на цепочках в виде стилизованной кукушки (кукушкой и назывался), он берег здоровье и благополучие в доме, его звон отгонял злых духов. Наибольшее распространение «кукушки» имели у ливов и финнов. Крыши жилищ покрывали солярные знаки, т. е. пожелания благополучия, богатства дому, защиты небесных богов (здесь тоже прямая аналогия со славянской традицией).

¹¹⁰ См. русскую сказку «Ивашка — Медвежье ушко».

Стоит остановиться на сходных изображениях птичеловека у карелов и веси (IV–VI вв.), а также у коми (I–VIII вв.), например, на берегах с человеческими фигурами, увенчанными головами хищных птиц, орлов. Это является косвенным доказательством того, что верховный бог (для финно-карел — Укко) почитался в облике орла.

Остяцкий (обские финно-угры) родовой идол соответствует изображению на рукаве одежды у карел. Он соответствует богу древних поляков *Trzy*, т. е. *Трибогу*, истукан которого имел три головы. В г. Щетине высшим владыкою признавался Триглав, властвующий над тремя частями мира, в том числе и над небом. Ему посвящался орел, как и Укко, Зевсу, Свентовиту, *Сварогу*.

Оберегами считались изображения коней, зайцев, медведей, ключей, рыси, спирали (иногда тройной, как символ триединой Вселенной), раковин, сплетенных змей, мирового дерева.

Многие знаки, символы и узоры были переняты славянами и финно-уграми друг у друга, хотя почти всегда выделяется национальный колорит, выраженный или в цвете, или в некотором изменении формы.

ГЛАВА 10

ОДЕЖДА ФИННОВ И КАРЕЛ КАК ОБЕРЕЖНАЯ ЗАЩИТА

Сама одежда в народной традиции рассматривалась как важнейший оберег, и все ее части (подол, рукава, лиф и т. д.) несли определенную символику.

Так, для женской одежды восточной части Карелии характерна рубаха, украшенная на груди вышивкой в форме прямоугольника, шитого геометрическим орнаментом, преимущественно красными нитками, которая располагалась прямо от шеи, посередине груди. Разрез был слева, по краю вышивки, и застегивался у горла пряжкой. Вышивка была видна в вырезе верхней одежды — белого сермяжного или льняного полудлинного кафтана в талию (виитта) или верхней кофты свободного покроя длиной до середины бедер (косто).

До XIX в. сохранялась несшитая поясная одежда (хурстут), состоявшая из двух полотнищ, на лямках, идущих через плечо. Аналогичная форма еще сравнительно недавно бытовала в одежде ижоры в районе Ковашей Ленинградской области. Юбки и лифы были заимствованы восточной Финляндией из западной сравнительно поздно, причем и с этой одеждой иногда надевалось полотнище на лямке, «пережиток» несшитой одежды. В Карьяла юбки на поясе особого распространения не получили, в пограничных же районах этого региона из русской Карелии был перенят сарафан. Интересно, что православное население восточных районов еще в средние века заимствовало у русских в качестве головного убора замужней женщины вышитую сороку (харакка), в то время как у лютеран дольше сохранялся старинный полотенчатый головной убор (хунту), под

который волосы укладывались жгутами. Девушки носили открытые головные уборы в форме венца или повязки. Обязательной принадлежностью женского костюма был передник, украшенный вышивкой, кружевами или тканым орнаментом.

Старые формы в одежде западных районов известны плохо. С конца Средневековья здесь стал обычным костюм, состоящий из рубахи-блузы, поверх которой надевалась юбка на поясе. Сначала юбки шили из однотонной ткани, затем — из полосатой и клетчатой. Поверх блузы надевался лиф, оставлявший открытыми белые рукава и грудь кофты. Распространены были наплечные платки. Поверх юбки повязывался передник.

Одежда женщин в северных районах была сходна с той, что носили в западных. На островах Финского залива мужской костюм состоял из штанов чуть длиннее колена, белой рубахи, жилета, куртки и кафтана. На ногах и мужчины, и женщины носили шерстяные чулки, потолы из цельного куска кожи или с треугольной вставкой на подъеме, лапти из бересты или лыка. Мужчины носили и высокие сапоги.

Многие узоры встречаются с вариациями как у финно-угров, так и у славян. Например, ряд изображений указывает на почитание великой праматери, т. к. на нем изображена женщина с «двумя головами», земной и божественной (одна над другой), и солярными знаками вместо лица.

Часто можно видеть изображение бога, находящегося между двумя оленями. Аналогично тому две лосихи-рожаницы в древнейшей славянской мифологии часто изображались совместно с богиней Макошью, одной из функций которой было плодородие земли. Тело богини показано как двойной ромб (двойной ромб в большинстве индоевропейских традиций обозначает плодородную землю)¹¹¹.

Рассмотрим несколько примеров знаково-символической повседневной магии балтийских финно-угров. Вышивки и амулеты на груди, преимущественно у женщин, — знаки плодородия, пожелания потомства и силы. Круг, связывае-

¹¹¹ См.: Голан А. Знак и символ. М., 1994.

мый с солярной символикой, — указание на благополучие и силу. Ромб или квадрат — знак земли и плодородия. Точки — пожелание потомства. Наличие их на трех первых узорах говорит о пожелании счастливого материнства. Лунная символика, связанная с фазами луны, имеет отношение к бытовой женской магии.

ГЛАВА 11

МАГИЯ ФИННО-КАРЕЛ И СААМОВ

Магия у балтийских народов, в особенности у саамов (лапландцев), занимала огромное место как в религиозной, так и в повседневной жизни. Мужчины дома (особенно зимой) сажались друг против друга, брались за руки и пели руны. Пение это далеко не всегда было увеселением. Кроме того, пением рун сопровождалась повседневные работы по хозяйству, рыбная ловля, охота и т. д. Для каждой ситуации подбирались особые слова.

Охота и рыболовство	Хозяйство	Социальные отношения	Здоровье	Брачные и любовные отношения	Бытовые условия
зимняя охота	весенний сев	защита от начала войны	против чумы	приворачивание жениха	заговаривание банного пара
охота на горностая	сенокос	сборы на войну	при изготовлении снадобий	оберег молодоженов и др.	против дождя
травля волка	работа на гумне	судебная тяжба и др.	против зубной боли		рождение огня и др.
установка силков на лисицу	выгон скота на пастбище		против колик		
медвежья охота	чесание овечьей шерсти и др.		при ожоге		
рыбная ловля			при вывихе		
спуск по порожистой реке и др.			при ранении камнем		
			при ранении деревом		
			от укуса змеи		
			от укуса паука		
			при укусе собаки		
			на укус осы и др.		

Сочетание песенного заклинания с оберегово-знаковым и постоянная практика в них сделала балтийских финно-угров примером опасных и сильных колдунов для населения Руси, северо-западной и центральной Европы, т. к. именно у них дольше всех европейских народов сохранились шаманские техники.

МИФОЛОГИЯ И КАРТИНА МИРА У СААМОВ

Финно-карельская космогония во многом совпадает с саамской. У тех и других народов долгое время сохранялись шаманские практики и традиции, а главное то, что картина мира финнов во многом совпадает с мировоззренческим восприятием славянских народов, у которых сведения о традиционной космогонии практически не сохранились.

Дохристианским верованиям скандинавских и финских лопарей были свойственны черты политеизма, весьма широко был развит шаманизм. По всей Лапландии бывало поклонение священным камням — сейдам. Христианизация лопарей проводилась с начала XVI в. В настоящее время они — лютеране. Однако еще в конце XIX в. здесь были сильно развиты языческие верования, и лопари продолжали, хотя и тайно, приносить жертвы сайво (духам умерших) и верить в магию шаманского бубна. Многие божества пантеона, по-видимому, были заимствованы у скандинавов и финнов.

Картина мира саамов представлена различными способами. Иногда сама Земля представлена как живое существо — антропоморфное животное. В этом случае в нем фигурируют два неба: верхнее и нижнее. По аналогии с финским фольклором, можно сказать, что первое принадлежит верховному богу, а нижнее — небесным девам. Ниже изображалось солнце, обычно в виде ромба.

На бубнах саамов можно видеть трехчленное деление мира, при этом круг в круге, находящиеся в середине изображения, указывают на наличие мирового центра, мирового дерева. Небесный мир разделяется на два уровня: уровень обитания верховного бога и «нижнее небо».

К небесным богам, кроме верховного бога Юбмела, относится еще целый ряд божеств.

На верхнем небе обычно располагался бог Тиермес. Он выступает как бог-громовник и покровитель небесного очага — места прибежища предков. В зависимости от принадлежности к различным племенам, он именовался по-разному: *Твермес*, *Укко*, *Айеке* (эстонское *Эйке* — бог грозы). Верховное божество часто находится в сопровождении пары небесных женщин-олених. Такие пары оленей часто можно видеть рядом с изображением Мирового дерева на финно-карельских и русских вышивках. Считалось, что оленихи дарят жизнь и приплод скота. Аналогичное восприятие образа оленя характерно практически для всех «лесных» народов и народов Севера.

У саамов известны и другие небесные боги:

Бог солнца Пэйве.

Пьегольмай (*Илмаринен*, *Пьег-ольмай*, *Илмарис*, *Илмаратче*) — ветер-мужчина, бог воздуха. Весло в руке бога указывало на его власть над водной стихией. Отметим, что рыболовство было важнейшей деятельностью как лопарей, так и финнов.

Сарака, покровительница женщин, ее мать — Мадераккау.

На земле жил бог Веральден-ольмай, оберегающий землю, заботившийся об ее плодородии, «мужчина вселенной». Изображался на шаманских бубнах поддерживающим мир столпом. Он считался духом земли. Этот бог часто имеет парное себе женское божество. С ним так же изображались олени, чем подчеркивается его функция покровителя скота.

На уровне земли, в ромбе в нижней части рисунка на бубнах часто видно изображение человека, которого с двух сторон сопровождает божественная пара: Тиермес и Пьегольмай. Так как один из этих богов по изображениям сходен с верховным богом, а другой — с богом воздуха и перемещений, то этот человек, скорее всего, сам шаман, которому принадлежит бубен.

Так же известны следующие земные боги:

Лейб-олмак, бог лесов и охоты.

Кнозе-олмак, покровитель рыболовства.

Сторьюнкарэ — властитель все диких и домашних животных.

Акка — богиня земли, скорее всего, жена Веральдэн-ольмая.

Помимо веры в высших божеств была очень распространена вера в духов, населяющих жилища и все окружающее пространство: леса, тундру, реки.

Подземное царство делится на два уровня — злых духов и смерти. Подобное двойное деление подземного мира присутствует также у германских народов, и даже у древних греков имелось его подразделение на Аид и Тартар.

Известны также боги Нижнего мира:

Рота — властитель подземной страны, откуда к людям приходили болезни и несчастья.

Ябме-акке — мать смерти.

Сайво-олмак — злой покровитель чародеев.

Среди них обретались также Сайво — духи умерших.

ЧАСТЬ 5

ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Данный раздел, не претендуя на всеохватность обширного материала, имеет целью показать возможности изучения славянской и любой иной мифологических систем через различные подходы.

При рассмотрении сказочного материала было важно выявить древние мифологические представления, «выжившие» после экспансии мировых религий только потому, что сохранялись на народном, бытовом уровне, и, в отличие от жреческих коллегий или книг, не могли быть изъяты либо уничтожены.

Мифологические представления в народных праздниках и ритуалах традиционно рассматриваются исследователями. Интересно, что многие древнейшие мифологические представления сохранились на уровне детских игр. Например, представления о славянском боге Ящере сохранились в детской считалке «Сидит Яша под перелющем, под ореховым кустом...».

Эти представления находят свое отражение и в народной игрушке. К сожалению, эта тема в должной мере не изучена. В то же время очень многие космогонические и мировоззренческие представления древних славян сохраняются именно в игрушке, например шаркунок является своеобразной славянской моделью мира.

Растительная и зооморфная символика славян рассмотрена в сравнении с аналогичной символикой индоевропейских народов. Впервые выделяются основные функции символов и реконструируется древний мифологический индоевропейский образ, стоящий за тем или иным символом. Приведенная реконструкция дала возможность рассмотреть славянский и индоевропейский мифологический миры в их целостном единстве. Отрывочные, и зачастую противоречивые, письменные источники такую возможность серьезно ограничивали даже в таких развитых литературно-мифологических системах, как индийская, греческая, скандинавская. Описания символов позволяют углубить прочтение смыслов в мифах и сказках, где те или иные персонажи имеют зооморфные, дендро- и фитообразы, атрибуты. Особенно важно то, что такой символический подход к изучению мифологических систем способствует выявлению не только древнейших мифологических представлений индоевропейского протонарода, но и каждого конкретного современного народа в его национальной специфичности.

ГЛАВА 1

АНАЛИЗ СКАЗОЧНЫХ ТЕКСТОВ КАК НОСИТЕЛЕЙ ДРЕВНИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Реконструкция древнейших индоевропейских мифов иногда становится непосильной задачей, если не использовать сохранившийся фольклорный материал, который в то же время приходится анализировать и с точки зрения наиболее устойчивой символики и традиции.

Красная Шапочка, или миф о смерти Смерти

Для реализации задач предпринятого исследования крайне интересны некоторые общеиндоевропейские сказки, такие, например, как сказка о Красной шапочке. Как это ни парадоксально, она имеет несколько не объяснимых с точки зрения логики элементов. А если учесть, что в сказках ни один элемент, как правило, не бывает случайным, то анализ некоторых «темных» моментов становится тем более интересным.

Начнем с героини, которая вместо имени идентифицируется по имеющемуся у нее головному убору. Отметим, что яркую шапочку девочке подарила бабушка. Связь внучки с бабушкой подчеркивается всем содержанием сказки. Именно девочка, а не ее мать, идет по лесу, кишащему волками, к больной старушке. И жертвами серого хищника тоже стали они обе. Кстати, третий человеческий персонаж сказки, мама девочки, она же дочка бабушки, в сюжете упоминается вскользь: о ней известно только, что она является деревенской жительницей, отправляющей свое чадо в опасный путь.

Из индоевропейской традиции хорошо известно, что дети обычно связывались не с родителями, а с предыдущим поколением предков — с дедами и бабушками. Этот родовой канон проявлялся в мифологическом, космогоническом и бытовом смыслах. Хорошо известен обычай называть детей в честь деда или бабушки. В традиционных обществах, например казахском, старшего сына отдают им, чтобы воспитать из него будущего достойного предводителя рода и семьи.

Даже экономически подход к воспитанию, предполагающий тесный контакт внуков с их дедушками и бабушками, оправдан: родители заняты добыванием средств к существованию, а старшее поколение, уже не способное активно трудиться, передает накопленный опыт подрастающему поколению. В космогоническом плане считалось, что во внуков, в «дитя» условно переходила душа умершего предка. Дед или бабушка стояли на пороге загробного царства в силу своего возраста, но и малый ребенок, по представлениям древних народов, стоял на том же пороге, поскольку душа его недавно переселилась в земной мир.

Необходимо отметить также и то обстоятельство, что в рассматриваемой сказке бабушка описывается как немощная и больная, что подтверждает ее «пороговое» положение между жизнью и смертью. Но не кажется ли странным, что недужная пожилая женщина живет в дремучем лесу, вдали от людей, от поселения ее ближайших родственников, точнее родственниц, поскольку об отце Красной Шапочки не говорится вообще ничего? И почему бы дочери не взять матушку к себе, чтобы подлечить хотя бы? И разве внучка способна оказать такой уход за больной старушкой, какой под силу взрослой женщине?

Засыпав читателя вопросами, начнем понемногу разбираться с ответами на них. Во-первых, достаточно широко известно, что дремучий лес в мифологизированных сказаниях практически всегда ассоциировался с иным миром. Русская Баба Яга обретается в избушке на курьих ножках в самой чаще леса, как и богиня смерти у древних германцев. Это может рассматриваться как аргумент в пользу хтоничного местожительства бабушки. Кроме того, в сказке братьев Grimm уточнен адрес старушки: «...под

тремя большими дубами стоит ее домик, а пониже густой орешник»¹¹².

С точки зрения символики три дуба означают сакральность места. В индоевропейской мифологии дуб — это дерево верховного бога-громовержца, число три само по себе сакрально и может рассматриваться как указание на троичность Вселенной, вмещающей в себе Небесный, Земной и Подземный миры. В итоге нетрудно предположить, что бабушкино жилище располагается в некоей центральной точке, где возможен переход между этими мирами, тем более, что окружающий ее избушку орешник является деревом подземных хтонических богов.

К этому стоит добавить, что Гостинцы, которые несет Красная Шапочка бабушке, — это пирожки и бутылочка вина, которую ни в коем случае нельзя разбить — так наказала ей мать. Но пирожки и вино являлись обычным жертвоприношением покойникам или иным представителям загробного мира у всех индоевропейцев!

Представляет интерес, что девочке, отправлявшейся выполнять поручение, было велено не сходить с дороги между деревней и домом бабушки: там она в безопасности. Трудно представить себе реальную ситуацию, что лесная дорога была бы безопасным от волка местом, скорее там-то он и поджидал бы Красную Шапочку или иных путников, но в сказках дорога является сакральным Путем, с которого нельзя сворачивать. Подобное указание усиливает восприятие данной сказки как забытого мифа. Итак, для благополучного достижения цели путешествия была всего одна безопасная дорога, а встретившийся в пути Волк всячески настаивает на том, чтобы Красная Шапочка свернула с нее. Значит, только нарушив запрет (табу), девочка становится доступной для хищника. С обычной точки зрения трудно понять, почему он мешкал и не набрасывался на добычу, не говоря уже о том, что для того, чтобы съесть несмышленную девочку, ему вовсе необязательно вести разговоры с ней и тем более рядиться в бабушкины одежды.

В этом месте рассуждений уместно вспомнить о подаренной бабушкой шапочке как предмете. Во-первых,

¹¹² *Братья Гримм*. Сказки. Минск, 1957. С. 121.

она предназначалась и носилась на голове — важнейшей части тела, местом личностных, душевных особенностей человека. Поэтому головной убор традиционно имел большое значение, т. к. в древности полагали, что он, как один из главных атрибутов, накладывает основной отпечаток на личность своего обладателя. Отсюда, кстати сказать, происходит почитание корон, княжеских шапок, религиозных головных уборов, а также введение специальных головных покровов для замужних женщин практически во всех регионах мира.

Во-вторых, шапочка была красного цвета. Еще в древнейшие времена человек обращал внимание на то, что солнце, заходящее на западе, имеет красный цвет. Необходимо иметь в виду, что оно рассматривалось как живое божество, которое, снисходя ночью в царство мертвых, проходит через него. Путь души и ее возрождение после смерти во многих традиционных верованиях соотносился с солнцем, например у этрусков, ацтеков, древних египтян и т. д. И красный тон закатного солнца, вполне вероятно, ассоциировался с погребальным обрядом. Еще со времен палеолита практиковался обычай окрашивания покойников в красный цвет, чтобы уподобить их души умирающему и возрождающемуся светилу. Подобный обычай существовал не только в Евразии, но также в Америке и Австралии, где найдены захоронения, посыпанные красной охрой, которые насчитывают 20–30 тыс. лет. В одной из скандинавских саг Мировое дерево Игграсиль описывается имеющим красные корни, соответствующие Подземному и Загробному мирам, зеленый ствол и белые ветви. Бог смерти индуистского пантеона Яма имеет красную одежду, а зловещая богиня смерти Кали, которой вплоть до XX в. приносили человеческие жертвы, имеет красное тело. По русским поверьям водяной, связанный со смертью на воде, носит красную рубаху. Русский народный праздник поминания предков называется Красная Горка, в этот день издревле было принято катать с горы крашенные в красный цвет яйца, символизировавшие возможность возрождения души покойника. Даже в доколумбовой Америке богу земли приносили в жертву человека, окрашенного в черный и красные цвета, а у древнеиндийских ариев, как и у англичан в более поздние

времена, существовал обычай одевать приговоренного к смерти в красное. Часто и сам палач, носитель смерти, имел красную одежду. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что Красная Шапочка или олицетворяет саму Смерть, или тесно связана с нею.

Повторим, что в сказке три женских персонажа, связанных друг с другом. Связь старшей из них с хтоническим, загробным миром уже рассматривалась. Коль скоро она проживает под тремя дубами и составляет тройственный родовой союз с двумя другими персонажами повествования, то по принципу троичности мироздания вполне можно предположить, что мать девочки и сама она относится к земному и небесному. Мать, как сказано, проживает меж людей в селении. Она и по своему среднему положению между поколениями, и по четкому указанию на место жительства относится к Земному пространственно-временному континууму. Тогда Красная Шапочка, как самая юная, должна соотноситься с миром Небесным.

В народной традиции связь детей с Небом отмечалась часто. Вера, что ребенка приносит небесная птица аист, что души детей изначально невинны, как пришедшие с неба, — общее представление древних индоевропейцев. Для того чтобы лучше понять их логику, следует кратко указать на существовавшие относительно души взгляды, которые во многом сохранились и в христианстве. Считалось, например, что старый человек в конце жизни готовится к переходу на «тот свет». После смерти его душа попадает в хтонический загробный мир, в котором претерпевает испытания и очищение. Пройдя через перипетии подземного царства, душа попадает на небеса, где определенное время отдыхает, а затем для отработки «нового божественного урока», ведущего к совершенствованию, ниспускается на землю в новое тело. Подобная концепция практически в неизменном виде сохранилась в индуизме. По существовавшим представлениям, душа умершего переселялась в ту же семью или род. О связи дедов и внуков говорилось ранее.

По нашему мнению, вполне можно выдвинуть гипотезу о том, что триада женщин в этой сказке олицетворяла Смерть в трех ее ипостасях: Смерть в Подземном (Загробном) мире, на Земле и в Небесном мире.

Для нас важен тот факт, что волк проглатывает двух женщин: бабушку и внучку. Возможно, сама сказка — это отголосок мифа о том, как была побеждена Смерть в Небесном и Подземном мирах, но сохранилась на земле. Подобный миф мог возникнуть в связи с представлением о бессмертии души, отрицании ее окончательной гибели.

Мы полагаем, что указание на охотника, вспоровшего Волку живот и выпустившего бабушку и Красную Шапочку, — это позднейшее добавление, когда сам смысл мифа был утерян, и стало необходимо как-то завершить сказку. Счастливый конец в сказке становится необходим именно поэтому. В позднейшее время волк представлялся просто опасным зверем, который может принести вред людям и животным.

Символика волка в культурной традиции подробно рассматривается далее. Напомним только, что в числе прочего, серый хищник охотился на нечисть и воздавал по повелению св. Георгия людям расплату за грехи (проглатывание Красной Шапочки и ее бабушки может быть примером этого порядка).

Еще один вопрос, на который пока не дан ответ: зачем волку понадобилось целое представление с переодеванием и обманом девочки, в то время как о диалогах и инсценировках с бабушкой сказка не только ничего не сообщает, но и не намекает?

Богу или герою, для того чтобы сразиться с представителем иного мира, необходимо установить с ним контакт, т. е. образовать связь между мирами. В гоголевском «Вие», например, круг, отделявший Хому Брута от нечистой силы, магически переносит его в иной, недоступный для нечистой хтонической силы мир. Только взгляд в глаза Вию перекидывает мостик из одного мира в другой.

В случае с Волком и Красной Шапочкой зооморфный персонаж использует одежду бабушки и ее постель для того, чтобы ей уподобиться. Иными словами, он не просто перенаряжается, а совершает магическое перевоплощение, позволяющее ему войти в контакт с небесной Смертью — Красной Шапочкой. Обратим внимание на то, что именно она является инициатором состоявшегося диалога, поскольку тему беседы волк ей не предлагал. Во-

просы, которые задает девочка, укладываются в магическую схему.

Вначале Красная Шапочка спрашивает мнимую бабушку «почему у нее такие большие уши», на что Волк отвечает, что для того, чтобы ее лучше слышать. Затем упоминаются глаза, которые нужны Волку, чтобы лучше видеть, затем речь идет о руках, которые нужны для того, чтобы лучше схватить, а в конце диалога — о пасти, необходимой, чтобы проглотить Красную Шапочку. В шаманских традициях разных народов шаман при общении с духами, как и вообще существами иного мира, вначале слышит их, потом может увидеть, и только после этого способен вступить с ними в контакт, а в конце и сам выступает как некий могущественный дух, на что неоднократно указывал Мирча Элиаде. Иными словами, Волку для того чтобы уничтожить представительницу иного мира, Красную Шапочку, вначале было необходимо добиться нарушения ею некоего запрета по пути к бабушке (сойти с дороги), потом уподобиться этой бабушке, а затем установить последовательно аудиальный и визуальный контакты и только после этого получить возможность для последующих действий.

По нашему мнению, сказка рассказывает о том, как было достигнуто бессмертие души. Герой-предок, предстающий в образе Волка, уничтожил Смерть в Нижнем (Загробном) и в Верхнем (Небесном) мирах. Характерно то, что для этого он использовал принципы древнейшей индоевропейской шаманской магии: магию подобия и магию проложения пути в иной, чуждый ему мир. Поэтапный переход от аудио- и визуализации к непосредственному контакту и поглощению самой сущности иномирного существа также указывает на шаманскую традицию перехода в иной мир. Для нас представляется важной сама возможность реконструкции славянских и индоарийских мифологических образов через материал народного фольклора, в том числе и сказок.

Сестрица Аленушка и братец Иванушка

Рассмотрим текст сказки на основе сравнительного анализа с мифами и легендами различных индоевропейских народов.

Повествование начинается словами: «Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь. Сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой». Сразу может возникнуть вопрос: почему звали, а не нарекли? Да потому, что у детей на Руси от сглаза или порчи два имени было. Одно — родное, родителями данное, а другое, которым звали на улице или еще где. Скорее, это прозвище было, защита от лихого человека или от колдуна черного.

Читаем зачин сказки: «Вот царь с царицей померли; остались дети одни и пошли странствовать по белу свету». Отчего родители померли в одночасье? Об этом не говорится. Война, мор, болезнь не упоминаются. Сами дети живы-здоровы. Совершенно непонятно, кто пустил детей, тем более царских, одних по белу свету ходить. Даже приبلудных и подкинутых детей так не бросали, их растили, о них заботились. Как-то вскользь все это упоминается, что царевы дети с пустыми руками куда-то бредут одни. Если убежали они от врагов, почему их не ловят? Законные наследники царя для любого захватчика — лакомая добыча.

А дело было, видимо, так. Цари избирались у разных племен и народов для управления. Царь отождествлял удачу народа и плодородие земли. Считалось, что если детей у него нет, или годы неурожайные участились, или набеги вражеские одолели, могли царя с царицей, по воле жрецов и народа, как виновников неудачи, принести в жертву тем богам, которых они прогневали¹¹³. Пожалуй, единственное сколько-нибудь вразумительное объяснение

¹¹³ С древних времен на Руси бывал обычай умерщвлять, а в более позднее время — изгонять не угодных богам князей («царей» в русских сказках). Вспомним, что даже Александра Невского народное собрание — вече, изгоняло из Новгорода несколько раз, невзирая на прежние заслуги. В новгородской былине Садко, как жоака купцов, при буре первым кинули в жертву Морскому царю. Угоден был именно он, как самый дорогой и ценный из того, что род, племя, царство (в лице каравана купцов) может отдать богам во имя общего благополучия.

А и спускали жеребья на сине море.
 А у всей дружинишки ведь хоробрыей
 А и жребья теперь гоголем плывут да на синем море,
 А у Садка, купца богатого новгородского, ключом на дно.
 А и как тут говорит Садко таковы слова:
 «А и как видно, Садку да делать теперь нечего,
 А самого Садка требует Царь Морской да в сине море».

скитаний царевых детей Аленушки и Иванушки по белу свету заключается в том, что родителей их, царя с царицей, за грехи или неудачное, несчастливое для народа правление принесли в жертву богам, а детей, как кровных носителей неудачи, попросту изгнали. Пожалели их. Кстати, не все с такой жалостью были согласны. В сказке читаем, что Иванушка пить от жары хотел постоянно. Это указывает на слишком жаркое лето, губящее посевы и пастбища для скота. Отметим, что водицу Иванушка (в большинстве текстов) хотел попить из копытца: «...Еще шли, шли, коровье копытце стоит.

— Сестрица, сестрица, я пить хочу! — Нет, не пей, бычком будешь».

Или: «Шли, шли, стоит овечье копытце...» и т. д.

Другой вариант: «Шли, шли — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит коровье копытце, полно водицы». Возникает вопрос, почему говорится о *копытце*? В древних магических представлениях, в том числе и славянских, известно, что след животного помогает превращению оборотня в это животное¹¹⁴. Але-

¹¹⁴ Наши предки считали, что след — важная часть человека или животного. Это его проявление в мире — самое явное взаимодействие с ним. Живое существо, взаимодействуя с чем-то, особенно с матерью всего — Землей, открывается, и поэтому на него легче всего воздействовать через след, тень, отражение в воде.

У всех народов воздействие на след или тень использовалось в магических ритуалах для воздействия на человека или животное. К примеру, пробить гвоздем след колдуна значило пробить его ноги. Бросить камень в отражение или изображение человека — повредить человеку. Приметы, связанные с зеркалом, имеют древние магические корни. К горю или смерти разбитое зеркало. Согласно старинным поверьям, душа смотревшегося в него человека отчасти находится в отражении зеркала, и поэтому терпит ущерб при его разбитии. До сих пор занавешивают зеркала, когда в доме лежит покойник, чтобы его отражение и он сам через это отражение не повредили живым родственникам, не забрали их души с собой в загробный мир. В древнейших неолитических пещерах найдены изображения животных со следами ритуального воздействия.

Нанесение увечья или ущерба изображению — это удар по его прототипу, современные заговоры на фотографии — действия того же порядка. Многие народности до сих пор считают, что при фотосъемке фотограф забирает их душу. В животном мире, например, в стаде зебр, антилоп и т. д., если самец хочет показать свое превосходство и вызвать на поединок вожака стада, он мочится на след от копыта вожака. Даже наши домашние кошки, когда не довольны хозяином и хотят показать свое главенство в доме, гадят на кровать или любимое место отдыха того, кого хотят поставить на место.

нушка за братцем не углядела, и свершился «рок», т. е. он стал именно тем жертвенным животным, каким должен был стать, избывая злую долю родителей. Факт питья из следа — это еще и приобщение к его носителю, разделения с ним судьбы¹¹⁵.

Важно указать, что если козлом стал Иванушка, а не Аленушка, то речь идет о периоде патриархата, или переходном от матриархата к патриархату. Наследство в нашем случае — злая доля родителей, передается по мужской линии от отца к сыну. Следовательно, некий проступок совершил царь, а не царица. Проступок этот — не обычная полоса несчастий, за это покарала бы одного царя. Было совершено что-то ужасное, за что покарала и царицу, как соучастницу.

В сказке посеvy и злаки не упоминаются, а разный скот перечислен подробно. Иванушка хочет напиться из мест, где, по разным традициям, пасется домашний скот. Он перечислен в определенной последовательности.

I вариант	II вариант	III вариант
лошади	коровы	лошади
коровы	лошади	коровы
овцы	овцы	овцы
свиньи	козы	козы
козы		

Можем видеть, что наиболее устойчивая последовательность «копытцев» такова: лошади, коровы, овцы, козы.

Ту же последовательность животных мы можем видеть на золотой пекторали скифов-кочевников (IV в. до н. э.), найденной в кургане «Толстая могила» (г. Орджоникидзе Днепропетровской области). На ней двое мужчин растягивают овечью шкуру, а за ними в обе стороны изображены конь, корова, овца, коза. В индийских Упанишадах последовательность жертвенных животных указана в том же порядке: конь, корова, овца, коза.

¹¹⁵ Воздействие Иванушки на след — «копытце» козла, наполненное водой, указывает на то, что он взял на себя роль козла, более того, не просто козла, а некоего «козлиного царя». Питье из чужого следа устанавливает его превосходство над другими козлами.

Из сказки мы знаем, что Иванушка в коня не превратился, значит жертвоприношение не было связано ни со Свентовидом, ни с Перуном. Из этого можем заключить, что его родители, царь с царицей, несчастное правление или грехи которых, по древним народным воззрениям, могли перейти на их детей, не могли их прогневать, ведь конь — искупительное жертвенное животное этих богов. По логической цепочке древних верований следует также, что беда, постигшая царство Аленушки и Иванушки, — не война или неурожай. Следует исключить и *Сварога* — бога синего неба, связанного с богами солнца и света, а также с символикой коня.

Стань наш Иванушка бычком — это указывало бы на то, что родители его Перуна прогневали. И в барашка он не превратился, который является чисто жертвенным животным, связанным с миром духов и предков, магией и гаданием. Он стал козленочком.

В финале сказки заколдованный герой, как правило, принимает свой прежний облик. Но в этой — не так. Аленушка оживает и становится царицей, а Иванушка только в одной версии из пяти превращается в человека. Видимо, крепко верили в магию «копытца» и ответственность за грехи отца. Искупление идет по мужской линии, что указывает на патриархат, но временная смерть Аленушки и ее инициация в царицу через эту смерть говорит скорее о переходном от матриархата к патриархату периоде. Иванушка, обратясь в козленочка, становится жертвой хтоническим силам земли.

Рассмотренный материал дает возможность перейти к решению одного из основных вопросов: определения возможного греха родителей Аленушки и Иванушки, а также ситуации и времени, в которых данная сказка могла появиться. Перечислим вероятные прегрешения родителей, которые могли повлечь за собой их казнь.

1. Неуважение к предкам, к их заветам. В частности, нарушение погребального обряда, дающего возможность их перерождения или возрождения (на это косвенно указывает обычай жертвовать козла для облегчения пути предкам в загробный мир). Речь могла идти и об использовании козла как искупительной жертвы, в том числе грехов

предков. «Козел отпущения» грехов заменял в этом случае древнейшее жертвоприношение человека¹¹⁶.

2. Оскорбление подземных, подводных, хтонических богов. Козел посвящался и им.

3. Вмешательство в битву бога-громовника и хтонических сил. Неуважение к громовнику или к этим силам.

Учитывая наше предыдущее допущение о периоде написания сказки во время смены матриархата патриархатом, скорее всего, имел место второй вариант, а первый — лишь в части неуважения к заветам предков. Матриархат опирался в первую очередь на женских в большинстве своем хтонических богов и богинь, связанных с матерью-сырой землей. Таким богом у славян являлся Велес. При переходе к патриархату на первое место выходят небесные мужские боги, в том числе *Перун*. Это воинские боги. Смена социального строя не могла не отразиться на мифологических предпочтениях славян. Переход власти в общине к мужской ее части не могло везде проходить мирно. Превращение Иванушки в козленочка — это в некоторой мере издевательство над *Перуном*, т. к. царского сына, наследника престола, превращают в жертвенное животное подземных богов, противников громовника. Цари или князья и их дети самим своим положением и происхождением посвящены *Перуну*.

В некоторых специальных случаях козел может быть жертвенным животным и громовника, но на обряде заклятия Иванушки-козленочка настаивает ведьма-жрица, следовательно, жертва *Перуну* предназначаться не может. Жрецы *Перуна*, как следует из источников, были исключительно мужчинами. Мы знаем, что царь всячески противится этой жертве, тянет время, хотя ему, как царю, которому Перун особо покровительствует, жертвоприношение Перуну должно быть полезно. Значит оно выпадало из круга интересов царя, скорее наоборот. Сентиментальностью в то время люди не отличались, и при необходимости жертвовали богам кого и что угодно. Вспомним библейский пример жертвоприношения Авраамом сына своего Исаака просто потому, что «Бог так повелел». Думается, что таких

¹¹⁶ Левит. С. 16, 9–10.

«повелений бога» у древних славян было не меньше, чем у древних евреев.

Рассмотрим, что происходит по сюжету сказки после превращения Иванушки в козленочка. Совершенно неожиданно сестру и брата встречает «один царь». В ряде вариантов козленочек сам приводит Аленушку к саду царя. Это очень интересный момент. До того, как Иванушка превратился в козла, он не знал, куда они идут и зачем, а тут сразу привел сестру ко дворцу. Думается, не случайно он туда пришел, да и качества *проводника* у него как-то сразу проявились, причем *проводника к смерти* (а эта функция присуща данному зооморфному образу). Драматичность ситуации подчеркивает близость моря, которое в народных представлениях всегда связывалось с миром смерти и хтоническими богами. В сказке об этой новой особенности Иванушки говорится просто: «Козленочек бегал, бегал и забежал раз в сад к одному царю». В некоторых вариантах говорится о проезжающем мимо барине, но это заведомо поздние версии.

Ранее упоминалось, что в древнеиндийской традиции жертва козла предназначалась богу огня Агни. Агни — божественный жрец, он проводит жертвы людей по назначению. Козел как жертва проводил души людей к месту их пристанища. Можем сделать вывод, что вариант с появлением героев сказки во дворце царя наиболее архаичный. Более того, он имеет смысловые аналоги в древнеиндийских Упанишадах, рассматривающих козла как жертвенное животное, служащее проводником жертв и душ предков и посвященное загробному миру.

Рассмотрим литовский вариант этой сказки «Сиротка Элените и Йованас-барашек». Он более стар, чем вариант с барином, но тоже вторичен. В нем рассказчик постоянно пытается объяснить многие темные места, встречающиеся в русской сказке. Например, используется не устаревшее понятие — «копытце», а *след от копыта*. О приходе ко дворцу говорится: «Под вечер подошли к королевскому дворцу. На двор пройти побоялись, собаки там злые лаяли. Влезла на стог сена, барашка за собой втащила и заснула». И если в русском варианте о мотиве ведьмы, утопившей Аленушку, можно только догадываться, то в литовской версии

прямо говорится: «А поблизости ведьма жила. Страх как хотелось ей, чтобы король на ней женился. Позавидовала она Элените и порешила ее погубить». Трудный для понимания момент в русской сказке, когда мертвая Аленушка разговаривает с братом, причем тело ее объедено рыбами и змеями, в литовском варианте звучит упрощенно: «Но Элените не утонула, а обернулась золотой рыбкой»¹¹⁷.

Слушателю-литовцу было более понятно оборотничество Аленушки в рыбку и обратно, чем речь утопленницы: «Иванушка-братец! Люта змея сердце высосала!», «Ах, братец мой Иванушка! Тяжел камень шею перетер, шелкова трава на руках свилась, желты пески на груди легли» и «Тяжел камень ко дну тянет, бела рыба глаза выела, люта змея сердце высосала, шелкова трава ноги спутала». Он может воспринять превращения Аленушки с помощью магии и высших сил, но ему не ясно, как почти разложившаяся утопленница может говорить, а после того, как царь ее из воды вынул, вдруг оживает и становится прежней. В подобных случаях обычно в сказках предусматривается использование живой и мертвой воды. В случае превращения в золотую рыбку ситуация понятней и привычней. Если Йованас уже превратился в барашка, почему бы Элените не превратиться в рыбку? В литовском пересказе явно чувствуется здоровый ум пересказчика, не знакомого с древними ритуалами славян.

Интересен также вопрос, каким образом царь полюбил Аленушку. Во всех вариантах сказки, кроме «осмысленного» литовского, указывается, что это случилось внезапно (как часто бывает в сказках). Но особенность рассматриваемого случая заключается в том, что любовь возникает после расспросов Аленушки о том, кто она такая, и выяснения царского происхождения (предположение о том, что сказка сложена в период перехода от матриархата, или женского жреческого управления, к патриархату, мужскому наследственному управлению, находит косвенное подтверждение).

¹¹⁷ Тут чувствуется влияние карело-финского эпоса. В одной из песен «Калевалы», говорится о красавице Айне, не желающей выходить замуж за старика, она топится, но не умирает, а превращается в золотую рыбку. Представление о превращении утопленниц в рыб бытовало у финнов, карел и литовцев, славяне считали, что те превращаются в русалок.

По содержанию сказки Аленушка с Иванушкой ходили по «белу свету» один день или немного больше этого, т. е. больше нескольких десятков километров они пройти не могли. Значит, скорее всего, бродили они по царству своих родителей. Молодой царь, принявший Аленушку в жены вопреки решению об ее изгнании, это, возможно, новый глава племени. На Руси существовала традиция приглашать князя со стороны («звать варягов»), именно поэтому этот царь Аленушку в лицо знать не мог, а учредить наследственную преемственность власти ему было нужно. Возможно, поэтому он и женится на дочери предыдущего царя.

Подобная практика существовала как во времена Киевской Руси, так и вплоть до Московского царства. После столь скоропалительной женитьбы в сказке неожиданно появляется ведьма, насылающая на Аленушку порчу и болезнь, которая топит ее в море и занимает ее место в качестве жены царя. Все в данной ситуации странно. В литовском пересказе дана мотивация поступка ведьмы: хотела выйти замуж за короля. В русском варианте это не оговаривается.

Описываемые события происходят в следующем порядке: молодая жена заболевает, а «любящий» муж, как ни в чем ни бывало, каждый день ездит на охоту. Психологически это подобно тому, как если бы кто-то в наши дни, при сильно, возможно смертельно больной молодой жене, даже не пытаясь найти средства к ее излечению, каждый день развлекался в ресторане. Любящим такого мужа назвать трудно.

Неизвестно, куда в одночасье подевалась страсть, которая, по сюжету сказки, заставила царя столь поспешно жениться на Аленушке. Далее по тексту больная царица без всяких провожатых, одна, по совету ведьмы, идет лечиться к морю. Ни царь, ни его приближенные ей не препятствуют. Чувствуется, что царю Аленушка как человек безразлична.

Теперь кратко остановимся на внешности Аленушки. В большинстве вариантов сказки об этом не упоминается, и это странно. Во всех русских сказках, где говорится о женских персонажах, особенно в тех случаях, когда разговор ведется о замужестве, оговариваются необычная

красота или уродство невесты. Если в нашей сказке об этом умалчивают, то, возможно, любовь царя ни причем, действительно важна не сама Аленушка, а политический расчет, ситуация. Далее, по сюжету, утопленницу-жену заменяет ведьма, то просто переодеваясь в ее платье, то оборачиваясь ею. Царь ничего не замечает. Трудно представить ситуацию, что молодой влюбленный супруг не может различить подмену. Можно, конечно, предположить, что ведьма обладает силой гипноза. Очень может быть, но когда Аленушка оживает, предположительный гипноз ведьмы не помогает ей даже скрыться из дворца.

Попробуем гипотетически реконструировать события, послужившие прототипом сказки. Они, видимо, разворачивались следующим образом. Новый вождь племени (царь) решил, по примеру своего неудачливого предшественника, принесенного в жертву отца Аленушки и Иванушки, скинуть женскую жреческую опеку. Имея наглядный пример судьбы, он захотел упрочить свое положение. Женился на дочери покойного царя, этим вводя преемственность по родству. Жрец племени такой вариант потери своей власти устроить не мог. Они настаивают на том, что Аленушка — носитель злой судьбы и проклятья своих родителей. Аленушка могла расцениваться как злая ведьма, приворожившая царя.

По общеевропейской традиции, зафиксированной в Средневековье, в этом случае женщину связывали и бросали в воду, чтобы определить, ведьма она или нет¹¹⁸. И если царь не делился планами со своим окружением (а он, скорее всего, этого не делал), столь скороспелую невесту вполне могли счесть ведьмой. Замена жены царя — возобновление старых традиций матриархата. Женой должна быть, или числиться, жрица. Подобный обычай зафиксирован у многих индоевропейских народов в древности, дольше всего он продержался, видимо, у этрусков. Иванушка пострадал от того, что его родители, столь неожиданно умершие, по

¹¹⁸ Если женщина тонула, то она не была ведьмой, если выплывала, ее считали ведьмой и могли съесть живьем. Во Пскове такие такие аутодаффе производились до XIV в. В 1411 г. «Псковичи сожгоша 12 жонке вещей» (Псковские летописи. М., 1955. Т. 2. С. 36). Или упоминание в летописи: «В лето 6735 (1227). Того же лета ижгоша влѣхвы четыре — творяхуть е потворы (колдовство) деюще. А бог весть! И съгоша их на Ярославли дворе».

тексту сказки, хотели нарушить порядок выборности царя и объявили его, Иванушку, наследным правителем. Козлом заклания он стал, чтобы умиловить разгневанных духов предков и богов.

Нашей задачей остается окончательное определение персонажа мифологии, которому предназначена жертва Аленушки и козла-Иванушки. Мы должны в этом случае обратить внимание на древних хтонических богов времен матриархата. Одну из жертв, Аленушку, ведьма-жрица сама приносит, а на другой, козле-Иванушке, настаивает. Кому предназначались жертвы? Из известных нам женских славянских богов это могла бы быть Макошь, богиня судьбы и земного плодородия, но козла в жертву ей не приносили. Жертва-женщина, в нашем случае Аленушка, ей не угодна и являлась бы ее оскорблением. Скорее всего, это Велес. Велес — скотий бог, связан с плодородием земли, он противник *Перуна*, покровителя воинов и мужчин. Принесение в жертву Велесу Аленушки и Иванушки — это и наказание амбициозного царя, и окончательное избавление от грехов родителей, и восстановление устоев матриархата.

Можем сформулировать следующие выводы. Рассматриваемая нами сказка не моложе древнейших древнегреческих мифов. Она отражает период перехода от матриархата к патриархату, от женского жреческого правления племенем к мужскому, автохтонному. Это тот период, когда вождей еще могли принести в жертву за грехи перед богами и племенем, за неудачливость, в качестве аналога бога для скорейшего возрождения божества. Сказка построена не на волшебстве, как в более поздние времена. Она оперирует истинно магическими приемами и обрядами. Можно указать такие основополагающие, как магия следа, магия подобия, магия замещающей жертвы, магия возрождения через жертвенную смерть.

Мы считаем, что именно Велесу предполагалось посвящать жертву козла — Иванушку. Утопление и оживление Аленушки напоминает, но в более жестокой, архаической форме, миф о Прозерпине и Аиде. Здесь Велес-Змей — хозяин подземного царства, Аленушка — жертва ему. Спасение Аленушки и козла-Иванушки — это победа Пе-

руна над Велесом, патриархата над матриархатом, царско-княжеского способа правления над женским, жреческим. Иванушка в большинстве вариантов сказки остается козлом. Он как бы служит уже *Перуну* проводником в царство Велеса. В царстве подземных сил посредством своего хтонического оружия *Перун* может победить, низвергнуть Велеса. Убийство или изгнание ведьмы-жрицы — апофеоз, триумф сказки.

Мотивы хеттских космогонических мифов в русской народной сказке об Иване Быковиче

Рассмотрим некоторые возможные параллели хетто-хурритских мифов о Кумарби с русской фольклорной традицией. По нашему мнению, это следует сделать для того, чтобы показать общность взглядов на роль женского персонажа в культурных традициях различных народов. При этом в нашу задачу не входит доказывать общность сюжетов или происхождение их из одного источника, важно выделить общие детерминанты в фольклорной и мифологической традициях относительно гендерных ролей. Для этого и проводится краткий анализ русской народной сказки «Иван Быкович»¹¹⁹, в которой, по нашему мнению, сохранились элементы древнейших мифологических индоевропейских представлений. В силу важности текста приведем некоторые отрывки сказки с соответствующими комментариями сюжета.

«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они Бога молить, чтоб создал им детичце во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает; коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так

¹¹⁹ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. Т. 1. М.: Художественная лит-ра, 1957. С. 278–286.

рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться».

В данном эпизоде описано типичное для большинства народов, в том числе хеттов и славян, разгадывание снов. Характерно, что царь и царица видят «вещий» сон, где им Бог указывает способ решения проблемы с рождением наследника. Но важно и то, что супруги видят сон вместе. Иными словами, они равны в своей магической практике, что также характерно для хеттской ритуальной системы. Более того, за разъяснением сна они обращаются не к служителям культа или гадалцам, а к мамкам и нянькам. Дело в том, что в хеттской ритуальной практике особое место при гаданиях и колдовстве занимали некие «Старые Женщины», что характеризует отношение к пожилой женщине как к некой ведунье («знающей»). В русской сказке эта роль отводится мамкам и нянькам. Прямое соотнесение содержания сна и реальной жизни («Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться») также характерно для хеттской магической традиции.

«Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша золотоперого. На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первого ж тонею попался золотоперый ерш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбежала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша золотоперого с рук на руки: “На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся”».

Отметим, что рыбой, съев которую, царица смогла забеременеть, был золотоперый ерш. Эта рыба еще встретится нам по сюжету сказки. Выделение того момента, что ерш золотоперый, может указывать на соотнесение ерша с солнцем, т. к. оно во всех мифологических представлениях связывается с золотом. В русском фольклоре солнце постоянно называют «золотое солнце», «солнышко золотое». К тому же ерш колюч, и его шипы также могут соотноситься с солнцем по признаку остроты и пробивающей силы. Подобные соотнесения по одному или нескольким внешним признакам — типичное проявление мифологического и магического мышления, встречающееся у всех народов.

В статье В.Н. Топорова¹²⁰ указывается, что сама рыба связывается с подземным миром и плодородием. Например, у закавказских народов рыба рассматривалась как средство лечения бесплодия, а у древних вавилонян, современников хеттов, с рыбой соотносилась богиня Любви, покровительствующая родам Иштар, которая присутствует во многих мифах.

«Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала. И вот разом забрюхатели: и царица, и ее любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки Иван кухаркин сын, у коровы Иван Быкович.

Стали ребята расти не по дням, а по часам, как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто — кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья: Иван-царевич просит белье переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится.

По десятому году пришли они к царю и говорят:

“Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов”. Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами ее повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор. “Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — давайте силу пробовать: кому быть большим братом”. “Ладно, — отвечал Иван Быкович, — бери палку и бей нас по плечам”. Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана кухаркина сына да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван кухаркин сын ударил — вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю, а Иван Быкович

¹²⁰ МНМ. Т. 2. С. 391–393.

ударил — вбил обоих братьев по самую шею. “Давайте, — говорит царевич, — еще раз попытаем: станем бросать железную палку кверху: кто выше забросит — тот будет больший брат”. “Ну что ж, бросай ты”. Иван-царевич бросил — палка через четверть часа назад упала, Иван кухаркин сын бросил — палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил — только через час воротилась. “Ну, Иван Быкович! Будь ты большой брат” ».

Для фольклора типично указание на троичность, которая рассматривается как во временном, эпохальном, так и в пространственном смыслах (Небесный, Земной и Подземный миры). Каждой эпохе соответствовали свои боги, олицетворением которых часто был «царь богов», имеющий специфические признаки. Например, Уран, Крон, Зевс в древнегреческой мифологии, или Алалу, Ану, Кумарби, Бог-защитник, Бог Грозы в хеттской.

Смена эпох и соответствующих им поколений богов четко прослеживаются в древнегреческой, ассиро-вавилонской, хеттско-хурритской космогониях. Она проходит, судя по сохранившимся описаниям, достаточно бурно. Так, в древнегреческой мифологии Крон оскопляет своего отца, бога Неба Урана, а в хеттской Кумарби оскопляет Ану, тоже бога Неба. Интересно, что борьба за старшинство (царение) ярко выражена в текстах русских сказок. Это стоит подчеркнуть, т. к. в обычной жизни младшие должны были подчиняться старшему поколению. Даже в киевской княжеской дружине воеводу зачастую называли «дядькой», указывая на его условное родовое старшинство.

В сказке об Иване Быковиче три брата-близнеца. Один из них сын коровы, другой — стряпухи, а третий — царский. Героизм главного героя, видимо, связан с его происхождением. Отметим важный общий мотив в хеттской мифологии и славянском фольклоре. Существует хеттский миф о происхождении ребенка от Бога Солнца и Коровы. В русской сказке Бог посылает символ солнца — златоперого ерша, от которого корова также рождает сына. Можем предположить, что мотив рождения героя от солнца и коровы — некий общий индоевропейский мотив.

Бык в хеттской традиции являлся олицетворением Бога Грозы, в русской — он был особо почитаемым живот-

ным, воплощением силы. В южнославянской космогонии бык — опора земли. Бык, как жертвенное животное, известен на Русском Севере, в Нижегородской, Пензенской, Орловской губерниях, о чем уже рассказывалось выше. Славяне жертвовали быков богу — «творцу молний», т. е. *Перуну*.

Можно предположить, что в древнейшей иерархии богов в ранних типах государства первое место занимал бог демиург — создатель Вселенной, возможно, соотносимый с символом первопредка племени или рода; за ним шел бог — устроитель земли в образе быка, символизирующий царя. Подобное предположение подтверждается еще и тем, что древнейшие богини-матери имели зооморфную ипостась — корову, и в силу этого передачу власти верховному мужскому божеству от женского вполне логично соотносить с бычьей символикой. Эти боги могли быть братьями, мотив создания Вселенной божественными братьями — общее место в ряде мифологических систем (например, в финно-карельской системе это Вяйнемейнен и Илмаринен, у славян — Чернобог и Белобог и т. д.).

На следующем этапе развития мифологии первое место в иерархии заняли солнечные боги, а за ними лунные, и атрибуты быка перешли к ним. Наконец, на последнем этапе развития мифологических систем верховное место в пантеоне занимает покровитель воинов и царской власти бог-громовержец. Это греческий Зевс, римский Юпитер, славянский *Перун*, хеттский Бог Грозы. К этому Богу переходит атрибутика предыдущих верховных Богов-быков. Символ быка передается как олицетворение мужской воинской и производительной силы. Отметим, что бык является основой скотоводческого хозяйства и потому всегда был почитаем.

Следовательно, зная символику быка и относящегося к нему героя сказки, можно предположить, что Иван Быкович соотносится с богом-громовержцем, иными словами, он — земная ипостась бога и унаследовал свою силу и власть от богини-матери в образе коровы.

В том же сборнике А.Н. Афанасьева, в близкой по содержанию сказке «Буря-богатырь Иван коровий сын», имя

главного героя не случайно¹²¹, и еще более определенно указывается на источник его сакральных признаков. Примечательно, что в хеттской традиции бог-громовник называется попеременно то Богом Грозы, то Богом Бури, — эти слова считали своеобразными синонимами. Более того, хетты, так же как и древние индийцы, греки и славяне, в поздней мифологической системе верховным небесным правителем считали бога-громовника (и по тексту сказки Иван Быкович, оказавшись самым сильным из братьев, принимает над ними старшинство). Стало быть, исходя из трехчленной схемы построения мира, мы можем соотнести его с небесным миром.

Выдвинутое предположение требует выяснения, каким мирам могли соответствовать два других брата. Второй по силе — кухаркин сын. В силу мифолого-магического соотнесения, кухарка может рассматриваться как некая кормящая субстанция, дарующая пищу земную. Тогда имеет смысл соотнести кухаркина сына с самим Подземным царством, откуда проистекают силы природного плодородия. Сама кухня, где властвует кухарка, имеет печь с горящим в ней огнем, что также может связываться с недрами земли — ее пылающим чревом. Третий герой — сын царя — может представлять земной мир царством. Он самый слабый, но ведь и жрецы, и шаманы черпали свою силу в ритуальных практиках у обитателей Небесного и Подземного миров, которые считались во много раз сильнее земных жителей. В некотором смысле содержание сказки можно рассматривать как указание на победу бога-громовника над земными и подземными претендентами на царский престол Вселенной.

«После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень. “Ишь, какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть?” — сказал Иван-царевич, уперся в него руками, возился, возился — нет, не берет сила; попробовал Иван кухаркин сын — камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович: “Мелко же вы плаваете! Пойдите, я попробую”. Подошел к камню да как двинет его ногою — камень ажно загудел, покотился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев».

¹²¹ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Т. 1. С. 267–278.

В этом и ряде других мест сказки имеется прямое указание на несомненное превосходство Ивана Быковича над братьями.

«Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырские, по стенам висит сбруя ратная: есть на чем добрым молодцам разгуляться! Тотчас побежали они к царю и стали проситься: “Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать”. Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царем простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились».

Поскольку подразумевается битва главного героя с хтоническими персонажами — змеями, то и оружие, и кони должны иметь хтоническое происхождение. Законы магии подобия указывают на то, что подобное уничтожается подобным.

«Ехали по долам, по горам, по зеленым лугам, и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курьчьих ножках, на бараньих рожах, когда надо — повертывается. “Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести”. Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку — на печке лежит Баба-Яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок. “Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится”. “Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу”. Баба Яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко: “Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?” “Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живет”. “Ай да Ванюша: за дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покатили”».

Образ Бабы Яги весьма интересен. На ее хтоничность указывает то, что она проживает в дремучем лесу, который у индоевропейцев ассоциировался с хтоническим миром, имеет костяную ногу и связана с печью, которая, судя по русским заговорам, имеет отношение к миру подземного огня и предков. Подобное отношение к печи и очагу быто-

вало во многих странах. Так, например, у древних римлян и этрусков изображение предков-ларов хранилось у очага, а сам он рассматривался как место общения с ними.

Она выступает в двух функциях, одна из которых присуща богине Смерти — пожирательнице человека: «...нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится». Однако другая — помощь, защита, указание пути. В большинстве русских сказок Баба Яга выполняет обе названные функции, причем для нее важна причина путешествия героя: «Дело пытаешь или от дела лытаешь?»

Этот двойкий персонаж можно рассматривать как профанизированный образ древнейшей богини жизни-смерти, которая известна по всему миру и восходит к эпохе неолита¹²². Богинями любви (жизни) и войны (смерти) являлись угаритская Анату, ассирийская Аштарта, шумерская Инана и даже хетто-хурритская Шаушка.

Баба Яга слепа. В русских народных сказках она обычно «не видит» героя, а узнает его «по духу», т. е. по запаху: «Фу-фу-фу. Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано». На то же обстоятельство указывает В.Я. Пропп¹²³. Слепота в земном мире связывалась в народной традиции с подземным, ночным, иным мирами по вполне объяснимым причинам. Подземное животное крот на свету плохо видит, ночные животные совы, филины, летучие мыши слепы на свету. По аналогии считалось, что представители хтонического мира не имеют силы (слепы) под светом божием. Со слепотой связан и образ такого персонажа славянской мифологии, как Вий, который обладал убийственным взглядом. Однако Иван Быкович взгляд Старого старика (Вия) выдерживает, чем доказывает свою божественную природу. Обратим внимание на то, что хетто-хурритский Кумарби также имеет убийственный взгляд. В песне «О царствовании на небесах» сказано: «Стал с Ану¹²⁴ сражаться Кумарби¹²⁵. Стал на небе с Ану

¹²² Голан А. Миф и символ. М.—Иерусалим: Русслит; Тарбут, 1994. С. 164–168.

¹²³ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. С. 165–168.

¹²⁴ Бог неба.

¹²⁵ Потомок Алалу, которого можно соотнести с древнегреческим Хаосом.

сражаться. Тот взгляда Кумарби не вынес, но он ускользнул от него, он, Ану, бежал от Кумарби, как птица, взлетая на небо. Кумарби, его настигая, схватил его за ноги крепко, вниз с неба он Ану стащил, и он укусил его в ногу, откусил его силу мужскую». Соотношение убийственного даже для бога неба взгляда Кумарби (как и и взгляда Вия) может предполагать их определенную идентичность.

«Братья переночевали у Бабы Яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородиной; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено!»

Далее в русской сказке следует рассказ о бое Ивана Быковича с шести-, девяти- и двенадцатиглавыми змеями и уничтожении их жен-чародеек, которые хотят погубить братьев. Характерно, что змеи связаны с рекой Смородиной, которая в многочисленных трудах исследователей, в том числе Б.А. Рыбакова и В.Я. Проппа, рассматривается как граница иного, хтонического, Подземного мира. Сами змеи ориентированы на истребление людей, как и в одном из хеттских мифов, где Хедамму, змей бога Кумарби, пожирает все, что есть в мире. Иван Быкович уничтожает трех змеев и их жен.

«...Сгибли чудо-юдовы жены. Как проведала о том старая Ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу: “Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню”. Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берет за деньги, а берет его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись — нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу — Старому старикку: “На тебе, — говорит, — нашего погубителя!” Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать Могучих богатырей и стал им приказывать: “Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и

ресницы черные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей? “Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами, старик взглянул: “Ай, да молодец Ванюша! Да что ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?” — “Твоя воля, что хочешь, то и делай, я на все готов”. “Ну, да что много толковать, ведь детей не поднять”».

Образ Старого старика многими исследователями связывается с образом гоголевского Вия, которому также необходимо было поднять веки. Старик лежит, что также связывает его со смертью, но он связан и с благами земли, в первую очередь с железом. Лежа на железной кровати, он как будто сторожит подземные рудные богатства, хозяином которых является. Старый старик, безусловно, хтоничен, связан с подземной жизнью, при этом он отец трех братьев-змеев, губителей людей, но он вроде бы и безразличен к их судьбе: «Ну, да что много толковать, ведь детей не поднять». Возможно, они были лишь орудиями для него в достижении цели. Так же равнодушен окажется Старый старик в дальнейшем и к гибели своей жены, которая требовала мести за гибель сыновей и их жен: «А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась».

В хуррито-хетском цикле о Кумарби сохранились отрывки, посвященные его сыну, змею Хедамму, который был послан отцом для истребления человечества. Конечной целью замысла Кумарби, как можно предположить, основываясь на анализе содержания целой серии мифов, служило лишение богов жертвоприношений, а значит и силы, и через это — возвращение себе власти над миром. Возможно, сыновья-змеи Старого старика выполняли подобную роль. Тот факт, что власть над миром являлась конечной целью Старого старика, и произойти это должно было через обретение им волшебной жены — образа богини-матери, для чего он решил использовать Ивана Быковича, видно из последующего текста.

«...Сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу Золотые кудри, я хочу на ней жениться».

Мотив воцарения через сакральный брак героя присутствует в большом количестве в русских сказках и иных

фольклорных материалов. Он связан также с воцарением на небесах. Например, этрусский бог Херкле благодаря сакральному браку с богиней был принят в этрусский небесный пантеон, указав этим способ спасения человеческой души после смерти¹²⁶. Видимо, и Старый старик через сакральный брак с царицей Золотые кудри (цвет волос указывает на ее солнечную природу) хочет получить доступ в небесные сферы и стать хозяином Мира. Как видно из дальнейшего повествования, ему суждено будет погибнуть не без участия этой волшебной царицы. Подобная гибель ожидала хеттохурритского змея Хедамму в связи с любовью к небесной царице, богине Астарте (Шаушке). По одной из версий хеттского мифа о битве Бога Грозы и змея Иллуянки, последний так же погибает в результате брачных уз.

Характерно, что для попадания в мир волшебной девицы необходимо специальное средство, спрятанное в дубе — священном дереве громовника. Старый старик держит в нем средства доставки в чудесный мир невесты, но запрещает герою брать другие вещи из этого тайника. У славян дуб считался Мировым деревом, и с ним связаны многие сокровища: целый флот, волшебные старички и т. д. В хеттском мифе о Телепинусе мы встречаемся с тем же мотивом подачи сакральных сокровищ из Мирового дерева: «Телепинус заботится о царе. Перед Телепинусом ставят вечнозеленое дерево Эя. На дереве Эя висит овечья шкура. В овечьей шкуре помещается бараний жир. В нем же, в свой черед, помещаются богиня зерна, богини полей и вина. В них же, в свой черед, бык и баран. В них же — долголетье. В них же — потомство, сыновья и дочери. В них же — зрелость смертных людей, быков и овец. В них же — мужество и могущество. В них же — вечный огонь. В нем же — весть о мягкошерстных ягнятах. В них же — полное послушание. В нем же — правый кострец. В нем же — рост, цветение и насыщение соками.

И Телепинус вкладывает в руки царя овечью шкуру, и он ему дает все блага!»

В сюжете русской сказки герой, получив поручение, стал размышлять:

¹²⁶ Наговицын А.Е. Этрусски: мифология и религия. С. 277–286.

«Иван Быкович про себя подумал: “Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, молодцу!” А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась».

— Вот тебе, Ванюша, дубинка, — говорит старик, — ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: “Выйди, корабль! Выйди, корабль! Выйди, корабль!”. Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую.

Иван Быкович пришел к дубу, ударяет в него дубинкою бесчисленное число раз и приказывает: “Все, что есть, выходи!” Вышел первый корабль. Иван Быкович сел в него, крикнул: “Все за мной!” — и поехал в путь-дорогу. Отъехав немного, оглянулся назад — и видит: сила несметная кораблей и лодок: все его хвалят, все благодарят.

Подъезжает к нему старичок в лодке:

— Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал: “Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад”.

Подъезжает в лодке другой старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, вино-пиво пить.

— Нехитрая наука! Ну, да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.

— Говори: что умеешь?

— Я, батюшка, умею в бане париться.

— Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял на корабль и этого; а тут еще лодка подъехала; говорит четвертый старичок:

— Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

— Да ты кто такой?

— Я, батюшка, звездочет.

— Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем.

Принял четвертого, просится пятый старичок.

— Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?

— Я, батюшка, умею ершом плавать.

— Ну, милости просим! »

Оказалось, что Старый старик владеет несметным числом людей на лодках и кораблях. Это свидетельствует о том, что он не только подземный Владыка, но и Владыка подводный, сродни Морскому Царю в русской былине «Садко», который принимает жертву. И, вероятно, хозяин всех утонувших в море. Кроме того, он владеет пятью «старичками» на лодках, которых Иван Быкович берет с собой. Словом, Старый старик может быть приравнен к хтоническому Богу, Владыке Подземного, Подводного мира и его богатств. О значении «старичков», которые соотнесены нами с властью над стихиями, поговорим позднее.

«Вот поехали они за царицей Золотые Кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство, а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива, удивляется и спрашивает:

— Что б это значило?

— Это все для тебя наготовлено.

— Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить.

Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать:

— Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть разумеет?

Отзываются Обьедайло да Опивайло:

— Мы, батюшка! Наше дело ребячье.

— А ну, принимайтесь за работу!

Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваемы, а целыми возами. Все приел и ну кричать:

— Мало хлеба, давайте еще!

Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, все выпил и бочки проглотил:

— Мало! — кричит. — Подавайте еще!

Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина не достало.

А царица Золотые Кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять верст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидал, что от бани огнем пышет, и говорит:

— Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!

Тут ему опять вспомнилось:

— Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?

Подбежал старик:

— Я, батюшка! Мое дело ребячье.

Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул — вся баня остыла, а в углах снег лежит.

— Ох, батюшки, замерз, топите еще три года! — кричит старик что есть мочи. Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замерзла; а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу Золотые Кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала».

Как видим, подобно содержанию практически всех волшебных сказок, Иван Быкович подвергается испытаниям. При этом, что существенно, о том, что он придет, царевне известно заранее, «за три года». Таким образом, прибытие его было предопределено. Обратим внимание на то, какие задания получает герой: прежде всего съесть огромное количество хлеба и выпить огромное количество пива. Согласно древнейшей магии, поедание — это уподобление и в то же время приобретение власти над поедаемым. Хорошо известно, что даже ритуальный каннибализм, который в разное время встречался по всему миру, служил цели приобретения качеств съедаемого. Иными словами, Иван Быкович должен приобрести власть над хлебом и пивом. Данное обстоятельство становится крайне важным, если учесть, что славяне, хетты и многие другие народы просили Бога Грозы о подаче урожая. Хлеб и пиво (иногда

вино) составляли основное богатство земледельческих цивилизаций. Можно сказать, что Ивана Быковича царевна проверяла на роль Громовника. Следующее задание попариться в раскаленной бане символизирует власть над погодой, над стужей и жаром. О хорошей погоде также молились громовнику как в славянской, так и в хеттской и многих других традициях.

В связи с этим то, что Старый старик запер «старичков», имеющих власть над плодородием земли (хлебом и пивом), а также над погодой (жаром и холодом), в дубе, а герой их освободил, сближает данный сюжет со многими индоевропейскими повествованиями о краже Змеем (Велесом) с Неба мировых благ и освобождении их героем. О сюжете борьбы хтонического бога и бога-громовержца неоднократно писали такие исследователи, как В.В. Иванов и В.Н. Топоров, рассматривая его в качестве древнейшего индоевропейского мифа.

Отметим, что в древнеиндийской мифологии в результате боя Индры и хтонического чудовища Вритры текут воды и идет дождь; в славянских текстах («Голубиная книга») иногда упоминается подземный зверь Индрик, который запирает воды. В славянской и других индоевропейских мифологиях сохранились упомянутые нами ранее повествования о похищении коров у небесного бога.

В сюжете рассматриваемой сказки испытания героя с его отплытием вместе со златовласой царицей не завершились.

«Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжело — ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на небо.

— Ну, — говорит Иван Быкович, — совсем пропала! Потом вспомнил:

— Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочет?

— Я, батюшка! Мое дело ребячье, — отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездой, полетел на небо и стал считать звезды; одну нашел лишнюю и ну толкать ее! Сорвалась звездочка со своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась царицею Золотые Кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу зрость-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море.

— Ну, теперь пропала, — думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать:

— Ты, что ль, горазд ершом плавать?

— Я, батюшка, мое дело ребячье! Ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай ее под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею Золотые Кудри. Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудо-юдovu отцу».

Обратим внимание на два важных обстоятельства. Волшебная царица вначале превращается в звезду, а потом в щуку. Превращение царицы в звезду — это указание на ее власть над небесным звездным миром, в щуку — на власть над водной хтонической стихией. То, что Иван Быкович, благодаря помощникам, смог ее вернуть, свидетельствует о приобретении им самим подобной власти. Между строк сказки сообщается, что освобожденные из заточения старички, прежде чем отправиться по домам, передали освободителю свои способности. Иначе волшебница не признала бы за ним соответствующих прав, ведь ее «полномочия» были столь обширны и глубоки, что возможность обмана не может рассматриваться всерьез.

Итак, Иван Быкович приобретает все качества громовержца: владеет урожаем, управляет погодой, способен властвовать над небесной и водной стихиями. При этих качествах он является к Старому старичку совсем иным.

«Приехал к нему с царицею Золотые Кудри; тот позвал двенадцать могучих Богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы черные. Глянул на царицу и говорит:

— Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу.

— Нет, погоди, — отвечает Иван Быкович, — не подумавши сказал!

— А что?

— Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жердочка; кто по жердочке пройдет, тот за себя и царицу возьмет.

— Ладно, Ванюша! Ступай ты наперед. Иван Быкович пошел по жердочке, а царица Золотые Кудри про себя говорит:

— Легче пуху лебединога пройди!

Иван Быкович прошел, и жердочка не погнулась, а Старый старик пошел — только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу Золотые Кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется:

— Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи! »

В этом фрагменте стоит обратить внимание на то, что Иван Быкович не убивает Старого старика, а с помощью чудесной царевны «роняет» его в глубокую яму. В хеттохурритской мифологии Кумарби так же не убивает бог Грозы, а низвергает с неба в бездну. Воцарение героя происходит с помощью царицы, которая делает его невесомым при переходе глубокой ямы.

Заметим, что мотив перехода по тончайшему мосту через пропасть является важным элементом различных мифологических систем. Например, в апокрифической христианской говорится о проходе души в Рай по тончайшему мосту, который сбрасывает с себя «грешные души», или иранский мост Чинвит¹²⁷. Подобное испытание должно по сюжету сказки указывать на предопределенность власти бога-громовника над миром. Исходя из схожести элементов славянской сказки и хеттских мифов о Кумарби, можно полагать, что он изначально связан с землей и хтоническим миром.

Итак, при рассмотрении русского фольклорного источника нами был выделен целый ряд общих с хеттской традицией мифологем, что показывает единые корни рассмотренных материалов, а также то обстоятельство, что

¹²⁷ МНМ. Т. 2. С. 176–177.

в славянском фольклоре сохранился целый пласт древнейших индоевропейских верований и мотивов, многие из которых еще ждут своих исследователей.

Однако для нас важно характерное отношение к женскому персонажу, как определяющему судьбу и поведение главного героя. Сам персонаж становится основным ядром сказки, вокруг которого строится весь сюжет повествования. Первая часть повествования подготавливает героя к возможности выхода на новый уровень взаимоотношений с миром, вторая — дает ему некое воцарение через женский персонаж, который и обеспечивает победу, причем делает это магическим путем, разрешая основной конфликт сказки между старым и новым. Более того, царица имеет власть во всех трех мирах Вселенной, чего добивается и от героя, который получает необходимые качества через «старичков».

По нашему мнению, здесь налицо сказочное переложение древнейшей мифологемы о смене времен и поколений богов посредством Великой богини, имеющей власть во всех мирах космоса. При этом само перерождение героя может быть воспринято как посмертное. В качестве смерти выступает Старуха — мать змеев, жена Старого старика. Царица выступает в качестве антитезы ей, т. е. жизни. На смену угодившему в яму Старому старику приходит новый герой. Таким образом, произошла смена одной божественной брачной пары, символизирующей Смерть, на другую — символизирующую Жизнь.

Курочка Ряба

В сказке Дед и Баба не могут разбить золотое яичко, а когда его разбивает мышь — начинают плакать. Яйцо в мировой символике означает мир, а золотое яйцо — золотой век человечества, или Рай. Дедом и Бабой в народе нередко называли предков, в частности Адама и Еву. Адам и Ева, находясь в Раю, не могли использовать главный дар Бога — свободу воли, непосредственно связанную с душой. Известно, что для того, чтобы пошел процесс, нужна разность потенциалов, наклон на плоскости, анод

и катод для электротока, кислота и щелочь в химии и т. д. В данном случае в библейской легенде такую разность потенциалов создает змей, связанный с Нижним миром, в сказке мышка, в некоторых версиях — ведьма. Исход из Рая связан с плачем Адама и Евы, в сказке плачут и Дед с Бабой. Чем же их утешает Курочка Ряба? Она предлагает снести простое яичко, но человек подобен миру, он микрокосм по древним и средневековым представлениям. Иными словами, для создания «личного рая» предлагается соответствующее поведение, необходимое для спасения души, которая попадет в Рай. Имеется в виду основная идея христианства и практически всех религий. Сама курочка определена как «ряба», т. е. содержащая разноцветные перья, иными словами, она вместилище добра и зла одновременно. Для лучшего понимания данной аллегории укажем, что в средневековой схоластике в философско-религиозном споре о «первичности курицы или яйца» под курицей понимался Бог, а под яйцом — мир. Можно сказать, что эта русская сказка за полминуты передает основные базовые истины философии Нового и Ветхого Завета.

По щучьему веленью

Герой сказки — типичный трикстер, отрицающий социальные нормы. Он толком не работает (говорит, что неохота), прогоняет генерала, резко разговаривает с царем. Такие персонажи в мировом фольклоре, как уже отмечалось, появляются в периоды социального напряжения и перехода от одного типа управления к другому. Из сказки видно, что при нападении иноземного войска армия разбита, а справляется с неприятелем как раз Емеля. Его сила основана на помощи щуки, которую он поймал и отпустил обратно в воду. По русской символике щука — один из символов древнейшего первопредка, изображение щуки или ее челюстей носили в качестве оберега. Иными словами, Емеле помогает сила предков, сила народной традиции, которая стремится через человека, отрицающего существующие социальные нормы, утвердить новые, необходимые в назревшей ситуации.

Волк и семеро козлят

Знакомая всем с детства песенка «Жил был у бабушки серенький козлик», которого съедают серые волки, и сказка о козе и семерых козлятах, съеденных серым волком, возможно, отражают борьбу небесных и подземных сил, борьбу небесного представителя — волка с нечистой силой — козами и козлятами.

Вспомним, что хтонические персонажи славянской мифологии после принятия на Руси христианства стали ассоциироваться с чертями. Волки в славянской мифологии соотносятся с небесными богами. По народным поверьям, волки охотятся за чертями. В народных представлениях черти соотносились с козлами, например козлообразный Сатана.

Отметим, что козлят семь, что соответствует семи смертным грехам. Уничтожая их, волк ничего не может сделать с их источником — козой. В средневековой Европе козел был олицетворением самого Дьявола. Отметим, что для коммуникации с козлятами некий кузнец перековывает волку язык. В традиции под кузнецом часто понимали создателя мира, иначе говоря, самого Бога.

Теремок

В сказке совершенно разные звери просят жить в теремке. По народной сказке, теремок — это лошадиная голова, а звери: мышка Норушка — подземная жительница; лягушка Квакушка — обитательница подводного мира; заяц (*на горе увертыш*), связан не только с норой, нижним миром, но и с горами; лиса (*везде поскокиш*) — символ хитрости; волк (*из-за кустов хватыш*) — представитель неба. Однако медведь (*я всех давишь*) — культовый предок славян, распорядился судьбой этого густонаселенного домика по-своему, и сказка указывает на то, что не все совместимо под одной крышей.

Лошадь (и ее голова) связана с соляной символикой, а иногда — с символикой счастливого, «солнечного» мира. Поселяются в ней в первую очередь представители нижнего мира, подземного и подводного — лягушка и мышь.

Кроме них, три звериных персонажа самоназваниями напоминают представителей враждебных народов. В этом случае понятно, почему медведь, символ первопредка, их давит. Это напоминает, что излишняя толерантность и терпимость ко всему чужеродному может погубить наш дом, Терем-теремок.

Колобок

Колобок может рассматриваться как символ сотворенного мира, где баба и дед выступают как боги-созидатели. Он уходит от зайца — символа быстроты, волка — символа смелости и напора, медведя — символа силы, но его обманывает и уничтожает лиса — символ хитрости, обмана и коварства. Речь идет о том, что качества эти самые опасные и могут погубить не только человека, но и целый мир.

Морозко

Для сказки характерен эпизод троекратного испытания героини Морозом. В фольклоре известно три Мороза: Красный нос — взбадривание, покраснение кожи; Синий нос — начало обморожения, посинение кожи; Белый (или Костяной) нос — обморожение и смерть. Соответственно они соотносятся с верхним небесным, земным срединным и нижним мертвым мирами. Героиня сказки проходит все три испытания и не ропщет. На вопрос «тепло ли тебе девица?» кротко отвечает: «Тепло, Морозушко». Пройдя ритуальную смерть, она получает награду в виде пригожего жениха и приданого. Ее сводная сестра, не выдержавшая испытания стойкости и терпения, наказана. Смысл сказки заключается в том, что необходимо перенести все виды испытания, вплоть до смертельной опасности, вслед за чем последует награда.

Репка

В сказке сама репка может пониматься или как мир, или как сложная и важная для жизни задача. Если дед и баба воспринимаются в качестве предков, то в совокупности с

внучкой — это смена поколений, их связь, человеческое общество, которое можно воспринимать как своеобразную горизонталь мира. Участвующие в процессе вытягивания репки звери: собака Жучка, Кошка, Мышка, часто соотносились с трехчленным делением мира. Верхний мир — собака или волк, как спутники небесных богов. Эту триаду можно представить как символ мировой вертикали.

Отметим, что в крестьянской среде до XIX в. волк рассматривался как собака святого Георгия, которую он в наказание насылает на грешников. Кошка связана с земным миром и даже домом, а мышка, как норное животное, с подземным. Идея сказки в том, что в единении поколений и при обращении и поддержке всех сил мира — небесных, земных и подземных — можно решить любую, даже кажущуюся невыполнимой, задачу. Сила в единстве. В данном случае такое единство, возможно, олицетворяется крестом, который был священным символом у многих народов еще задолго до принятия христианства.

Конек-горбунок

В сказке злой, жадный, похотливый царь управляет, а Иван выполняет его поручения. Внешний вид старого царя соответствует его внутренней сущности. Иван неказист внешне, но добр и честен внутри. В результате после купания в котле с кипящей водой царь погибает, а Иван преобразается в царевича, приобретает соответствие внутреннего и внешнего облика и женится на Царь-девице. Дело в том, что котел издревле символизировал перерождение и возрождение, его даже помещали в могилы. В греческом мифе Медея в котле превращает старого барана в молодого барашка. Речь идет о неминувости кармического воздаяния, которое приведет в соответствие внутреннюю сущность человека, его внешний вид и судьбу.

Иван-царевич и Серый волк

Иван-царевич в сказке не проявляет никаких особых положительных качеств. Напротив, для него характерны глупость и жадность, т. к. он ослушивается Серого волка

и хватает сначала золотую клетку, а потом уздечку, из-за чего чуть не погибает. Кроме того, волк его предупреждает, что нельзя хвастаться успехом перед братьями, но он похваляется, и они его в результате убивают, присваивая Жар-птицу, коня и царевну. Мотивация помощи царевичу у волка полностью отсутствует, хотя в некоторых вариантах сказки представляется, что он вроде бы жалеет младшего сына царя. Однако, если разобраться, никто не заставляет всадника отправляться в направлении, которое на путеводном камне было обозначено предупреждением: «Направо поедешь — коня потеряешь». Глупо поведение царевича, который не только нарушает наставления волка, но и постоянно сетует, например, на то, что жаль расставаться с конем. Но почему же все-таки он получает помощь зооморфного существа?

Символика волка связана с наследственной царской властью. Вспомним царя персидского Кира, Ромула и Рема — основателей Рима, деда Чингисхана и многих других легендарных и исторических царей, по преданию, вскормленных волчицами. Даже русский былинный князь Вольга превращается в волка, чего никогда не делают другие богатыри. Волк как защитник царской власти не может помогать будущим братоубийцам — старшим братьям Ивана, и он выбирает «из двух зол меньшее».

ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СЛАВЯН В НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКАХ И ИГРАХ

В педагогике и воспитании значительное место занимает игра, она несет несколько важнейших функций в процессе развития ребенка и подростка. Как известно, в возрастном развитии игра является основой формирования личности и важнейшим фактором социализации ребенка. На то, что игра является важнейшим воспитательным и педагогическим средством, указывали такие виднейшие ученые, как А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов и другие.

Но среди «океана» игр особое место занимает игра народная. Она имеет несколько принципиальных отличий от игр, вводимых в педагогическую практику специалистами. Народная игра, как правило, не существует сама по себе, а исторически происходит из определенных обрядов и праздников. В силу этого она несет на себе не только развивающую одну из сторон личности функцию, а является механизмом освоения определенных морально-нравственных концепций, которые входили в круг мировоззрения человека, как члена определенного социума.

Русская народная игра обладает еще одним важнейшим признаком. В педагогической практике устоялась традиция использовать игру как средство образования и воспитания, в первую очередь в среде детей дошкольного и младшего школьного возрастов. Русская народная игровая традиция дает возможность применять игровые практики и игровую психотерапию также и к старшим подросткам, юношеству и даже к взрослым людям. Кроме того, проведение народных праздников с элементами игры позволяет включать в еди-

ный игровой воспитательный процесс одновременно детей, подростков и взрослых. Такая практика дает возможность педагогам и воспитателям сглаживать возрастные противоречия между различными поколениями и создавать предпосылки к образованию единого межвозрастного коллектива, который строится на взаимоуважении и совместной деятельности. Именно к такому воспитанию призывал великий отечественный педагог Макаренко. Всем педагогам и психологам хорошо известна проблема «дедовщины». Характерно, что такие народные игры, как кулачный бой, во многом позволяют решить данную проблему и искоренить ее предпосылки еще в период школьного обучения. Остановимся на некоторых аспектах русских народных праздников и игр, которые позволяют педагогу и воспитателю решить вышеперечисленные задачи.

Нас интересует, какое прикладное значение имели праздники в народной жизни. Постараемся показать, что, кроме сакрального смысла, в проведение обрядов и праздников всегда вкладывалось и воспитательное значение.

Происходило это в первую очередь по той причине, что любой социум всегда стремился воспитать своих членов в определенной традиции, которая соответствовала писаным или неписаным законам. Особенно хорошо данная тенденция прослеживается в обществах, живущих на основе родовых законов и, в некоторой степени, традициях социальных слоев и групп. Сама закрытость для чужаков такой общины, родового общества или группы указывала на необходимость введения строго регламентированных правил поведения и воспитания одинаковой реакции на внешнее вмешательство в жизнь сообщества.

Русская, и в первую очередь деревенская, община до реформы Столыпина имела все признаки такого закрытого сообщества. Перечислим некоторые из них.

Это в первую очередь общинное владение землей, по крайней мере общие пастбищные и сенокосные угодья. Общинное перераспределение земельных наделов в зависимости от количества «едоков» в отдельной семье. Помощь всей общины отдельной семье, если она оказалась в трудном положении, например погорельцам или молодоженам. Общая религиозная жизнь. Совместное справ-

ление как христианских праздников, так и традиционных народных, восходящих к языческой религии. Другим не менее важным признаком такого сообщества являлось то, что его пополнение происходило в основном за счет самих членов общины или близких и родственных общин (соседняя деревня), которые входили в одно объединение, близкое к клану.

В таких условиях совместное проведение праздников, народных гуляний и игр становилось не только духовно-культурным объединительным началом, но и сильным воспитательным средством в жизни народа. Кроме того, ряд игр и праздников служил психотерапевтической цели и помогали решению многих внутренних и социальных конфликтов личности.

Рассмотрим некоторые из них. Наиболее хорошо известным обрядом является прыганье через костер в Купальскую ночь. Кратко рассмотрим сакральный, психологический и педагогический смыслы такого действия.

В сакральном плане купальский обряд связан с плодородием. По тому, какой туман стоит в утро купальской ночи над посевами, определяли виды на будущий урожай. Само плодородие земли в мифологии всех народов мира соотносилось с женской репродуцирующей функцией и, значит, рассматривалось как важнейшая часть жизни общины и семьи. Даже название *мать-сыра земля* указывает на «материнскую» функцию этой вечной кормилицы крестьянства. Отметим, что богини, связанные с плодородием, в индоевропейских мифологических системах являлись одновременного и покровителями материнства. Это римская Церера, греческая Деметра, этрусская Уни, славянская Лада и т. д.

Теперь рассмотрим, что такое сам пар (туман), который должен был появиться с утра над посевами. Строго говоря, пар — это испарение воды после кипения, другими словами, результат соединения воды и огня. Отметим, что смысл такого соединения и был сам Купальский праздник. На это есть ряд описанных ранее существенных указаний. В Купальскую ночь горящее колесо скатывали в воду. Другим способом проведения сакрального таинства было сжигание куклы Морены, связанной со стихией воды. Еще

одним способом было положение этой куклы на плот или в гробик и спускание по реке, притом в тот же гробик ставился зажженный факел или свеча, так что в конце концов кукла сгорала на воде, т. е. проходил тот же сакральный «брак» воды и огня.

Существует много фольклорных подтверждений сакрального смысла этого обряда. Укажем только, что ритуальный купальский цветок иван-да-марья имеет соцветие двух цветов: желтый — цвет огня и синий — цвет воды. Само название праздника *Купала* связывается лингвистами с индоевропейским корнем *kup* — кипеть. От этого корня происходит имя греческого бога любви и брака Купидона.

Рассмотрев некоторые черты символики народного праздника, перейдем к вопросам, которые непосредственно касаются психологии и педагогики. Прыжки через костер в Купальскую ночь проводились в одиночку и парами: юноша и девушка, причем пары составлялись из тех молодых людей, которые собирались вступить в брак.

Чем являлся для молодых людей такой ритуальный прыжок? Во-первых, хорошо известна ритуальная очистительная функция огня. Он как бы очищал помыслы и снимал с душ молодых прошлые ошибки и прогрешения. Но огонь в индоевропейской традиции рассматривался как священный хранитель клятв и родовых устоев. У некоторых племен древних славян даже существовал закон, по которому жрец, не уберегший священный огонь, подвергался казни.

Невеста после свадьбы в крестьянской традиции России в доме мужа проводилась вокруг печи, приобщаясь к объединительному огню и очагу нового для себя семейства. Следовательно, совместный прыжок через огонь являлся гарантом прочности отношений между молодыми, тем более, что сам обряд проходил прилюдно, и вся община была в курсе такого решения.

Общеизвестно соотнесение в индоевропейской традиции женщины с порождающей водной стихией, а мужчины — с огненной. Поэтому, прыгая через костер, девушка и юноша как бы дублировали священный брак персонифицированных в Марье Морене и Иване Купале

двух великих стихий (воды и огня), заручаясь этим их поддержкой и обещанием достатка и детей в будущем совместном браке.

Известно, что свадьбы на Руси справляли большей частью осенью, после сбора урожая, поэтому у молодых и их семей было время подготовиться к этому знаменательному для них событию, а в некоторых случаях и уговорить родителей. Само принятие значимого для молодых людей и общества решения имело двойкий смысл. С одной стороны, они просили высшие силы освятить их отношения, а с другой стороны — принимали перед всей общиной ответственность за свое решение, т. к. отступление от него воспринималось как оскорбление богов и грозило их немилостью, а значит неурожаем и голодом всему роду. Следует заметить, что обвинение участников обряда со стороны христианских священников в распутстве, происходящем именно во время данного праздника, лишено оснований, потому что тогда совершался священный стговор между молодыми людьми, который освящал их отношения.

Праздник Ивана Купалы — один из самых распространенных и любимых праздников славянских народов, который до сих пор повсеместно справляется в ночь с 23 на 24 июня по старому стилю в Сибири. Примерами обрядовых текстов, связанных с этим праздником, могут служить следующие песни:

По бору, по бору,
По вересу, по вересу
Ходит коник, ходит коник
Вороненький, вороненький.
На том коне, на том коне
Седло лежит, седло лежит.
На том седле, на том седле
Иван сидит, Иван сидит,
За ним Марья. «Сейчас, Марья».
За ним Марья. «Сейчас, Марья».
Вдогон бежит, вдогон бежит:
«Постой, Иван, постой Иван!
Скажу нечто, скажу нечто!

Скажу нечто: тебя люблю,
Тебя люблю, тебя люблю,
Тебя люблю, с тобой пойду,
С тобой пойду!»

Нонче Купалы,
Завтра Иваны.
Купалы на Иваны!
Купался Иван,
Да в воду упал.
Ох, брат сестру
Двору кличет.
Двору кличет,
Загубить хочет.
«Ой, братец мой,
Иванушка!
Не губи меня
В буденный день,
Загуби меня
В воскресный день.
Положи меня
У ограды,
Обсади меня
Стрелицами,
Обвешай меня
Наметками,
Васелечками!
Молодцы идут,
Стрелицы рвут.
Старушки идут,
Наметки берут.
Васелечки рвут,
Васелечки рвут;
Веночки вьют.
Меня младу
Поминать будут».

О, купаленька, о купаленька,
Ночка маленька, ночка маленька.

Там купалось, там купались
Две сестрицы, две сестрицы.
Там купались, там купались,
Говорили, говорили:
«Вместе росли, вместе росли,
Поврозь вышли,
Поврозь вышли».
Купаленка, купаленка,
Ночка маленька, ночка маленька.
Там купалось, там купалось
Две сношки, две сношки.
Там купались, там купались,
Говорили, говорили:
«Поврозь росли, поврозь росли,
Вместе сошлись, вместе сошлись».

«Святой Иван.
Что робишь?»
«Ах, мой боже,
Ляды полю».
«Святой Иван,
На что ляды?»
«Ах, мой боже,
Ячень сеять».
«Святой Иван,
На что ячень?»
«Ах, мой боже,
Пиво варить!
Пиво варить,
Сынов женить,
Дочек отдавать,
Пасаг делить».

Девыцы цветы щипали
Да у Ивана пытали:
«Что за цветы?»
«Это цветы Купалы,
Девыцам — умывалы,
А пареням — воздыханья!»

Сохнут-сохнут парени,
 За грядами сидючи,
 На девицей смотрячи,
 Что девицы хороши,
 А парени — гольши:
 Не мают копейцы про души!

Еще один пример русских игр, имеющих смысл для народной педагогики, — это проведение зимнего праздника Каляды. Широко известен он хотя бы из бессмертных повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», где описан обычай молодежи колядовать в рождественскую ночь: молодежь ходила по крестьянским дворам и собирала подношения, желая хозяевам счастья и благополучия.

Свети, свети месяц,
 Частые звезды,
 Соборная церковь!
 Собиралися девицы Каляду кричати.
 «Уж ты дядя доброхот,
 Выдай денег на проход!
 Выдашь — выдашь,
 Будем ждать,
 У ворот стоять!
 Золотая голова,
 Шелковая борода,
 Ты подай пирожка,
 Ради праздничка Христова
 Пирожка-то хоть пресного,
 Хоть кисленького!
 Отрежь потолще,
 Подай побольше!
 Сто бы тебе коров,
 Полторасто быков!
 По ведру бы те доили,
 Все сметаню!
 На реку-то бы ходили,
 Все наигрывали!¹²⁸

¹²⁸ Русская народная поэзия. Л.: Художественная литература, 1984. С. 32.

Что происходило во время данного праздника с точки зрения народной педагогики? Во-первых, молодежь совместными действиями — танцами и песнями — добывала себе праздничную еду для общей трапезы. Такое действие приучало их к коллективной деятельности и, более того, среди них выявлялись лидеры, которые в дальнейшей общинной жизни как бы сами собой принимали функции вожаков. Тот факт, что подношения молодежи на праздник давались всей деревней, социально уравнивало как саму молодежь между собой, так и взрослых членов общества, а следовательно, констатировалось единство сельской крестьянской группы, столь необходимое для решения жизненно важных для крестьянской общины задач. Кроме того, пожелания благополучия хозяевам носили ритуальный характер, т. к. колядки проводились перед Рождеством Христа, т. е. в момент рождения и нарастания его божественной спасительной силы, носителем которой символически и рассматривалась молодежь.

В тот же праздник Каляды часто проводились всевозможные переодевания. Молодые люди рядились в маски всевозможных зверей (козла, медведя, коня и других) и проводили всевозможные игры с участием этих персонажей. В древности каждый персонаж изображал ипостась того или иного бога, а сами игры были своеобразными мистериями, отражающими те или иные мифологические события. С приходом христианства игры приобрели характер народных гуляний, зачастую автоматически повторяющих народную традицию без ее осмысления.

В любом случае, такие игры и изображения зверей служили снятию напряженности, возникающей в самодостаточном, во многом закрытом обществе. Кроме развлекательной функции, они приучали молодежь к мысли о неразрывной связи с природой и природными явлениями, т. к. смысл ряжения соотносился с понятием удачи сообщества в его жизни во время нового года и также с понятием благословения предков. В Болгарии такие гуляния ряженных сохранили наиболее архаический характер. Ряженая в маски животных молодежь рассматривалась как представитель божественных сил, и каждый крестьянский двор старался привлечь внимание шествия ряженных к себе.

Само прилюдное исполнение различных ролей считается в современной психологии одним из средств социализации личности и коррективки личностного развития. Совместное участие молодых людей в общественно значимой деятельности, как показала современная психология, является мощным механизмом воспитания и обучения человека.

Упомянем еще одну разновидность русских народных игр — всевозможные кулачные бои, в частности, «стенка на стенку». Разновидностью таких игр является широко известное взятие ледяных крепостей на Масленицу. Все разновидности кулачных боев проводились до первой крови, и в них соответственно возрасту участвовала вся мужская часть общины, начиная с пяти- или шестилетнего возраста до вполне взрослых мужчин. Отметим несколько важных черт таких боев. В них представители разного возраста сражались друг с другом, и не было случаев, чтобы старшие обижали младших или сильный начинал биться со слабым. За соблюдением правил боя следили пожилые уважаемые члены общины, и нарушитель мог быть сурово наказан. В таких играх молодежь обучалась правилам и приемам боя, училась взаимовыручке, приобретала четкие моральные и нравственные нормы.

В советское время было множество военно-патриотических игр, и самая знаменитая из них — «Зарница», которая кое-где проводится до сих пор. Но при всем их положительном воспитательном значении они не могут заменить бытовавших на Руси кулачных боев, во время которых в совместной и справедливой (по строгим правилам) битве сходились люди разного возраста. Большинство игр проводится среди одного возрастного среза детей и подростков, в случае кулачного боя чувство солидарности появляется между представителями разных возрастов, которые по большому счету представляют собой одну большую семью-общину. Отметим, что членовредительства при кулачных боях практически не было, бой проводился именно «до первой крови», виноватый в которой наказывался.

Кулачные бои в народной жизни имели достаточно большое значение. В воспитательном плане это был способ

выработки мужских качеств и личного мужества, кроме того, в мужском коллективе создавались межвозрастные и межличностные устойчивые связи, вырабатывались навыки взаимовыручки и совместной деятельности. В плане обучения ребенок приобретал навыки самозащиты и боя, научался совместному отпору внешней агрессии. Также вырабатывались понятия справедливости и честного боя.

В ритуальном плане такие бои приурочивались к праздникам, а победа в них являлась своеобразной жертвой божественным силам, которые в обмен должны были послать благополучие всей общине. Ритуальные бои и игры как жертвенное действие — довольно частое явление в ритуальной жизни народов. Ими сопровождалась похороны и поминки, а также важнейшие народные праздники. Отметим также и важнейшую роль навыков кулачного боя для молодежи, попавшей в среду, например, армейской «дедовщины». Это не только возможность молодого человека дать отпор обидчикам, но это и навык коллективного отпора. Кроме того, молодежь, у которой воспитаны навыки уважения к младшим и их поддержки, не примет сами основы «дедовщины», где противопоставляются между собой солдаты разных призывов.

В настоящее время роль игр, и в первую очередь народных, приобретает еще одно важнейшее значение. Таким значением становится воспитание чувства любви к родной земле, гордости за свой народ, за его культуру и историю. Народная игра не только учит и воспитывает, она еще и соединяет современное подрастающее поколение с традициями предков, с их культурой и мировоззрением. Знание и понимание национального славянского мировоззрения помогает также избежать таких опасных в настоящее время тенденций, как шовинизм, национальная и религиозная нетерпимость. Народная игра воспитывает соревновательный характер и в то же время она приучает давать коллективный отпор внешней агрессии, что, в частности, важно для молодого человека, попавшего в армию. Народная игра воспитывает уважительное отношение друг к другу в разновозрастных и разнополовых группах молодежи и подростков, что также является одной из важнейших задач педагога и воспитателя.

Проведение любого традиционного праздника с участием молодежи и подростков должно базироваться на нескольких основных принципах, которые позволяют провести именно традиционный праздник, а не массовое мероприятие с элементами народной традиции.

Во-первых, рекомендуется заранее выделить ранее участвовавших в подобных праздниках подростков и, объяснив им концепцию праздника, привлечь к помощи в организации и проведении праздничных ритуалов. Не стоит до начала проведения праздника давать его участникам этнографический и культурологический анализ материалов по данному празднику и народным праздникам в традиции данного народа. (Вернее сказать, эта информация должна даваться избирательно, тем, кто, по усмотрению руководителя, может соучаствовать в организации действия, избегая при этом названных ниже «ошибок».) Подача научных материалов может быть полезна на уроках определенных дисциплин, но при проведении самого праздника вызывает у его участников настроение игры в народность, смысл любых мероприятий кажется заранее понятным и известным и вызывает некоторое внутреннее превосходство над традициями самого народа, которые участники праздника призваны возрождать. В результате не может быть достигнута слаженность действий во время праздника, а само проведение перерастет в дискуссию: кто, что и насколько правильно делает, и насколько это действие совпадает с материалами различных этнографических источников.

Во-вторых, основной задачей организаторов является не показ самого праздника участникам, а введение их в его структуру. Причем каждый из них до начала проведения праздника знает только свою конкретную роль, а не все элементы в целом. Роль каждого участника объясняется ему непосредственно перед началом праздника. Если участники знают свои роли заранее, они, обменявшись информацией, составляют определенное мнение обо всем празднике в целом. Поэтому создать новый для них «мир народной традиции» представляется сложной задачей, а создание такого мира является смыслом проведения любого традиционного праздника. Введение участников

в структуру «мира» праздника достигается за счет проведения нескольких подготовительных этапов.

Первым этапом является заготовка продуктов для «пира горой». Для этого с участниками праздника заранее оговаривается их посильное (равное) участие в расходах по проведению пира. Желательно, чтобы по возможности часть расходов организаторы брали на себя, и необходимые продукты и вещи доставлялись на место события с участием всех. По прибытии на место (принципиально не рекомендуется проводить праздники в школьном дворе или рядом с домом проживания участников; праздник должен восприниматься как выход в иной мир) каждый из участников получает конкретное задание и ему говорится о том, что данное задание есть часть предстоящего ритуала. Смысл элемента ритуала участнику по возможности полно объясняется. Иными словами, сама подготовка праздника есть введение его участников в некоторое совместное действие, которое носит соревновательный характер, но при этом смысл дальнейшего действия до конца не известен и поэтому носит притягательный характер.

Среди предварительных действий перед началом праздника следует учесть и поиск места. Само место должно отвечать не только критериям удобства, а еще нести в себе некоторые символические элементы, свойственные тому или иному празднику. Например, близость воды и холма при приведении праздника Ивана Купалы. После того как место найдено, оно должно быть подготовлено, т. е. очищено от мусора и «освящено». Освящение в самом простом виде состоит в просьбе к данному месту и его хозяевам благожелательно отнестись к пришедшим гостям и в разведении специального ритуального костра (небольшого), в который запрещается бросать всевозможные отходы. Место костра должно быть торжественно окопано, и для его поддержания заготовлены дрова. Для хозяйственных нужд разводится отдельный костер, на котором готовится пища и куда можно бросать отходы.

В-третьих, проведение самого праздника совершается таким образом, чтобы лидеры группы и ее самые слабые члены находились в одинаково комфортных условиях. Это достигается за счет того, что участникам праздника, ко-

торым в коллективе отведено достаточно незначительное место, поручаются ответственные ритуальные действия, не требующие высокой специальной или физической подготовки. Наиболее физически сильным членам группы в первую очередь предлагается участие в ритуальных боях и соревнованиях. Участие в играх и скоморошинах обязательно для всех участников праздника.

Объяснение смысла того или иного праздничного действия дается по большей части во время проведения праздника, а сама концепция, в том случае, если она остается до конца непонятой, обсуждается во время «пира горой», которым он завершается.

Во время пира поются народные песни и рассказываются соответствующие истории. Весь пир, его проведение и оформление должен быть выдержан в определенной традиции.

По окончании праздника происходит обязательный ритуал прощания с местом, которое непременно приводят в порядок.

ГЛАВА 3

ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА СЛАВЯН В НАРОДНОЙ ИГРУШКЕ

Народная игрушка, как и игрушка вообще, является традиционным, необходимым элементом воспитательного процесса. Через игру и игрушку ребенок познает мир, происходит его социализация в обществе. Еще видный отечественный психолог Д.Б. Эльконин указывал на важнейшую роль игрушки в традиционном обществе, где игрушка в одних случаях служила элементом и функциональным инструментом приобретения ребенком определенных производственных навыков. К таким игрушкам следует отнести уменьшенные модели всевозможных орудий труда и другой, подчас не производственной деятельности. Игровые орудия труда давали ребенку возможность войти во взрослый мир, уже овладев определенными навыками.

В других случаях игрушка служила и служит своеобразным наглядным пособием для передачи ребенку знаний о материальном мире. Такими игрушками являются куклы в различных национальных нарядах, солдатика с обозначением формы, различных чинов и родов войск, модели всевозможных исторических и культурных объектов и предметов. Определенная часть игрушек служит для развития у ребенка двигательных и моторных реакций, способствует его нормальному физическому развитию.

Кроме вышеперечисленных существует достаточно распространенная категория народной игрушки, связанная с передачей ребенку космогонических, нравственных, символических и мифологических знаний.

В русском и финно-угорском фольклоре часто упоминается, что Небеса имеют семь или девять уровней. На

Седьмом небе находится сам Господь, а на нижних небесах располагаются различные ангелы и божественные силы. Подобное воззрение, видимо, связывалось с образом радуги, имеющей семь цветов и рассматриваемой как мост для прохода душ в Небесный мир. Моделью Небесного мира служила такая хорошо известная игрушка, как пирамида, состоящая традиционно из семи или девяти разноцветных колец, каждое из которых надевалось на центральную ось — «ось Мира». Однако со временем символика пирамиды и аналогичных ей игрушек стала забываться, и появились пирамиды с произвольным количеством колец. К подобным игрушкам — моделям мира, следует отнести и русскую матрешку, хотя время появления ее до настоящего времени не определено.

Древнейшей моделью семи Небес, сохранившегося до наших дней, явилась кукла «пеленашка», представляющая собой изображение женщины, нижняя часть фигуры которой запеленута семью оборотами ткани. Семь витков материи олицетворяли семь небес, а само женское изображение указывало на то, что небеса — женщина, прародительница.

Для понимания данной символики отметим, что в глубокой древности, еще во времена матриархата (см. А. Голан, Б.А. Рыбаков) небо олицетворяли женские божества, а землю — мужские. Подобные представления имели, видимо, практически повсеместный характер и восходили ко времени неолита. Древнейшими известными изображениями таких представлений являются изображения в Древнем Египте. Кроме того, хорошо известны многочисленные «неолитические Венеры», восходящие к культу Великой матери. Объяснялось это тем, что в древнейшие времена, когда основным источником пищи были охота и собирательство, женщина была основным хранителем традиций и истории племени. Она подвергалась меньшей опасности, чем мужчина, и могла передавать знания истории и навыки из поколения в поколение.

На Руси культ Матери сохранился в повсеместном почитании различных икон с изображением Богородицы, а также в громадном количестве церквей и монастырей, ей посвященных.

Другим примером такого ритуального предмета детской игры являются традиционные русские куклы из дерева и соломы, которые не имеют прорисовки лица. Детскими эти куклы стали при профанировании древнейших, еще неолитических верований, когда Великую богиню, стоящую за гранью добра и зла, боялись изображать с чертами лица, могущими вызвать вред при использовании ее изображения. Представления о сглазе и порче, а также появление чадры, закрывающей женщине лицо, связано с культом этой богини. Отметим, что ее выродившимся потомком явилась Медуза Горгона, убивающая своим взглядом, в древнегреческой мифологии. Практически все дошедшие до нас древнейшие изображения богини Матери — «неолитической Венеры» — не имеют лица. На мифообраз этой богини указывают такие исследователи, как Голан, Топоров, Иванов, Элиаде и другие.

Еще одним космогоническим символом, нашедшим отражение в народной игрушке, явилась модель Мирового дерева. Как отмечает целый ряд отечественных и зарубежных исследователей, его символ присутствует во всех индоевропейских космогонических системах. Мировое дерево — это своеобразная модель Вселенной, где крона олицетворяет Небесный мир, ствол связан с Земным миром, а корни — с миром Подземным. Различные варианты Мирового дерева, как указывалось ранее, часто можно видеть на русской вышивке. Они окружены женскими персонажами, птицами или оленями. В игрушке моделью Мирового дерева, в первую очередь его кроны — Небесного мира, являлись различные погремушки и мячи. При этом отметим, что традиционная народная игрушка носила своеобразный, благословляющий ребенка, характер. К игрушкам подобного типа относилась и модель яйца, т. к. по древнейшим космогоническим представлениям, мир родился из яйца.

Погремушка, кроме развлекательной цели, служила для призывания к ребенку духов или ангелов-защитников. Используя основной принцип магии, связанный с подобием или тем, что модель или изображение в определенном смысле заменяют оригинал, в руках ребенка погремушка или мяч, изображающие Небесный мир, должны были

защитить его от темных сил. Отметим, что в русской традиционной игрушке не встречаются изображения отрицательных персонажей, т. к. считалось, что те могут принести ребенку зло, иными словами, связать с оригиналами изображений.

Той же цели служили различные свистульки. Каждое животное в древности связывалось с определенным богом, а каждый бог мог защитить или помочь человеку в чем-то конкретном. Свистульки служили определенным магическим инструментом, вызывающим посредством свиста того или иного защитника через его зооморфный образ.

Часто для игры используются изображения таких животных, как козел, олень, баран, конь, птицы, которые традиционно являются образами для изготовления свистулек (см. «Мифы народов мира», «Славянские древности» и др.). Отметим, что олень олицетворяет земной мир и счастливый брак, баран — солнце и счастье. В греческом мифе аргонавты добывали Золотое руно, потому что оно в первую очередь символизировало и приносило счастье. В русских сказках об «Олене Золотые рога» появление этого персонажа связывается со счастливым браком героев сказок. Козел связывался с плодородием. Как указывал Дж. Фрезер, в Германии и на территории проживания полабских славян, последний «счастливый» сноп, колос, межа связывались с козлом. Козел в свою очередь имел отношение к славянскому богу богатства и урожая — Велесу. Напомним, что на Руси последний сноп оставляли «Велесу на бородку». Воздействие данных образов на психику ребенка также является архетипическим. Сами свистульки, на что указывает ряд этнографических исследований («Славянские древности») использовались магически, в первую очередь их свист предназначался для изгнания болезни от ребенка. В зависимости от недуга использовалась та или иная свистулька. В обычное время они стояли напротив окна, «не пропуская» болезнь и зло к ребенку.

Использование подобных игрушек должно контролироваться родителями и педагогами, которые, как правило, не обращают внимания на воздействие подобных игрушек на психику ребенка. При применении таких игрушек следует учитывать не только это, но и вибрационные характери-

стики звука, который подбирался отнюдь не случайно, и влияние его на психику носит скорее терапевтический характер, чем развлекательный. При неумеренном использовании ребенком подобной свистульки последствия от воздействия данного звука могут быть не предсказуемые. Это не значит, что следует бояться использования любых свистулек.

Большинство из них носило и носит чисто развлекательный характер, речь идет только о традиционных магических инструментах в виде вышеперечисленных животных, а также некоторых других игрушках, например, городецких конях и всадниках, целью которых было воспитание в ребенке определенного уровня агрессивности, т. к. символика всадника соотносилась с воином, позже с Георгием Победоносцем.

Сам уровень и характеристики звука подбирались для инициирования именно этих качеств. Происходил такой подбор не сразу, а постепенно, в течение долгих лет, когда через наблюдение и обобщение находили определенные звуковые сочетания, так или иначе действующие на психику человека. В иных случаях такие сочетания могли привести и к смерти. Вспомним известную былинку об Илье Муромце и Соловье разбойнике, где от свиста, крика и шипения, иными словами, определенного фонетического воздействия, умирали путники.

Отдельно следует указать на другую сторону символики коня в русской игрушке. С изображением коня связывался целый ряд представлений. В первую очередь с конем соотносили солнечных богов, а также представления о реинкарнации души человека после смерти. Связь представлений о возрождении души и солнца базировалась на том, что солнце часть суток проводит в Земном мире, а ночной период — в Подземном. Поэтому и душа человека, проведя какое-то время в Загробном мире, возрождалась для жизни на земле. Это представление связывалось с символикой двух коней или одного двуглавого коня. К подобной символике следует также отнести игрушку «день — ночь». Отметим, что двойного конька можно часто видеть на крыше русской традиционной избы. Это — своеобразное пожелание бессмертия хозяевам.

С символикой солнца связываются и всевозможные кони-качалки и качели. В песнях южных славян мотив весеннего качания девушки на качелях соотносился с ее сакральным браком с Солнцем, что должно ей в дальнейшем принести удачу в браке. Совместное качание на качелях юноши и девушки также рассматривалось как пожелание им счастья. Кони-качалки и изображение коней вообще должны были принести удачу и благословение Солнца ребенку.

С возрождением солнца и зарей связывался и петух. Его изображение также было пожеланием счастья и удачи, даруемых Солнцем. В свете данной символики представляет интерес изображение женщины на петухе, оно восходит к представлениям о Великой матери, дарующей людям счастье.

Вообще изображение различных птиц относилось к благим пожеланиям. Птицы связывались с Небесным миром и в силу этого могли принести ребенку божественное благословение. Отдельно следует указать на символику утки. По многочисленным текстам мифа о создании земли и неба у славян и финноугров (см. Б. Рыбаков), именно бог в образе утки добыл из первоокеана песок, из которого была сотворена земля.

Рассматривая космогонические представления славян, отраженные в народной игрушке, следует особое внимание уделить «близнечному» мифу, имеющему место во многих индоевропейских космогонических системах, таких как индийская, иранская, германская, русская. Суть мифа в том, что первыми людьми на земле были брат и сестра, а в результате их священного брака появились люди. В русской традиции данные представления связывались с Иваном и Марьей, что нашло отражение в купальских праздниках, народных песнях, а также в названии цветка *иван-да-марья*. При этом Иван связывался со стихией огня, а Марья с водной стихией. В народной игрушке характерны изображения Великой богини-матери с двумя младенцами на руках или двумя птицами. Символика подобной игрушки должна была привить ребенку мысль о нерасторжимости женского и мужского начала, о космическом равенстве мужчины и женщины.

Отдельно отметим символику медведя в народной игрушке. Медведь, по поверьям славян, являлся ипостасью великого бога Велеса. Он был хранителем земных богатств и силы, но в то же время он соотносился с Подземным миром, т. к. обитал в берлоге. В соответствующих главах этот вопрос освещен подробно. Изображение собаки связывалось с охраной, т. к. и сама собака выполняла подобную функцию. Корова олицетворяла достаток и благополучие, лев, изображение которого чаще всего встречается в украинской игрушке, связывался с силой и могуществом. Достаточно редко изображение свиньи. Дело в том, что она имела двойную символику. С одной стороны, она связывалась с благополучием, но с другой стороны — с грязью и миром смерти. В ряде народных сказок злая ведьма превращается в огромную свинью и пожирает героя.

Стоит отметить, что практически каждая народная игрушка, а за ней и фабричная, несет в себе определенную символику. Эта символика вполне конкретным образом воздействует на психику ребенка. Хорошо известно, чему есть в качестве подтверждения ряд психологических исследований, что человек различным образом психически реагирует на различные геометрические фигуры, цвета, формы и их сочетания. Иными словами, давая ребенку ту или иную игрушку, необходимо знать, соответствует ли заложенный в ней психофункциональный код возрасту и эмоциональному состоянию ребенка, а также другим его психофизическим характеристикам. Например, использование игрушки, раскрашенной в черные и красные цвета (в определенной пропорции) может нанести наиболее возбуждающим детям психологическую травму. Данный цвет традиционно использовался для обозначения мертвого и загробного мира. Еще 20–30 тыс. лет назад во всем мире могильники и захоронения принято было покрывать красной охрой, о чем свидетельствуют археологические раскопки. В некотором смысле куклы и другие предметы, имеющие подобную «кровавую» раскраску, являются архетипическими. На подобную символику указывает А. Голан в своей книге «Миф и символ». О воздействии архетипов на психику человека, прежде всего на неустойчивую детскую психику, указывал еще Г. Юнг. Характерно, что уже

в наше время японские психологи провели исследование и выяснили, что для того, чтобы человек меньше говорил по телефону, телефонную будку следует изнутри покрывать красной краской.

Кроме того, ряд геометрических символов, на что указывается в работах В.К. Шабельникова и его школы, по принципу своего воздействия на психику человека имеют ярко выраженный «половой» характер. Например, волнообразная линия является атрибутом игрушки для девочки; отметим, что традиционно подобный узор использовался исключительно в женской одежде и являлся своеобразным оберегом. Громовой знак «шестилепестковый цветок» — чисто мужская атрибутика, на что также указывают данные этнологии. Использование игрушек с чуждой половой символикой может привести к нарушению психического равновесия ребенка.

В данном коротком обзоре мы не ставили своей задачей полностью осветить существующую проблему, для этого потребуется провести достаточно большое исследование. Для нас было важно поднять данный вопрос, т. к. если не учитывать данные психологии, этнологии, воздействие на психику различных символов и цвета, то в некоторых случаях можно нанести непоправимый вред здоровью ребенка. Учитывая массовый характер производства игрушек в наши дни, подобная проблема становится весьма актуальной. Мы специально не рассматриваем игрушки с заведомо агрессивным и уродливым содержанием и символикой. Подобной тематике посвящено несколько современных исследований.

ЧАСТЬ 6

ЗООМОРФНАЯ
И РАСТИТЕЛЬНАЯ
СИМВОЛОГИЯ В КУЛЬТУРНОЙ
ТРАДИЦИИ

Зооморфная и растительная символика очень важна для понимания сути мифологии и всей культурной традиции. В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ колоссального количества источников и литературы. В результате выявлены базовые функции ряда образов, фигурирующих в фольклоре разных народов мира.

К сожалению, обилие использованной информации не позволяет автору сопроводить текст ссылками на ее источники, поскольку это значительно перегрузило бы содержание данной части работы и затруднило восприятие. Основные из изученных работ представлены в библиографии.

ГЛАВА 1

СИМВОЛИКА ГАДОВ И РЫБ

В современном мире достаточно часто используется символика, носящая зооморфный характер. Ее можно встретить в геральдике (гербах и эмблемах), литературе, искусстве и т. д. Изучение этой символики представляется весьма актуальной задачей при изучении фольклора, в частности, мифов и сказок. Такое изучение позволяет понять глубинное значение многих мифов и изображений. Это так же важно для адекватного понимания культурно-исторического процесса, сохранения его преемственности, сбережения культурно-исторического наследия.

Рассмотрим зооморфную и фитоморфную символика, наиболее часто встречающуюся в сказках и мифах, выявляя как универсальные представления о том или ином символе, так и отличительные особенности национальных традиций, в первую очередь русской, в контексте ее индоевропейского происхождения.

Змей (змея)

Одним из наиболее часто используемых и в современной жизни символов является змея (змей). Он фигурирует, например, в гербе Москвы в качестве противника Георгия Победоносца, выступая олицетворением дьявола. В совершенно ином контексте предстает тот же образ в медицинской (аптечной) эмблеме, который в данном случае символизирует врачебное искусство. Разрешение этого кажущегося противоречия лежит в плоскости сопоставления смысловых значений символа змеи, которыми он изобилует с древнейших времен.

В частности, этот образ выполнял немаловажную функциональную нагрузку в космогонии древних народов

мира. Например, он изображал изначальное пространство (океан), из которого все возникает и куда все возвращается. У ацтеков змеедракон Сипатли, обитавший в первоначальном океане, был разорван на части богами Кецалькоатлем и Тескатлипокой, обратившимися в двух змеев. Голова Сипатли превратилась в тринадцать небес, туловище стало землей, а хвост расчленился на девять преисподних. Само имя Кецалькоатля переводится как «Птица-змея», «Змея с драгоценными перьями». У индийского Вишну имелось бесконечное пространство Ананту, символизированное змеем Шеша, на котором бог спал во время Пралайи (вселенского небытия).

Кроме того, в архаических космогонических мифах Змея осуществляет разъединение и соединение неба и земли. Например, согласно преданиям боливийских индейцев, когда небо упало на землю, Змей, обвинившись вокруг них, разъединил и поддерживает это положение до сих пор. Аналогичным образом поступила и китайская змеетелая богиня Нюй-ва. Отметим, что выраженная в данном сюжете идея повторяема в разных традициях.

Не менее важно то, что Змей был связан с Мировым яйцом (египетский Неф, например). Он (или она) выполнял сторожевую функцию: обвивая некий первоначальный холм, охранял тайну жизни и рождения, цикличность явлений, скрытую силу. Иезиды присвоили Змее статус самой могущественной в мире силы, являющейся носителем как добра, так и зла. Помогая миру обновляться и возрождаться, Змея таила одновременно угрозу разрушения: тот же индийский Шеша периодически уничтожал вселенную, вызывая своей зевотой землетрясения и изрыгая ядовитый огонь так же, как и мировой Змей древних германцев в конце мира — Рагнарека. И сын Одина Тор, победив этого Змея, все же умер от ядовитых укусов. Бог солнца Ра каждую ночь сражался со змеем Апопом (мраком и злом). Пояс или браслет в виде змеи (Уроборос в Греции) издревле символизирует вечный круговорот веков, преемственность, череду циклов распада и воссоединения, а волнообразно движущаяся змея практически во всех культурах соотносилась со временем и непрерывным движением.

Однако постепенно идея участия змея в обновлении мира утрачивается, место ее занимает образ Змееборца (Индра, Гор, Ра, Аполлон, Зевс, святой Георгий и др.), и Змея становится врагом человека. В японской мифологии богом бури Сусаноо побеждена змея Ямата-но-Ороти, в хеттской — бог Грозы сразил змея Иллуянку. В мифологии Древней Греции бог света Аполлон, как известно, убил рожденного Геей чудовищного змея Пифона. И, конечно, говоря об античной традиции, не обойтись без упоминания о греческом Тифоне с сотней змеиных голов (способных лаять, шипеть, рычать), который в браке с полудевой-полузмеей Ехидной произвел на свет опустошительницу Химеру, ларнейскую Гидру — под стать сестре, к тому же расхитительницу скота, и др. Он был низвергнут под землю в наказание за бунт против Зевса, и там, связанный, т. е. обездвиженный, изрыгает в бессильной ярости пламя, сотрясая почву. Схожий смысл борьбы со злом имеют сюжеты, в которых рядом со змеей присутствуют другие существа, символизирующие солнечное начало: орел со змеей в когтях (герб Мексики); олень, попирающий ее копытами (у хеттов).

Определив для змеи место во вражеском стане, человек дополнил ее символический портрет чертами коварства и хитрости, непосредственной причастностью к облику дьявола-искусителя. Выражения о змеином сердце двурушников и змеином жале лицемеров показывают это не менее убедительно, чем библейская сцена в раю. Да и в архаичных текстах заговоров от змей и их укусов содержатся явные намеки на битву Змееборца.

В родовом обществе (матриархальном и патриархальном) Змей соотносился с землей и плодородием — важнейшими условиями обеспечения жизни. Этим объяснялось соответствующее отношение к его символическому образу. Формирование государственности сопровождалось борьбой новых структур с традиционными, которая и получила отражение в изменении семантики змеи-символа и рождении идеи змееборства. Таким образом, налицо социально-исторические причины произошедших смысловых преобразований.

Лягушка

Символические значения лягушки определяются прежде всего ее связью с водой, в частности, с дождем. В космогонической системе лягушка вместе с другими хтоническими животными относится к нижнему миру, прежде всего к подземным водам. Великая лягушка, на которой держится вселенная, олицетворяет темную и недифференцированную первоматерию, лунные фазы, воду и дождь.

В различных мифопоэтических системах имеются и положительные, и отрицательные функции лягушки. Положительные: связь с плодородием, производительной силой, возрождением, плодовитостью, эротизмом. Лягушка, поднимающаяся из воды, символизирует обновление жизни и воскресение. Иногда лягушка выступает как помощница человека: она указывает путь герою, переносит его через реку, дает полезный совет и т. п. Отрицательные функции: связь с хтоническим миром, источник болезни, мора, смерти, колдовства, осуществляемого с помощью лягушки, и т. п.

В фольклоре разных народов лягушка нередко является объектом насмешки или аллюзии. Например, мотив неартикулированности звуков, издаваемых лягушкой, в русских загадках: «Выпуча глаза сидит, по-французски говорит», «Сидит Матрена на мокрена, не говорит — еще терпима, а как речь начнет, все досада возьмет». Лягушка может символизировать ложную мудрость как разрушительница знания. Лягушка в колодце олицетворяет человека с ограниченным кругом видения и понимания. Лягушки были забавными символами глупых желаний. Рассмотрим символику функций лягушки в различных культурах.

Функциональная связь лягушки с небом, грозой, дождем и богом громовником. Лягушка часто имеет небесное происхождение. В ряде случаев их можно рассматривать как превращенных детей (или жену) громовержца, изгнанных на землю, в воду, в Нижний мир. О связи с дождем говорит русская примета: «До (первой) грозы лягушка не квакает», как и повсеместные представления о кваканье лягушек к дождю, об их появлении вместе с дождем и т. п. В гимне лягушкам (Ригведа, VII, 103) говорится, что лягушки по-

являются в сезон дождей и подают голос, пробужденный к жизни богом грозы Парджаньей, при этом лягушки обращаются к своим сородичам, «как сын к отцу» (т. е. к Парджанье). Некоторые исследователи полагают, что гимн лягушке представляет собой словесную часть ритуала вызывания дождя с ее помощью, известного и в современной Индии. В этом случае получает объяснение и сравнение лягушки с брахманами, участвующим в ритуале, и с коровами как зооморфными образами плодородия и изобилия. В греко-римской традиции связь лягушки с богом неба косвенно засвидетельствована в басне Эзопа о лягушках, выпрашивающих у громовержца царя для себя.

Лягушка как предок людей, оборотничество лягушки. У русских и иных европейских народов существуют сюжеты типа сказки братьев Grimm о лягушке, которая превратилась в принцессу, или русской сказки «Царевна-лягушка». Известны и другие варианты. Например, проглоченная лягушка — как причина беременности.

Символика в христианстве. В христианстве значение лягушки амбивалентно: она символизирует и воскресение, и отвратительный аспект греха, зло, еретиков, ненасытное наслаждение мирскими удовольствиями, зависть, жадность. В Откровении (16:13) лягушка определена как нечистый дух и иногда ассоциируется с ересью.

Можем сделать вывод, что лягушка выступает иногда как изгнанная с неба жена или дочь Громовержца, поэтому символизирует плодородие, связь с грозой и дождем.

Щука

В сказках и ином, в первую очередь русском фольклоре часто фигурирует символ щуки. Рассмотрим ее символику.

Отношение щуки к Нижнему миру и миру мертвых. В русской традиции оберегом от вихрей служили челюсти щуки. Поскольку место жительства ветров чаще всего мыслилось в Нижнем мире, то по принципу отвращающей магии сама щука должна быть одним из его символов.

В одной из русских сказок Ивана проглатывает щука — рыба, которая сама его и изрыгает. В данном случае рыба

выступает как некий эквивалент Нижнего мира, царства мертвых (для того чтобы воскреснуть к новой жизни, нужно побывать в нем).

В сказках о смерти Кощея щука достает яйцо с его смертью с самого дна Моря-Окияна. У финнов и карел в «Калевале» описывается страна смерти Манала или Туонела. Страну окружают ущелья и черная река смерти, где плавают черный лебедь, громадная щука, змея. Туда доставляют души в лодке.

Щука — священное существо, подательница блага. Наиболее характерным примером такого представления является сказка про Емелю, которому щука подарила исполнение желаний «по щучьему велению, по моему хотению».

Космогонический характер щуки прослеживается в народной песне:

Шла щука из Новгорода,
Она хвост волокля из Бела озера.
Как на щуке чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченная,
Как у щуки спина жемчугом сплетена,
Как головка у щуки унизанная,
А на месте глаз — дорогой алмаз¹²⁹.

В космогонической русской сказке об Иване Быковиче именно в щуку для испытания Ивана превращается волшебная дева — царица Золотые Кудри.

Можем сделать вывод, что щука символизирует благое божество — Царицу рыб из Нижнего мира и Мира мертвых, но она же является и его охранником.

¹²⁹ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 кн. М.: Советская Россия, 1983.

СИМВОЛИКА НАСЕКОМЫХ

Пчела

Отражения образа пчелы в мифологических представлениях известны уже в эпоху неолита (изображения в Чатал-Хююке Южной Турции) и, видимо, связаны с развитием примитивного пчеловодства, прежде всего в ареале Малой Азии, Кавказа, Ближнего Востока, Египта. Пчела — символ усердия, трудолюбия и бдительности, поскольку древние верили, что она никогда не спит. Трудолюбие пчел вошло в поговорку у многих народов со времен фараонов до наших дней. Во многих культурных традициях пчела считалась божественной вестницей весны, предсказательницей будущего и символом плодородия. Пчелиная матка символизировала верховную власть и Мать-богиню.

Пчела — необыкновенно многогранный символ. Она олицетворяет мудрость, плодородие, трудолюбие, экономность, порядок, чистоту и целомудрие.

В ряде традиций пчела служила символом неба и звезд, а также принимала участие в сотворении мира, выступая на стороне бога против злого духа. Предполагалось, что пчелы партеногеничны и, таким образом, означали девственность и целомудрие. Их сущность — небесная, а мед — приношение высшим божествам. Часто пчелы являются посланниками, приносящими вести миру. Выгравированные на гробницах, они означают бессмертие.

Космогонические функции пчелы. Свидетельство о связи пчелы с образом Мирового дерева сохранилось в русской обрядовой традиции: «Вырастало деревце да кипарисовое. Как в этом деревце да три угодыца: по вер-

шине дерева да соловей песни поет, посередь-то дерева да пчелы яры гнезда вьют». Согласно скандинавскому мифу, живительным священным медом пропитано древо Иггдрасиль. Пчелы участвует в космогонических мифах и преданиях, выступая на стороне бога и против злого духа. В богомильской бинарной легенде сочетаются мотивы пчелы — стрелы, свадьбы солнца на фоне поединка бога и дьявола. В одной румынской космогонической легенде пчелу частично поражает Сатана. Поэтому у пчел на теле есть тонкий разрез. Но чаще именно пчела жалит противника бога.

Мотив связи пчелы и Великой матери. Вплоть до эллинистической эпохи в Малой Азии жрецов Кибелы называли «пчелами». С пчелой связана Артемида Эфесская. Сама Артемида рассматривалась как образ священной Пчелы, ее культовым животным считалась пчела, жрицы святилища назывались пчелами («медуницы»), жрецы-евнухи — трутнями. Пчелами назывались жрицы Деметры, Персефоны. В богатом медом Эпидамне особенно почитали родоначальницу пчел нимфу Мелиссу. У адыгов имя древнего божества Пчелы неизвестно, но покровительницей пчел считается Мерем, у абхазов — Анана-Гунда, у осетин — Анигал. Покровителем пчел является и мужской персонаж, типологически продолжающий образ бога, мужа женского персонажа: Джарг у сванов, Джеге у мегрелов.

Пчела стала эмблемой Девы Марии. Этими древними представлениями можно объяснить некоторые выражения, сохранившиеся до нашего времени: украинцы называли пчелу «святой», немцы давали ей названия «божья птица» и «птица Марии». Согласно св. Бригитте, Дева Мария говорила: «Я воистину была ульем, когда самая священная пчела — сын божий поселилась в моем чреве».

Эротическая символика пчелы. У древних славян пчела стала символом любви, как соединяющая в себе «сладость меда и горечь жала». Поскольку пчелы запасают мед, они символизируют экономию и бережливость. Убить пчелу издавна считалось святотатством. Влетевшая в дом пчела считалась предвестницей удачи или прихода незнакомца. В русском фольклоре существует большое коли-

чество сказок, где пчела помогает герою опознать свою любимую из множества совершенно одинаковых девушек, сев ей на щеку. Этим она способствует воссоединению влюбленных.

Как эмблема Деметры, Кибелы и Дианы пчела была лунной и девственной. Греки были убеждены, что пчелы от рождения обречены на сексуальную невинность. Отсюда возникло поверье, что если девушка пройдет вблизи роящихся пчел и не понесет никакого ущерба, то она невинна, хотя бы даже если рядом с ней находился мужчина, с которым она провела ночь...

Севшая на руку пчела знаменовала деньги, а посидевшая на голове предвещала достижение больших жизненных высот. В некоторых районах Англии пчелы, не приносящие меда или приносящие его мало, были дурной приметой, которая грозила войной. Если пчелы устраивали улей на крыше дома, это предвещало, что дочери хозяина не выйдут замуж.

Валлийская традиция считает, что пчелы ведут свое происхождение из райского сада. Пока жили вместе с Адамом и Евой, они были белыми и потемнели только после их грехопадения, иными словами, разделили грехопадение. С тех пор им дарована привилегия доставлять воск для алтарных свечей и своим жужжанием поклоняться Богу. Согласно преданию, в канун Рождества пчелы поют в своих ульях 99-й псалом во славу родившегося Христа.

Функция «открытия весны». О роли пчелы, как силы, которая может вернуть жизнь на землю, известно и из русских заговоров. Приведем один из них: «Ты пчелынька, пчела ярая! Ты вылети с заморья, ты вынеси ключики, отомкни летичко, летичко теплое, лето хлебородное! Жаворонки, перепелушки, птички-ласточки! Прилетите к нам! Весну ясную, весну красную принесите нам! На жердочке, на бороздочке, и с сохой, и с бороной, и с кобылой вороной, с пряльцем, с донцем, с кривым веретенцем! Зима нам надоела, хлеб и сено поела, ручки-ножки познобила, скотинушку поморила!» (Оренбургская губ.).

В русской традиции устойчив мотив появления пчел на Руси из заморской стороны. Бог посылает Зосиму и Савватия принести «божью работницу» или Свиридина и

Свиридину, т. е. самца и самку пчел на Русь из земли Египетской: из горы, из пещеры в стране идольской или, наоборот, райской. В свою очередь архангел Гавриил поднимает всю «пчелиную силу» и велит ей лететь на Русь. Согласно заговорам, переносу пчел на Русь покровительствуют Спас и Богородица, находящиеся на камне Алатырь. Это подкрепляется наличием на Руси пчелиного праздника — 17 апреля, дня Зосимы, чей образ представляет собой одно из переживаний языческой эпохи с ее культом пчелиного бога, подлинное имя которого было утрачено. Зосимую назывался улей с иконой Зосимы и Савватия, соловецких угодников. В качестве литовского эквивалента Зосимы выступает Бубилас. Иными словами, мы имеем дело с отголосками мифа о пробуждении природы и связанной с ним пчелы.

Вариант мотива о возрождении природы пчелой представлен в сказке о Козе лупленой, которая забралась в избу, выжив из нее зайца, и никого туда не пускала, пока ее не ужалила Пчела. Отметим, что коза воплощает плодородие, следовательно, сюжет русской сказки близок к тексту древнехеттского мифа о Телепинусе — боге плодородия. В хеттском мифе Телепинус исчезает, и погибают растения, животные, люди и боги, все застилает облако (пчелиного) роя. Мать богов посылает на поиски Телепинуса Пчелу, которая находит и жалит его. Бог приходит в неистовство. Его гнев умеряет особыми обрядами богиня Камрусеп (буквально *дух пчелиного роя*, соответствует хатти Каттахци-Фури, *царица-богиня*). Когда гнев Телепинуса стихает, облако (пчелиного) роя исчезает.

По-видимому, слова, родственные имени хеттского божества, сохранились в русском слове («телепень», «телепаться» и т. п.) и описывают, в частности, беспорядочное, хаотическое движение, характерное для пчел внутри роя. В этом случае получает объяснение непосредственное предшествование пчелиного праздника первому весеннему празднику плодородия — Егорьев день, праздник Ярилы.

Пчела как символ идеальной социальной структуры. У славян влияние культа пчелы на социальное устройство хорошо просматривается в некоторых фольклорных ис-

точниках. Так, по устному сообщению А. Рыбина (запись сделана А. Наговицыным в 2002 г.) в целом ряде мест Нижегородской области сохранилось представление о мире, связанное с пчелой: «...есть пчельник небесный, и есть пчельник земной, а Бог это водитель пчел». По его же сообщению, гудение (вибрация) небесного пчельника образовала земной пчельник. Прародительница людей Великая мать Лада от вибраций Небесного пчельника породила людей. Мать-земля в свою очередь своими вибрациями порождает земной мир. Сообщество людей — тоже пчельник, имеющий свою вибрацию, связанную с продолжением как жизни сообщества, так и отдельного человека. С вибрациями связан и уход человека из мира — смерть, имеющая название *часование*.

С пчелой связана широчайшая сфера табуирования — от табуированных названий, число которых иногда очень значительно, включая особые запреты, например, на покупку пчел в пятницу или даже вообще на покупку. Их приручают, пчелами делятся или владеют сообща. У белорусов *сябрына* — своеобразная форма духовного родства на почве совместного владения пчелиным роем и до особой «магической» технологии пчеловодства, сохраняемой иногда в самой глубокой тайне.

Пчела символизировала королевскую власть или монархическую систему на древнем Среднем Востоке, в Древней Греции и Древнем Египте. Идеальное устройство общества в его монархическом варианте нередко соотносили с пчелиным ульем. В древности было принято считать пчел королями насекомых, как и львов — королями зверей, орлов — птиц, а дуб и кедр — деревьев. Основатель Спарты Ликург взял за образец разрабатываемой им системы государственного устройства идеальный порядок, присущий пчелиному улью. Жезл с ульем наверху — эмблема Меллонии и Нантосельты (в римской и германской мифологиях). Порфирий приравнивает ее к справедливости и трезвости, а Сенека — к монархии.

Греки полагали, что пчелы построили в Дельфах два храма. Некоторые авторы древности — такие как Люциус Колумелла и Аэлианус Тацит (I–II вв.) — утверждали, что пчелы располагают даром узнавания людей нечестных,

подлых, считают их врагами и жалят без всякого сострадания. В Греции пчелы — символ труда и послушания.

У христиан пчелы — это прилежание, стремление к порядку и продуманный порядок, чистота, бережливость, осторожность, благоразумие, взаимопомощь, упорядоченное и благочестивое сообщество, которое производит отпрысков своих, наслаждается будущим поколением и все же сохраняет свою непорочность, трудолюбие, деятельность, прилежание, религиозное красноречие. Св. Амвросий сравнивал церковь с ульем, а христианина — с пчелой, которая неустанно трудится и остается преданной своему улью. Улей, таким образом, является символом сплоченной религиозной общины и означает упорядоченное и благочестивое сообщество. Пчела, которая, как считается, никогда не спит, символизирует у христиан рвение и бдительность. Пчела — эмблема св. Амвросия и Бернарда Клервосского.

Пчела как символ души. Народные верования Европы и Руси усматривали тесную связь между пчелами и смертью. Когда-то считалось, что души на короткое время после смерти пребывают в облике пчел. Увидевший во сне пчелу должен вскоре умереть. Но если пчела залетит мертвому в рот, он снова оживет. В гадании по снам пчела — результативная работа, мертвая же пчела — к потере денег, к хлопотам. В европейских странах и на Руси считалось, что если пчелы покидали улей, это означало, что хозяин улья скоро умрет. Кроме того, полагали правильным «сообщить пчелам» о смерти какого-либо члена семьи, чтобы они не улетели. В некоторых частях Англии существовала традиция поворачивать улья в противоположную сторону, когда из дома выносили покойника.

В финно-карельском эпосе «Калевала» мать Лемминкайнена использовала волшебный мед для оживления своего сына, и в этом ей помогала пчела. В митраизме пчела — это душа, жизненный принцип, возникающий от быка, поскольку он связан с пчелой, живущей на костях буйволов и быков. На его алтарях изображены лоб быка и 300 золотых пчел. В греческой, арийской, ближневосточной, исламской традициях пчелы были аллегорией души. Пчела и мед тесно связаны с потусторонним миром, культом мертвых, похоронными обрядами. В то же время

изображенные на гробницах пчелы означали бессмертие и воскрешение, возможно, потому, что зимняя спячка пчел истолковывалась как их временная смерть. Верили также, что пчелы рождаются из тел павших и гниющих львов (связь с Солнцем) или из туш рогатого скота (связь с быком — Месяцем). Мотив пчел в трупе льва виден в библейском сюжете о Самсоне и его загадке.

У древних греков пчелы были эмблемой смерти, воскрешения из мертвых и бессмертия. Они относились к Персефоне — царице Загробного мира, возрождающейся весной на земле. В Греции форма улья часто использовалась для погребений; предполагалось, что это связано с мотивом бессмертия. Кроме того, считалось, что души умерших могут переселяться в пчел. Мед посвящался хтонической богине Гекате, а медовые лепешки богине-матери — Матери-земле. Дикий мед в Золотом веке считался амброзией, пищей богов. Существовали обычаи приглашать пчел на похороны, драпировать улей трауром и употреблять мед для ритуальных возлияний на могилах.

Существовал обычай обмазывать тело умершего медом, например, Геродотом описан вавилонский обычай хоронить в меде мертвых; близкий обычай, вероятно, стоит за мифом о Главке, утонувшем в бочке с медом. Пчела с кадуцеем олицетворяет Меркурия, пастуха душ, где пчелы и есть эти души. Согласно Вергилию, пчела — это дыхание жизни. Согласно Порфирию, все пчелы были душами умерших нимф (жриц), прислуживавших богине Афродите, особенно служительниц храма в Эриксе, в котором находился один из символов Богини — Золотые соты.

В орфическом учении пчелы считались воплощением души, потому, что они перемещаются роем, подобно душам, которые, как полагали орфики, «роем» отделяются от божественного Единого. Для неоплатоников пчела была символом чистой души, способной вознести человека после его смерти в высшие сферы. По фольклору Греции нового времени, душа человека после его смерти улетает в ипостаси пчелы, чтобы когда-нибудь собирать мед с цветов на собственной могиле.

Как символ реинкарнации, пчела является атрибутом индуистской религии. «Пчелиным путем» представляется в

описании германцев воздух, заполненный душами мертвых. У христиан летающая в воздухе пчела — это душа, вступающая в Царство небесное. Символ бессмертия, возрождения, трудолюбия, порядка, чистоты души. Христиане часто сравнивают себя с пчелами, а церковь — с ульем. Пчела, изображенная на могильном камне (уже в христианских катакомбах), — символ воскрешения, второго пришествия Христа. На зимнее время пчелы засыпали, как бы погибая, чтобы весной проснуться.

Связь пчелы с богом-громовержцем. В древнерусских песнях и заговорах с пчелой связаны Егорий и Илья, которые так или иначе являются трансформациями образа громовержца, а также огонь и вода, стихии-орудия громовержца. У румын имеются представления о том, что пожар, возникший от молнии Ильи, можно потушить только водой, смешанной с медом, или самим медом, освященным в Ильин день. Зевс Критский родился в пчелином дупле и был вскормлен пчелами. Они также являются его атрибутом. В басне «Федра» рассказывается о пчелиных сотах на высоком дубу. В гимне Каллимаха к Артемиде, связанной с пчелой, говорится о выстреле в улей и затем в дуб. Выстрел или громкий звук связывается с обузданием дикого роя пчел.

Пчела и мед — символ красноречия и поэзии. Пчела часто выступает как символ вдохновенного, «медоточивого» оратора, говорильщика, говоруна. О многих проповедниках и ораторах рассказывалось, что во времена их младенчества, еще в колыбели, рой пчел усаживался им на губы, предсказывая судьбу. Поэтому Платона позже называли «Афинской пчелой». То же самое говорилось о Ксенофоне, Софокле, Пиндаре. В древнегреческой и римской традиции поэты нередко сравнивают себя с пчелой.

Мед и медовые напитки — нектар, амброзия, составляют пищу бессмертных богов Олимпа, ими вскормлены Дионис и Гермес, связанные с красноречием. В Древней Греции пифийская прорицательница в Дельфах была Дельфийской пчелой. Служители в Элевсине назывались также пчелами. Пчелы являлись хранительницами красноречия и пения, птицами Муз.

В древнескандинавской «Младшей Эдде» рассказывается, что поэзию даровал людям Один. Он выкрал священный

мед поэзии, хранящийся в скале у великанов, и отдал его богам и «тем, кто умеет слагать стихи». У кельтов пчелы переносили тайную мудрость, идущую от другого мира. В христианстве о святых, прославившихся своими речами, таких как св. Иоанн Златоуст, говорится, что их слова были сладкими, как мед, а св. Амвросия так и изображают с ульем в руках. Акридами и диким медом питался в пустыне Иоанн Предтеча, проповедовавший пришествие Спасителя.

Можем сделать вывод, что пчела — символ великой богини-Матери, покровительствующей плодородию и браку, отвечающей за идеальное устройство мира по образу Небесного Пчельника и перерождение души. Она же через волшебный мед дарует вдохновение, прорицание и поэтический дар.

Муравей

Муравей — частый герой сказочного фольклора, где он выступает наравне с пчелой помощником героя. Однако представляет интерес то, что он все чаще выступает основным героем авторской сказки.

Остановимся на основных функциях муравья в различных традициях.

Муравей как символ трудолюбия. В древнегреческих мифах первые жители о. Эгина назывались Мирмидонес (муравьи), потому что они обрабатывали землю с муравьиным терпением, усердием и прилежанием. У римлян муравей выступает как атрибут Цереры, как работник. В христианстве при своей малой величине это насекомое — символ с большим значением. Раннехристианский текст «Физиологус» приводит изречение Соломона «Иди к муравью, о ленивец, и будь мудр!» и превращает муравья, как и пчелу, в символ прилежания.

Муравей как символ Мира мертвых и Нижнего мира. Арабский автор аль Масуди (ум. 956 г.) описывает славянского идола Чернобога в виде старца с кочергой, которой тот ворошил кости могил. Под правой ногой его помещены изображения муравьев, под левой — воронов и других черных птиц. Атрибуты мертвеца в качестве источника, по-

рождающего муравьев, фигурируют в магическом способе насылания порчи у поляков (волосы с бороды покойника, добытые из могилы, и каменную крошку с надгробия бросают на очаг, чтобы расплодились муравьи). Известны славянам и представления о муравье как облик души.

Нередко плохим предзнаменованием считалось появление в доме черных муравьев, которые предвещали смерть.

Как хтонических существ, близких к ведьмам, их используют для распознавания. В Белоруссии в Юрьев день рассыпают муравьиные кучи по улице. Считается, что ведьма пойдет в обход такой улицы, и таким образом можно будет ее определить.

На Украине дорогу обливают отваром муравейника, и когда выгонят стадо, и чья-то корова не пойдет по дороге, а встанет, заревет и начнет лизать облитое место, — так станет известно, кто в селе ведьма.

Муравей как символ множественности и изобилия. У русских рыжий муравей в доме — к счастью и богатству, у македонцев — к богатству. В польских колядках хозяевам желают столько овец и телушек, сколько в лесу муравьев. В Болгарии кладут снятую с себя мартеницу под камень и потом проверяют, что под ним: если муравей, то народится много ягнят. Сербы кладут в муравейник голову печеного рождественского животного, кости зажаренных в Юрьев день ягнят и т. п., чтобы скота расплодилось столько, сколько муравьев. Белорусские рыбаки ради обильного улова рыбы окуривают сеть муравейником (множеством муравьев) при первом выезде на рыбную ловлю, вырезают удочку из дерева, растущего в муравейнике. У поляков на основе признака множественности с муравьями символически соотносятся опилки: если плотник, строящий дом, подсыплет туда опилок, в доме разведутся муравьи.

В девичьих гаданиях муравьи символизируют множество сватов. В Сараеве девушка накануне Юрьева дня бросает горсти муравьев из муравейника на свой дом со словами: «Муравейник на дом, а сваты в дом!». В народной медицине с помощью муравьев лечатся от ревматизма, от ударов и ломоты в костях, от лихорадки и бешенства. На Украине и в Белоруссии лечатся муравьиным маслом. Считается,

что муравьи «бьют масло» на Ивана Купалу или в ночь на 1 августа, когда оно выходит на поверхность муравейника в виде комка, а с восходом солнца тает. Этим маслом мажут волосы, чтобы они лучше росли, натирают больные руки и ноги, лечат другие недуги и даже верят, что оно приносит счастье. Разрушение муравейника во многих традициях символизирует несчастье.

Связь муравья с дождем и влагой. В обрядах вызывания дождя копошащиеся муравьи символизируют его капли. В Полесье и в Сербии во время засухи разгребают муравейник палкой, произнося заклинания: «Як этые мурашки плувуць, так и дощ пусьць плыве», «Сколько муравьев, столько и капель». Символика капель проявляется у муравьев и в русском толковании сна: много муравьев — к слезам.

Можем сделать вывод, что муравей символизирует идеальную социальную организацию Мира мертвых.

СИМВОЛИКА ДИКИХ ЖИВОТНЫХ

Лев

Лев — царь зверей, один из самых часто встречающихся на протяжении тысяч лет символов храбрости, мужества, быстроты, стойкости, благородства, силы и величия. В качестве солярного символа лев олицетворяет жар, блеск и силу полуденного Солнца, принцип огня, великолепие, справедливость, закон, военную мощь. Лев — это королевский знак, он символизирует красоту и совершенство. Рассмотрим основные функции символики льва.

Лев как символ царя и правителя. У славянского племени лютичей лев был символом бога войны Радогоста, который почитался как третье воплощение Дажьбога. Главный храм лютичей, Ретры, был украшен многочисленными изображениями львов. В индуизме лев символизирует четвертого аватара Вишну, который иногда изображается получеловеком-полульвом. У хеттов и хаттов роль льва как символа мощи божественного героя или царя отражается в обозначении этих понятий одним словом. В христианстве символика льва означает силу и мощь Христа, его царственное начало как царя Иудейского. Лев с крыльями — эмблема св. Марка, т. к. его Евангелие подчеркивает царственную природу и величие Христа. Он является также эмблемой св. Адриана, Евфимии, Иеронима, Марии Египетской, Павла Отшельника, Приски, Феклы. Св. Иеронима также тесно связывают со львом. Говорят, что этот святой удалил из лапы льва занозу, которая причиняла ему боль, после чего лев стал его преданным другом. По преданию, львы скребли своими когтями землю, вырывая могилу отшельникам пустыни — Антонию Великому, Павлу Отшельнику, Онуфрию и Марии Египетской. В катакомбных изображениях история о Данииле в логове львов символизирует спасение Господом его подданных.

Львица как символ материнства. Особой семантикой обладает образ львицы: она — и символ материнства, и атрибут многих богинь-матерей, и воплощение сладострастия. Олицетворяя лунный принцип, львица сопровождает Великую мать, либо впряжена в ее колесницу. Символизируя материнский инстинкт, львица часто изображается с девственными богинями войны. Богини Крита, Микен, Фригии, Фракии, Сирии, Ликии и Спарты имели на своем гербе львицу. Она появляется в изображениях рядом с крылатой Артемидой, Кибелой, Фортуной и Горгонами, а в Индии и Тибете — как атрибут Тары и символ земли и материнства.

Можем сделать вывод, что лев — это символ, передающий свои качества идеальному земному царю, олицетворяющему храбрость, мужество, стойкость, благородство, силу и величие.

Медведь

В фольклоре медведь выступает как божество, умирающее и возрождающееся, как культурный герой, основатель традиции, предок, тотем, дух-охранитель, дух-целитель, хозяин Нижнего мира, священное и жертвенное животное, зооморфный классификатор, элемент астрального кода, воплощение души, даритель, звериный двойник человека, помощник шамана, представляющий его зооморфную ипостась и душу, оборотень. Символическое значение медведя соотносится с силой, смелостью, стойкостью, выносливостью, но также с жестокостью, яростью, ленью. Имея такое разнообразие функций и значений, порой трудно разобраться в символике медведя, встречающейся в фольклоре, в частности, в сказке.

Рассмотрим его основные функции.

Функция медведя как первопредка. Тему родства (хозяина леса) отражают табуистические русские названия Медведя — *отец, дед, старик, дядя, отчим, мать, бабушка, старуха, лесовой человек, зверь, хозяин (леса, гор), владыка, князь зверей* и т. п. Известны и другие принципы табуирования названий Медведя: рус. *медведь*, т. е. *едящий мед*; нем. *Wag*; англ. *bear*, т. е. *бурый*; лат. *ursus*; др.-инд. *rksa* означает *всклокоченность, косматость*.

Языковой табуированности названий Медведя соответствуют и многочисленные запреты, связанные с поведением человека (особенно охотника) в отношении медведя. Жители Аркадии считали себя потомками внука медведицы. Тему подобия или тождества этого зверя и человека реализует ритуал медвежьей охоты, составляющий ядро культа Медведя. Целый ряд его изображений в пещерах Франции, находки большого скопления медвежьих костей в пещерах ФРГ и Швейцарии, собранных в определенном порядке, что имеет аналогии в современных медвежьих ритуалах; петроглифы Скандинавии, Урала, Восточной Сибири делают несомненными архаичность мифопоэтических представлений о медведе и связанных с ним культов.

Известны случаи «медвежьих» имен людей: валлийский царь буквально в переводе *сын Медведя*, индеец племени кроу, имя которого в переводе означает «много медведей», фамилии типа *Медведев*. В традиционном мировоззрении коми-зырян и коми-пермят видное место занимают легенды и былички о колдунах, обладающих способностью превращаться в Оша-медведя.

Символика священного брака женщины с медведем. В России медведь играл важную роль в свадебном обряде. На его шкуру сажали молодых или стелили им медвежью полость. До 30-х годов XX в. в Поволжье поводыри медведя часто проводили следующий ритуал. Женщина, которая не могла забеременеть, пролезала между задних лап ручного медведя, имитируя с ним половую связь. Кроме того, на Руси бытовало несколько сотен различных легенд, сказок, быличек о браке или половой связи женщины и медведя. Например, в сказке «Ивашка — Медвежье ушко» плодом такой связи является великий богатырь. О таком браке подспудно говорится в таких известных сказках, как «Три медведя» или «Машенька и медведь». Известно по уголовным делам 20–30-х годов прошлого века, что как хозяину леса для защиты скота в некоторых деревнях медведю привязывали в лесу «невесту».

У народов коми популярен сюжет о похищении медведем — Ошем, женщин, которых он держит у себя в берлоге, кормит и заботится о них, а потом отпускает, или же они убегают сами. Считалось, что нередко Ош

жил с похищенной женщиной как с женой, в результате чего у них появлялось потомство. По одной из версий коми-пермят, фольклорный герой Кудым-Ош родился в результате сожительства его матери Пцвсин с Ошем. По коми-зырянской мифологии, медведь произошел от человека по имени Михаил, который пошел в лес, встал на четвереньки и стал так ходить по деревянной колоде. Пришел леший и превратил его в медведя. Этот медведь похитил женщину, стал с ней жить в берлоге, и от них пошел весь медвежий род.

Медведь как колдовской шаманский атрибут. У славянских народов медвежьи маски и костюмы соотносятся с обширным кругом ритуалов, связанных с ряженьем человека под медведя. Например, русская обрядовая традиция ряженья медведем, действия с гороховым медведем у поляков и чехов и др.

У коми-зырян, как и у многих других народов, существовали представления о сакральности частей медведя. При этом его клыки и когти, как магический символ, сохраняющий медвежью энергию, имели положительное значение, а кости, наоборот, как символ смерти, несли отрицательную символику. Например, подброшенные под остов строящегося дома кости медведя сулили хозяину несчастливую жизнь. Зубы Оша, напротив, считались действенным амулетом, в частности, оберегающим от болей в пояснице, а также от порчи. После убийства Оша на охоте первым делом необходимо было лишить его клыков и когтей, только тогда он окончательно считался мертвым. Если на место охоты приходил посторонний человек, а у убитого Оша еще не были выбиты клыки и отрублены когти, то он получал право на пай как участник охоты на живого медведя.

Берсерки — воины-медведи скандинавов, приводили себя в неистовство, в том числе делали они это и химическим путем. В верхнюю часть щита у воина, по-видимому, были вшиты травы, берсерк кусал щит не от безумия, он принимал обезболивающее и возбуждающее.

Связь медведя с миром мертвых. В Заволжье, а ранее и по всей Руси, скотий бог *Велес* соотносился с медведем и был хозяином мира мертвых. Старые русские названия Плеяд — *Власожелищи* (*Волосыни*) также связаны с богом

Волосом и медведем. Медведь был тотемным зверем многих славянских племен. Старорусское название медведя *Бер*. Отсюда берлога — *логово бера*. С именем медведя — *Бера*, связаны такие слова, как *беречь, берег, оберег*.

В изображениях пермского звериного стиля медведь представлен и как сторож мира мертвых: он находится в самом низу композиции, над ним или на нем изображен человеческий череп. Есть вариант, где он имеет большой изогнутый рог, похожий на бивень мамонта. На древние представления о связи медведя с миром мертвых указывает и изображение, на котором он идет против хода солнца и несет на спине фигурку человека с изображенной на груди свертывающейся спиралью. По всей видимости, речь идет о доставке души усопшего в мир мертвых или же о путешествии туда шамана.

В поминальных плачах в качестве метафоры смерти называются окна, занавешенные шкурой медведя. Существовало стойкое убеждение, что женщине, беременной мальчиком (будущим охотником), нельзя ходить в лес, поскольку Ош, встретив ее, обязательно разорвет ей чрево и вырвет плод.

Можем сделать вывод, что у многих народов Европы медведь олицетворяет первопредка и хранителя души человека, выполняет функцию защитника и дарителя. Он связан с Нижним миром как его хозяин и хранитель сокровищ.

Волк

Волку в культурной традиции была присуща функция посредника между Земным и Загробным мирами или его хозяина. Кроме того, волк символизирует воинскую дружину и предков-властителей, в основном воителей.

Рассмотрим примеры символики волка из мифологий разных народов.

В русской традиции в СопИ князь Волх Всеславич умел превращаться в волка и рыскать по дремучим лесам, одолевая в одно мгновение громадные расстояния. Обратничество было связано с героем сказок царем Змеем Огненным Волком. Былинный герой Вольга мог превращать в волков всю свою дружину.

Характерно, что связь волка с родней прослеживается в русском обычае называть волками всю родню невесты, а иногда всю дружину жениха, в народных песнях родня жениха называет невесту «волчицей». Особенно широко символика волка прослеживается в славянской и русской мифологиях. Определяющим в символике волка является признак «чужой». Волк соотносится с «чужими», прежде всего с мертвыми, предками, «ходячими» покойниками и др. В некоторых заговорах от волка говорится, что он бывает у мертвых на «том свете», а при встрече с волком призывают на помощь умерших. Часто при встрече с волком старались «превратиться» в умершего: молчали, не дышали.

Нападение волка на скотину считалось выполнением карающей божьей воли. Существовала поговорка: «Что у волка в зубах, то Егорий дал». С волком связывались важнейшие приметы, считалось, что он может предвещать судьбу. В русле представлений о судьбе и связи волка с покойниками интересно русское верование о том, что «мертвый все знает», и при умении спросить волк может предсказать судьбу. Волк, перебегающий дорогу путнику, встретившийся ему в пути, показавшийся вблизи деревни, предвещал удачу, счастье и благополучие. Если волк забежал в деревню — это была примета неурожая, множество волков сулило войну, вой волков предвещал голод. С волком связывались также календарные приметы, так, вой волка вблизи жилья предвещал войну или мороз, осенью дожди, а зимой — метель.

Вспомним, что хтонические персонажи славянской мифологии после принятия на Руси христианства стали ассоциироваться с чертями. По народным поверьям, волки охотятся за чертями. Согласно славянским легендам: «...черт слепил волка из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить. Оживленный Богом волк бросается на черта и хватает его за ногу». Волк, по народным поверьям, поедает чертей, «чтобы они меньше плодились». В народных представлениях черти ассоциировались с козлами, например Сатана козлообразен. В этом плане русская сказка о козе и семерых козлятах просто указывает, что волк-первопредок может помочь избыть (съесть) семь смертных

грехов — семерых козлят. В этом ему способствует сам Бог-создатель в образе кузнеца, перековывающий язык. Однако источник грехов — коза, т. е. сам Сатана, уничтожен быть не может. В сюжете русской сказки Ивана-царевича убивают братья, но волшебный волк оживляет его посредством мертвой и живой воды. С Нижним миром связаны волки-хорты Старого старика в мифе об Иване Быковиче.

Греческого Гермеса называют собакой. Его отождествляли с собакоголовой обезьяной — Тотом, и с шакалом Анубисом. Додон, как предок, — вождь племени, выступает в образе волка или обладает способностью превращаться в волка. У хозяина Загробного мира Аида имелся трехголовый пес Цербер, имевший львиную, волчью и собачью головы. Скандинавский бог Один — хозяин эйнкириев (мертвых воинов-героев) имел двух волков.

В понимании этрусков волк также связан с Загробным миром — его скальп украшает голову царя Преисподней Аиты. Символизируя священного покойника, волчью шапку носил этрусский Лукумон (на первом этапе становления института лукумонства). Индуистский бог царства мертвых Яма имел в своем подчинении чудовищных псов-волков. Родоначальник племени Бхима из индийской Махабхараты имел имя, переводящееся как «волчье брюхо». В осетинском эпосе «Нарты» герой именуется *имеющим голову волка*.

Связь волка с появлением народа и его первопредком просматривается в легенде о capitoлийской волчице, вскормившей Ромула и Рема, основателей Рима. В древнеиранском сказании говорится о волчице, вскормившей царя Кира.

Можем констатировать, что символ волка связан с Миром смерти, защитником или хозяином которого волк-пес является. В силу этого он покровительствует своим потомкам воинам, царям и героям.

Вепрь

Символика вепря двояка, но с преобладанием позитивного значения. Превращения людей в вепрей за грехи (проступки) известны в греческой и хеттской мифологиях. Вепрь также связан с войной и воинами.

Рассмотрим символику вепря в мировой традиции.

Вепрь как символ воина и войны. Радогаст — бог славян лютичей имел своими воплощениями птицу и кабана.

Титмар Мерзбургский писал: «Верящие издавна различным заблуждениям, они считают, что если им угрожает продолжительная и жестокая война, то из упомянутого моря выходит огромный кабан с белыми и блестящими клыками, и многие видят, как он катается по болоту, сопровождаемый страшными сотрясениями земли». О нем же у Карамзина сказано: «Гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу Славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах». Кабана Радогаста сближает с индийским Варахой функция спасителя и связь с водной стихией. Он появляется из озера подобно Варахе, поднимающемуся из океана.

Поклонение кабану русских воинов зафиксировано в эпоху времени первых князей Киева. На острове Хортица на Днепровских порогах находился священный дуб, у которого, по историческим данным, воинства князей, в том числе во время походов на Константинополь, приносили жертвоприношения. Когда ствол этого дуба уже в наши дни был поднят со дна археологами, то нашли вбитые в него многочисленные клыки кабана.

У скандинавов Кабан посвящен Водану (Одину). Эйнхерии (*погибшие герои*) на пиру в Вальгалле едят свинину. В древнегерманском эпосе имеется описание боевого знака — «головы вепря» на шлеме воина. Такие шлемы известны по древнегерманским археологическим памятникам. Шлемы и маски кабанов передавали воинов под защиту Одина.

В индуизме Вараха, Белый вепрь — третий аватара Вишну, спас землю, которую асур Хираньякша утопил в океане, и убил асура в поединке, длившимся 1000 лет. Он поднял землю на своих клыках.

Кабан у кельтов — священное животное, символ воинской мужественности и силы. Он обладает сверхъестественными (пророческими и магическими) способностями. Кабан помогает на войне, защищая воина. Его изображения украшали шлемы и щиты.

В Иране Вахрам (фарси) — бог войны и победы, одним из воплощений которого был кабан. Имя бога давало и шахское имя Варахран. Самым известным шахом, носившим это имя, был Варахран V (420–438 гг.) — Бахрам Гур, герой поэмы Джами «Семь красавиц». Также в индоиранской мифологии распространен сюжет о поражении героем Тритой (Траэтаоной) демона в образе кабана.

В Греции кабан олицетворял борьбу и разрушение. Он, возможно, символизировал суровую зиму, т. к. был убийцей Адониса и Аттиса, соотносившихся с силой Солнца. В этом плане миф об охоте на Калидонского вепря мог олицетворять победу Солнца над зимой. В Микенах войны носили шлемы, покрытые плотно примкнутыми друг к другу кабаньими клыками. Кабан посвящен богу войны Аресу (Марсу), Афродите (как убийца Адониса). Эриманфский вепрь был пойман в сеть Гераклом. Кромеонская свинья (кабан) была повержена Тесеем. В гомеровском эпосе имеется описание боевого знака — «головы вепря» на шлеме воина; этот знак известен также по микенским, римским, древнегерманским археологическим памятникам.

Кабан как символ хтонического мира и плодородия. У скандинавов Кабан посвящен и Фрею, богу умирающей и возрождающейся природы, который на нем скакал. У германцев, скандинавов и тевтонцев вепрь является животным бури, связан с похоронами. У германцев сохранялось предание о происхождении племени от двух братьев, одного из которых звали Вепрь (*Ibor*, ср. др.-исл. *Iotfurr* — *вепрь, князь, бог*).

Многие кельтские племена почитали кабана. Каменные (Эфинье) и бронзовые (Неви-ан-Сюлья, Франция) фигурки вепря свидетельствуют о большом значении этого символа в раннюю эпоху у кельтов. Его изображение встречается на монетах. Мясо кабана ели только во время ритуалов. Кабан с медведем — духовная и светская власть этого мира. Друиды называли себя *вепрями*.

Кабана клали в могилу вместе с мертвыми — как инструмент связи с потусторонним миром, Аннун. В городе мертвых Ануане живет волшебный кабан — тотем Турх Труйт (его имя означает *кабан бегущий*) и вождь кабанов

Исгитирвин, повелевающий священными *hobeu* (свиньями) — проводниками душ.

В сказании «Килох и Олвен» сообщается, что среди трудных задач, которые решили Артур и его рыцарь для свадебного пира Килоха, была охота на Исгитирвина и Турха Труйта. Причем о гибели Турха Труйта не говорится, по-видимому, его считали бессмертным: Артуру нужны только гребень, ножницы и бритва, что спрятаны меж глаз Турха Труйта. Килох родился в загоне среди свиного стада; свинопас принял ребенка и отнес его во дворец, там он был крещен и назван Килох (*Kulhwch* — валл. *свиной загон*). Имя Килох (*Kulhwch*) отражает, возможно, его архетипическую связь с тотемом-кабаном (Турх Труйтом); *hwch* — не домашняя свинья, а *кабан*.

В древнехеттских текстах вепря тростников упоминают как одного из животных бога — *siunas buitar*.

Можем сделать вывод, что кабан относится к хтоническому миру. Вепрь — символ бесстрашного, безжалостного воина, который может защищать, а может разрушать все на своем пути.

Олень

Считается, что олень в разных традициях символизирует солнечный свет, обновление, творение, огонь, восход, возрождение, созидание и духовность. Образ оленя связан с Древом жизни. Замечено, что ритм роста оленьих рогов соответствует посеву зерновых и сбору урожая, что связывает оленя с плодородием. Кроме того, оленьи рога можно было использовать как инструмент при погребении. Самка оленя не покидает своих детенышей даже при смертельной опасности, что делает ее символом материнства.

Рассмотрим основные функции символики оленя.

Функция оленя как основы мироздания и его астральные представления. Согласно болгарским космологическим представлениям, олень держит на своих рогах землю. Когда ему на ухо садится муха, он трясет головой, и происходит землетрясение.

Связь символики оленя с Мировым деревом. Мировое дерево — это символ средства перемещения между мира-

ми (в виде Лестницы Иакова Мировое дерево предстает в Библии, у хеттов олицетворено дорогой, у индийцев горой Меру и т. д.).

Изображения оленей или коней часто присутствуют на славянских вышивках, где пара оленей расположена слева или справа от богини-матери или Мирового дерева. По славянским поверьям, олень умел творить разные чудеса, говорить человеческим голосом. В древних калядках олени, как и кони, переносят души умерших в потусторонний мир. Оленя относили к царственным животным: он правит всеми рогатыми существами.

Связь оленя с Мировым деревом ярче всего видна в скандинавской «Эдде». В центре мира растет священный ясьень Иггдрасиль — Мировое дерево. В ветвях его живет мудрый орел, по стволу снует белка, а четыре оленя объедают с ветвей листву. Северный олень у скандинавов посвящен Великой матери Исе, или Дисе.

Кельты верили, что олень — главное животное в волшебных стадах богов. Рога его считались символическим отображением ветвей дерева. Ответвления рогов, как сучья и листья на деревьях, считались символами возрождения и размножения. У галлов также олень — господин (соответственно: госпожа зверей Цернунна) роскошного таинственного леса: олени рога символизируют деревья, как это видно на котле из Гундеструпа.

Олень как непосредственный проводник между мирами. Широко распространен образ волшебного оленя — представителя иных миров у славян, например в русской сказке «Олень Золотые рога». Интересна белорусская загадка о божественности оленя: «Жив — и в церкви не быв, помер — не поховали, а быв богоносец». Болгарская песня так описывает священного оленя — посланца Божьего: «На лбу у него солнце сияет, на груди у него месяц, рога у него — чистое золото». Сходный образ оленя представлен в русском свадебном величании: «На правой бедре млад светел месяц, на левой бедре красно солнышко, по всему оленю часты звезды». По болгарскому поверью, существует олень, носящий крест на рогах, убийство которого грозит человеку смертью.

У славян олень обладает многими волшебными свойствами, а его молоко считается целебным. Болгары верят, что

мальчик, сосавший молоко из вымени оленихи, вырастет сильным юнаком, и к нему не пристанет никакая болезнь. Рога оленя имеют отвращающую силу и используются как оберег. Их держат в доме для защиты от порчи и нечистой силы, трут и пьют с водой от испуга и порчи, вырезанные из них крестики носят как амулет.

Олень-посредник в браке присутствует в восточно- и западнославянском фольклоре: в калядках и свадебных песнях с мотивами пособничества в женитьбе и охоты за златорогой ланью-девицей. В севернорусской свадебной песне молодец не стреляет в Оленя, обещающего пригодиться ему на свадьбе. Мотивы брака характерны и для русских хороводных песен. Например, в игре «Олень» участник, изображавший его, отказывался от старой старушки, от молодой молодухи и брал себе красную девушку.

Функция волшебного оленя как посредника между мирами видна из народного фольклора. В украинской сказке ангел принимает облик оленя, чтобы наказать царя Иона, похвалявшегося тем, что он сильнее Бога.

По болгарским и сербским поверьям, на крылатых оленях ездят вилы и самовилы. По карпато-украинским легендам, женские лесные духи пасут оленей как свой скот. По русским — в облике оленихи может появляться леший.

У митраистов олень-самец и бык символизируют момент смерти как перехода.

В кельтской традиции известен сюжет, где Пуыл, князь Диведа (Уэльс), встречает оленя как вестника бога Другого мира. В легендах фигурирует белый олень, который был для кельтов мистическим животным, явившимся на землю из Потустороннего мира и обладающим даром мудрости и всеведения.

Священство охоты на оленя и ее табуирование. В Шенкурском уезде в XIX в. на Ильин день крестьяне в праздничных нарядах расставляли перед часовней десятисаженные столы, снося сюда из изб бляшки. На них головки оленей показаны падающими с неба на землю и на земле лежат под копытами человека-лося.

Возрождение убитого оленя или лося происходило в Небесном мире. Важнейшее созвездие нашего северного полушария Большая Медведица на русском Севере назы-

валось *Лосем, Сохатым*. В XV в. Афанасий Никитин, находясь в Индии, отмечал: «*Лось* стоит головой на восток». У поляков Полярная звезда называется *Лосиной звездой*. У эвенков созвездие Большой Медведицы называется *Лосихой Хэглэн*, а Малой Медведицы — *Теленком Хэглэн*.

Возрожденческая символика, связанная с лосихами или оленями, сохранилась и в том, что их часто изображают на пасхальных писанках, т. к. Пасха — символ воскресения бога из мертвых.

Следы жертвенных табуированных ритуалов, касающихся оленя, сохранились до наших дней на русском Севере, где упоминается об олене как о древнем жертвенном животном. Они существуют на Ваге и под Каргополом, под Тихвином, в Вологодской и в Новгородской губерниях, на Белоозере. Например: «в день Рождества Богородицы самки оленя ежегодно приводили с собой детеныша, которого закалывали и варили и им угощали проходящих, а мать отпускали. Но теперь олени уже не приходят, и крестьяне приносят в жертву рогатый домашний скот». Подобные сюжеты имеются и у южных славян, там они приурочены ко дню святых Константина и Елены. Легенда с мотивом добровольного жертвоприношения оленя в определенный день года известна и в античной традиции. Эти свидетельства указывают на древнейшее табу: не трогать мать Олениху, которая являлась источником рождения потомства и как бы сама его дарила.

Священство охоты на оленя и подобных ему животных просматривается в астральных мифах. В ведической мифологии созвездие Мригаширша видится, как голова антилопы, пронзенная стрелой. Созвездие Адра представляется в виде дикого охотника бога-аскета Рудры (позднее соотнесен с Шивой), охотящегося на священную антилопу. Отметим, что сам миф связан с мотивом жертвоприношения антилопы для обновления и возрождения мира.

В индийской мифологии яркий пример этого сюжета представлен в «Рамаяне», где Рама с братом Лакшманом гонятся за чудесным оленем, в которого превратился ракшас Марики. В результате погони пропадает жена Рамы Сита и ему приходится воевать с демонами-ракшасами под

предводительством великого Раваны, которого боялись даже боги. Иными словами, он попадает в иной временно-пространственный континуум.

Погоня героя финно-карельской «Калевалы» Илмаринена за лосем бога леса Хийси только случайно не кончается смертью героя, а после всех передраг завершается удачей.

В европейской и иной мифологии погоня героя за оленем, особенно белым, или обладающим еще какими-нибудь чудесными качествами, или просто очень красивым, приводит охотника в некий новый мир или к гибели.

Можем сделать вывод, что олень как важнейший источник питания был основой благополучия племени или рода. Люди знали, что если выбить всех оленей, то придет голод. Поэтому было важно магически восполнить ущерб, привнесенный в оленью популяцию. Олень, приобретая космогонический характер, как бы самовоспроизводился в иных мирах в нужных количествах, чему способствовали введенные табу и запреты на охоту, например на самок оленя. Сама охота приобретает вид своеобразной жертвы. Когда охота перестала быть основой хозяйства, за оленем сохранилась функция связи между мирами, в первую очередь с миром мертвых. Идея преследования охотником оленя как добычи перестает быть сакральным актом. Наказание героя, преследующего «запретного оленя», — это попадание в некие новые миры, с которыми связан этот олень.

Лиса

Лиса — герой многих сказок, мифов и легенд. Особенно часто она встречается в русском, немецком, китайском, японском и французском фольклорах. Лис во многих народных традициях — это животное, символизирующее злобное лукавство и коварство.

Рассмотрим основные функции данного символа.

Лиса как символ хитрости и обмана. На Руси народ зовет ее кумушкой, Патрикеевной. В разговорной речи появились слова *лисить* — хитрить, *лисой пройти* — провести кого-нибудь. У Гриммельсгаузена в «Симплисис-

симусе» выражение, дословно переводимое как *лисохвостить*, значит то же, что и *лицемерно льстить*. В сказках и поучительных рассказах лиса и волка обведет, и мужика обманет. Образ лисы всегда напоминает о бдительности и осторожности.

Лиса похищает петуха, обещая горошек, золотые яблочки или сани-самокатки. Лиса обманывает и съедает Колобка, что не удается зайцу, волку и медведю. Лиса выступала в роли проводника в Нижний мир и обратно. Лиса — ложная кума — крестная мать, повитуха, лекарка, исповедница, плачя, табуистическое название лихорадки в языческой обрядности.

Возможно, лиса соотносится в русских поверьях с символикой зимы¹³⁰. Отметим, что с зимой, темнотой и холодом лиса связана в преданиях палеоазиатских народов о добывании демиургом Вороном солнца. Лиса была этому противницей, т. к. при свете будут видны ее проделки.

Лиса живет в ледяной избушке, весной, когда лед тает, она захватывает заячью лубяную и не пускает в нее законного хозяина. Ни собакам, ни быку не удаётся восстановить справедливость. Заставляет лису покинуть избушку петух, который связан с солнечной символикой. С символикой весны и эротическими играми связан и сам заяц. Лиса приводит в деревню заблудившуюся Снегурочку, которая от помощи волка и медведя отказывается. Она примораживает волчий хвост, поедает запасы, припасенные волком на зиму. (Ср. пословицу: «Осень припасает, зима проедает».)

Можем сделать вывод, что Лис имеет основным признаком злобные лукавство и коварство, но умеет замечать следы своей вороватости.

Заяц

Заяц — воплощение трусости, незлобивости и быстроты. В народных представлениях заяц наделяется эротической символикой и темными свойствами. Олицетворяет возрождение, возвращение юности, а также интуицию и

¹³⁰ Гипотеза Валерия Ронкина.

«свет во тьме». Впрочем, у ряда восточных народов он ассоциируется с хитростью. Рассмотрим основные функции зайца.

Лунная символика зайца. У русских лунная символика зайца выражена слабо. Однако в некоторых жанрах детского фольклора заяц метафорически соотносится с месяцем. Для этих текстов характерен мотив уничтожения растительности, которой питается заяц: «заяц-месяц вырвал травку», «траву жал», «листья рвал», «лыки драл».

В европейской традиции заяц является атрибутом богини Луны, имевшей заячью голову. Это Оэстра (у тевтонов) или Эостра (у англосаксов), которая и дала имя пасхе Easter. По этой причине заяц символизирует рождение новой Луны. У тевтонов богини Луны, Хольда и Харке (или Харфа), всегда появляются в сопровождении зайцев, несущих вслед за ними факелы. В кельтском эпосе заяц считается атрибутом лунных божеств. В индийском и буддийском искусстве — появляется с неполной луной.

Эротическая функция зайца. У славян заяц — животное, наделяемое в народных представлениях мужской эротической символикой. Эротическая символика зайца представлена в обрядовых пожеланиях новобрачным на свадьбе («Дарую зайца, штоб у мароз стаяли яйца»), в эротических поговорках («х...ина на заячьем меху»), в частушках («Вышел заяц на крыльцо почесать свое яйцо, сунул руку — нет яйца, заяц грохнулся с крыльца»), в лечении сифилиса заячьим пометом.

В игровых песнях к зайцу обращаются «заюшка-батюшка». У болгар известно мужское имя Зайко. В Пермской губернии говорят: «Пока черные пятна с ушей зайца не сойдут, бабам над мужиками не суживать».

У южных славян существуют весенние чисто мужские «заячьи» хороводы. Танцы на вечерках — «заиньки», при гаданиях подблюдная песня предвещает свадьбу. О девушке, которая не может выйти замуж, говорят, что она тогда замуж выйдет, когда зайца в лесу поймает. В хороводных играх зайчик предстает женихом, выбирающим себе невесту, его просят свить венки, поцеловать девушку и т. д. В детской припевке старой бабе советуют выйти замуж за зайца.

Идея плодовитости зайца выражена в эпитетах, в охотничьих заговорах: «пчолые ярые зайцы»; в объяснении детям, что их приносят зайцы, что заяц снес им пасхальные яйца; в использовании заячьей крови в качестве средства от бесплодия; в смазывании женских органов заячьим жиром при трудных родах; в кормлении кур заячьим пометом, чтобы они лучше неслись.

Плодовитость зайца также хороша для свадебной темы. На свадьбе белорусы изображают скачущего зайца, а украинцы танцуют танец *заець* со стеблями соломы в зубах, торчащих наподобие заячьих усов. Как к зайцу, обращаются к жениху в русских свадебных величаниях. В русских хороводах заяц — жених, выбирающий себе невесту. На свадьбе исполнение песен про зайца нередко связано с обрядом брачной ночи и определением «честности» невесты. На Украине к молодым после брачной ночи приходят с чучелом зайца и «доют» его, как корову, что сопровождается эротическими шутками. Сон о пойманном зайце предвещает женщине беременность и рождение сына. В украинской сказке у садовника, поделившегося с женой чудесным яблоком, принесенным зайцем, родился сын по имени Заян. Сонники толкуют сны о зайце как предстоящую женитьбу, блудодейство или «грех с женою».

Мотив женитьбы зайца на куннице или сове встречается в белорусских и украинских шуточных песнях и сказках; образ зайца фигурирует в белорусских и польских песнях с любовно-брачной тематикой. В песенном фольклоре встречается мотив совокупления зайца с девушкой:

Заинька серенький,
Да не ходи по сням,
Не топай ногою,
Я лягу с тобою.

«Заюшка, с кем ты спал да ночевал?»
«Спал я, спал я, пане мой,
Спал я, спал я, сердце мой,
У Катюхи — на руке,
У Марюхи — на грудях,

А у Дуньки вдовиной
На всем животе».

В загадке о снеге на озимом хлебе говорится: «Заюшка беленький! Полежи на мне; хоть тебе трудно, да мне хорошо».

Известны сказки о том, как заяц был свидетелем половой связи медведя с женщиной, как он обесчестил лису или волчиху; о мужике, продавшем зайца попадье и поповнам, которые соглашались на его нескромное предложение. Метафорическими обозначениями совокупления являются в фольклорных текстах мотивы заламывания зайцем капусты (у восточных славян), заячьего укуса и охоты на зайца (у поляков), шуточное моравское выражение «выгонять из норы». Эротическая и фаллическая символика зайца представлена в сербских анекдотах.

В греко-римской традиции заяц связан с эротикой, иногда распущенностью. Он — атрибут Афродиты и Эроса. Купидон часто изображается с зайцами.

Белый заяц в Англии символизировал невест, брошенных женихом. Согласно корнуольским суевериям, видение зайца преследовало изменников, доводя многих до самоубийства.

В скандинавской мифологии зайцы прислуживают богине любви и замужества Фрейе.

Характерный мотив символики зайца в христианстве — плотский грех. Он олицетворял распутство. Являлся символом гомосексуальности, связанным с представлением, что зайцы ежегодно меняют пол. Белый заяц у ног Девы Марии означает триумф над похотью.

Символика зайца как демонического животного. Славяне считали, что заяц дружит с лесными духами и подчиняется лешему. Встреча с ним ничего хорошего не предвещает. Перебежавший дорогу заяц сулит путнику неудачу или то, что он потеряет дорогу. Леший может проиграть зайцев соседнему лешему. В заговорах охотники просят леших нагнать зайцев в их ловушки. Как лесной зверь, находящийся в подчинении у лешего, заяц неподвластен водяному. Водяной не любит упоминания о зайце и, рассердившись, поднимает бурю. Поэтому рыбаки на озере называют зайца иначе: «кривень» или «лесной барашек».

Облик зайца могут принимать и ведьмы, и колдуны, и разозлившийся домовый. Но чаще всех в него превращается леший или черт. Согласно некоторым поверьям, заяц создан чертом и служит ему. В загадке заяц — косой бес, в детской дразнилке заяц «выводит» детей — косых чертей. Известны былички о зайце-оборотне, о черте или лешем в виде огромного, хромого или трехногого зайца, которого не берут пули, который перебегает дорогу, бросается под ноги, заманивает в щажу, преследует человека или исчезает в вихре, с шумом, хохотом или зловонием. Как встретится в лесу заяц, которого и пули не берут, и под ноги-то он сам бросается, верный знак — домой уходить надо. Черта иногда представляют с заячьим хвостом. Заячья лапка или голова служат талисманом против ведьм, но сам заяц часто выступает слугой или союзником ведьмы. Мартовский заяц — безумие. Образ зайца связывается с некоторыми анатомическими дефектами — косоглазием, заячьей губой.

Существовал запрет употреблять в пищу мясо зайца как животного «нечистого». Запрет есть зайчатину объясняли также тем, что у него собачьи лапы. Беременным запрещается есть зайчатину потому, что у зайца косые глаза, способные оказывать вредное влияние на человека (в частности, на сон).

Быстро бегущий заяц сравнивается с пожаром. По этому поводу есть приметы в народе: появившийся вблизи жилья, забежавший в дом, пробежавший через село заяц служит предвестником пожара. Как предвестье пожара толкуется иногда и сон о зайце. Связь зайца с огнем в известной степени мотивирована прыткостью этого животного, например в загадке о зайце его бег сравнивается с огнем. О свечении синих огоньков пламени на тлеющих углях говорят: «зайка по жару бегаёт». Словами *зае́нька* или *зайко* называют огонь в разговоре с детьми, *зайчиками* — солнечные блики или спички (в тюремном жаргоне) и т. д. «Огненная» символика зайца может быть связана и со сглазом — со взглядом «косых» глаз зайца как причиной пожара. Очень часто заяц ассоциируется с жертвенным огнем и «жизнью, прошедшей через смерть».

Распространено представление, что заяц спит с открытыми глазами; «спит, как заяц» — говорят о том, у кого

чуткий сон. Поверье о влиянии зайца на сон вызвано и упоминанием о зайце в колыбельных песнях: то может напасть чуткий сон, то слишком долгий сон, да еще и с открытыми глазами. В народных представлениях отражено и противоположное влияние зайца на сон. Заячью кожу используют как средство против сонливости. Украинцы дома избегают упоминать зайца и называют его «сп'юх», давая этому разные объяснения: домашние будут спать с открытыми глазами и вообще потеряют сон или же на ребенка нападет сонливость. Мотив спящего зайца отражен в польской легенде о зайце, выпросившем у Бога так мало земли, что теперь ему приходится спать, сидя на корточках. Тому, кто страдает бессонницей, не рекомендуют есть зайчатину. Во избежание детской бессонницы не упоминают зайца, когда укачивают ребенка или когда он просыпается.

В народном представлении заяц является олицетворением трусости. Говорят: «труслив как заяц», «дрожит как заяц». Образ трусливого зайца наиболее популярен в современном сознании. С этим мотивом связан и заяц как безбилетный пассажир или дезертир, заяц как персонаж частушек, анекдотов, басен, карикатур, мультфильмов и т. п. Выражение *заячий характер* — синоним робости. Средневековый образ рыцаря, за которым гонится заяц, символизировал трусость. Боязливость и трусость зайца объясняют тем, что у него маленькое сердце. В легенде сказано, что бог вылепил ему слишком длинные уши, а на сердце глины не хватило. Тогда бог оторвал ему хвост и сделал маленькое сердце.

Можем сделать вывод, что заяц — лунное существо, связанное с принципом обновления природы и людей. Он наделяет женщин вегетативными силами, а мужчин сексуальной энергией.

Мышь

Роль Мыши в мифопоэтических представлениях в значительной степени объясняется ее особенностями, в частности, малыми (в сравнении с другими млекопитающими) размерами. Широко распространены представления о мыши как хтоническом животном и об ее связи с грозой

(громом). В мифах различных народов мыши нередко выступают как дети неба, обычно громовержца и земли. В некоторых традициях мышь участвует в космогонических мифах или даже выступает в функции культурного героя. Известно множество сказочных мотивов с участием мыши: мышь спасает льва, пугает до смерти человека, разбивает золотое яйцо, помогает сделать то, что непосильно многим (русская сказка о репке) и др. Известны сказочные мотивы: «Мышь — превращенная невеста» (заколдованная невеста или невеста дьявола) и т. п.

Магическая функция мыши. В древних культурах изготавливали амулеты с изображением мыши. В ее образе закодированы древние архетипические силы. Так, в русской сказке «Куручка Ряба» мышка разбивает хвостом золотое яйцо, которое олицетворяет рай. В этом плане она служит модератором воли Бога по переселению Адама и Евы из Эдема на Землю, где они должны служить ее преобразению, как созданные по «образу и подобию Бога». Первоначальное поселение Адама и Евы в Эдеме было необходимо для показания им образца совершенства, к чему они должны были стремиться на Земле.

То, что мышь обладает сверхъестественной силой, можно понять и по самой известной русской сказке о репке — только с помощью мыши, прибежавшей на помощь, неудачливое семейство вытащило репку из земли.

Использование мышей в гаданиях и ворожбе — постоянная тема средневековых ведовских процессов. Киприанов кодекс указывает особый вид предсказаний — «мышеписк». Свист, звон, барабанный бой, которыми изгоняли крыс и мышей, можно сопоставить со звоном колоколов, битьем по железу и стрельбой в воздух с целью разогнать ведьм перед грозой. По украинской примете, «як миша ют волот (верхнюю часть снопа), так буде хлеб дорог».

Намек на то, что мышь является волшебным существом, помогающим преобразению человека по мере роста, прослеживается в следующей магической процедуре: выпавший у ребенка молочный зуб бросали в огонь с приговором: «Мышка, мышка, на тебе зубок костяной, дай нам коренной»; «На, тебе, мышка, костяного, а мне дай золотого — тебе мясо ести, а мне косточки грызти».

Мышь является также существом, помогающим найти потерю в доме. Когда в доме что-то терялось, обычно прибегали к приговору: «Мышка, мышка, поиграй да отдай». Та же присказка относится к домовому, который часто показывается в образе мыши.

При произнесении заговоров от грыжи нужно зубами закусывать больное место: «...грыжу может “прикусывать” не только человек. Часто прикусывает и мышь. К пупку припускают голодную мышь», и она его прикусывает.

Сохранилось предание о том, что в XIII в. в одном из мест Ярославского княжества мышь спасла жизнь князю. Впоследствии на этом месте появился город Мышкин.

С мышью связаны такие магическими женские персонажи, как Баба Яга, Холле, Макош. У болгар со святой Петкой соотносился мышиный праздник — «мишин день».

В Средиземноморье (особенно восточном) долгое время сохранялось немало мышиных гаданий и примет. У малоазийских греков существовало убеждение, что при нарушении супружеской верности мыши производят страшное опустошение в доме.

У народов древнего Средиземноморья (Египет, Палестина, Греция) общеприняты и представления о происхождении мыши из земли. Страбон называет мышей из земли рожденными, по его же свидетельству, тевкры называли их сыновьями земли.

Греки изготовляли монеты с изображением мыши, использовавшиеся в качестве амулетов против всего недоброго. В Греции, начиная с гомеровской эпохи, был распространен культ Аполлона Сминфейского, происходящего от греческого слова *мышь*. Атрибутом, символом и священным животным его была мышь. Иногда Аполлон Сминфейский изображался стоящим на мыши. Он был не только истребителем мышей и охранителем от них, но и их покровителем. Возможно, он и сам первоначально представлялся в виде мыши. Этот Аполлон был тотемным божеством, охраняющим урожай.

Античная зоология упоминала об устрашающем воздействии мышей на слонов, их мнимом зачатии через взаимное облизывание и о воззрении, согласно которому мыши в Египте произошли из нильского ила, и их печень

увеличивается и уменьшается в зависимости от лунных фаз. Как о пугливых животных, живущих в темных местах, о них говорили, что им присущи демонические и пророческие силы. Их посвистывание и танец должны были предвещать бурю, обгрызание культовых предметов — злые удары судьбы. Мнимая сладострастность мышей послужила причиной того, что они изображались на монетах вместе с богиней любви Афродитой (Венерой). Античной пародией на героическую эпическую поэзию является сатира «Война мышей и лягушек». Часто мышь связывали с предзнаменованием войны, чумы, мора, однако белая мышь считалась хорошим знаком.

Персидские маги считали мышь культовым животным. Согласно Плинию, они признавали мышей животными, наиболее близкими к религии.

В христианстве мышь — символ злой, разрушительной деятельности. Также известны превращения дьявола в мышь и обратно. Негативный аспект образа мышей основывается на наблюдении, что они не только уничтожают съестные запасы, но вместе с крысами могут переносить эпидемические заболевания. Из-за этого они стали символами враждебных человеку сил и дьявольских злых духов.

Функция связи с душой человека. Часто мышь считают животным-духом, которое мимолетно и еле зримо ускользает, как жизненный дух умирающего человека. В сновидении животная составляющая души человека (отвечающая за эмоции и инстинкты) могла в образе мыши временно покинуть тело спящего.

В славянских народных поверьях мыши — это души, которые выбегали изо рта мертвых (красные — если покойные были добродетельны, черные — если грешны), подобно голубям, которые, как утверждалось, вылетают изо рта святых, когда их души покидают мертвые тела.

Существует мифологический мотив превращения женщин в мышей. Он часто реконструируется на основе сказочного сюжета превращения ведьмы (женщины, девицы) в этих животных. Имеется и ряд других фольклорных сюжетов, основанных на взаимопревращении или тождестве девиц и мышей: русские сказки типа «Морской Царь

и Василиса Премудрая», «Ночные пляски». В этом же ряду стоит сказка, записанная в первой половине XIX в. на острове Рюген: мать проклинает семь дочерей за нарушение ими запрета в великую пятницу, дочери оборачиваются мышами и бросаются в воду, мать с горя превращается в камень, вокруг которого ночью танцуют и поют дочери-мыши.

Известен мотив превращения в мышь дьявола и наоборот. «Мышь, прогрызшая дыру в ковчеге» — символ именно этого порядка.

В славянском фольклоре можно проследить трансформацию соотношения статуса девушки с образом мыши. Она охватывает некоторый период жизни девушки, оформляя его в виде цикла от рождения самой девушки до рождения ее ребенка и реализуется как разные виды обмена в различных фольклорных жанрах.

Мышь представляется символом домового (поверья о том, что домовый может показаться в виде мыши или крысы, широко распространены у славян) или умершего предка в инициационных испытаниях девушки, представленных, например, в сказках «Мачеха и падчерица», «Испытание в лесной избушке». Мышь является помощницей, если девица проявила должные качества: пожалела, покормила и т. д. В ряде случаев необходимыми качествами является навык прядения. Мышь подменяет или прячет девушку в сюжетах, где медведь, трехголовое чудище, ведьма или иные смертоносные хтонические существа выступают слепыми и ориентируются по звуку, играют с ней в жмурки с целью уничтожить: «Девушка, вставай, я тебя в стену булавоцкой заверну»; «обратила ю булавкой, в стену положила». Мотив «слепой ищет зрячего» синонимичен другому мотиву — «мертвый ищет живого».

В этом случае мышь символизирует защиту предков от сил смерти и разрушения, данное достойной, прошедшей испытания. Заканчивается этот инициационный сюжет выдачей приданого или указанием на готовность к замужеству.

В ряде случаев мышь символизирует ребенка в животе беременной. Известна загадка: «Хлеб на углу лежит, а в хлебе крыса сидит». Отгадка — беременная женщина. Известны славянские поверья, по которым нельзя отказывать

беременной в просьбе, иначе мыши сгрызут одежду того, кто ей отказал.

Символ воровства. Мышь выступает как символ воровства. Слово *mus* образовано от греческого глагола *воровать*, что, возможно, и сделало мышь символом воровства. В России мышь часто называют *серым ворышкой*. Мышеловка — это символ судьбы воров, неизбежной поимки и смерти.

Можем сделать вывод, что мышь была символом хтонической богини Нижнего мира, Мира мертвых и плодородия, отвечала за циклы женского взросления и материнство, покровительствовала браку, была олицетворением души, в первую очередь души посвященных женщин, позднее стала ассоциироваться с домовым. При становлении патриархата появляется мужской миф об изгнании громовержцем своей жены или детей в образе мыши в Нижний мир.

Крыса

Символика крысы близка к символике мыши, но имеет ряд своих специфических особенностей.

Функция демонического существа. У европейцев и многих других народов крыса — животное чумы, божьей кары, символизирующее смерть, разложение, разрушение, жадность, Подземный мир. В христианстве крыса — символ зла, Дьявола.

Можем сделать вывод, что крыса, как вредитель для человека, соотносится со всяческим злом.

Белка

Этот шустрый, проворный, безобидный зверек весьма неоднозначно воспринимался разными народами в древности.

Рассмотрим ее символику у разных народов.

Связь белки с мифологическими образами. У славян скачущая белка связывалась со сверкающей молнией, т. е. со стихией грозы, через образ бога-громовника становилась (вместе с орлом) символом войны и далее — предвестницей битв и мора.

В первых строках СопИ читаем: «Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашея мысию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы». Упомянутая «мысль» — это вовсе не мысль и не мышь, а белка (древесная мышь). И дерево здесь названо тоже не случайно. Так в литературном памятнике отразился пере-клик мифологий.

Славяне часто называли белку хитрой: то ли за присущую ей ловкость, то ли за сходство рыжей шубки и пушистого хвоста с лисицей. У белорусов даже была поговорка: «Хітры як белка». В обычае было стращать детей тем, что в ее образе перед человеком могут предстать домовая, водяной или русалка, которые, согласно древним верованиям, могли перемещаться с молниеносной скоростью. С другой стороны, белку (так же как и сову) изображали на талисманах (или использовали в этом качестве ее когти), полагая, что это улучшит благосостояние. А встреча с ней во сне сулила гостей, точнее гостью.

Впрочем, у разных славянских племен были свои особенности в представлениях о символическом образе белки. Русичи и белорусы полагали, что беличий народ находится во власти лешего. У хорватов существовало табу на употребление в пищу мяса белки беременным женщинам из опасения, что ребенок может родиться черным. Вообще в обрядах, связанных с рождением, белка фигурировала довольно часто. Так, словаки вышивали ее изображение вместе с символами петуха, оленя и павлина на занавеси, которой отгораживали рожаницу, а беличьей шкуркой обмывали новорожденного.

Кельты считали ее спутницей ирландской богини Медб — покровительницы верховной власти, олицетворявшей землю.

У скандинавов белка Рататоск (что в переводе значит «грызозуб») представляется бегающей по Мировому дереву Иггдрасиль, символизирующему триединство Небесного, Земного и Подземного царств, и является посредником между живущим в его ветвях орлом (небесным знаком), меж глаз которого сидит ястреб Ведрфельнир («полиявший от непогоды») и обитающим у корней змеем Нидхегг (представителем Нижнего мира). Ее задачей при этом было

передавать их бранные послания друг другу, вот поэтому и считалась она у этих народов носительницей недоброжелательства и неразберихи, хаоса.

Но не во всех случаях она несла негативную символику: так, в шведской сказке «Белка и великан» героиня, встретившаяся с угрозой быть съеденной тем, кто одолел уже «семь мисок каши, да семь кружек молока, корову рогатую, теленка-постреленка, лисичку-сестричку, конягу-трудягу, пять землекопов да семь плясуний-хохотуний», прыгает вверх, а обжора, устремив за ней взгляд, увидел солнце и лопнул.

У зороастрийцев белка фигурировала в гороскопе в качестве покровительницы родившихся в определенные годы (на новейшее время приходятся 1916, 1948, 1980, 2012 гг.). Согласно их представлениям, эти люди должны иметь мелкие черты лица, обладать подвижностью, неровным характером, живостью, умом, высокой работоспособностью, домовитостью и стремлением создать семью, консервативностью во взглядах. Для человечества же эти годы чреваты преступлениями против невинных, выступлением зла под маской добра.

В христианстве белка символизирует алчность и жадность. «Сонник Соломона» предупреждает, что появление белки во сне сулит мужчине знакомство со лживой женщиной, потерю состояния, но и... радость, зато женщине это предвещает лишь быть обманутой недостойным человеком.

Можем сделать вывод, что белка символизировала быстроту, коммуникацию и в первую очередь мысль, осуществляющую эти функции.

СИМВОЛИКА ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Символика коня, быка, барана и козла уже рассматривалась в данной работе в связи с древними мифологическими представлениями о зооморфных образах богов (см. ч. 3, гл. 4). Здесь же речь идет о более широком смысле этих образов, отсюда вытекает неизбежность некоторых повторов в целях создания цельности каталога зооморфных и растительных символов славян и индоевропейцев, наиболее часто встречающихся в фольклоре.

Конь

Являясь символом солнца, или солнечного бога, конь постепенно стал атрибутом царской власти. По мере развития религиозных представлений возникла идея посмертного воздаяния, в том числе награды, и конь становится проводником в царство мертвых, способствуя воцарению в нем усопших. В этой функции он заменил собой древнейшего проводника душ — оленя. Как Солнце совершает круговорот через дневную и ночную сторону мира, так и конь должен пронести своего всадника через смерть к новому перерождению, к новой жизни.

Рассмотрим разнообразие функциональных значений этого образа.

Конь как священное, символическое животное. Он выступает необходимым атрибутом высших языческих богов и одновременно — как хтоническое существо, связанное с культом плодородия и смертью. Участие ряженных конем на ряде праздников, в том числе Коляде, Святках, подтверждает его причастность к календарным обрядам и,

соответственно, культу плодородия. По традиции, являясь проводником на «тот свет», конь связан с Загробным миром, следовательно, имеет непосредственное отношение к культуре смерти.

«Словарь славянской мифологии»¹³¹ сообщает: «...Конь одинаково считался детищем Белобога (стихия света) и Чернобога (стихия мрака), причем доброму богу посвящался белый конь, а злomu — черный. С разделением власти над миром и всеми явлениями его бытия белые кони передаются в народном воображении богу-солнцу, богу-громовнику (*Перуну*), потом — Святovidу и, наконец, Светловиду-Яриле, черные же становятся собственностью *Стрибога* и всех буйных ветров — стрибожьих внуков. Солнце — это небесный конь, в продолжение дня обегающий небо из конца в конец и отдыхающий ночью».

Коньки на крышах русских домов ставятся и по сию пору как знак солнечный, призывающий урожай, следовательно, и достаток в дом. А в прежние времена при строительстве дома в фундамент закладывали коня, при переносе же череп его доставали из земли и зарывали под фундаментом на новом месте.

Как же этот многосложный символ отражается в сказках? Вспомнив сказочных коней («Золотой конь», «Сивка-Бурка», «Конек-горбунок», конь Ильи Муромца, наконец). С учетом вышесказанного можно заключить, что им подвластны пространство и время, присуща способность переносить героя не только на громадные расстояния — «выше лесу стоячего, ниже облака ходячего», но и из мира в мир. Кроме того, они преображают героя, который, например, пролезая из левого конского уха в правое, превращается из оборванца в царевича. К тому же являются верными спутниками, выручая даже после гибели с помощью живой и мертвой воды и т. п., т. е. помогая пройти и преодолеть смерть, в т. ч. физическую.

У индийцев в Упанишадах отмечается приношение коня в жертву, в первую очередь богу Индре — небесному царю (аналогу нашего *Перуна*), который отвечал за ведение войны и урожай на полях, был богом-громовником. Подобное при-

¹³¹ Грушко Е., Медведев Ю. Словарь славянской мифологии. Нижний Новгород, 1996.

существует и в «Шатапатха — брахмане», «Ваджасанейи — Самхите» Яджурведы, где указывается на сотворение мира из частей коня при его жертвоприношении.

Поклонялись коням и древние иранцы, в мифологии которых колесница бога Ардвисуры Анахиты запряжена четверкой белых коней: ветром, дождем, облаком и мокрым снегом. А громовержец Тиштрия, олицетворяющий Сириус, каждый год спускается с неба в виде белого златоухого коня на битву с демоном засухи Апаоши, выступающем в образе коня черного, облезлого, безобразного. От исхода их сражения, по верованиям иранцев, зависело, будут ли дожди, следовательно, плодородие и сама жизнь.

Крылатый конь, Пегас, представлен в греческой мифологии. Он был сыном Посейдона и Медузы. Посейдон вообще считается творцом, отцом или дарителем лошадей. Однажды он преследовал Деметру, воспылав к ней любовь. Пытаясь ускользнуть, та превратилась в лошадь, но он принял облик коня и сумел добиться своего. От этого брака родился Арион, божественный конь, умевший говорить.

В римском пантеоне существовала богиня-защитница лошадей по имени Эпона, связанная с плодородием, изобилием, врачеванием и в то же время — с культом смерти (выполняя роль проводника и стража умерших душ при переходе в царство мертвых). Ее культ был заимствован у кельтов.

Кельтские предания так же не обошли вниманием этот образ. В Ирландии и Уэльсе слово «лошадь» (ирл. Ech) включено в имена множества мифических персонажей, связанных с солнечным культом и потусторонним миром. Так, один из правителей фоморов зовется Эохо Эхкенд («Эохо конская голова»).

Один, верховный бог германо-скандинавской мифологии, ездил на восьминогой кобыле Слейпнире. Тучи были боевыми конями Валькирий.

В христианстве конь символизирует Солнце, смелость, благородство. Он является эмблемой святых (Георгия и др.). Наконец, четыре коня Апокалипсиса — это война, смерть, голод и эпидемия.

Можем сделать вывод, что конь олицетворяет Вселенную в ее циклическом развитии, но в первую очередь

связан с движением солнца по небосводу и в этом плане аналогичен древнейшему индоевропейскому символу — свастике. В ее светлом смысле — он дневной путь солнца и связан с царством, плодородием и богатством. Ночной путь солнца ассоциировался с конем как проводником души в Загробном мире.

Корова

Корова символизирует Великую мать, всех богинь луны в их питательном аспекте, продуктивную силу земли, множественность, деторождение, материнский инстинкт. Рога коровы — это луна в неполной фазе. Представляя как луну, так и божеств земли, она животное и небесное, и хтоническое. Корова во многих древних и архаических религиях символ плодородия, изобилия, благоденствия. Рассмотрим основные функции коровы.

Космогоническая функция коровы. В индийской мифологии корова Камадхену, исполняющая любые желания, появилась из океана при его пахтанье как одно из величайших мировых сокровищ, давшее богам преимущество над демонами-асурами.

Символизируя землю, корова появляется с небесным быком. Ее четыре ноги — это четыре касты. У индусов нетельная черная корова посвящена богине злосчастья и болезни Ниррити.

У скандинавов первоначальная корова Аудумла послужила причиной создания Вселенной. Из «Младшей Эдды» узнаем: «Высокий отвечает: “Как растаял иней, тотчас возникла из него корова по имени Аудумла, и текли из ее вымени четыре молочные реки, и кормила она Имира (первородного великана, из тела которого боги затем создали Вселенную)”».

Функция порождения правителя или бога. В русских сказках «Иван — Коровий сын», «Иван Быкович» и др. заложено космогоническое значение, т. к. герой (земное проявление громовержца) спасает мир и заменяет собой божество Нижнего мира — «Старого старика с железными веками» (Вия). Корова является породительницей героя: «Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помой на

двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала. И вот разом забрюхатели: и царица, и ее любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки — Иван кухаркин сын, у коровы Иван Быкович».

В «Младшей Эдде» читаем:

«Тогда сказал Ганглери: “А чем же кормилась сама корова?”. Высокий говорит: “Она лизала соленые камни, покрытые инеем, и к исходу первого дня, когда она лизала те камни, в камне выфосли человечесьи волосы, на второй день — голова, а на третий день возник весь человек. Его прозывают Бури — Родитель. Он был хорош собою, высок и могуч. У него родился сын по имени Бор — Рожденный”».

Иными словами, корова Аудумла породила весь род великанов и богов.

В ближневосточных и греческой мифологиях известны рассказы о богах (аккадский Син, угаритский Алийану-Балу, хеттско-хурритский бог Солнца), влюблявшихся в корову и породившие многих богов и героев. Например, в хеттско-хурритском мифе бог солнца превращается в юношу и обращается к ней с притворными упреками, грозя наказанием за потраву луга, на котором она кормилась. После встречи с богом Корова беременеет и рождает сына — человека. Корова взывает к небу и просит у бога солнца милости. Она жалуется на то, что, будучи четвероногой, родила двуногого сына. Корова хочет съесть своего сына, но бог солнца спускается с неба и велит своему советнику отнести ребенка в горы, где его должны сторожить змей и птицы. У греков в образе коровы предстают Гера Аргосская и Ио, породившие богов и героев от Зевса.

Функция подательницы изобилия и благ. У индусов корова — священное животное, символизирующее плодovitость, изобилие, землю. В древнеиндийской мифологии есть миф о похищении коров у бога громовника Индры. Похищает их некий таинственный полубожественный народ. Коров прячут в скалах, следовательно, народ связан с землей, горами. Коровы эти дают благополучие и до-вольство. То же можно сказать о гипотетических коровах

Перуна, которые у последнего похищаются хтоническим богом Велесом.

В Ригведе, гомеровском эпосе и латинском языке *вымя коровы* означает изобилие, плодородие и т. п.

Общеиндоевропейским мифологическим представлениям о корове соответствует обряд принесения богам в жертву стельной коровы для получения изобилия, реконструируемый путем сравнения ведийского и римского ритуалов и следа сходного ритуала в завещании хеттского царя Хаттусилиса I.

Функция коровы как представителя хтонического мира и мира мертвых. В целом ряде русских сказок корова рассматривалась как животное колдовское, заступница несправедливо обиженных девочек, как, например, в «Крошечке Хаврошечке», где она является прямым аналогом умершей матери.

У кельтов хтоническая корова изображается красным цветом с белыми ушами.

А вышеупомянутая Камадхену в индуистской традиции добывается богами с самого дна Первоокеана при его пахтании.

Можем сделать вывод, что корова изначально символизировала Великую мать — прародительницу мира и дарительницу всех благ, которая, однако, была связана с хтоническим миром и миром мертвых.

Бык

Бык символизирует воплощение силы воина, иногда космическое начало. Он — особо почитаемое и жертвенное животное.

Бык как космическое начало. В Индии он олицетворяет космическое начало. Истоки этого видны еще в верхнепалеолитическом искусстве. Голова быка и его рога отгоняли нечисть. Глиняная модель храма, украшенного бычьими рогами, обнаружена в поселении Трипольской культуры у реки Рось. Бычьи рога и маски, как охранительные, известны на Балканах еще в V–IV тысячелетиях до н. э. Обычай пить из турьих (бычьих) рогов на Руси и Кавказе — древняя охранительная магия от яда и всякого зла.

Ритуальная смерть быка. На первый взгляд кажется неожиданным, что бык в ряде случаев выступает еще и как противник Бога или героя. На самом деле смерть быка как зооморфного бога, связанного с громовержцами, указывает просто на сезонность его плодоносящей силы. Например, на Крите даже указывали на могилу Зевса именно как сезонного бога. Отметим, что на Крите существовали ритуальные игры-сражения с быком и его последующим принесением в жертву. Во время греческих буффоний убивали быка, съевшего жертвенный хлеб.

Это связано с обрядом ритуального состязания и последующего принесения в жертву священного быка. К примеру, в Испании и Латинской Америке до сих пор проводят корриду — отголосок древних игр и жертвоприношений.

Одновременно с этим зарождается представление о смене времен года, т. е. появление времени в связи со смертью и последующим возрождением громовержца в его зооморфной бычьей ипостаси.

Так, в зороастрийской мифологии бог Митра убивает быка, что стало одним из его основных подвигов. В иранской мифологии повествуется об убийстве первобыка Ахриманом. На шумерских печатях человек сражается с человекобыком. Критского Минотавра одолевает Тесей.

Бык как жертвенное животное известен на Русском Севере, в Нижегородской, Пензенской, Орловской губерниях. В Ильин день (заменивший день древнего бога громовержца *Перуна*), когда собиралась мужская скотоводческая братчина (пир), то закалывали специально откормленного всем миром быка, а затем съедали или раздавали его мясо, но сохраняли кости. Считалось, что они приносят удачу.

В Олонецкой губернии охотники и рыболовы верили, что кость зарезанного на Ильин день быка утраивает добычу. Вспомним, что Ильиним днем стал именно *Перунов* день. Значит, быка посвящали *Перуну* и удачу ждали именно от него. Существует поверье, что кости жертвенного быка обеспечивают ясную погоду при жатве и сенокосе.

На Орловщине кости жертвенного бычка закапывали в хлев, чтобы не переводился скот в доме. В Костромском крае при падеже скота закалывали бычка. Иными слова-

ми, бык как жертва связан с плодородием и охотничьей удачей. Напомним и отмеченные Б.А. Рыбаковым игры турицы, отражавшие яркую роль быка, связанную с плодovitостью.

В связи с тем, что в современной литературе бык часто соотносится с богом Велесом, стоит учитывать, что несколько поздняя ипостась Велеса, связанная со скотоводством, — тур, встречающийся в южнославянских областях от Украины до Далмации. После введения христианства на имя популярного славянского бога был наложен строгий запрет, а в святочных песнях появилось новообразование *тур* — *турицы*. Бык при раннем христианстве на Руси из ведения громовника перешел к хтоническому Велесу. При этом переходе на первое место выступила именно функция плодovitости быка.

Только в раннегосударственный период громовники все больше и больше становятся покровителями дружин правителей, отчасти теряя свою первичную земледельческую функцию, а значит необходимости сезонной смерти — возрождения.

Отношение быка к богу-громовержцу. На этом вопросе мы подробно останавливались в соответствующей части исследования. Согласно Прокопию (VI в.), славяне жертвовали быков богу — «творцу молний». Речь идет, разумеется, о *Перуне*. Славянский громовержец Перун — бог воинов. В СопИ друг князя Игоря, предводитель воинов Всеволод, именуется Буй Тур Всеволод, т. е. буйный, сильный бык Всеволод.

Быки или туры на Руси олицетворяли воинов, и значит посвящались Перуну в его воинской ипостаси. Подтверждением этого является ранее приводившийся отрывок былины «Три года Добрынюшка стольничал», где героя превратили в «гнедого тура», т. е. в быка.

В хеттской и хурритской мифологии у бога грозы два быка. Греческий Зевс, в том числе и бог грозы, превращается в быка при похищении Европы. Греки и водяных божеств, в том числе, Посейдона, также изображали быками. А ведь уже подчеркивалось, что Посейдон у греков изначально был богом земного плодородия, и только потом в его ведение перешло море как, возможно, важнейший ис-

точник жизнеобеспечения, через рыболовство и торговлю. Но он же — колыхатель земли и моря. От него исходят землетрясения, что во многом соответствует функциям бога Грозы в регионах с повышенной сейсмической опасностью. Римляне своему богу грозы Юпитеру приносили в жертву быка, который иногда и изображался в образе этого животного.

Отношение быка к лунным божествам. Известно, что в древнем Двуречье и Средней Азии в III–II тысячелетиях до н. э., в древнеиранской и в древнеиндийской традициях бык в первую очередь — образ лунного божества. В иранской мифологии месяц называют «имеющим семя быка», в Шумере и Аккаде бог луны Син изображался в облике синевородого быка.

Можем сделать вывод, что в древнейший период бык почитался как лунное божество и в дополнение к женскому божеству — Матери-прародительнице, имевшей символику коровы, олицетворял космическое начало. Позднее у большинства индоевропейских народов бык соотносился с богом Грозы. В ранний земледельческий период он был символом бога умирания-возрождения и отвечал за урожай, изобилие и удачу. При становлении государственной власти и выделении из общины воинской прослойки он становится символом доблестного воина и правителя-воина. Однако в ряде случаев символ быка сохраняет свою земледельческую принадлежность, переходит к другим мифологическим персонажам.

Свинья

Символика свиньи двойка, но с преобладанием позитивного значения. Свинья — символ плодородия, материнства, плодovitости, процветания и удачи. Однако также означает прожорливость, жадность, алчность, злобу и разнузданную страсть, ненасытность, эгоизм, похоть, упрямство, невежество а также нечистоты. Превращения людей в свиней за грехи (проступки) известны в греческой и хеттской мифологии. Свиноматка ассоциируется с Великой матерью и имеет лунную и небесную символику.

Рассмотрим символику свиньи в мировой традиции.

Символ свиньи как источник жизни, плодородия и богатства. В индуизме Алмазная свинья — это Ваджраварахи, Царица Небес, богиня рассвета, источник жизни и плодородия.

У скандинавов свинья посвящена богине плодородия Фрейе, которая на ней скакала. У них, как у германцев и тевтонцев, с символикой свиньи связывается плодородие вообще и урожай.

Кельты свинину приносили в жертву, как любимую пищу богов и героев. У кельтов царица свиней «седая старуха» Керидвен — это Великая мать, а также Феа «сияющая» — символ Луны и плодородия.

В кельтском раю, где правит Дагда, всегда «одна свинья живая, а другая поджаривается». Его сын, бог любви Ангус, имеет собственное стадо свиней, их вожак — черный вепрь. Мананнан, сын Лера, даровал племенам богини Дану чудесное стадо своих свиней: их можно каждый день убивать и есть, и каждый день они вновь оживают. В некоторых кельтских областях почиталась богиня-свинья Серидвен.

У римлян свинью приносили в жертву Марсу, как богу земледелия, а также Туллусу и Церере во время сбора урожая.

В Древней Греции свиноматка была посвящена Зевсу Диктейскому, которого, по некоторым преданиям, вскормила молоком свиньи. Греческое название свиньи — *гюс* (Gus) от глагола *Гиейн*, что значит *приносить жертву*. Отсюда произошло и латинское слово — Sus.

Знатные люди Этрурии при вступлении в брачный союз в жертву приносили поросенка, и он был как бы эмблемой свадьбы и символом многочисленного потомства новобрачных.

Можем сделать вывод, что свинья относится к хтоническому миру. Она олицетворяет плодородие и довольство.

Баран

Образ барана связан с солнцем, весенним солнцестоянием. Баран также подчеркивает плодовитость. Овец и баранов белого цвета приносили в жертву богам огня и

солнца, черных — злым духам и предкам. В МНМ читаем: «...жертвоприношение черной овцы — божествам подземного царства, злым духам для их умилоствления. Часто коза приравнивается к черной овце (черной овцой нередко называют плохого человека, ср. «заблудшая овца» — о грешнике)».

Рассмотрим символику барана у различных народов.

У славян существовали приметы: поймать во сне барана — к преодолению всяческих препятствий; есть баранину — добиться торжества над неприятелем. У римлян явление во сне золотого или пурпурного барана означало перспективу стать царем. У хеттов шкура барана, посыпанная золотым песком, в качестве солнечного символа проносилась перед царской процессией во время торжественных праздничных шествий.

В сказках баран отличается наивностью и доверчивостью, «твердолобостью», чем пользуются хитрые персонажи («Кот серый лоб, козел да баран»), т. е. выступает их жертвой, при этом, что существенно, не погибая. Однако встречаются сюжеты, в которых он одерживает парадоксальную победу над хищниками в результате собственной неуклюжести. Так, в «Храбром баране» он падает с дерева прямо к застолью волков, а они, испугавшись от неожиданности, разбегаются. В этом нельзя не усмотреть идею необдуманной, т. е. бескорыстной жертвы как пути к спасению.

Бог огня в Индии мог превращаться в барана, но только в ипостаси солнечного, небесного огня. В Упанишадах сообщается о жертвоприношении барана для связи с предками, их угощения и привлечения. Гадание на овечьей лопатке после жертвоприношения также обусловлено связью образа с миром духов и предков, их вопрошение о будущем.

В Древней Греции баран был посвящен Зевсу-Сабазию, Дионису, Пану, Афродите, в Риме — Юпитеру. Гомеровский Одиссей закалывает черного барана, чтобы вызвать души из Аида, и пить жертвенную кровь слетаются души предков. В греческом и римском искусстве баранов изображали на жертвенных алтарях. Считалось, что кровь барана передает человеку жизненную силу животного.

В христианстве жертвенный агнец, т. е. тот, кого приносят в жертву, — это барашек. Искупитель Христос в раннем христианстве иногда изображался агнцем (например, в Апокалипсисе святого Иоанна).

Можем сделать вывод, что баран символизирует жертву, жертвенный огонь и огонь солнца.

Козел

Известно, что козел — символ плодовитости, которая отличается от плодовитости быка, коня, барана (овцы), дарованной им Солнцем и Небом. Применительно к образу козла речь идет больше о похотливости, т. е. об оргиенистической направленности. Земную плодовитость козла выражал, например, козлоногий греческий Пан, противопоставленный в греческой традиции Аполлону. Римские сатиры и селены также козлоноги и связаны с растительностью, пьянством, оргиями; олицетворяют и буйство природы, и ее хаотическое начало. В сказках проявляются различные ипостаси символики козла. Так, в сюжете о Козе-Дерезе речь идет о качествах лживости и неверности. В сказке «Сопливый козел» добрый молодец принимает облик козла как самое сильное испытание верности суженой.

Кратко рассмотрим основные функции козла.

Экстатическая функция, связанная с плодородием. Малоазийский, позднее греческий бог Дионис — бог плодоносящих сил земли, растительности, виноделия (МНМ) имел, как одно из воплощений, облик козла. Он был долго неприемлем греками в качестве истинного бога, что отразилось и в мифологии. Дионис путешествовал по Малой Азии, Индии, Персии, даже Гиперборее. В мифах подчеркивается всеобщность культа Диониса, а в конечном плане — женского жреческого экстаза. Этот экстаз, как уже отмечалось, связан с силами Земли, земными богами, а в основном — богинями. Женоподобность Диониса — это смена пола или двуполость. В шаманских традициях женоподобность и ритуальная смена пола присутствуют до наших дней, поскольку считается, что это дает шаману возможность общаться с духами и силами земли.

Вакх — римский аналог *Диониса*. В ходе вакхических мистерий люди впадали в экстаз, безумие. Мать одного из царей, находясь в таком состоянии, растерзала сына, приняв его за животное. Даже божественный певец Орфей был убит проходившими мимо него экстазирующими вакханками. Носителями этого экстаза были в первую очередь женщины, потому что Дионис связан с буйством и силами земли, несет в себе хтоническое женское начало, отражает ярые оргиестические, мистико-магические ритуалы матриархата, связанные со священным безумием, растворением в женском хтоническом, хаотическом, протоматериальном и антидуховном, антимужском принципе.

Козлиная нога сатаны тоже не случайна. Козел и коза, по поверьям, вредны, непостоянны, неверны, лживы. Сожительство ведьм во время шабаша с Сатаной в козлином облике имеет основанием эти древние традиции. Таким образом, козел связан с землей и даже Адом и Хаосом.

Функция проводника. Отметим еще одну сторону символики козла, связанную с его функцией проводника. Козел в стаде овец используется до сих пор в качестве вожака. В древности, если хотели найти проход в горах, выпускали козла и шли по его следу. Скандинавский Тор ездил на козлах и питался ими. Перкунас водил за собой на веревке козла и иногда на нем ездил. Зевс, вскормленный на Крите козой Амальтеей (Амалфеей), имел атрибут эгис (или эгида) — козью шкуру. Козел связывает громовержца с подземным миром, чтобы тот имел власть над ним, мог преследовать и наказывать служителей темных сил. Он является для небесного божества проводником, оружием и оберегом в подземном царстве.

Жертвенная функция. Кроме того, козел выполняет еще одну важнейшую сакральную функцию — жертвенную. В Библии много раз упоминается о «козле отпущения грехов». Его рассматривали как замену человека, принимающую на себя вину последнего.

Древнеиндийский ведический бог-громовник Индра связан с козлом как жертвенным животным. В Упанишадах отмечены эти события, но богу Агни жертвенного козла

посвящали в шесть-семь раз чаще¹³². Более того, жертва козла Индре подразумевала связь с предками.

Историческим примером этой традиции может служить факт, описанный Ксенофонтом в «Киропедии»: к лидийскому царю Крезу пришел сын Адраст, повинный в непредумышленном убийстве брата. Для того чтобы снять грех с Адраста, Крез убил козленка и его кровью оросил руки царевича, «смывая грех».

Можем сделать вывод, что козел символизирует связь с нижним хтоническим миром, откуда приносит хаос, экстатическое состояние и плодородие. В Нижний мир уносит грехи людей и является проводником героев и громовержца.

Пес (собака)

Символика пса практически идентична ранее рассмотренной символике волка. Отличительной чертой является то, что пес дополнительно символизирует бескорыстную дружбу, надежность, верность.

Кот (кошка)

Свойства кота — независимость, любопытство, ум, непредсказуемость, целительство. Он имеет способность сопротивляться, будучи загнанным в угол, видеть невидимое. Он также представляет любовь и может помочь в медитациях. Кот, обладая способностью изменять форму зрачка, символизирует фазы Луны и великолепие ночи. Он означает также все, что делается украдкой; желание и свободу. Традиция приписывает коту женскую сущность и особую женственность. Кроме того, кошка иногда обозначала неразборчивость в связях или распутную женщину.

Рассмотрим основные функции кота.

Кот как олицетворение злых сил. У русских из-за влияния христианства, по деревенским поверьям, кошка

¹³² Индра — царь богов в момент принесения ему козла в жертву брал на себя функцию Агни. Для этого имелось и формальное основание. Агни являлся братом-близнецом Индры. В ряде традиций братья-близнецы рассматривались как одно лицо. В первую очередь это относится к древнеиндийской традиции: Ашвины, Маруты. В греческой традиции это Диоскуры — Кастор и Полидевк.

считалась нечистой, т. к. съела черта, превратившегося в мышь. Приснившаяся кошка предупреждает о тревожной ситуации. Считалось, что коты имеют семь (или девять) жизней и обладают сверхъестественной силой. У русских старообрядцев особенно устойчивы ассоциации кошек с силами зла: кошка как атрибут похоти.

Магические свойства кошек хорошо просматриваются в народном фольклоре: «Недалека беда, если черная кошка перебежит дорогу». Особенно плохо, если кошка бежит «за пазуху» — т. е. по направлению к застёжке на одежде. Несчастье можно предотвратить, если трижды сплунуть через левое плечо и продолжить путь, сложив кукиш в кармане или держась за пуговицу, но лучше остановиться и подождать, пока пройдет кто-нибудь другой, — русская народная примета. Есть и другие: появление чужого черного кота в доме — предвестье беды; убийца кота станет убийцей человека; человек, который в ночь перед Рождеством увидит во сне черную кошку, опасно заболит в этом году; больной умрет, если чужая черная или белая кошка войдет в его комнату. Подлинный смысл выражения «между ними кошка пробежала» состоит в том, что под кошкой подразумевается черт-оборотень, который становится между людьми и вызывает ссору. Считалось, что из черной кошки можно извлечь кость, которая сделает человека невидимым, или получить в обмен на черную кошку у нечистой силы шапку-невидимку и неразменный червонец. Получение неразменного червонца (или рубля) достигалось следующим образом. Поймав черного кота без единой белой отметины, надо было встать с ним безлунной ночью на перекрестке четырех дорог, одна из которых ведет на кладбище, и щипать животное, чтобы оно кричало. Когда подойдет незнакомец и попросит продать кота, надо требовать за кота один рубль (или червонец), и сколько бы раз им не оплачивали покупки, он будет возвращаться.

В низшей мифологии кот является воплощением или помощником, членом свиты черта, нечистой силы. Так, в литовской традиции черный кот выступает в роли противника Перкунаса, в которого тот может превращаться, иногда — с красными глазами. У латышей нечистая сила,

сталкиваясь с громом и молнией, превращается в черного кота с коровьими ногами.

У кельтов кот — хтоническая сила, погребальный символ. Он олицетворял злые силы и его часто приносили в жертву.

В средневековой Европе полагали, что кошка — опасное существо, оно может означать зло и силы тьмы. По поверьям, ведьмы часто принимали образ кошек, отправлялись на шабаш верхом на черных котах. «Новую ведьму приводят в “синагогу” и представляют дьяволу, который является в образе “порочного человека” или животного, обычно черного кота», — так описан обряд посвящения в ведьмы в трактате «*Errores Gazariorum*» (Савоя, середина XV в.). Плодовитость кошек, их способность видеть ночью, блестящие круглые глаза превратили их в народных поверьях в загадочного зверя, которому ведомы тайные силы. Ведьмы, равно как и повитухи (в народных поверьях почти идентичны), имеют при себе черную кошку. Черный цвет — символический цвет ночи, ее тайн. Черный кот как приближенный колдуньи означает зло и невезенье.

В христианстве кот — это Сатана, тьма, похоть и лень. В средневековых суевериях считалось, что Сатана ловит человеческие души, подобно коту, хватающему когтями мышь. Согласно многим преданиям, кошка приносит несчастье, потому что дьявольски изворотлива. Рассматривается нередко в качестве символа смерти. «Демоны искушают святых, являясь им в образе черных кошек» (из сочинения средневековых монахов). У русских старообрядцев кот иногда выступает как символ посрамленного сатаны в сценах благовещенья.

Мистическая функция кошки. У русских следы «мистичности» кошек запечатлены в сказках. Известен сказочный Кот Баюн, «сидящий на столбе, побивающий весь люд, напускающий неодолимый сон и сказывающий сказки».

Считалось, что «прежде чем войти в новую избу, пускают туда на первую ночь черного петуха и курицу, на вторую — черного кота и кошку». А кот, пес и петух черной масти предохраняют дом от воров. Английские моряки были уверены, что если черного кота во время плавания выбросить за борт, на море разыграется страшная буря.

Кроме того, в Англии черный кот считался символом удачи, возможно, благодаря вере в то, что он обладает частью магической силы, унаследованной от ведьм, особенно если такой кот пересекал дорогу.

С магической особенностью черных кошек связан ряд европейских и американских примет: «Если дома черный кот (кошка), в нем не переведутся любовники» (старая английская пословица). «Если на корабле есть черная, без единого белого волоска, кошка, то плавание будет удачным» (поверье моряков). «Если черная кошка чихнет недалеко от невесты — молодым счастье» (английская примета). «Если девушка не уверена, стоит ли ей выходить замуж, она должна взять три волоска из кошачьего хвоста, завернуть их в бумажку и положить на ночь под порог. Наутро надо развернуть бумажку и посмотреть на волоски. Если они приняли форму буквы Y, то надо принять предложение руки и сердца, если же волоски приняли форму буквы N, то отказать» (бретонское гадание). «Если мужчина опустошил бутылку до дна и при этом под столом сидела кошка, то женится он в этом же году» (предзнаменование, бытующее в горах Озарка, США). «Черный кот на крыльце — достаток в доме» (шотландская примета). «Остерегайтесь людей, которые не любят котиков» — ирландская пословица, а португальская такова: «Дом без кота или собаки — это дом скряги».

У английского короля Карла I была черная кошка, которая, как он считал, благотворно влияла на его судьбу, когда она умерла, он воскликнул, что лишился счастья. По удивительному стечению обстоятельств монарх вскоре был арестован, а затем и казнен.

Кошка как защитница и благодетельница. Кот Котофей в русской сказке победил Змея и научил людей добывать огонь. Кот, попавший в лес, несмотря на малые размеры и относительную слабость по сравнению с дикими зверями до смерти напугал и волка, и медведя и воцарился в лесу.

Кошка предсказывает погоду: «если кошка в ненастье лежит животом вверх или три раза обведет лапкой во круг мордочки, то будет хорошая погода», — считают в Грузии. «Коли кошка моется, повернувшись к востоку, это предвещает хорошую погоду, а коли повернувшись к

западу — худую», — утверждают в Сербии. «Кошки моются лапками, повернувшись в ту сторону, откуда подует ветер», — отмечают в Болгарии.

В греко-римской культуре кот — спутник лунной богини Дианы. Богиня свободы держит кота у своих ног. Она богиня растительности, родовспомогательница. Диана принимала образ кошки, чтобы ускользнуть от Тифона. В Древнем Риме кот стал эмблемой свободы, а также олицетворением духа-охранителя дома.

Древние греки отождествляли египетскую Бастет с Артемидой — богиней охоты, дочерью Зевса, обладающей решительным и агрессивным характером. В скандинавской мифологии богиня плодородия, любви и красоты Фрейя ездила в повозке, которую везли кошки. В Индии кот — символ рождаемости, там считают, что приبلудная кошка появляется к скорой свадьбе.

Можем сделать вывод, что кот — лунный женский символ, связанный с женской магией и независимостью. Черный кот, как правило, сопряжен с темной стороной магии.

СИМВОЛИКА ПТИЦ

Орел

Орел — царь птиц и самый распространенный символ среди всей фауны. Орел связан с такими понятиями и качествами, как божественность, храбрость, отвага, вера, победа, сила, величие и власть, особенно имперская, царственное происхождение, а также духовное начало, высота, вознесение, освобождение от уз, гордость, апофеоз.

Солярная функция орла. У греков орел означал Солнце, духовную силу, царственность, победу и удачу. В римской традиции по аналогии с греческой орел — солярная птица бури, носящая молнию Юпитера. В сирийской Пальмире орел с человеческими руками символизировал поклонение Солнцу. О нем говорилось, что он может омолаживаться, троекратно погружаясь в воду или, как Феникс, от солнечного пламени. Того же мнения придерживались и славяне: по их верованиям, когда наступает старость, орел улетает на край света и, искупавшись там в озере с живой водой, снова обретает молодость.

В индуизме Гаруда изображается существом с человеческим туловищем, орлиной головой и крыльями. Устойчивый мифологический мотив, связанный с Гарудой, — его постоянная вражда со змеями, «пожирателем» которых он является. Эта борьба — символическое воспроизведение сражения солярного героя с его хтоническим противником. Аристотель утверждал, что орел может прямо смотреть на восходящее солнце, поэтому позднее он стал символом Вознесения. Глядящий, не мигая, на Солнце, он олицетворяет Христа, вперившего очи во Славу Божию, принося птенцов своих к Солнцу. При взлете он — Христос, воз-

носящий души к Господу, а при падении камнем за рыбу в море — Христос, спасающий души из океана грехов.

Связь орла с верховной божественной и царской властью и их атрибутом — славой. У славян орел — божья птица, владыка небес. Он живет дольше всех пернатых. В скандинавской мифологии это эмблема верховного бога Одина (Водана). В митраизме — атрибут бога Митры.

Поскольку орел, по поверьям, летает выше, чем любая другая птица, древние греки его рассматривали как выражение божественного величия. Он атрибут Зевса и как носитель его молнии иногда изображается с таковой в когтях.

Орел не только спутник и посланник великих богов, но часто их прямая персонификация. Так, когда олимпийским богам понадобился виночерпий, то Зевс посылает за Ганимедом орла или летит сам, превратившись в орла. Ганимед, поливающий орла, символизирует преодоление смерти. В другой мифе гнев Зевса превратился в орла и терзал печень Прометея.

Орел в Риме олицетворял императора. Он выражал символ и рассматривался как действующее лицо обожествления после смерти. Подметив, что орел может смотреть прямо на солнце не мигая, люди наделили его способностью переносить души на небеса, отсюда произошел и древнеримский обычай выпускать орла во время сжигания тела умершего императора. На римских монетах орел символизировал императорскую власть.

В индуизме орел — эмблема царя богов Индры. Мифическая гигантская птица Гаруда, на которой летает бог Вишну, также имеет голову орла.

В традиции Древней Персии царь Кай-Кавус пытается подняться на небо при помощи орла. Орел становится воплощением «славы», или хварено (фарн). Миф повествует о том, что именно в виде орла слава покидает царя Йиму, когда он оскверняет себя ложью.

У кельтов орел ассоциируется с целительными водами. В одной из валлийских легенд о короле Артуре спящего в пещере героя охраняют орлы.

Орел как символ воинской победы. У древних греков, согласно Гомеру, орел со змеей в когтях, есть символ победы.

В римской традиции — так же, его полет воспринимался как предзнаменование военного успеха. Еще со времен основателей Рима Ромула и Рема его изображали на штандартах как «птицу Юпитера». Орел часто изображался на штандартах римских легионов. То же значение он имел на оружии многих армий. Великий царь Кир поместил его на свое знамя как символ победы и триумфа, поскольку в Иране орел тоже символизировал победу; ее предвестьем был полет орла над полем битвы.

Со змеей в клюве орел обозначает триумф Христа над Сатаной. Считалось, что орел обновляет свое оперение, подлетая к Солнцу и бросаясь затем в море, поэтому он олицетворяет воскресение и новую жизнь после крещения, душу, обновленную благодатью.

Символика орла как посредника с миром богов. В индуизме мотив посредничества лежит в основе легенды о похищении Гарудой амриты (напитка бессмертия), восходящий к ведийскому мифу о похищении сомы орлом Индры.

Существует легенда о том, что бог огня Агни в образе орла или сокола срывает с Мирового дерева плод. Агни наказывается за свой поступок. Его перо падает на землю, и из него вырастает растение, из которого позднее будут добывать «земную сому». Сомы, эквивалент амброзии, в Индии является символической субстанцией, позволяющей обрести божественное состояние.

В иранской мифологии как посредник между богами и людьми в мифах выступала птица Анзуд, представляемая в виде орла с львиной головой.

С символикой орла связаны приметы, воспринимавшиеся как выражение божественной воли: в Уэльсе считалось, что крики орла предвещают несчастье или, наоборот, какое-нибудь великое событие. Если орлы кружили низко над равниной, люди ожидали смерти или эпидемии, а если парили высоко над землей — это сулило удачу. Плохой приметой было разграбление орлиного гнезда, хотя, с другой стороны, признавалось, что орлиные яйца обладают магической силой. Одного яйца, съеденного на двоих, было достаточно, чтобы защититься от злых чар.

Можем сделать вывод, что орел — солярный символ верховной небесной царской власти, славы и победы.

Сокол

Сокол разделяет с орлом большую часть его солярного символизма и может меняться с ним местами. Он — воодушевление, победа, восхождение через все уровни, превосходство, сильное желание, дух, свет. Обозначает также свободу, а значит и надежду для тех, кто в оковах, моральных либо духовных. Сокол — символ смелости и отваги, храбрости и отчаянности, гордости и благородства. Как правило, эти качества приписывают в первую очередь воинам, а потому сокол — символ войны. Он служит изображением для эмблем ряда частей и подразделений современных европейских армий. Сокол — неизменный атрибут охотничьих забав, по крайней мере в средневековой Европе, у арабских народов и на Руси. Сокол для этой эпохи еще и предмет роскоши. В поговорку вошли выражения «зоркий, как сокол», «ясный сокол» и др., свидетельствующие об отличительных характеристиках этой птицы. Золотой сокол — символ космической гармонии.

Рассмотрим основные функции данного символа.

Символ сокола как образца воина и царя-воина. В русском фольклоре сокол — символ молодого воина. Символика сокола в фольклоре славян основывалась прежде всего на его повадках и особенностях соколиной охоты. Сокол — это воин-герой, богатырь, и в первую очередь князь, стоящий во главе своей воинской дружины.

Трезубец Рюриковичей, ставший символом Украины, появился как символ пикирующего сокола. В XIX в. французский путешественник К. Мармье посетил Мекленбург, который, как известно, в раннем Средневековье представлял собой центр западнославянского племенного союза ободритов. Там он записал одну очень интересную легенду. Согласно ей, Рюрик — сын ободритского князя Годлава, призванный в свое время на Русь вместе с двумя братьями. И в этом плане интересно само имя Рюрик. Последовательные антинорманнисты всегда сближали его с этнонимом *refeg*. Дело в том, что ободриты назывались еще и *refegami*, т. е. соколами. Изображение сокола служило в качестве их племенного знака. Оно же служило и в качестве герба династии Рюриковичей, долгое время

правившей нашей страной. О.М. Рапов убедительно доказал, что на их монетах изображен сокол со сложенными крыльями, пикирующий на свою жертву. Получается, знаменитый трезубец Рюриковичей — схематизированное изображение сокола. Сокол-ререг был широко известен и у восточных славян. Воин-сокол часто встречается в русском эпосе. Так, былинный Вольга-богатырь часто оборачивался этой грозной птицей и в ее обличье сражался с черным вороном Санталом. Во Владимировых былинах Илья Муромец и Добрыня Никитич путешествуют по Хвалынскому (Каспийскому) морю на «Соколе» — корабле, который подвергается нападению «черных воронов» (турок или татар).

В описаниях сражений о ловком воине говорится, что он *соколом литає*. В исторических великорусских песнях с соколом сравнивается князь Скопин:

Оберегатель мира крещеного
И вся земли святорусские,
Как ясен сокол вон выпархивал.

В СопИ образ сокола как охотничьей, ловчей птицы характеризует, за одним исключением, именно князей. Сокол либо является символом князя, либо князь сравнивается с соколом, уподобляется ему. В СопИ слово «сокол» употреблено автором 13 раз. Половецкие ханы Гза и Кончак собираются опутать соколенка — сына Игоря женитьбой. Толкуя сон Святослава, бояре рассказывают ему о печальной участи молодых князей, сравнивая их с соколами, которым «поганые» подрезали крылья, а самих опутали в «путины железные». Путины (опутенки) делались из самой тонкой кожи, поэтому «путины железные» — это метафора, означающая наручники или кандалы.

В русской сказке герой превращается в сокола, чтобы задушить петуха, в которого превращается сам дьявол. Как витязь изображается сокол в русской сказке «Финист Ясный сокол». Сокол — символ молодца, мужской красоты, ума и силы, отваги и удалства, знак молодечества и смысленности. В калядках сыну хозяина дома поют: «Соколоньку ясный! Молодец ты красный!». В великорусских песнях встречаются также обращения: «Сокол ты залетный, со-

колик ясный». В песнях обрядовых сокол с другой птицей символизирует любовную чету. В веснянках парубка и дивчину сравнивают с соколом и галкою:

Чорна галочка, невеличечка!
 Нащо сокола перемовила?
 Молода Варочка, молодесенька,
 Нащо Василька перемовила?

В свадебных песнях сокол означает жениха, а невесту — зозуля, лебедь или голубка:

Воротися, сокол, воротися!
 Воротися, ясен, воротися!
 Что же ты за сокол:
 Летишь без голубки,
 Без голубки, без сизой!

Можно, предположить, что в древности соколиная охота была не просто забавой. Возможно, ей придавали магический смысл, рассматривали как действие, обеспечивавшее княжескую победу над врагами, подобную той, которую одерживал над птицами княжеский сокол. Подобные соотнесения имелись в воззрениях на царскую охоту у хеттов, персов, ассирийцев, египтян и т. д.

Символика сокола как героя, война, мудрого правителя сохраняется и по сегодняшний день. Это хорошо видно из культовой песни сталинского времени: «На дубу зеленом и на том просторе два сокола ясных вели разговоры. Один сокол Ленин, другой сокол Сталин, и народы соколов сразу признали».

Скандинавский верховный бог Один (предводитель битв, в подчинении которого были мертвые воины), принимал вид сокола. Хищные птицы — один из основных мотивов скифо-сибирского звериного стиля (характерные изображения животных на различных изделиях). Часто встречается сцена нападения и терзания хищником жертвы — оленя, зайца, рыбы и др.

У древних иранцев сокол считался одной из инкарнаций (воплощений) иранского бога войны и победы Веретрагна (аналог нашего Перуна). Кроме того, в виде сокола иранцы изображали фарн — символ царской власти.

Символ сокола как древнейшей божественной силы.
 Как считает Т.А. Бернштам (1982), образ сокола у славян обладает сложной многозначной символикой, в нем есть признаки древнейшего мифологического пласта, указывающего на связи с языческими божествами. Интересно, что сокол-балобан в языках западных славян называется *рарог*. Рарог — давний персонаж славянской мифологии. Это огненный дух, связанный с культом очага. Одним из его олицетворений был сокол. Предполагается его связь с древнерусским богом огня Сварогом.

Сокол, как и другие птицы, упоминается при птицеволховании. «Пані Катерина» хочет узнать, что делают і чумаки: выносит сокола на правой руке и спрашивает: «Соколоньку! Скажи всю правдоньку...», — а сокол отвечает ей: «Катерино, та ти ж наша пані! Скажу тобі всю правду й неправду, Скажу тобі всі чумацькі злості...».

У кельтов сокол, как и орел, был одним из первоначальных проявлений. Противопоставляется зайцу и олицетворяет победу над похотью.

В мифологии осетин, как и во всем протоиранском мире, сокол или ястреб является связующим звеном между нартами и богом Батразом. Сокол символизирует и фарн — небесную благодать, посылаемую Богом на землю людям.

Сокол — атрибут скандинавского бога Фригга. Бог Локки, связанный с огнем, тоже мог превращаться в эту быструю птицу.

Можем сделать вывод, что сокол отражает древнейшую божественную, часто солярную и огненную силу, явленную в качествах смелости, отчаянности, гордости и благородства, выразителем которых является воин и царь-воин.

Ворон

Символ ворона широко распространен в мифологических представлениях и обладает значительным кругом функций, связывается с разными элементами мироздания (Подземным миром, Землей, водой, небом, Солнцем), что свидетельствует о глубокой мифологической семантике этого персонажа.

Само слово *ворон* в большинстве языков этимологизируется как указание либо на крик ворона (иногда звукоподражательное — в романо-германских, кельтских, палеосибирских, венгерском, ацтекском наименованиях), либо на его окраску (в т. ч. в балто-славянских, арабском, китайском языках). Черный цвет ворона часто воспринимается как приобретенный от соприкосновения с огнем или дымом, в силу наказания бога и т. п. Как трупная птица черного цвета со зловещим криком ворон хтоничен, демоничен, связан с царством мертвых и со смертью, с кровавой битвой (особое развитие получает мотив выклевывания вороном глаз у жертвы), выступает вестником зла.

Рассмотрим символику ворона в различных мифологических традициях.

Космогоническая, солярная и благая функция ворона. У славян символика ворона в некоторых сказках рассматривается как некая космогоническая сила, связанная с Нижним миром. Это представлено в таком космогоническом ряду, как Солнце, Месяц и Ворон Вонович, где орел — символ солнца и неба, сокол как — символ земли и земной власти, Ворон Вонович — как владыка Нижнего мира, он самый старший, богатый, могущественный и мудрый. За него отдают замуж самую юную и прекрасную дочь или сестру князя, царя или старика. Ворон Вонович владеет живой и мертвой водой и даром предвидения.

В античной мифологии ворон (или ворона) сопровождает богов и героев, связанных с небом и солнцем, с культом земледелия, с войной и подземным царством: Кроноса (и римского Сатурна), Аполлона, Афины (шлем Афины имеет вид ворона), Асклепия.

Ворон, по-видимому, связан с кельтским богом Лугом.

Умиравшим на земле он приносит живую и мертвую воду или съестные припасы. Так, даже в Библии, отрицательно относящейся к ворону, есть история о пророке Илии, которому ворон приносил пищу во время пребывания того в пустыне. В русских сказках ворон нередко доставляет живую и мертвую воду.

Ворон как представитель Нижнего мира и мира Смерти. В мифологической традиции просматривается связь птиц семейства врановых со смертью и миром мертвых.

Хтоническая символика ворона представлена в раннем арабском свидетельстве аль Масуди (ум. 956 г.). Он описывает славянского идола Чернобога в виде старца с посохом, которым тот извлекает из могил останки умерших. Под левой его ногой помещены изображения ворона и других черных птиц, под правой — муравьев и эфиопов. В похоронных причитаниях смерть залетает в окно черным вороном.

Как птица, связанная с Нижним миром, ворон является и хранителем его сокровищ и богатства, а также обладает способностью их обнаруживать и добывать. Он охраняет клады, спрятанные в земле. Верили также, что в гнезде ворона хранятся невидимые богатства: золото, серебро и драгоценные камни. Насобирав много золота и серебра, ворон золотит себе голову и хвост. Всем известна слабость врановых к блестящим предметам. Известно славянское поверье о злом духе в образе черной птицы, которая крадет и носит своему хозяину богатство за то, что тот держит его за печью, гладит, кормит яичницей и не выбрасывает из дома помет.

Вороны в славянских народных представлениях — нечистые и зловещие птицы. Ворона считают черным, потому что он создан дьяволом. В нем видят нечистую силу, полагают, что черт принимает облик ворона и летает ночью по дворам, поджигая кровли. Верят, что черти в виде ворон слетаются и кружат над домом умирающего колдуна, чтобы помочь выходу его души из тела. Души злых людей представляют в виде черных воронов или ворон. Считают, что ведьму можно определить по черному ворону, сидящему на крыше ее дома.

Хищность, кровожадность и разбой — характерные мотивы в представлении о вороне. Они, как и ястребы, охотятся на цыплят. Чтобы уберечь их от ворон, на дворе вывешивают убитую сороку. Считают также, что если опрокинуть горшок вверх дном, то вороны не смогут увидеть цыплят. С той же целью в день Рождества ворон и ястребов называют в некоторых местах голубями. Хищность связывает в поверьях ворона с волком. Согласно польской легенде, вороны и галки произошли из щепок, когда дьявол создавал волка, вытесывая его из дерева. Как и других

хищных птиц, убитых ворон вывешивали для отпугивания злых сил, а также на поле — для отпугивания воробьев. Чтобы ружье било без промаха, охотники смазывали его дуло кровью ворона. Мотив крови присутствует в легенде о вороне, которая хотела напиться кровью, капавшей из ран Христа, за что Бог проклял ее, и клюв по краям навеки получил кровавый цвет.

Для поверий о вороне характерен мотив кражи. Согласно подобным представлениям, человек станет вором, если съест сердце или мясо ворона. По одной из легенд, ворона уличает св. Петра перед Богом в краже коней, криком «украл!», в отличие от кукушки, которая кричала «купил!». С кражей коней связывается и сон о вороне. Считают, что ворона своим карканьем обличает вора или кражу.

В народной традиции выявляется взаимосвязь вороны и муравья, отношения между ними носят враждебный характер. Ворон, например, старается вывести птенцов в марте или феврале, пока муравьи еще не вышли из земли, иначе они поедят его птенцов. С этими представлениями связана сказка о состязании муравья с вороной в том, кто из них сильнее (ворона проиграла).

В средневековой христианской традиции ворон становится олицетворением сил ада и дьявола. Интерпретация опирается как на еврейскую традицию, отражая иудаистское деление животных на чистых (голубь) и нечистых (ворон), так и на дохристианско-мифологические представления народов Европы, в которых ворон имеет отчетливую хтоническую характеристику и фигурирует как птица, приносящая несчастье.

Ворон как темный вестник. На Руси ворон — вещая птица. Он живет сто или триста лет и владеет тайнами: предсказывает смерть, нападение врагов, в былинах дает советы героям, в сказках указывает на зарытый клад, в песнях приносит матери весть о гибели сына и т. д.

В России для охотника или рыболова, отправлявшегося на промысел, крик ворона означал неудачу, поэтому избегали его упоминания и называли *верховым* или даже *курицей*. Существует примета: кто поет в лесу и увидит ворона, тот обязательно столкнется с волком. Карканье

ворона, пролетающего над стадом, предвещает скорое нападение на стадо волка.

В библейском описании потопа, восходящем к вавилонскому, ворон не вернулся, а посланный затем голубь прилетел с листом оливы, т. е. в противоположность вавилонской версии ворон выступает в дурном свете, а голубь — наоборот. Ной проклинает ворона, делает его черным, благословляет голубя. Эта трактовка становится ярче в поздней еврейской (постбиблейской) и мусульманской традициях.

В Европе появление Ворона на левой стороне дома было дурной приметой. Во время сева его появление предвещало неурожай.

В греческой мифологии ворон был вестником Аполлона. Он, в частности, донес солнечному богу об измене его возлюбленной, которую, как ни странно, звали Коронида (Ворона), и в результате огорченный Аполлон превратил ворона, бывшего тогда белым, в черного. Как сказал Овидий, «Ворону он воспретил, ожидавшему тщетно награды, за откровенную речь, меж белых птиц оставаться». Беременную Корониду и ее любовника Аполлон убил, а ребенка вынул и отдал на воспитание кентавру Хирону. Так появился бог врачевания Асклепий. Аполлон и сам обращался в ворона, чтобы указать людям, где построить новый город. И эта деталь указывает на древние корни мрачной, жестокой стороны Аполлона.

По преданию, Ворон предсказал смерть Цицерона и др. Вместе с тем отчетливой хтонической характеристики античный Ворон не имеет.

Связь ворона с кровопролитием и войной. О кровожадности ворона свидетельствует его крик, передаваемый возгласом «кровь, кровь!». Стаи ворон воспринимались в прошлом на Руси как предвестники набега татар. В Европе и на Руси встреча двух воронов в воздухе предвещала войну.

В древнеирландской и особенно древнескандинавской литературе, восходящих к фольклору и отражающих дохристианскую мифологию, ворон иногда обладает железными когтями и клювом. Встречается образ одноглазого ворона, что характерно для хтонических существ, возможно, это одно из олицетворений одноглазого сканди-

навского Одина, бога битв и колдовства. Ворон фигурирует в описаниях битв, предвещает гибель героев. Одина, связанного с царством мертвых и войнами, сопровождают две мудрые вещие птицы — вороны Хугин и Муни, *Думающий* и *Помнящий* (или *Мысль* и *Память*). Вороны отражают вещую, провидческую, колдовскую природу Одина так же, как волки — его агрессивную и хищную сторону. Ворон — птица, поедающая трупы убитых врагов и друзей, — пользовалась особенным вниманием скандинавских скальдов, воспевавших битвы. Как птица битвы, ворон был равен орлу, также ассоциирующемуся с Одином. Названия всех других птиц мужского пола при соединении со словами «кровь» и «трупы» означали воронов или орлов (например, *тетерев крови* или *коршун трупов*). Как говорил Снорри Стурлусон в «Языке поэзии»: «Ворона называют: “вран”, “Хугин”, “Муни”, “важный”, “ранний”, “считающий годы”, “предвестник трупов”».

Можем сделать вывод, что ворон у большинства народов связывается с Нижним миром и миром Мертвых, имеет ярко выраженный шаманский характер. Ворон — вещая птица, но чаще всего выступает черным вестником.

Сова

Любой современный человек соотносит сову с символом мудрости. Между тем задолго до того, как эта птица стала связываться с подобным качеством, она уже была представлена в символике древнейших цивилизаций. Самое старинное изображение совы насчитывает 32–34 тыс. лет (пещеры Chauvet во Франции). Каково же было восприятие ее в традиционных культурах далекого прошлого?

Рассмотрим символику совы в различных культурах.

Связь совы с Нижним миром. Славяне относили ее к «нечистым», приписывали связь с ведьмами и лешими, называли предвестницей смерти или вдовства, обличительницы распутства, охранительницы кладов. Сохранились сказания о том, что она боится мести птиц за невозврат одолженных у них перьев (белорусское, хорватское) и опасается насмешек за похвалбу о красоте своих детей (польское).

В Средней Азии детей и скот защищали от зла с помощью совиных перьев. Да и у славян были поверья, связанные помещением совы у хозяйственных построек для отпугивания то домового, то мышей, а то и для защиты непосредственно жилища.

Оба аспекта: и опасливость отношения, и необходимость иметь в качестве оберега для хозяйства, получили воплощение в сказках. С одной стороны, сова (филин) является атрибутом чащи, т. е. опасного места, где правит леший, она входит в зооморфное окружение Бабы Яги. С другой — к ней идут на поклон, чтобы не покидала, как в сюжете «Сова», где она перестала мышью ловить на лугу у мужика, а в результате хуже стало молоко у его коровы. Заканчивается сказка словами о том, как после примирения «стал Старик молоком чай белить, чай белить — Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать».

В Индии она почиталась в качестве покровителя ночи, посланца загробного мира и тоже — провожатого душ в царство мертвых. У индуистов сова является «значком» Ямы, бога-повелителя этого царства, и признается верховым животным Дурги, супруги бога-разрушителя Шивы в одной из ее грозных ипостасей.

Для кельтов это хтонический символ, «ночная ведьма». В мифологии валлийцев присутствует всеведающая Кавлвидская сова.

Этрусски считали ее атрибутом бога тьмы и ночи. Если говорить о греко-римской традиции, то стоит упомянуть, что в Риме она первоначально была атрибутом аллегорических фигур Ночи и Сна, и мойра Атропос, прерывающая нить жизни, также связывалась с этим пернатым существом.

Перемена функций образа совы. Позднее в Древней Греции сову стали считать священной и даже волшебной птицей, принадлежавшей Каллипсо, той самой, что удерживала Одиссея на своем острове целых семь лет.

Сова также спутница Афины (и римской Минервы), которую Гомер назвал даже «совоокой» богиней. Именно в ее обществе сова становится символом мудрости. При этом следует отметить, что сама древнегреческая богиня Афина (Атана) первоначально была хтонической темной богиней,

близкой по функциям к Гекате. Только во время расцвета Афин она становится богиней-воительницей, носительницей мудрости и доблести, как покровительница города. С переменной функций богини меняется и отношение к ее темному атрибуту — сове, и эта птица становится символом мудрости. Греческие воины считали, что сова, появившаяся над полем битвы, принесет им победу. Сов охраняли, и им даже было позволено жить в греческом Акрополе.

Таким образом, большинство из традиционных культур опасливо относилось к сове. Вместе с тем представляют интерес обычаи, связанные с использованием ее символики в защитных целях.

Можем сделать вывод, что сова была связана с темной женской магией и хтоническими силами. Она демон-проводник в Загробном мире, может карать преступников и грешные души.

Петух

В основе символики Петуха во многих традициях лежит его связь с Солнцем. Как и солнце, Петух «отсчитывает» время (ср. *первые петухи, третьи петухи, до петухов*; загадки «не часы, а время сказывает», «не сторож, а всех рано будит» и т. п.). Отсюда широкое использование петуха в гаданиях, предсказаниях погоды.

Петух — древнейший символ рассвета, пробуждения, бдительности и призыва к бою. Изображение петуха издавна водружали на башни, чтобы он глядел во все стороны и предупреждал об опасности. Этот мотив звучит в «Сказке о Золотом петушке» А.С. Пушкина. Связанный с жизнью и смертью, петух символизирует плодородие, прежде всего в его производительном аспекте.

Петух связан с божествами утренней зари и солнца, небесного огня (Аполлон, Митра, Ахурамазда, Амаэрасу, а также Гермес или Меркурий, Асклепий, Марс и др.). Воинственность петуха нашла отражение в фольклоре, символике и эмблематике.

Рассмотрим основные функции этого образа.

Солярная символика петуха. На Руси светлый, красный петух связывается с Солнцем. В русском фольклоре

волшебный кочеток отбирает у боярина мельничные жернова и по небу возвращает их старику и старухе — явный отголосок его соляной связи и борьбы с несправедливостью.

В митраизме посвящен Митре как богу солнца.

У древних греков петух был традиционной птицей для жертвоприношений и посвящался солнечному богу Аполлону. Так же и в христианстве петух приветствует восход солнца — Христа на востоке, обращающего в бегство силы тьмы и зла.

Петух как символ бдительного стража. На Руси петух считался прозорливой и бдительной птицей. Петух, поющий у двери или входящий в дом, возвещал прибытие неожиданного гостя.

В Англии старинный способ распознать вора заключался в том, что петуха помещали под какой-нибудь сосуд, к которому притрагивались по очереди все подозреваемые. Петух должен был прореагировать на прикосновение настоящего вора криком.

У греков и римлян петух также олицетворяет бдительность и боевой дух. Петух является самым магнетичным и чувствительным из всех птиц — отсюда и его греческое название алектруон.

В Древнем Риме изображение петуха-стража помещали на крышах домов, шестах, шпилях, флюгерах, а также на ларцах, сундуках, реликвариях.

В христианстве петух означает бдительность и используется в качестве флюгера, поворачивающегося туда, откуда грозят силы зла. Золоченый соляной петух охраняет колокольни в часы темноты, когда молчат колокола.

Связь петуха с миром смерти и защита им от ночных демонов. В России и во всех славянских странах всегда, когда человек болел в том доме, где имелся петух, его пение принималось за знак неизбежной смерти, если только птица не пела в полночь или сразу после этого, что считается естественным.

Славянские народы при строительстве дома приносили черного петуха в жертву подземным богам и предкам, которые должны были защитить новый дом. В ритуальной кухне славян петушиный холодец был обязательным блю-

дом в угощении гостей, как приобщение их к миру предков этого дома, в том числе, чтобы предки не навредили гостям.

Тема петуха возникает и в связи с образом огневой птицы (с чертами дракона) Рарога (Рарашека), которая появляется на свет из яйца, снесенного черной курицей. Причастность петуха и к царству жизни, света, и к царству смерти, тьмы делает этот образ способным к моделированию всего цикла жизнь — смерть — новое рождение. Этому способствуют и мифопоэтические представления о Петухе как дважды рожденном, что, в частности, нередко подчеркивается в загадках о петухе: «Дважды родился, ни разу не крестился, сам пел, а умер — не отпели» и т. п. Представление о двуприродности, или по меньшей мере парадоксальности петуха, отражено и в других загадках: «Не царь, а в короне», «Гребень имею — не пользуюсь им, шпоры имею — не езжу верхом» и т. п.

Практически у всех европейцев, в частности, славян, петух — защитник от мира мертвых и нечистой силы. Мотив петуха, разгоняющего своим криком нечистую силу и отпугивающего мертвецов, образует кульминацию в особом типе сказок, постоянен в русских быличках.

С петухом у славянских народов связывается и символика воскресения из мертвых, вечного возрождения жизни. В этом контексте возможно объяснение изображения петуха, помещаемого иногда на могилах, на кресте, камне и т. п., нередко в чередовании с изображением солнца (ср. также символические изображения солнца в виде петуха в круге или рассвета, иногда молнии в виде петушиного гребешка).

Черный петух у славян связывался с водой и Подземным царством. Он символизирует смерть, божий суд, зло. Так, Козьма Пражский в «Чешской хронике» (XI–XII вв.) сообщает об обычае ходить к источникам и удушать черных петухов и черных кур с одновременным призыванием дьявола. Еще в XIX в. удерживался обычай топить петухов и кур в водоемах в день святого Фейта. Известны также русский обряд принесения в жертву водяному черного петуха, зарываемого живьем в землю, и обычай держать при водяных мельницах черных петухов и других живот-

ных, например кошек черной масти. Этот цвет считался особенно любезным духу воды.

Сваны считали, что души мужчин и женщин после смерти соответственно переселяются в петуха и курицу, петух — знак приближающейся смерти. У скандинавов петух — птица Подземного мира, а его кукареkanie воскрешает героев валгаллы для последней решающей битвы. У кельтов петух — хтонический образ, атрибут подземных богов.

Петух — тотемный знак галлов, поэтому у французов, которые считают петуха символом независимости и свободы, он превратился неофициальную эмблему страны. У древних греков петух был традиционной птицей для жертвоприношений богу врачевания Асклепию как образ целительной смерти-возрождения. Дело в том, что, подобно солнцу, петух связан и с подземным миром. Так как петух был посвящен Эскулапу, которого называли еще Сотер (Спаситель, т. е. тот, кто воскрешает мертвых), то восклицание Сократа «Мы должны Эскулапу петуха!» как раз перед смертью этого мудреца является очень выразительным. Он посвящался Персефоне, царице загробного мира, и Аттису, полгода проводившему в мире смерти. Правда, оба эти персонажа связаны еще и с весной, и возрождением души. Известен обычай древних римлян жертвовать ларам — связанным с миром предков, а иногда и самими предками петушиные гребешки.

В средневековой Европе петух иногда, при всей своей положительной христианской символике, соотносился с дьяволом. Так, в 1474 г. в Базеле судили и сожгли петуха, которого посчитали дьяволом, потому что он хотел снести яйцо. В христианстве существует трактовка, что петух — посланец дьявола, искусившего Петра.

Символика петуха как драчуна и воина. У славян петух является символом драчливости и пролитой крови (ср.: «дерутся как два петуха»). Бойцовский дух петуха был боевым символом галлов. У греков и римлян петух также олицетворяет боевой дух. Он посвящен богине-воительнице Афине и богу войны Аресу. В средневековой геральдике петух символизирует как воинскую храбрость, так и религиозное воодушевление.

Связь петуха с мужской сексуальностью и потенцией. Петух — один из ключевых символов сексуальной потенции. Упомянем в этой связи «петушиные» обозначения детородного члена в соотношении с «куриными» обозначениями женского полового органа, а также представление о петухе как символе похоти. У южных славян, венгров и других народов жених во время свадебной церемонии нередко несет живого петуха или его изображение. У славян петух иногда выступает как символ мужчины. Для восточных славян при заселении в новый дом петух играл роль «двойника» хозяина: если он благополучно переночевал, то можно было вселяться. Соотнесенность качеств петуха и человека получает известное подкрепление в довольно распространенном мотиве оборотничества петуха (ср., например, Афанасьев, № 251–252).

В рождественские святки девушки гадали на «петуха» по кругу: если он подойдет и клюнет кучку зерна, то жених будет богатый и хозяйственный. В Древней Греции петуха посвящали богу сексуальности Приапу. У римлян петух был фаллическим тотемом. И в настоящее время в разговорной английской речи слово соек (петух) означает мужской член. В христианстве петух выступал атрибутом персонифицированного распутства.

Связь символики петуха с огнем. В древнерусском «Слове некоего христолюбца» осуждаются существовавшие уже после введения христианства языческие обряды, когда «...коуры рѣжють; и огневи молятъ же ся, зовущие его сварожичьмь» (др.-рус. *куръ* — петух).

Во многих случаях отчетливо прослеживается связь между жертвоприношением петуха и добыванием огня, его возжиганием (ср., например, латышские и русские данные о жертвовании петуха для умилоствления гуменника-овинника, в ведении которого находится огонь под овином). У русских «пустить красного петуха» означало устроить поджог. Красный и светлый петухи особенно тесно связываются с огнем.

Петух как символ благодати и умиротворения. На Руси многие предания связывают петуха с духом злаков и с урожаем. Этому верованию обязаны своим существованием торчащие на вершинах скирд соломенные петухи, которых

сплетали по окончании сбора урожая. Если он поет на заборе или при наступлении темноты, то на следующий день следует ждать дождя.

В Новом Завете образ петуха имеет символическое значение некой решающей грани (ср. Матф. 26, 34, 74–75; Мк. 13, 35). Петух, в соответствии с евангельским мотивом, становится эмблемой святого Петра, знаком раскаяния. Иногда образ петуха толкуется как символ истинных проповедников Евангелия, повествующих о пришествии расцвета — Христа, а также души праведников, ожидающих рассвета (веды). В сочетании со страстями христовыми петух означает воскресение. Петушиные бои — аллегорическое представление христиан, борющихся за Христа. Петух и лев часто изображаются в оппозиции.

Можем сделать вывод, что петух соотносится с Солнцем и имеет две ипостаси. Первая из них, черный петух, это Солнце в момент его заката («умирания»). Он связан с хтоническими темными силами и миром смерти. Вторая, светлый или красный петух, это Солнце в момент рассвета и возрождения. В данной ипостаси петух выступает как бдительный страж и воин-борец с темными силами, препятствующими возрождению Солнца, соотносится со светлыми силами и богами. В качестве символа возрождения он связывается с репродуцирующими силами Природы, Космоса и мужчины.

Утка

Птица, живущая под водой, на суше и в небе, всегда занимала особое место в мифологии разных народов мира. Среди птиц утка считается самым древним символом Создателя. В мифах о сотворении мира у восточноевропейских и североазиатских народов Бог посылает дьявола в глубины вод в виде утки за кусочком земли, чтобы из нее создать на поверхности воды жилье для людей.

Рассмотрим основные функции символики утки.

Космогоническая функция утки. Утка в верованиях славян «заведовала» подземным Солнцем (Черным солнцем, Ночным солнцем), т. е. Солнцем после заката — везла его, будучи запряженной в ладью по нижним водам. В славян-

ской мифологии ее нередко называли Матерью-уткой, т. е. она олицетворяла Большую мать. Она была посредником между миром живых и мертвых, символом защиты, священной птицей.

Согласно карело-финскому эпосу «Калевала» на колено вешего старца Вяйнемейнена, когда его носили морские волны, села пролетающая утка, видимо, персонификация жены громовержца Укко — Рауни. Она свила гнездо, в котором снесла золотое яйцо. Вяйнемейнен пошевелил коленом, и яйцо разбилось, произведя творение мира. В марийском фольклоре строение мира осуществил селезень, нырнувший в море и доставший ком земли, из которого и был сотворен мир. Селезень в этом мифе — символ Бога. У вепсов Заонежья утку считали символом ночного Солнца.

У германцев утка (фр. *Oie*) — это руна Одиль, петля, семя, воды, ось между солнцестояниями. У тюрков дьявол-утка (Эрлик) сопротивляется Богу и хочет создать отдельный мир, не желает отдавать землю, поднятую с морских глубин. Эрлик плюет на людей, и они становятся грязными, поэтому Бог выворачивает их кожу. Отныне они чистые снаружи, но грязные внутри.

Утка как символ семейной гармонии. Утка и селезень в русских песнях — аллегория парня и девушки.

Можем сделать вывод, что изначально утка была символом Великой матери — создательницы Вселенной. Затем она рассматривалась как темное Солнце во время его ночного прохода через подземный мир и потому опасное.

Гусь

Древнейшее упоминание домашнего гуся восходит к образу Бау — шумерской богини домашнего хозяйства и скотоводства. Символика гуся часто фигурирует в преданиях, сказках, пословицах и поговорках. Гусь символизирует Солнце, ветер, снег, зиму; жизнь, возрождение, воображение, душу, духовную чистоту; сущность властителя, таинственность; отдых, разговор, высказывание, уговоры, болтливость; чуткость, предусмотрительность; бдительность, осторожность, враждебность; любовь, творение;

материнство, плодовитость, женское плечо, любовь жены, супружество, дружеское покровительство, верность; посвящение; зерно; понимание; глупость, ограниченность, тупость, безрассудство, трусость, задиристость, зависть...

Рассмотрим символ гуся в различных мифологических системах.

Функция гуся как посланца. В Древней Греции гусь есть символ Гермеса как посланника богов и проводника душ в Аид. В греческой мифологии гусь выполняет также роль перевозчика душ умерших в подземное царство. По свидетельству современников, Сократ любил клясться гусем.

В кельтском эпосе гусь, как и лебедь, выступает посредником между людьми и миром духов и поэтому является запрещенной для употребления в пищу птицей. Гай Юлий Цезарь пишет в «Галльской войне», что британцы придерживаются такого запрета. Для Цезаря осталось непонятным культовое значение отказа кельтов от употребления блюд из гуся, зайца и курицы.

Гусь есть проводник души у некоторых сибирских шаманов, которые в состоянии транса чувствовали себя летящими вместе с дикими гусями и подражали их крику. В Средние века в Европе и на Руси гусь признается средством передвижения для ведьм и колдуний.

Защитная и воинская функция гусей. В кельтском эпосе гусь — символ войны, атрибут богов-воителей. В античной культуре гусь также символ Ареса/Марса как бога войны. В Риме гусь Филемона и Бавкиды олицетворял защиту богов. В античной мифе к старым Филемону и Бавкиде однажды пришли в гости инкогнито Юпитер и Меркурий. Старуха ради гостей решила зарезать и зажарить гуся. Птица же метнулась к богам, как бы ища у них защиты. И Юпитер сказал: «Эта птица не должна погибнуть, отныне мы ее оберегаем, ибо мы — боги!» («Метаморфозы» Овидия). Как защитники и стражи Рима, гуси фигурируют в мифологизированной истории: на Капитолийском холме содержались гуси, посвященные богине Юноне-Монете. В 390 г. до н. э. крики этих священных птиц оповестили защитников Рима об обманном маневре галлов, осаждавших город.

Можем сделать вывод, что гусь в первую очередь быстрый вестник и проводник. Основная его роль — проводы Солнца на зиму и указание пути Солнцу весной. Он связан также с любовной и эротической символикой.

Лебедь

Лебедь сочетает в себе две стихии: воздуха и воды. Он является птицей жизни, а олицетворяя закат дня — Солнцем. Он символизирует также одиночество и убежище, является птицей поэтов. Лебедь и гусь часто могут символически заменять друг друга. Одна из наиболее разработанных и освоенных литературой мифологем — умирающий лебедь, который в минуту смерти взмывает вверх, навстречу небу и солнцу, издает последний крик, свою *лебединую песню*.

Символика лебеда выступает в значениях возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, мудрости, пророческих способностей, поэзии, мужества, совершенства, но и смерти. В связи с этим особенно важно противопоставление в мифе и сказке белого и черного лебеда как жизни и смерти, добра и зла.

Рассмотрим основные функции символики лебеда.

Космогоническая роль лебеда. В греческой традиции особое значение имеет мотив обращения в лебеда громовержца Зевса, увлеченного красотой Леды, который является вариантом и трансформацией мифологемы о космическом яйце. У них родились божественные герои Кастор и Полидевк.

Прекрасная Елена Троянская рождается из яйца лебеда. Сам лебедь — претерпевавшая превращения в процессе брака морская богиня Немесида. У Гесиода Немесида — дочь Океана и Тефиды, и у нее есть братья-близнецы, ставшие символом двух полюсов космоса.

Образ лебеда используется и как элемент астрального кода в римской мифологии: Цигнус (Cignus, букв. *лебедь*) оказывается на небе как северное созвездие Млечного пути.

В Индийской мифологии лебедь — это волшебная птица, отложившая на воды космическое яйцо, из которого появился Брахма. Верховный лебедь (parahamsa) —

всеобщее основание. С символикой лебедя связана богиня Сарасвати. Брахма едет верхом на лебедь, гусе или фазане. У индийцев имеется пара лебедей, которые есть *хам* и *са*, живущие в сознании великого и питающиеся лишь медом цветущего лотоса знания (саунда-рья лахари). Птица *хамса* вырезалась на стенах храмов и символизировала совершенный союз, к которому стремятся небесные существа. Лебеди символизируют также вдох и выдох, дыхание и дух.

В христианстве белый лебедь — это чистота, милосердие и символ Девы Марии. Его предсмертная песня символизирует страдания мучеников и христианское смирение. Лебедь — эмблема святых Хью и Людгера. Шотландский святой Катберт обычно изображается на скале в святой земле в обществе лебедя и выдры.

Лебедь как первопредок в образе Лебединой божественной девы, символизирующей божественную любовь. Сюжет брака человека с лебедем распространен у многих народов, он нашел отражение и в ряде русских фольклорных образов. Например, Царевна-лебедь — образ из русских народных сказок, использованный А.С. Пушкиным в «Сказке о царе Салтане», и т. д. Целый ряд сюжетов состоит в том, что лебедь оставляет на берегу одеяние из перьев, обладающее магическими свойствами, и в облике девицы купается в озере (море); прекрасный юноша похищает одежду, девица не может вернуть себе свой прежний облик и становится женой юноши, ставя ему некое условие табуистического характера; юноша случайно нарушает табу, его жена обретает одежду из перьев, превращается в лебедя и улетает в свое царство, за море, унося с собой весну, солнце, плодородие.

В русских сказках и былинах говорится о девах лебединых, которые обладают особой красотой, магией и мудростью. Такие иномирные волшебные девы, в частности, присутствовали в былинке о Михайле Потыке (Авдотья Лиходеевна) и многочисленных сказках о Морском царе, Василисе Премудрой и т. д. Есть сюжет, где богатырша Белая Лебядь — владелица живой воды и молодильных яблок. Белыми лебедями, улетающими из родного дома, называли себя невесты в предсвадебных причитаниях:

Как пойдут да люди добрые
 На отхожую работушку,
 Со семьями, со артелями,
 Со казаками, со казачихами,
 Со дочерями — белыми лебедями.
 Уж как мой кормилец батюшко
 И кручинная моя матушка
 Пойдут одни-одинешеньки.

В славянских мифологизированных исторических хрониках также присутствует дева с «лебединым» именем. Часто она созидательница, как упомянутая Царевна-лебедь в пушкинской «Сказке о царе Салтане». Кий, Щек и Хорив — основатели Киева, имели сестру Лыбедь, в честь которой названа река в этом городе.

У чехов в «Хронике Козьмы Пражского» (XII в.) говорится, что мудрейшей дочкой и помощницей основателя Кракова, Крака (или Крока) была младшая из трех сестер — Либуше (Лебядь). Ее избрали вождем и судьей после смерти отца, и она указала народу князя-пахаря Пшемысла и предсказала основание Златой Праги.

Семантика русского слова *лебядь* (лыбять, леблядь), возможно, связана со славянской богиней брака, красоты, девичества и любви Лелей. Первый слог (ле) может быть связан с ее именем или посвящением ей. Второй (бл, бя) означает *белая, светлая, благостная, водяная*.

Лебедь был атрибутом этрусской богини любви Туран. В греко-римской традиции лебедь символизирует любвеобилие, посвящен Афродите (Венере), а также певцу Орфею, оплакивающему свою подругу Эвридику, как лебедь оплакивает потерю любимой. В троянском цикле участвует великий герой Кикн — лебедь. К его шлему прикреплены лебединые перья, а его отец после смерти превращается в лебеда. По некоторым версиям мифа, погибнув, Кикн и сам становится лебедем.

Связь идеи превращения лебеда в человека видна и в именовании (например, «лебединое» имя Сванхильд в скандинавских мифах).

В одной румынской рождественской калядке «лебединая» девица требует от юноши, чтобы он совершил путешествие на небо и добыл брачный венец и птицу, которая

пела бы на их свадьбе; святой Василий в раю одаривает юношу, и тот возвращается к деве-лебедю.

Можем сделать вывод, что лебедь является символом великого женского божества — Прародительницы мира и персонифицированной любви. Для организации жизни на земле она может воплотиться в земную деву, которая подарит свою любовь только достойному герою.

Голубь

Голубь с древних времен считался посланником Неба, неким курьером между людьми и божеством. Древнейшие изображения голубя восходят к VI–V тысячелетиям до н. э. (находки в Арпаचाе, Северная Месопотамия).

Рассмотрим основные функции символики голубя.

Функция голубя как посланника и вестника. По древнегреческой легенде, голуби-вестники спасли от потопа Девкалиона с его женой. В «Одиссее» голуби приносят Зевсу амброзию. Считается, что голубь указывал путь аргонавтам.

Голубь имел и роль вестника смерти. В одном из гимнов Ригведы изображается отчаяние человека при виде голубя, ходящего по очагу: он понимает, что умрет. В индуизме у бога мертвых Ямы совы и голуби играют роль посланников.

Голуби приносят счастье, радость, удачу. В Неаполе при помощи дрессированных голубей даже пытаются угадывать счастливые номера лотерейных билетов. В Силезии есть поверье: если на окно к женщине прилетит белый голубь, значит она получит подарок.

Сохранилось предание, что в голландские города Гарлем и Лейден, осажденные испанцами, голуби принесли весть о приближении армии принца Оранского. Благодарные жители Лейдена кормили потом этих голубей до самой смерти, а впоследствии забальзамированные птицы были помещены в ратуше.

В XIX в. в ряде стран Европы были созданы даже специальные службы почтовых голубей в армии. Голубиная почта играла определенную роль вплоть до Первой мировой войны, когда ее стала вытеснять радиосвязь.

Голубь как символ души. По поверьям славян, душа умершего превращается в голубя. В Олонецкой губернии о летающем голубе говорили: «Вон, чья-то душа летает». На Руси была поговорка: «К недоброму человеку и голубь не летит». Голубь — единственное существо, вид которого не осмеливается принимать черт. Украинцы считают, что у голубя и человека «один дух».

Голубь у древних греков и римлян символизирует душу: на надгробиях изображались голубь или пара голубей, пьющих из источника Памяти (об ушедших). Царь Аниус в «Метаморфозах» Овидия повествует Энею о своих дочерях, которые, будучи преследуемыми греками-победителями, воззвали к Богу Вакху-Дионису, и тот превратил их в диких голубей. И созвездие Плеяд представляется стаей диких голубей. Согласно античному мифу, это дочери Атласа, нимфы Плеяды, покончившие свою жизнь самоубийством.

Голубь как символ души — мотив достаточно распространенный в вестготском и романском искусстве. По эстонской легенде, голубь был раньше благочестивой девушкой. Однажды она заблудилась в лесу, и ангел дал ей перья, чтобы она могла возвратиться домой. В Румынии есть легенда: горлица раньше была девушкой, которая слишком любезничала со всеми юношами, и Бог за это превратил ее в птицу; теперь она хранит верность своему супругу до самой смерти. Другая румынская легенда рассказывает, что в голубей Бог превратил близнецов, которых хотела убить злая мачеха.

В христианстве белая голубка — символ спасенной души, прошедшей очищение, как антитеза черному ворону греха. Голубь, вылетающий из уст монахини, символизирует ее душу, возносящуюся на небо. Это характерно при изображении сестры св. Бенедикта (душу которой в образе голубя он увидел в видении), Репараты, святых мучеников Поликарпа, Эввалии, Схоластики и др. В католической церкви голубь — символ души.

Голубь как птица вождления, любви и атрибут богинь любви. У славян голубь после христианизации является символом любви. Украинцы говорят о влюбленных, что они «кохаються як голубів пара». Родственная привязанность

также отражается эпитетом «голубиная». Любовь голубя к голубке и их общая нежность к детям признаны многими народами. Слова *голубь* и *голубка* в русской лирической поэзии выражают сверхположительную оценку персонажей. Русичи издавна считали, что если голуби и ласточки летают около дома, где происходит свадьба, то это предвещает счастье в браке; что сизый цвет голубей — образ приятности; воркование голубей — грусть.

На Корсике горлица является символом большой любви. Нежный ласковый поцелуй французы называют «поцелуем горлицы».

Гладкоперые голуби, «целующиеся» своими клювиками, были в древности неперменным атрибутом алтарей богинь любви и богов плодородия: финикийской Иштар, сирийской Атаргатис, этрусской Туран, Великих матерей богов Кибелы, Геры, Деметры, а также Адониса, Зевса, Диониса, Афины.

Чаще всего они соотносились с Афродитой: голуби, как священные птицы, содержались в ее храмах в Кифере и Пафосе. Они соотносились с ее любовником Адонисом и сыном Эротом. Ее святилище в Пафосе на острове Кипр славилось таким количеством священных голубей, что их даже стали называть «пафийскими птицами». Пара голубей на протяжении многих лет считается символическим изображением сексуальной гармонии, может быть, поэтому голубка стала персонификацией внимательной и нежной жены.

Так как в греко-римской традиции его посвящали Дионису и Вакху, а иногда Приапу, голубь стал и одним из символов сексуальной распущенности. В Помпее были найдены изображения крылатых фаллосов в виде голубей. В Древнем Риме считали, что голубиные яйца должны были вызывать любовное томление. Голубь со звездой — эмблема Венеры Милетской как символ сладострастия. Почти все народы Средиземноморья голубиное воркование связывали как с сексом, так и с рождением детей. В индийской мифологии голубь олицетворял вождление.

Голубь как символ высших богов. В западноукраинской песне рассказывается о том, как на два «дубойки» среди безбрежного океана сели «два голубойки», потом спусти-

лись на дно моря, набрали песка и камешков, из которых и создали мир.

С древнейших времен этим птицам разрешали гнездиться в храмах самых разных религиозных конфессий. В сказании о сооружении святилища Юпитера-Амона в Фивах на первом плане стоит голубь. Позднее голуби также свободно себя чувствовали в Иерусалимском храме, христианских церквях, мусульманских мечетях. В отношении к ним закоренелые противники оказывались поразительно единодушными.

В болгарской песне голубиный образ имеют ангелы. О смерти голубя говорят, что он «потерял жизнь». Голуби приносят счастье дому, в котором водятся; в такой дом не ударит молния, он не сгорит и не опустеет. Известен христианский обычай выпускать голубя во время водосвятия на реке. Голубь, так же как ласточка, жаворонок, соловей, клест и дрозд, у славян относятся к чистым птицам. Он зовется святой и божьей птицей.

В минойской культуре голуби ассоциируются с Великой матерью и наряду со змеями являются ее атрибутами, обозначая воздух и землю. Голубь как символ Святого Духа принят в христианстве.

Функция предсказания и гадания. В русских гаданиях по снам увидеть голубя означает счастливое происшествие, событие. На Руси голубь, будучи символом любви, предсказывает девицам любовь и покидает ту, которая уже познакомилась с любовью.

По преданию, черный голубь уселся на дубу в Додоне и заговорил человеческим голосом — так появился один из самых древних оракулов: в шелесте дуба и голубиных вздохах жрецы «прочитывали» волеизъявления самого Зевса, и сами за пророчества были названы *пелейядами*, т. е. голубьями.

Голубь как символ войны. Согласно преданию, киевской княгине Ольге голуби помогли подпалить столицу ее врагов Искоростень. В чешских хрониках XV–XVI вв. рассказывается, что при помощи голубей татары взяли Киев. Александр Македонский использовал их для поджога деревянного дворца на высокой скале, варяг Гаральд — для покорения города в Сицилии, мифические датские

короли Гаудинг и Фридлейф — для захвата скандинавских городов.

Можем сделать вывод, что голубь имеет тройственную символику. Древнейшая обозначала его как проводника и вестника, поэтому голуби связывались с душой. Став под влиянием культа Астарты атрибутом средиземноморских богинь любви, голубь получил значение символа любви и похоти. Под воздействием иудаизма и христианства он обрел выражение качеств идеального христианина и всех священных понятий христианства.

Аист

Аист имеет еще одно название, восходящее к праиндоевропейскому языку. Это древнерусское *стеркъ* и родственные ему названия: старославянское *стѣркъ*, болгарское *щѣркел*, сербскохорватское и македонское *штрк*, немецкое *Storch*, английское и скандинавское *stork*, литовское *starkus*, латышское *starkis* и т. п. Еще С. Младенов предполагал существование вариантов индоевропейских корней *strg*, *strk* — *твердый, негнущийся*. Таким образом, *стерк* — это птица с походкой на негнущихся ногах. Слово это родственно русскому *торчать* (укр. *стирчати*). Г. Кройц также допускал возможность происхождения немецкого названия *Storch* от индоевропейского *strgo*.

Основное значение образа аиста заключается в олицетворении возрождения, перерождения, очищения. Исторически аист (бочан, бусел, стерх) — особо почитаемая птица, наделяемая в народных представлениях человеческими свойствами. В легендах и весенних обрядах аист выступает в роли охранителя и очистителя земли от гадов и прочей нечисти: змей, жаб, насекомых и нечистой силы.

Рассмотрим гипотезу о связи символики этой птицы с космогоническими представлениями индоарийских народов о посмертном существовании души в образе аиста. Окрас белого аиста включает: белое тело (траурный цвет, но и цвет чистоты), черные крылья (цвет, связанный с хтоническим миром и землей), красные ноги и клюв (могли соотноситься со стихией огня, который является медиатором между мирами, например при жертвоприношении богам).

Следует отметить, что представления о существовании души в мифологической традиции многих народов принципиально отличаются от воззрений в мусульманстве и христианстве, проистекающих из иудаизма, где практически нет идеологом о посмертном существовании (кроме божьего суда).

У древних народов существовали развитые представления о реинкарнации — перерождении души. У индоевропейцев, и не только, была распространена версия о том, что душа после смерти человека отдыхает в некоем месте, через определенное время возрождается в одном из своих потомков; души умерших помогают своим потомкам. Подобные представления хорошо развиты, например в буддизме.

Наличие подобной концепции предполагает существование в мифологических представлениях нескольких составляющих. Рассмотрим, как вписывается в них символика аиста.

1. Душа имеет некое материальное выражение, часто крылатое: в виде птицы, бабочки или летающего антропоморфного существа. Вместе с тем она и ее символика сходны с человеком своим прообразом. Чистая душа в своей высшей жизни должна быть примером для живущих людей. Она их наставляет и воспитывает примером.

Так, белорусы полагают, что из всех птиц только аист имеет душу, которая осталась с тех пор, когда он был еще человеком. Аиста часто называют человеческим именем: Иван, Антон, Василь, Яша, Грицько, Адам и др.

Связь белого аиста как древнего тотема с человеком отображена не только в народном творчестве, но и во многочисленных географических названиях, фамилиях, геральдике, названиях и эмблемах различных предприятий и организаций. На Украине есть фамилии Черногуз и Лелеченко; речки и ручьи Бузьків Яр, Гайстрова Струга, Лелечий Потік, Лелечиха, Черногузка; села Боцянівка, Лелеківка, Черногузи и т. п. В разных странах Европы множество населенных пунктов, улиц, площадей имеют «аистиные» названия. Белый аист изображен на гербах Гааги, Шторкова, Гроссботвара, Темпельбурга, Альтлансберга, Тирасполя, Беловодска, Ананьева, Бусска и др. городов.

Аистам приписывают ряд человеческих особенностей: они имеют человеческие пальцы, понимают язык человека. Аисты плачут слезами и молятся Богу (так воспринимается их клекот). Они вместе справляют свадьбы, каждая семейная пара неразлучна и в случае гибели одного из супругов другой добровольно идет на смерть вслед за ним. Аист может покончить с собой из ревности; самку, заподозренную в супружеской измене, судят публично и убивают. Согласно польским свидетельствам, для прекращения дождей, вызванных убийством аиста, советовали похоронить его, как человека, в гробу на кладбище. Черно-белая окраска аиста также связывается в легендах и поверьях с его человеческим происхождением: с одеванием ксендза, шляхтича, с черной жилеткой и др.

Некоторые ученые считают, что белый аист был тотемом у пеласгов — догреческого населения Греции. Страбон называет их *пеларгами*. *Пеларгос* — греческое название белого аиста, отсюда вывод о том, что он, вероятно, был тотемом этого народа. Со времен Аристофана и Софокла аист в Греции был олицетворением заботы о родителях. Считалось, что когда старые птицы становились слабыми и теряли оперение, молодые выщипывали у себя перья и «одевали» родителей. Это поверье было так хорошо известно среди античных народов, что даже дань благодарности называлась *антипеларгосис*. Это поверье в той или иной форме существует и поныне у многих европейских народов, хотя еще Аристотель называл подобные истории «болтовней».

Черного аиста греки называли *меланопеларгос*. По их представлениям, эти птицы двигались перед стаями белых аистов в качестве проводников или охраны. Иногда черных аистов считали «князьями» белых (кое-где на Украине, например, и по сей день верят, что судьей белых аистов является их черный родственник). У римлян аист символизировал почтительность, сыновнюю привязанность и считался атрибутом Юноны.

В Швабии (Германия) считается, что белый аист ведет образцовую семейную жизнь: во время перелетов эти птицы держатся парами, а если прилетевший аист исчезает, значит, что он разыскивает свою подругу. Аист сердечно любит

своих детей. В Баден-Вюртемберге сохранился старинный обычай: в «аистиный день» по улицам ходит человек в высоком черном цилиндре с муляжами двух черногузов на нем и собирает лакомства для детворы, которая толпится следом. Жители Швабии полагали, что если бы аист умел говорить, он смог бы поведать немало человеческих тайн, поскольку видит и слышит все вокруг. Но иногда птица хочет о чем-то предупредить и трещит клювом.

2. Души после смерти имеют фиксированное место обитания, сходное с местом обитания живых людей — своих предков (например, у славян — в Ирии, где обретает встречу с ними и счастье). Это место является идеальным миром. Оно находится или на небе, или где-то очень далеко, за морями, как волшебные острова блаженных у кельтов и древних греков.

Существуют представления о том, что аисты связаны с мифической землей. В украинском языке до сих пор сохранилось выражение: птахи відлітають у вирій. *Вирій* — это рай древних славян. На Руси перелетных птиц называли *вырийными*, т. е. райскими.

Болгары называют аиста паломником, считая, что он ежегодно посещает святую землю. Верят также, что аисты улетают на зиму в далекую землю на краю света, где, искупавшись в чудесном озере, становятся людьми, а весной, искупавшись в другом озере, вновь оборачиваются птицами и возвращаются, т. к. в своей земле Господь запретил им выводить птенцов. Схожее поверье хранят поляки: аисты улетают далеко за море, где обращаются в людей. Весной они вновь превращаются в аистов и прилетают назад, причем человек, попав на берег того моря, тоже может таким же образом обратиться в аиста и перелететь в их землю. Верят также, что, прилетев в теплые края, аист мочит свой клюв в крови и становится человеком, а когда омочит себя в воде, вновь превращается в птицу. По народным представлениям, совершая перелет, они несут на себе ласточек или трясогузок. Армяне тоже верили, что аисты — это люди из дальних стран, которые лишь на короткое время одеваются в перья. Интересно, что выбрасывание птенцов из гнезда объяснялось тем, что перед отлетом аисты приносят одного из своих детей в жертву богу. По древним

германским верованиям, осенью аисты возвращаются в светлое царство богини Хольды в стране эльфов, где снова принимают человеческий облик. Французы верили, что родиной этих птиц является гора Синай, где с них снимаются чары, и они живут в виде людей.

3. Души умерших постоянно связаны со своими потомками и помогают им. Помощь в основном состоит в том, что они защищают и охраняют потомков от злых сил, способствуют плодородию и удаче. Славяне считали, что в образе этих птиц прилетают души предков для защиты урожая. На древнегреческих геммах часто изображали сцены битвы аистов со змеями.

К аистам у славян, немцев и у многих иных народов относятся как к благодетельным предкам. При виде первого аиста принято совершать различные обрядовые действия: бежать вслед за ним, приседать, кувыркаться (чтобы не болели ноги); прислоняться к дереву или плетню (чтобы не болела спина); завязывать узел на шнурке от шейного креста (чтобы летом не встречаться со змеей); брать из-под ноги землю и бросать в воду, которой окропить себя и дом (чтобы не было блох).

На Благовещение к прилету аистов выпекают специальные хлебцы с изображением его ноги. Дети подбрасывают их вверх, обращаясь к аисту с просьбой об урожае. У южных славян дети приветствуют аиста в надежде, что он принесет кошелек с деньгами. В Полесье просили у птицы урожая, приговаривая: «Бузьку, бузьку, на тобі галиопу, а ти мені дай жита копу, на тобі борону, а мені дай жита сторону, на тобі серпа, а мені дай жита снопа». *Галиопа* — обрядовое печенье в форме птицы, по-другому называемое *жаворонками*. Просили у аиста и ветра при зное во время жатвы: «Іванько, Іванько, зашли нам трохи вітру, бо не здюжимо жати». Считалось, что если молодая девушка рано весной увидит первый раз пару аистов, выйдет в этом году замуж, одиночного — останется в девичестве.

Сербы считают, что тот, кто впервые увидит стоящего аиста, будет здоровым, сидящего — не миновать болезней.

На Украине крестьяне верили, что в дом, на котором появилось его гнездо, придет счастье и согласие, в семье

не будет ссор, дети вырастут здоровыми, хозяина усадьбы ждет хороший урожай на поле и в саду. Село, в котором поселилось много аистов, могло рассчитывать на богатый урожай и не бояться засухи.

По немецким поверьям, летящий первый аист предвещает здоровье, резвость, урожай. Увидевший его будет много путешествовать. Деньги в кармане при встрече с таким аистом сулят богатство, ключи — изобилие, а пустые карманы — убытки. Крик первого аиста, услышанный натоцкал, приносит несчастье или предвещает битье горшков в течение года. Если девушка увидит впервые весной летящего аиста, то станет в этом году невестой, стоящего — кумой, потрескивающего клювом — будет много битой посуды. В Бадене тот, кто первым сообщал наместнику о прилете аистов, получал от него в награду каравай хлеба.

В Померании считалось, что если первого аиста увидишь за поиском корма или постройкой гнезда, то и сам будешь весь год старательным, если же спящего или улетающего — ленивым.

Для славян аист — божья птица-защитница. Например, истребляет жаб, в которых превращаются ведьмы, а гнездо его охраняет от всех злых духов. С идеей подачи благ связаны и украинские народные песенки об аистах (лелеках). Например:

Бузьку Іване,
Дай мені сметани —
Я ж ноги помащу,
За тобою полечу.

Бузько Іван
На капусту орав,
Молодую дівчиноньку
До роботи заганяв.

Бузько Микола,
Крутися довокола.
Завтра раненько
Буде тепленько.

Чорногузе-дядьку,
Зроби мені хатку ЛАНЬ®
І ставок, і млинок,
І цибулі грядку.

Ой не коси, бузьку, сіна,
Там росиця по коліно,
Нехай сіно чайка косить,
Що набік шапку носить.

— Лелеко, лелеко!
До осені далеко?
— Як замовкнуть жаби,
Як померзнуть баби,
Тоді осінь настане,
Теж їсти не стане,
Полечу в кращий край,
На той рік дожидай.

Аналогічні приведенним песенкам и загадки, в частности:

Летів птах через дах,
Сів на воротях в червоних чоботях.
Які ноги заввишки, такий ніс завдовжки.
Хату на хаті має, всім жабам рахунок знає.
На вершку палати хатина, ЛАНЬ®
А там пан високий.

В народных сказках и легендах белый аист неизменно выступает как положительный герой, помогающий людям в тяжелом положении, приносящий счастье, удачу, богатство.

«...Давно это было. Напали татары на украинское село. Многих его жителей убили, остальных повели в неволю. Только младенцев бросили на пепелище — не выдержат они дальнего пути. Нечего с ними возиться. Увидели это аисты. Стали звать казаков на помощь. Но далеко они ускакали на резвых конях, не слышат. Тогда птицы ухватили детей в клювы и поднялись с ними вы-

соко в небо. Далеко разнесся детский плач, услышали его воины. Бросились казаки спасать семьи. Догнали они орду и отбили жен и детей. С того времени аистов в Украине любят и уважают».

Другая легенда рассказывает, почему у этих птиц черные крылья.

«На соломенной стрехе хаты, в которой жила семья с двумя младенцами, было гнездо черногузов. Однажды хата загорелась, языки пламени скользнули по крыше. Засуетились аисты, стали звать хозяев, но они были далеко в поле и не могли их услышать. Тогда птицы бросились в окно и вынесли детей. С этого времени у них черные концы крыльев, красные ноги и клюв — обожгли в пламени».

В Молдове белый аист стал символом виноградарства и виноделия. Часто можно увидеть его изображения с гроздью в клюве. Вот что рассказывает об этом молдавское предание.

«Жестокие янычары осадили крепость Городешты. Как храбро ни сражались ее защитники, но силы их таяли. Уже кончилась пища, не было воды. Враги радовались, предчувствуя близкую победу. Но вдруг мощный порыв ветра заставил их пригнуть головы. Этот ветер поднял крылья сотен аистов, которые слетались к обреченному городу. В клювах они несли гроздья винограда с родной земли. Воины были спасены от голода и жажды. С новыми силами они бросились на янычар и разбили их». Есть и схожая украинская легенда о том, как аисты принесли гроздья винограда запорожцам, которые страдали в татарской темнице.

4. Приход-возвращение душ умерших на землю и уход в свой мир имеет четко выраженный сезонный характер. Приход их связан с наступлением весны и возрождением природы, уход — с наступлением осенне-зимнего периода. У балтийских пруссов белый аист связан с богом весны Потримпосом. У древних германцев — считался вестником богини Хольды, которая приносила весной возрождение природы.

У зороастрийцев аист обозначал один из годов календарного цикла. У армян асит (арагил) был священной птицей, вестником Ара Гехецика — умирающего и воскре-

сающего бога, подобного финикийскому Таммузу, египетскому Осирису, греческому Адонису. Он символизировал годичный цикл — отмирание и оживание природы.

В христианстве аист как предвестник весны считается символом новой жизни, благовещенской птицей. Славяне считали, что аисты приносят из Вырия весну, которую в ряде регионов встречали лишь с их прилетом, а осенью забирают тепло обратно. Древние германцы — что белый аист, как посланец богов, приносит с неба новую жизнь на поля после длительной зимней ночи. В одном из диалектов Нижней Саксонии последний весенний снег называют «аистиным снегом». И в Турции буря в конце марта тоже зовется «аистиной».

С сезонностью пребывания аистов связано внимание к ним с точки зрения народных фенологических примет. Так, по славянским поверьям, если аисты рано прилетели, будет теплое лето, если в течение лета аисты часто собираются в стаи и кружатся, значит осень будет холодная и ненастная, но если они не начинают отлетать до Спаса, то будущая зима обещает быть мягкой и теплой.

5. Души предков непосредственно участвуют в процессе зачатия ребенка как медиаторы переноса души из Горнего мира в мир потомков.

В греческих мистериях богиня аистов изображалась в виде женщины-подательницы жизни, кормилицы и являлась атрибутом Геры — жены громовержца Зевса.

Поверье, что аист приносит детей, особенно распространено у западных славян. Считалось, что аист вытаскивает их из болота, из моря, приносит в корзине, в лохани, в корыте, бросает в дом через дымоход. Или бросает в печную трубу лягушек, которые, проникая в дом через дымоход, приобретают человеческий облик.

В Полесье детям говорили, что нужно поставить на окно тарелку с сыром, чтобы аист принес ребенка. Дети, которые хотели иметь сестру, по совету старших выбегали за ворота и кричали: «Бутьку, бутьку, принеси Маруську!». В Беларуси во время празднования родин в дом приходил ряженный аистом и поздравлял родителей с новорожденным. Согласно славянским приметам, ребенка следует ожидать там, где кружит аист, или тому, к кому на поле

часто прилетает аист. Если он встанет на трубу во время свадьбы, у молодых скоро будет ребенок. Аист снится женщине к беременности или рождению сына.

Представления об отношении аиста к деторождению некоторым образом связаны с фаллической символикой его клюва, которая проявляется, в частности, в поведении ряженного аистом у белорусов и на Украине на Рождество, когда он клюет девушек. Украинцы, как и белорусы, верили, что если в первый день жизни новорожденного над домом покружит белый аист, то младенца ждет счастливая судьба, а германцы в таких случаях рассчитывали на скорое новое пополнение семьи. В Ольденбурге не сомневались, что когда аисты гнездятся на доме новобрачных, у них появится столько же детей, сколько будет птенцов в гнезде. На острове Рюген считалось: если аист в этом году не отложит яиц, значит в доме не родится ребенок. В Вестфалии опасались гибели в гнезде аистенка, т. к. это было приметой скорой смерти ребенка в доме.

В швейцарских селах в день, когда в семье появляется новорожденный, над домом вывешивают флаг с вышитым изображением аиста, держащего младенца.

6. Души предков могут покарать одного из своих потомков за неправильное поведение и наградить за правильное.

На Украине считалось, что аисты хорошо разбираются в людях: селятся только у добрых и работающих. Более того, они могут «перевоспитывать» людей, влиять на их дальнейшую судьбу. Так, поселившись на доме, в котором происходили свары или кто-то тяжело болел, птицы приносили примирение и исцеление. Того же, кто разрушит гнездо или поднимет руку на саму птицу, будут преследовать злыдни и неудачи. За разоренное жилище аисты могут отомстить и сами: подожгут стреху или принесут змею во двор. Есть поверье, что за каждого убитого аиста судьба заберет у обидчика по ребенку. Тому же, кто спас или уберег черногуза, воздастся сторицей: его будут сопровождать счастье и удача. Если аисты вдруг оставляют усадьбу или весной не возвращаются к гнезду, значит можно ожидать какой-нибудь беды (пожара или смерти хозяина).

Легенда о том, как появился черный аист, гласит:

«Когда-то в селе жили два брата. Младший был честный и работающий, а старший — злой и ленивый. Когда к старшему брату на крышу прилетел аист, тот прогнал его. Младший же не только обрадовался птице, но и пристроил на крыше колесо, чтобы можно было построить гнездо. С тех пор, как у меньшого брата поселился аист, и урожай у него стал лучше, и корова начала давать больше молока, сыновья росли здоровыми и не хворали. Старшему же наоборот — не везло ни в чем. То хлеба град поубьет, то воробьи вишни поклюют, то болячка какая прицепится. Проняла его черная зависть, и решил он отомстить брату. Однажды, когда все спали, поджег его хату. Первыми переполошились аисты, разбудили хозяев. Деревянная мазанка сгорела быстро, но все-таки успели спасти семью и кое-какие пожитки. Только вот аистят спасти не удалось. Стали люди думать, какая же причина пожара. Вдруг слышат во дворе старшего брата какой-то шум, крики. Видят: налетела на него пара черных аистов, бьет крыльями, клюет клювами. Поняли все: он поджег. Думали люди, что черным оперение у аистов стало от сажи и копоти. Ждали, что отмоются они и снова станут белыми красавцами. Но шло время, а птицы оставались черными. И поняли люди, что почернели они от горя, как седеют люди. С той поры и гнездится черный аист подальше от людей в глухой лесной чаще».

У немцев и многих других европейцев нарушение запрета разорять гнездо аиста, уничтожать птиц и ее детенышей считается тяжким грехом и сулит обидчику несчастье, смерть его самого или матери, или сына, телесные уродства, слепоту, глухоту детей, ущерб в хозяйстве, молоко с кровью у коров. Наиболее распространенное наказание — пожар. Считается, что аист мстит обидчику, высекая огонь клювом или принося в нем головню или уголь.

По свидетельству Плутарха, в Тессалии того, кто убил аиста, карали смертью.

7. Мир отдыха и обитания душ чаще всего находится под непосредственным патронажем высшего божественного существа. У индоевропейцев таким существом чаще всего выступает бог-громовник, который, как известно,

соотносится с огнем, молниями и управлением сезонами и погодой.

Но множество поверий связывают с огнем, грозой и силами природы и аиста. Белый аист у германцев был священной птицей бога грома Донара (Тора), символом божественного благословения. А Донар был, кроме того, богом плодородия и урожая. На Украине сложены адресованные аисту заклички о высекании огня: «Дядько Михаль, выкраш агню, закурым люльку!»; «Барыс, дай закурыть!». Старое тележное колесо, помещенное в качестве громоотвода на соломенной кровле хаты или сарая, с давних пор облюбовывалось аистами для гнездования. Существует примета: в предчувствии попадания молнии или пожара аист покидает гнездо и переносит птенцов. Да и многие наказания за вред, причиненный аисту, относятся к неблагоприятным погодным условиям: засуха, наводнение, гроза и затяжной ливень. Говорят, что убитый аист три дня после смерти «плачет»: насылает дождь, навлекает страшную тучу, грозу и ураган. Гагаузы полагают, что нельзя гневить аиста, ибо он может насылать грозовую тучу. На Волини советуют в грозу прятаться под деревом с аистиным гнездом. Болгары считают, что аист — предводитель градовой тучи, поляки — что он их способен разгонять, а его клекот предвещает ураган. В одной из легенд он дает человеку красный платок, умиряющий бурю на море.

По всей Европе, да и за ее пределами, распространены представления о том, что гнездо аиста защищает от удара молнии и пожара, но в немецком Мекленбурге считается, что, наоборот, гнездо белого аиста «притягивает» молнию. По представлениям жителей средневековой Европы, аисты могли спасать от пожара и не только магическим путем: при появлении пламени они приносили в клювах воду и поливали гнездо и крышу.

8. Обитание душ предков в период их непосредственного взаимодействия с одним из потомков должно быть четко привязано к дому последнего, точнее к домашнему очагу или печи как сакральному месту семьи.

Любопытно, что и поселение на доме или возле него аиста воспринималось издревле как сакральный акт, знак божественного благоволения. С этим связывались

действия, привлекающие птиц. Например, установка приспособлений для гнезда в виде старой бороны или колеса в европейской традиции, подбрасывание на крышу кусочка серебра (Восточная Пруссия) или серебряной монеты (Литва) и т. д.

9. Души, направленные для перерождения на землю из райского места обитания, или при жизни не до конца выполнили свой долг, или имеют некую вину, которую в новой жизни надо отработать.

Одна европейская легенда повествует о связи происхождения аиста и человека. Бог дал человеку мешок с гадами и велел утопить в море или сжечь в огне, или закопать в землю, или отнести на вершину горы. Человек из любопытства развязал мешок, и вся нечисть расплзлась по земле. В наказание Бог превратил человека в аиста, чтобы тот очищал землю от гадов. Со стыда у птицы покраснели нос и ноги. Другая версия утверждает, что аистом стал косец, не ответивший на приветствие Христа, или косец, у которого перед Христом спали штаны (ср. представление, что, прилетая, аист скидывает штаны и ходит в жилетке). Третий вариант сообщает, что аист — убийца, разбросавший части тела убитого, ставшие лягушками.

10. Души предков как жители иного мира могут предсказывать судьбу, обладают тайными знаниями и магическими свойствами.

Провидческая роль аиста часто выражалась в том, что он предрекал как хорошие, так и плохие события. В Германии, Швейцарии, Бельгии, Польше и ряде других стран считали дурной приметой, если аисты не возвращались весной к старому гнезду на доме или начинали его отстраивать, но бросали. Люди верили и в то, что аисты могут предупредить о надвигающейся беде. По представлениям многих народов им дано видеть будущее.

В связи с пророческим даром белый аист упоминается в исторических преданиях. В 452 г. аисты оставили римский город Аквилею, где в то время было много их гнезд, когда его обложили полчища Аттилы. Тот собирался осадить его, но воспринял отлет птиц как предзнаменование близкой победы и с ходу ворвался в город. Другое предание рассказывает, что за три дня перед переходом армии

Людовика XIV через Рейн все аисты с немецкой стороны покинули свои гнезда, поскольку предвидели близкое опустошение края.

Средневековая медицина приписывала аистиному желудку нейтрализацию всех ядов. В разных странах целебными считались также яйца и жир.

Можем сделать вывод: символика аиста связана с космогоническими представлениями индоарийских народов о посмертном существовании души, ее связи с потомками и перерождении.

Журавль

Журавль в некоторых традициях выступает как вестник плодородия, приносящий дождь. Широко распространено его восприятие как символа общения с богами. Его весенние перелеты стали символом духовного и телесного возрождения. Этот символизм часто заимствует и христианское искусство. Во всех культурах, от китайской до средиземноморских, журавль — аллегория справедливости, долголетия, а также праведной и милосердной души.

Рассмотрим функции журавля в различных культурах.

Функция священной табуированной птицы. Греки почитали журавля в качестве священной птицы богини плодородия и земледелия Деметры. В античности его славил за неутомимость в полете, и журавлиное крыло использовалось как амулет против усталости. Первый, кто увидел прилетевших журавлей, получал награду.

В Скандинавии он ассоциировался с Одином, которому в облике рун были открыты «живые шифры» Вселенной. У кельтов Галлии был бог Езус, которого изображали стоящим возле дерева. Рядом с ним был бык, на котором сидели три журавля. Журавль — атрибут галльского бога Мананнана, покровителя моряков и торговцев. Ирландская богиня Бригита, женой Дагды, являлась либо в виде птицы с человеческой головой, либо в виде трех птиц: журавлей или петухов. «Одинокий журавль» является одним из чудес Ирландии: с начала времен он живет на острове Iniskea и будет жить там до конца света. Ирландцы не употребляли в пищу, почитая его священной птицей. В мифах и преда-

ниях обских угров в облике белого журавля традиционно выступал Мир-суспе-хум — одно из верховных божеств.

У вепсов особое культовое значение имели лебедь и журавль, и до сих пор сохраняется запрет на убийство и приготовление блюд из них, — по народным убеждениям, это приводит к беде. Убивать и трогать журавлей запрещалось у балкарцев, карачаевцев и марийцев. По поверьям удмуртов, у того, кто убьет журавля, умрет жена. У якутов священной птицей считался белый журавль.

В христианстве журавль — символ доброй жизни, верности, аскетизма, лояльности, добротности, доброго порядка в монастырской жизни, боголюбия, набожности.

Священные песни и пляски журавля. Роль в шаманизме. Аисты и журавли — постоянные персонажи славянских обрядов с ряжеными на святки и масленицу. Причем, если в Западной и Центральной Европе это белый аист, то дальше на восток его заменяет журавль. Так, один из обычных персонажей святочного вождения «козы» у украинцев и белорусов — журавль, у западных же и южных славян это аист.

У древних греков были журавлиные пляски, посвященные весне, возвратившейся с прилетом этих птиц. Его необычный шаг во время тока стал прообразом журавлиного танца (гераникос), воплощением жизнерадостности и любви. Танец журавлей вокруг алтаря, украшенного рогами, воспроизводил круговые движения в лабиринте, где проходил обряд посвящения.

Греческие мифы говорят, что это танец Солнца, фигуры которого повторяют изгибы и повороты лабиринта на острове Крит; радостный танец Тесея с его товарищами после того, как был убит Минотавр; танец в честь великих богинь Афины или Артемиды, чей цифровой символ — 9 (считалось: чтобы взлететь, журавль должен пробежать именно 9 шагов). Журавль считался вдохновителем изобретения букв Гермесом и ассоциировался с поэтами и посвящением. Шаманы древней Британии и Северной Европы носили мешочки, сделанные из кожи журавля, в которых хранились руны или другие магические предметы.

Функция первопродка и перерождения души. На Украине есть поверье, что журавль приносит из Вырия души ново-

рожденных, подобно аисту. У кельтов облик журавля носит владыка подземного мира Пьюль, вестник смерти или войны. На Кавказе существует поверье, что павшие на поле брани воины перевоплощаются в журавлей. В Ирландии, согласно легенде, св. Колумб вылечил журавля, однако из ярости превратил затем в журавля возражавшую ему королеву. У коми есть сказка о том, как журавль уронил с неба в передник бездетной вдовы три горошины, съев которые она родила трех сыновей-богатырей.

Функция посланника Неба и спутника (проводника) богов. В греко-римском символизме эта птица посвящена Аполлону как вестнику весны и света, и Гермесу как вестнику богов. Как перелетные птицы, серые журавли в Европе стали вестниками весны, отлет их осенью предвещал наступление холодов. В христианстве журавль тоже известен как вестник весны, символ воскресения.

На Украине первым журавлям бросали соломинку, приговаривая: «На тобі на гніздо, а мені на добро». Считалось, что увидеть первый раз весной пару журавлей — к свадьбе. Существовал обычай обращения к птицам:

Журавлі, журавлі,
Колесом, колесом!
Ваші діти
За лісом, за лісом.

При этом нужно было собрать в платок щепотку земли и держать ее до весны. А заметив первый журавлиный клин, возвращающийся с юга, ту щепотку сразу закопать в поле или огороде. Это означало, что весна будет щедрой и буйной.

Считая журавля посланником Неба, люди присматривались к его поведению, стараясь выявить знаки его благоволения либо гнева. В результате составлялись приметы народного календаря. Так, по народным русским приметам, чем позднее улетает журавль, тем позже наступит зима. Если журавли вечером раскричатся в местах гнездования, завтра будет хорошая погода. По поведению цапель и журавлей рыбаки и моряки с древности предсказывали погоду. Еще Теофраст писал, что можно ожидать бурю с дождем, если журавли возвращаются на берег.

Кроме того, считалось, что журавль может передать помощь богов. Арабский путешественник Ахмед ибн Фадлан (X в.) побывал в Волжской Болгарии и записал легенду о том, как журавли помогли одному башкирскому племени одержать победу над врагом, после чего это племя стало поклоняться им. По другому поверью, журавли предупредили башкирские племена о нашествии врагов, и те успели вовремя подготовиться к отпору. Есть предание и о том, что один юноша записал журавлиное курлыкание и переложил на флейту (куран). Считалось, что наигрывание этой мелодии помогает одержать победу в битве.

Функция журавля как бдительного стража. В христианстве журавль олицетворяет бдительность, прежде всего духовную. В римской культуре журавль символизировал юриспруденцию, благоразумие, постоянство, настойчивость, заботливость, военную и нравственную бдительность. Тогда и возник образ журавля, бдящего с камнем в лапе.

По легенде, журавли помогли раскрыть убийство греческого поэта и певца Ибикуса, единственными свидетелями которого оказались. Убийцы выдали себя тем, что на многолюдном рынке один из них, взглянув в небо, воскликнул: «Журавли Ибикуса!».

В некоторых кельтских регионах журавль считается предвестником несчастий.

Отрицательные функции журавля как носителя скупости, предательства, лжи. В Индии журавль — символ предательства. У кельтов он означает низость, скупость и злобных женщин. Благодаря своей скупости Этхирн получил от властителя Другого мира, Мидхира, *трех журавлей отказа и уверток*. Они говорили: «не подходи!», «уйди!» и «проходи мимо!», и кто бы ни посмотрел на них, не мог в тот день победить в борьбе равного по силе противника. Позже даже появилась молитва, которая должна была защищать от этих журавлей. У греков журавль — скупой хозяин.

Можем сделать вывод, что журавль, во многом, благодаря своим ритуальным танцам, шаманская птица. Основная его функция — любой вид коммуникации: он связан с путешествиями души, сопровождает высшие силы,

является проводником и вестником, в частности, прихода весны и холодов или извещает об опасности, т. е. является стражем.

Цапля

Символика цапли во многом сходна с символикой аиста. Она также приносит счастье и является олицетворением души человека, но в традициях и мифологии народов мира занимает не столь значительное место. Серая цапля считалась хорошим предвестником непогоды. Перед бурей цапля кладет голову на грудь и поворачивает ее в ту сторону, откуда ожидается шторм. Французские крестьяне говорили, что если осенью «цапли стоят грустные и неподвижные на берегу», значит зима не за горами. Подобные представления, видимо, связаны с распространенным в древности поверьем, что в цапель превращаются души моряков и рыбаков. Кому, как не им, лучше всех предвидеть перемену погоды.

На Украине есть поверье, что перо цапли приносит счастье. С большой любовью и заботой к белой цапле относятся корейцы. Она у них священная птица.

Можем сделать вывод, что, аналогично аисту, цапля олицетворяет душу человека после смерти.

Рассмотрев исконные представления индоевропейских и близких им народов о ряде зооморфных символов, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, они охватывают все основные аспекты традиционного мировоззрения древних цивилизаций: космогонические, культурно-исторические, социальные, морально-этические.

Во-вторых, в ходе культурно-исторического процесса значение конкретного символа может меняться под воздействием социально-политических и социально-экономических условий (например, в ходе формирования государственности).

В-третьих, переклик преданий и мифов, связанных с зооморфными образами, позволяет воссоздать тот их

комплекс, который является универсальным для культуры человечества.

В-четвертых, зооморфные образы, имевшие негативное значение (сова, белка) использовались в качестве оберега, амулета по принципу *подобия*, что означает, что народы не просто включали всю окружающую природу в знаковые системы своих традиций, но находили им применение вне зависимости от толкования смысла того или иного образа.

Наконец, весомую ценность представляет система зооморфных образов не сама по себе, а в контекстном проявлении, особенно характерном для крупных и средних форм фольклора (мифов, легенд и преданий, сказок). Глубоко зашифрованные (но поддающиеся реконструкции) сакральные значения их адресованы к архетипическому сознанию человека и социума.

СИМВОЛИКА ДЕРЕВЬЕВ

Дуб

Это дерево в качестве символического образа очень часто встречается в фольклорных источниках, и кроме того, присутствует во многих верованиях и ритуалах индоевропейцев. Наиболее известным символическим признаком дуба является его связь с богами-громовниками.

Рассмотрим основные функциональные особенности данного символа.

Функция дуба как Мирового дерева — дерева перехода между мирами. Само название дерева восходит к санскритскому корню *dwr*, звучащему на всех языках примерно одинаково, и означающему *дверь*. Другое индоевропейское значение корня, по распространенному мнению, это *дерево* (*daḡu*). Хорошо известно, что путь между мирами во всех культурах так или иначе связывался с деревом: мировым, шаманским и др. Дверь — символ границы, в первую очередь между безопасным пространством дома и опасным внешним пространством. В частности, кельты и славяне считали, что дубовые двери лучше всего предохраняют от проникновения в дом зла.

Дверь у всех народов символизирует границу, в частности, между мирами. Например, в русских заговорах часто упоминается: «За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Окиян-моря лежит остров Буян; на том острове Буяне стоит дуб...». Иными словами, дуб выступает как один из символов, определяющих *разделение* на мир людей и мир богов.

Дуб на острове Буяне из русских сказок, на котором висит сундук со смертью Кощея, тоже связывает три мира: земной, небесный и подземный/подводный. Не случайно

сама игла смерти находится в яйце, которое падает на дно морское и приносится герою щукой; небесный мир олицетворяет утка, в которой и находится яйцо; земной мир связан с зайцем, сидящим в сундуке.

Кельтские друиды сделали дубравы храмами под открытым небом. Дуб для них был объектом поклонения, он символизировал мировую ось, олицетворял силу и мудрость. В друидском календаре имелся месяц дуба с попадающим на него временем летнего солнцестояния. Он знаменовал поворотный момент года, когда солнечный царь Талиесин проходил сквозь земные двери в подземное царство, а души людей могли вспомнить о цели своего земного существования. Собственно день летнего солнцестояния в календаре друидов также считался Днем Дуба. В «Cad Goddeu» дуб выступает как «мощный привратник против врага — имя его во всех землях».

Дуб как символ богов-громовников. Кроме Перуна и Зевса, с дубом были связаны и такие индоевропейские громовержцы, как римский Юпитер, этрусский Тин, скандинавский Один, литовский Перкунас.

На Руси его называли «перуновым деревом», капище Перуна окружала дубовая роща. В честь Перуна новгородские жрецы постоянно жгли костры из дубовых веток, а того из них, что допускал угасание огня, казнили, как святотатца. Из дуба же, по воспоминаниям современников, был сделан и идол Перуна в Новгороде.

В Древней Греции алтарь Зевса окружали дубы. В самом центре древнейшего, еще догреческого святилища Зевса в Додоне находился дуб, рядом с которым бил источник. Под шелест его листьев жрецы предсказывали будущее. В Риме в дубовой роще ежегодно праздновалась свадьба Юноны и Юпитера, а дубовые ветви символизировали плодородие, жизненную силу и твердость духа. Дубовые рощи назывались *meton*, т. е. жилищами Юпитера, а также посвящались воинственной Диане и ее спутникам. Желудь как символ мужской силы был подношением скандинавскому богу-громовнику Тору.

Дуб олицетворял «свидетельство высшего бога», в присутствии которого каждое слово считалось нерушимым, а всякая ложь и чародейство разрушались сами собой.

Поэтому клятва, произнесенная под дубом, не только означала «в присутствии богов», но и «в трезвом уме и памяти». Иллюстрацией к данному утверждению может стать разговор короля Адальбера Кентского с блаженным Августином, состоявшийся по настоянию монарха под старым дубом, ибо он опасался колдовства со стороны собеседника. Даже в средневековой Европе и на Руси считалось, что ношение при себе дубовых листьев и желудей, равно как и потребление последних в пищу (например, в виде желудевого кофе), предохраняет от нежелательного постороннего, в том числе магического воздействия, дает ясность мысли и стойкость в убеждениях и взглядах. На Руси полагали, что сила дуба могла излечить от пьянства, прочищая мозги и устраняя зависимость от спиртного.

Дуб имеет целый ряд важных свойств, но его повсеместная связь с громовержцами основана, видимо, в первую очередь на том, что это дерево, имеющее высокую крону, часто становилось громоотводом. По поверьям разных народов, если в него ударяла молния, то древесина приобретала дополнительные защитные свойства, т. к. была отмечена покровителем дуба — богом-громовником. Дом человека, хранящего кусочек такого дерева, считался застрахованным от пожаров, вызванных молнией. В христианской средневековой Европе продолжали считать, что притягивающие молнии дубы являются обиталищем Бога молнии. Поэтому бытовало мнение, что они могут влиять на погоду. В старинных книгах по магии приводился рецепт призывания бури, предполагавший сжигание головы хамелеона на костре из дубовых дров.

Связь дуба с войной и воинством. У индоевропейцев боги-громовержцы повсеместно являлись покровителями воинов, боевых дружин и военачальников. Дуб также стал признаваться их символом. Русские воинские дружины и купцы, путешествуя по порогам Днепра, всегда останавливались на острове Хортица, где приносили жертвы священному дубу.

С дубом были связаны греческий бог войны Арес, римский бог плодородия и войны Марс, авестийский высший бог Ахурамазда, который также покровительствовал правителям и воинам.

Любой римский солдат, спасший жизнь гражданину, т. е. совершивший высший гражданский и воинский подвиг, награждался высоко почитаемым венком из дубовых листьев и желудей, который после его смерти торжественно несли перед траурной процессией как символ высшей доблести.

У кельтов желудь и дуб, символы процветания, плодородия и духовной энергии, также имели фаллическое значение и связывались с Дагдой, который был не только богом плодородия и изобилия, но и непобедимым богом-воином, вооруженным грандиозной палицей. Дубовая роща напрямую соотносилась с воинством. В саге «Опьянение ольстерцев» читаем: «Когда Медб выставила в качестве охранников двух друидов, они заспорили друг с другом относительно того, что видят — войско или дубовый лес». Если одно кельтское племя считало необходимым нанести максимальный вред другому, то захватывало святыне для него места, в частности, дубравы. Спутники Цезаря сообщали об опасении друидов, обитавших в отдаленных дремучих лесах и дубовых рощах со сплетенными ветвями, где созывали племена на борьбу против римлян. Борясь с сопротивлением кельтов, возглавляемым друидами, римляне выжигали или вырубали целые дубравы. Подобные действия предпринимались и приверженцами христианизации страны вплоть до XVIII в. (например, в Уэльсе).

Символ дуба как медиатора царских и божественных качеств. Связь дуба с богами-громовниками и богами войны привела к тому, что дуб стал символизировать силу, мужество, выносливость, крепость, долголетие, плодородие, благородство, верность. На Руси связь дуба с силой и здоровьем выражалась в таких поверьях: прогулка в дубраве наполняет силой, очищает человека; для подпитки силы нужно париться в бане дубовыми вениками; к ногам больного следует класть дубовое полено.

До сих пор символика дуба используется и в тех областях обычной жизни, где надо подчеркнуть силу, защитные свойства и несгибаемость их обладателя (изображения дубовых листьев/венков/ветвей можно встретить на военной форме, гербах и щитах). На Руси в память о связи дуба с высшими божественными силами, от которых за-

висит вся крестьянская жизнь и благополучие, составлен ряд пословиц: «Не сей пшеницы прежде дубового листа»; «Когда лист с дуба и березы опал чисто, будет легкий год для скота и людей». В Москве (Коломенское) находится старый дуб, которому и поныне совершают своеобразные жертвоприношения, выражающиеся в повязывании тряпочек и ленточек на ветви.

В алфавите друидов дуб означал букву D (dui'r), которая олицетворяла власть и силу. Ирландские церкви назывались *dair-thech* или *дубовыми домами*, что на древнем языке значило *священная роща*.

У кельтов союз дуба и омелы, помимо всего, являлся союзом мужского и женского начал (дуб становился проводником мужской силы). Те же кельты в священной дубовой роще часто проводили коронацию предводителя, как своеобразное бракосочетание/слияние с божеством. Здесь же наделяли предводителя знаками преемственности власти, величия и мудрости, принадлежности к данной области.

Считается, что древесина дуба сохраняет ряд свойств живого дерева. Ее часто использовали наряду с ясенем и тисом для создания рун. До сих пор полагают, что из дуба получают прекрасные инструменты для магической работы: плетения, наложенные однажды на дубовые предметы и талисманы, «впечатываются» в них, сохраняясь надолго. Современные и средневековые маги и эзотерики полагали и полагают, что особенно хорошо работают дубовые обереги, направленные на защиту, увеличение физической силы, достижение успеха.

В специфически христианизированной Ирландии дуб входил в число *семи благородных деревьев*, за уничтожение которых налагался штраф, соответствующий стоимости одной коровы. Церкви было принято строить близ дубов. Во время молитвенной процессии Всех святых, проводимой трижды на неделе перед Вознесением, священник останавливался для короткой службы возле дубов, находившихся на церковной территории.

В силу нерушимости клятв под дубом у всех индоевропейцев был обычай заключать под ним или вблизи него брачные союзы, подтверждая тем свое чистосердечное

желание соединить судьбы. Обряд братания, как один из самых важных, считался нерушимым, если был скреплен под сросшимися ветвями двух дубов.

Остроготы же считали дуб деревом, хранящим мир, порубка же его приравнивалась к преступлению.

Можем сделать вывод, что дуб является Мировым деревом и символом верховного бога Грозы. Как дерево громовержца — покровителя воинских дружин, дуб связывается с воинами и войной. Он выражает основные качества громовержца: силу, мужество, плодородие, благородство, верность.

Береза

Береза в индоевропейской традиции — это женское магическое дерево, которое рассматривается в ряде случаев как счастливое, так и несчастливое.

Береза как Космическое дерево. В шаманизме береза практически повсеместно — Космическое Древо, и шаман делал семь или девять восходящих зарубок на ее стволе или березовой жерди, символизируя восхождение через планетарные сферы к Высшему Духу.

Береза олицетворяет букву *beth* — первую букву древнесного алфавита друидов. Она считалась священной *бет* богини Каридвен, представлявшей начало и рождение подобно греческой альфе. Белый цвет коры дерева свидетельствовал о его связи с Белой богиней, которая в облике поедающей падаль белой свиньи приносила как рождение, так и смерть. Береза (*berca*) была также названием руны в скандинавском руническом алфавите.

У скандинавов и тевтонов береза посвящена Тору, Донару и Фригге. Согласно легенде, последняя битва Рагнарек должна произойти около березового дерева.

По некоторым народным легендам, береза — благословенное дерево, укrywшее Богородицу и Христа от непогоды (польское предание) или св. Пятницу от преследований черта (русское), или, напротив, проклятое Богом дерево, прутьями которого якобы хлестали Христа (сербское).

Береза как женское дерево. В ряде случаев полагали, что береза часто «плачет», в нее часто «бьет» гром, например

на Мазурах и в Вармии (Польша). Это объясняли тем, что береза — вместилище духов.

На Русском Севере место, где когда-то росли березы, признавалось несчастливым, на нем не ставили новый дом. В Полесье запрещалось сажать березу рядом с домом, чтобы на хозяев не напали болезни, чтобы не вымерла семья. Согласно карпатским поверьям, если женатый мужчина посадит березу во дворе, то кто-нибудь из семьи умрет.

Эти верования основаны на представлении о том, что наросты на березовых стволах образуются от женских проклятий (*бабских прокленов*). Береза как женское дерево защищает женщину и поэтому является своеобразным медиатором или усилителем ее обид и следующего за ними воздаянием.

В патриархальном обществе нечистое обычно относилось к женскому началу, а громовник, мечущий огненные стрелы, должен направлять их в противницу — символ женского начала — березу. Однако в местах, где сохранялось семейное равноправие, если не полное руководство семьей со стороны женщины, отношение к березе было совсем иное. Во многих местах березу специально сажали рядом с домом для благополучия семьи, по случаю рождения ребенка, для защиты от молнии, для отпугивания зла и т. п. Иными словами, она воспринималась как богиня, оберегающая ребенка и семейное благополучие, отвращающая зло.

В Люблинском воеводстве береза считалась деревом, приносящим удачу. Установленная в переднем углу при строительстве дома ветка березы была символом здоровья хозяина и семьи. Во многих регионах березовые ветки втыкали в поле, чтобы получить богатый урожай злаков, льна. Березовое полено закапывали под порогом новой конюшни, чтобы «велись» кони. После выпечки хлебов в печь бросали березовые поленья, чтобы «ягнята были белыми».

Береза как магическое дерево. Из-за связи с древней женской магией береза часто упоминается как атрибут нечистой силы в демонологических поверьях и быличках. Ведьма — читай, ведающая женщина — могла «надоить молоко» с березовых ветвей, летать не только на помеле

или хлебной лопате, но и на березовой палке. Белые кони, подаренные человеку чертом, превращались в кривые березы, а поданный чертом хлеб — в березовую кору; женщину, в которую «вселился» бес, во время приступа «бросало» на березу.

Четкая женская магическая принадлежность этого дерева видна из того, что в обрядах лечения детских болезней девочек носили к березе, а мальчиков — к дубу (укр.). Во многих местах верили, что битье больного ребенка березовым прутом избавит его от болезни. Береза также использовалась для «передачи болезни»: под нее выливали воду, оставшуюся от купания больного ребенка. На Руси крестьяне обращались с просьбой к березе об исцелении от болезни: скручивая над больным березовые ветки, обещали (или грозили) не отпускать до тех пор, пока болезнь не отступит. Данный обряд напрямую указывает на то, что береза понималась как ипостась богини, чью помощь можно получить через просьбы, обет или угрозы. В Мазовии страдающий малярией должен был потрясти березу с приговором «тряси меня, как я тебя, а потом перестань».

Связь березы с соответствующей ей богине с родами и родовспоможением у западных славян проявлялась в том, что они надежным оберегом считали березовую метлу, прислоненную к постели рожаницы или колыбели новорожденного.

Береза часто выступает как магический оберег. Она широко использовалась в магии и колдовстве, из нее делали всевозможные амулеты и обереги. У всех славян считалось, что ветки березы, (особенно те, что были использованы в Троицких или других календарных обрядах), заткнутые под крышей дома или оставленные на чердаке, защищают от молнии, грома, града; воткнутые посреди полев в поле — отгоняют грызунов и птиц; брошенные на огородных грядках — предохраняют капусту от гусениц. С помощью веток березы и березовых веников пытались уберечься от нечистой силы, болезней, «ходячих» покойников. Накануне дня Ивана Купалы березовые ветки втыкали над дверями хлевов, чтобы не дать ведьмам проникнуть к коровам и навредить им; на рога коровам надевали березовые веники для защиты от ведьм.

Связь березы с миром мертвых. В некоторых полесских селах при похоронах покрывали тело умершей женщины березовыми ветками, а тело мужчины — ветками тополя. В белорусских причитаниях умерших братьев называли «зяленьми кусточками», а умерших сестер — «белыми бярозамі». С помощью березовых веток оберегались от неупокоенных, т. е. «ходячих покойников».

Согласно польским поверьям, под одиноко растущей березой покоится душа умершего насильственной смертью, и вместо сока в ней струится кровь. Некоторые признаки необычного вида березы (искривленная или сросшаяся с другим деревом) были для белорусов свидетельством того, что под ней погребена невинно загубленная душа. Во многих восточнославянских балладах, легендах, сказках погибшая девушка превращается в березу. В Костромском крае об умирающем говорили: «В березки собирается». Крестьяне Дмитровского района (под Москвой) верили, что в березовые ветки на Троицу вселялись души умерших родственников.

Девичья русальная магия, связанная с березой. О русалках в Полесье говорили, что они «с березы спускаются» или «на березах качаются». Во многих русальных песнях они сидят на белой березе или на кривой.

Принадлежащими русалкам считались березы, ветки которых свисали до земли. На Троицкой неделе мужчины опасались к ним приближаться. В Польше такие плакучие березы, одиноко растущие в поле, назывались деревьями духов. В них якобы вселялись души умерших девушек, которые по ночам выходили из берез и «затанцовывали» насмерть случайных прохожих.

Четкая обрядовая связь русалок с березами прослеживается в заклиательных песнях:

На грязной неделе
 Русалки сидели,
 Ой, рано й ру!
 Русалки сидели,
 Сорочки просили:
 — Ай, девочки-подружки,
 Дайте сорочки.

Дайте сорочки;
Завейте веночки,
Завейте веночки
На святы духовые.
Ой, рано й ру!
На духовые!

У ворот береза зеленая стояла,
Зелена стояла,
Веточкой махала.
На той на березе Русалка сидела.
Русалка сидела,
Рубахи просила:
— Девки-молодухи,
Дайте мне рубахи!
Хоть худым-худеньку,
Да белым-беленьку!

В качестве жертв в русалочью неделю вешали на ветви «плачущих берез» нитки, пряжу, полотенца, рубашки.

Русалки отвечали за плодородие, были связаны с росой. Считалось, что там, где пробежит или пролетит русалка, там и урожай лучше. Для повышения урожайности русалкой обряжали самую красивую девицу, украшали ее венком и цветами, вели с песнями к полю и толкали в рожь. Она, выбегая оттуда, ловила всех, кто под руку попадет. За неделю до русальных дней собирали *русальную дружину*, которая обязана была неделю молчать, как бы приобщившись к миру мертвых. Дружина ночевала вне дома. В Русальную неделю устраивались посещения домов, где были больные или немочные, и проводились в них ритуальные хороводы с прыжками. На голову себе при этом часто надевали венок из ветвей березы. Считалось, что после этого должно произойти выздоровление.

Полагали, что если невеста умерла до свадьбы, то на русальную неделю могла вернуться живой покойницей. Для защиты от такого «визита» по окончании Русальной недели устраивались ритуальные похороны. Чучело, изображавшее покойницу, жгли или бросали в воду.

Широко известны у восточных славян Троицкие обряды с растущей или срубленной березой, совершаемые, как

правило, девушками и женщинами: они шли в лес, выбирали молоденькую березку, украшали ее, завивали на ее ветвях венки, устраивали под ней совместное угощение, водили хороводы, гадали.

Затем со срубленной березой, которую называли в разных местах по-разному (кума, гостейка, семик, куст, баба, красота) ходили по селу и при завершении обряда бросали ее в воду, в овраг, в костер. Иными словами, *провожали березку* или *хоронили* ее. Девушки *кумились* с березой, просили у нее доли, умывались березовым соком для красоты и здоровья. В Костромском крае верили, что девушка, первой севшая в тени «завитой» березы, выйдет замуж в текущем году.

Иными словами, береза представляла как богиня мира Смерти, которая наделяла девушек всевозможными благами, а потом возвращалась назад, *провожалась*.

В обрядовых приговорах при сватовстве береза и дуб выступали как символы невесты и жениха («у вас есть береза, а у нас дуб...»). В свадебных и лирических песнях береза — самый популярный символ девушки. В Люблинском воеводстве по ее веткам, поставленным в воду, девушки гадали о замужестве.

Можем сделать вывод, что береза некогда была космическим Мировым шаманским деревом — символом Великой богини-матери. В этом качестве береза — женское дерево, олицетворяющее здоровье и плодородие, защищает от темных сил. Она связана с материнством, браком, водой. Береза также соотносится с Миром мертвых.

Ель

В мифологической традиции особое предпочтение обычно отдавалось вечнозеленым растениям: сосне, ели, можжевельнику, кипарису и другим. Согласно бытовавшим верованиям, наполненность вечной силой проявляется в них в большей степени, чем у опадающих на зиму лиственных. Благоговейное отношение к вечной зелени известно с древнейших времен.

Рассмотрим основные функции ели.

Функция Древа жизни. С глубокой древности у европейских народов (германских, финно-угорских, славян)

вечнозеленые деревья (ель, сосна, можжевельник, кедр, пихта, лиственница) символизировали вечную жизнь, бессмертие, были вместилищем сакральной жизненной силы, имели культовое значение.

Как символ жизни и благополучия, ель известна на Русском Севере. Так, например, в районе Тотьмы при закладке двора в середине его ставили елку. Старообрядцы Верхнекамского региона почитали ель как дерево жизни, относящееся к божественному миру.

В Германии считалось, что ель — это райское дерево познания добра и зла. Она со временем превратилась для германцев в символ древа жизни. Райское дерево, увешанное плодами, изображалось в священных книгах и на иконах. Из европейских средневековых мистерий, представляющих райскую жизнь, этот образ перешел в украинские, галицкие, польские и румынские калядки.

В Древней Греции участники дионисийских шествий, посвященных возрождению природы и Космоса, обычно несли в руках еловые ветви с шишками и ветки плюща. Еловой шишкой оканчивался и посох Бахуса. В одном из древнегреческих мифов рассказывается о происхождении ели: богиня гор, лесов и зверей Кибела плакала под деревом, где ее любимый Аттис умирал от раны, нанесенной кабаном Зевса, до тех пор, пока Зевс не пообещал ей, что Аттис возродится, а это дерево станет вечнозеленым, олицетворяя вечную жизнь.

У британцев с помощью ели зажигали «чистый» божественный огонь для связи с высшими силами и предками. В кельтской мифологии ель воспринималась как существо женского пола и называлось *деревом рождения*. Ее сажали на кладбищах и во дворах храмов предков, чтобы предохранить тела усопших от гниения и разложения, а живым принести счастье и удачу.

Функция Древа смерти. Ель традиционно считалась у русских деревом смерти, о чем сохранилось множество свидетельств. Существовал обычай: удавившихся и самоубийц вообще зарывать между двумя елками лицом вниз. В некоторых местах был распространен запрет на посадку ели около дома из опасения смерти члена семьи мужского пола. Из ели, как и из осины, запрещалось строить дома.

Еловые ветви использовались и до сих пор широко используются во время похорон. Их кладут на пол в помещении, где лежит покойник. Веточки ели бросают в яму на гроб, а могилу прикрывают на зиму еловыми лапами. Связь ели с темой смерти заметна и в русских свадебных песнях, где ею называют невесту-сироту.

У славян существует обычай устилать дорогу, по которой покойника несут на кладбище, хвойными ветками (ели или можжевельника). На православных кладбищах долгое время не принято было сажать елки возле могил. Если в еловое дерево, растущее возле дома, ударяла молния, это рассматривалось как знак скорой смерти его хозяев.

Смертная символика ели нашла отражение в пословицах, поговорках, фразеологизмах: *смотреть под елку* (тяжело болеть); *угодить под елку, пойти или прогуляться по еловой дорожке* (умереть); *еловая деревня, еловая домовина* (гроб) и др.

В мировоззрении печерских староверов хвойный лес ассоциировался с потусторонним миром. На это указывают выбор места для кладбища — ельник, запрет на одиночное хождение в хвойный лес, который называли темным. Отголоском единения ели с предками служат северные вышивки с елочной символикой, которые широко использовались в погребальных обрядах. В кельтской мифологии ель — сестра тиса, который считался *деревом смерти*. Плиний Старший (I в.) называл ель *похоронным деревом*. У германцев ель как *смертное дерево* иногда посвящалась богу Водану (Одину), связанному с загробным миром и в связи с этим считалась эмблемой храбрости, смелости до дерзости, безрассудства, приподнятого состояния духа, верности, бессмертия, долголетия, надменности, царских достоинств.

В некоторых случаях у карел, южных и восточных славян, вепсов ель в похоронно-обрядовой практике замещается другим вечнозеленым и смолистым деревом — можжевельником, который считался у скандинавских и финских народов священным. У вепсов и крест иногда заменяла можжевелевая палка. На могилах крещеных детей и особенно девушек сажали кусты можжевельника, которые украшали разноцветными ленточками и лоскутками.

Функция «поворота года». Рождественская ель символизирует начало годового цикла и жизни в целом. Еловая шишка — символ огня жизни, начала, восстановления здоровья; в ряде традиций ассоциируется с фаллосом. У некоторых народов ель издавна была особо почитаемым деревом в первый день Нового года, связанным с днем зимнего солнцестояния. Так, например, ханты считали ее *священным шестом*, которому они приносили жертвы. В качестве ритуальных бичей еловые ветви использовались на Новый год многими северными народами.

В кельтской мифологии ель — атрибут дня зимнего солнцеворота. У древних германцев она стала сначала новогодним, а позже — рождественским растительным символом. Среди германских народов издавна существовал обычай идти на Новый год в лес, где выбранное для обрядовой роли еловое дерево освещали свечами и украшали цветными лоскутками, после чего вблизи или вокруг него совершались обряды. Со временем елочки стали срубать и приносить в дом, устанавливая на столе и украшая свечами, яблоками, сахарными сладостями.

Функция Мирового дерева. Согласно верованиям сибирских татар, ель — копия Мирового дерева, и находится в Нижнем мире (ель с девятью корнями или 9 елей). Она возвышается перед дворцом Ирле Хана (Эрлик-хана) и является коновязью царя мертвых и его сыновей.

В карельских и финских рунах Мировое дерево предстает в виде ели с «золотой верхушкой» и ветвями золотыми:

На вершине светит месяц.
И Медведица на ветках —
На краю поляны Осмо...

Ель как дух леса и ее связь с охотой. Еще в Древней Греции ель считалась священным деревом богини охоты Артемиды. Связь ели с миром духов леса определила ее место в охотничьей и гадательной магии. В Карелии и Финляндии она использовалась в качестве своеобразного жертвенного алтаря: охотник выбирал в лесу невысокую, густую ель, ветви которой смотрят вниз, в землю, на одну из них клал ольховую щепку, которая выполняла роль столешницы. На этот алтарь-стол Тапио охотник приносил

бескровную жертву: воду, пиво, вино, муку, колосья. После этого он обращался к духу с заговором:

Наведи охотника на тот остров,
На тот пригорок приведи,
Где ели с цветущими вершинами,
Осины со звенящими поясами.

Если охота была удачной, на алтарь-стол приносилась кровавая жертва — первый убитый глухарь. На столе Тапио, хозяина леса, охотники плели силки для ловли птиц и кормили собаку.

Магическое дерево. В Древней Греции ель считалась деревом надежды (бытовало представление, что троянский конь был частично сделан из ели), ее ветви использовались в прорицательных практиках. В греческой мифологии ель посвящена Пану — богу экстатических состояний и плодородия.

Древний могильник возле деревни Колодно (16 км от Луги в Ленинградской области) состоял из елей. На одной из них висел каменный крест, который крестьяне использовали в лечении разных болезней, а кладбищенскую часовню больные обползали три раза. Представления о ели как храме или алтаре сохранялись у карел довольно долго. В деревне Лошкин Наволок, где часовни никогда не было, ее заменяла ель, вокруг которой проводились игрища, а порванные в результате их рубахи развешивали на ней же.

Слово *елс* стало одним из имен лешего, черта: «А коего тебе елса надо?», а *еловой головой* принято называть глупого и бестолкового человека.

Все европейские народы когда-то наделяли ель целебными свойствами. Например, в Германии считалось, что еловое дерево излечивает подагру; страдавший от этой болезни человек либо завязывал узел из ее веток, либо в течение трех «благоприятных» пятниц после захода солнца ходил к ели и произносил магические слова: «Сохрани тебя Бог, благородная ель. Вручаю тебе свою подагру». Предполагалось, что в итоге болезнь «переносилась» на дерево, которое затем засыхало и умирало. Сделанный из еловой хвои или молодых кончиков еловых веток бальзам издавна использовался от цинги, грудных и легочных болезней, а

также для излечения ран и язв. Им также натирали обветренные и потрескавшиеся руки.

Связанная с миром предков, ель наделялась информативной функцией, выступала как вещее дерево в мантических обрядах. В древности у финнов существовал ритуал *слушания ели*: крестьянин, чтобы получить нужную ему информацию, проводил ночь под кроной этого дерева, что росло возле дома. При строительстве дома крестьянин должен был провести ночь под елью вблизи стройплощадки: если снился дух, это означало благословление, если нет, возведение жилья откладывали. По шуму кроны тоже пытались определить, можно ли в этом месте строить. Иногда даже рожали под корнями ели. Неслучайно финские пословицы гласят: «То дерево надо слушать, у корней которого жилище»; «То дерево должен слушать, у корней которого существуешь».

Богемские браконьеры верили, что могут стать неуловимыми, если будут глотать семена еловых шишек, найденных острием вверх перед восходом Иванова дня. В кельтском друидском календаре ели посвящен день 23 декабря, когда, согласно традиции, рождается божественное дитя, воплощающее дух плодородия.

Можем сделать вывод, что Ель — символ возрождения. Она является древнейшим символом космогонической богини Матери-кормилицы, связанной с охотой и восстановлением поголовья животных, одновременно она — Мировое дерево, через которое осуществляется связь между мирами. Ель ответственна за перерождение (реинкарнацию) души. Она широко используется в погребальных обрядах для помощи в возрождении души умершего. В качестве Дерева жизни и оживления она является эмблемой смены времен года, т. е. перехода от зимы-смерти к весне-жизни, а затем становится и символом Нового года и Рождества.

Яблоня

Яблоня — женское дерево, означающее плодородие, любовь, радость, знание, мудрость, обожествление и роскошь, но также обманчивость и смерть. Одно из первых

окультуренных деревьев, яблоня связана с женской силой и сексуальностью, она пробуждает в женщине чувственную сторону натуры. В европейской символике она считается деревом возрождения к вечной жизни. Кроме того, это первое дерево в гороскопе друидов.

Рассмотрим основные функции яблони.

Яблоня как символ идеала. Древние германцы верили, что яблони пользуются покровительством всех богов (даже молнии их не трогают), и поэтому окружали свои жилища яблоневыми садами. Ирландская яблоня *quert* — одно из семи благородных священных деревьев рощи, одно из двух священных деревьев, за беспричинное вырубание которых полагалась смерть.

В библейских Песнях Соломона (2:3) говорится: «Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей».

У греков плод яблони — символ совершенства и завершенности, как яйцо — начала. В орфическом культе яблоко символизировало богиню Венеру. Разрезанное пополам, оно сердцевинкой одной половинки соотносилось с вечерней звездой Геспер, сердцевинкой другой — с утренней (Люцифером).

Из-за своей почти идеально круглой формы яблоко воспринималось как космический символ, поэтому короли и цари наряду со скипетром держат в руках представляющее весь мир *державное яблоко* (державу). В античном мире на монетах изображались три круга, обозначающие известные императору Августу части земли (Азию, Африку, Европу), а *державное яблоко* было увенчано фигурой богини победы (Нике, лат. Виктория). В христианскую эпоху место Нике занял крест, поэтому даже астрономический символ Земли — это круг с водруженным на нем крестом. На Руси царскую державу ввел Борис Годунов.

В русском народе Преображение Господне называли Вторым Спасом, или «Спасом на горе», но чаще всего именовали *яблочным*, т. к. к этому дню поспевают яблоки, другие плоды и огородные овощи. Говорили: «Пришел Спас — всему час: плоды зреют»; «Пришел Спас — яблочко припас»; «Второй Спас яблочком разговляется»; «Пришел

Спас — оскомину принес (от зеленых яблок)»; «Яблоки не роятся — так и Спаса не будет».

Созревшие плоды (яблоки, горох, картофель, огурцы, репу, брюкву) носили для освящения в церковь. Этот обычай очень древнего происхождения. В христианской церкви он является продолжением ветхозаветной традиции. В конце праздничной литургии, после заамвонной молитвы и раздачи антидора священник благословлял плоды нового урожая, читал над ними молитву, за что крестьяне в особые корзины насыпали ему *начатки*, т. е. понемногу от каждого из принесенных продуктов.

В древнем Новгороде, в частности, освящение плодов и особенно яблок происходило с наибольшей торжественностью. В церкви Спаса Преображения святитель совершал литургию, а после пения «Достойно» софийский ключарь, облаченный в епитрахиль, кадил и освящал яблоки, разрезал на одном блюде на части, а на других оставлял целыми. Разоблачившись, святитель вставал на свое место и отведывал яблоко, затем по целому яблоку раздавал государеву боярину, воеводе, дьякам, представителям властей, священникам и «нарочитым» гражданам, а разрезанные яблоки распределял среди народа. После праздничного освящения яблок совершались благодарственные молебны в садах. При этом выносились иконы (чаще других — Преображение Господне).

До Яблочного Спаса плоды есть было запрещено (кроме огурцов: «кто до Второго Спаса ест яблоки, тому на том свете не дадут яблочка из райского сада»). Наиболее строго следовало воздерживаться от преждевременного употребления яблок тем из крестьян, у которых умерли дети в младенческом возрасте. По народным представлениям, на том свете на серебряных деревьях растут золотые яблочки, которые раздаются только тем умершим детям, родители которых (особенно мать) не едят яблок до Второго Спаса. Не удержавшийся от искушения попробовать яблоко раньше срока для искупления греха должен был не есть их в течение сорока дней после Второго Спаса.

На Руси считали, что увиденное во сне красное или зеленое яблоко означает гармоничную жизнь, а червивое говорит об отношениях, с виду благополучных, но подточенных изнутри.

Символика яблок молодости и бессмертия. У славян распространены сказки о «молодильных яблочках», которые или находятся на краю света, или похищаются Жар-птицей. Целебная сила яблок выражена в старинной русской поговорке: «Яблоко на обед — и всех болезней нет».

В Древней Греции яблоневое дерево посвящалось Аполлону и ассоциировалось со здоровьем и бессмертием. Дикая яблоня и ее плоды — атрибут Матери-земли, Кибелы и священное дерево Геры. Золотые яблоки вечной юности и возрождения стремились получить боги и герои. К принадлежавшему Гере саду гесперид за ними приходили Гермес, Персей, Атлант, Геракл.

В скандинавской мифологии магические яблоки богини вечной молодости Идунн — олицетворение времени года между мартом и сентябрем. Миф из «Младшей Эдды» повествует, что она хранила в волшебном ларце золотые яблоки, дающие молодость и силу. Великан Тьяцци похитил Идунн и ее яблоки, после чего был убит богами-асами. Вообще у германцев яблоневый цвет и плод — эмблема вечной юности (яблоко может символизировать и позднюю старость). С яблоней связана руна *ингуз*, которая олицетворяет собой вечную жизнь.

У кельтов яблоня — это дерево, которое чаще других связывают с Другим миром. Она — символ жизни/бессмертия, и ее плоды часто являются единственным питанием для героев, подобно лососю. По ирландскому поверью, яблоко — это фрукт, который обеспечивает бессмертие: если его разрезать надвое, можно увидеть пятиконечную звезду — пентаграмму, символизирующую пять состояний от рождения до смерти, а затем новое рождение.

В кельтской мифологии золотые яблоки вечной молодости росли на Аваллоне (от ирл. *abal*, валлийск. *afal*, т. е. *яблоко*), «острове блаженных» в потустороннем мире, хозяином которого был морской бог Мананнан. Яблоко является также частью платы, которую сыновья Туйренна должны были принести Лугу из сада гесперид в качестве выкупа за то, что они убили его отца Киана. Они имели цвет чистого золота и вкус меда. Считалось, что если раненый воин или смертельно больной мужчина отведаст такое

яблоко, то сразу выздоровеет. Сами яблоки чудесным образом восстанавливали целостный вид.

С помощью яблока герой мог исполнять свои желания и даже совершать подвиги: достаточно было бросить яблоко (которое возвращалось к нему, подобно бумерангу). Так, Бриан, один из трех сыновей Туйренна, чтобы завладеть знаменитым копьем, бросил яблоко в лоб персидского царя Писира, и оно убило его, разбив тому голову. По другой кельтской легенде, Мельдун со своими спутниками однажды плыл мимо острова, в центре которого росла чудесная яблоня. Ее ветви были такими длинными, что они спускались по холму вниз до моря. Мельдун схватил одну из ветвей, когда они приблизились к острову. И эта ветвь скользила сквозь его руки три дня и три ночи, пока они плыли вокруг острова. На конце ее он обнаружил связку из семи яблок. Путешественники взяли их с собой, и одного яблока было достаточно, чтобы обеспечивать их на сорок дней и ночей едой и питьем. На другом острове они увидели, как птицы и дикие животные питаются такими же яблоками, и вновь запаслись чудесными плодами в дорогу.

В легендах кельтов-островитян Аваллон, яблочная страна, является символом неземных радостей. Средневековые предания рассказывали о том, что Александр Македонский, искавший в Индии «живую воду», однажды оказался в яблонево́м саду и узнал, что питающиеся яблоками из него, живут порой до 400 лет... Молодые яблоки сторожили родоначальники осетин, герои Ахшар и Ахшартаг.

Связь символики яблони с миром мертвых и реинкарнацией души. У славян яблоко связано с Миром мертвых и играет значительную роль в похоронных обрядах: его клали в гроб, в могилу, чтобы покойник отнес его «на тот свет» предкам. Маленькую яблоню несли перед гробом, сажали на могиле (вместо креста), чтобы умершие могли через нее общаться с живыми (сербы, болгары). Полагали, что деревце находилось с покойником в пути до самого его перехода «на тот свет». Когда яблоня засыхала, это значило, что душа достигла рая и дерево должно расстаться с ней.

Считали, что до Яблочного Спаса, т. е. до освящения яблок, на яблоне обитают русалки, черт (Полесье); под ней

находят клады (поляки). В болгарских поверьях архангел Михаил принимал в рай только душу с яблоком. Яблоко на столе в Сочельник предназначалось для умерших, поэтому, боясь мести предков, запрещалось брать яблоки с рождественского деревца (Польша). У греков яблоко также является пропуском в Елисейские поля (Элизиум) — яблоневые сады, вход в которые сохранен только для душ героев. Яблоневая ветвь символизировала Немезиду, поскольку служила платой за вход в Элизиум, который она охраняла (позже стала богиней возмездия).

По греческому мифу, Мелос — жрец и служитель при храме Афродиты, названный отцом Адониса, узнав о смерти мальчика, повесился на яблоне и превратился в его плод, получивший впоследствии его имя.

Кельтские легенды помещали многих царей и героев прошлого в некую страну Яблук, где они спят беспробудным сном или развлекаются с прекрасными женщинами в ожидании момента, когда отечество окажется в опасности, чтобы придти на помощь. На Яблочном острове Ynys Avallach (Аваллоне) обрел свой последний приют король Артур.

В одной из сказок братьев Гримм завистливая мачеха дает Белоснежке заколованное яблоко, которое вызывает сон, подобный смерти, хотя из этого сна ее может вызвать благородный принц. Тот же мотив присутствует в пушкинской «Сказке о мертвой царевне...».

Яблоня как символ любви. На Руси яблоко использовалось как приворотное средство, для чего нужно было его разрезать пополам, вырезать сердцевину и положить внутрь записку с именем любимого; вновь соединив половинки, обвязать красной нитью (крест-накрест) и положить на солнцепек с определенными словами. Древесина яблони использовалась в любовной и исцеляющей магии. Для усиления женских эротических сил летом ложились спать под яблоней, правда, по поверьям, она охотнее делится своими силами с молодыми девушками. Считалось, что под влиянием энергии яблони девушка может представить себе образ идеально подходящего ей жениха, а во сне увидеть суженого. Но при этом советовали опасаться соблазнов, которыми может окружить это дерево. Для энергии яблони

не существует моральных правил, она руководствуется только зовом природы.

Яблоко выступало в функции любовного знака: парень и девушка, обменявшись плодами, выражали взаимную симпатию, публично объявляли о своей любви. Яблоко, принятое девушкой во время сватовства, — знак согласия на брак. Считалось, что от бесплодия помогало: яблоко, зародившееся после вторичного цветения яблони (болгары), первое на молодом дереве (сербы), долго висевшее на яблоне (украинцы). Яблоко означало дитя, а яблоня — семью. Отсюда возникла поговорка: «Яблоко от яблони недалеко падает».

В Древней Элладе яблоко считалось символом любви и плодovitости, посвящалось богине красоты Афродите и ее трем грациям. В античных мифах опьяневший бог Дионис создал яблоко, которое подарил Афродите. Эротически эти плоды ассоциируются с женскими грудями, а оболочки для семян разрезанного пополам яблока — с наружными женскими половыми органами. В связи с этим яблоко имеет отчасти двузначный символический смысл, что дало повод к его эротической символизации (по некоторым исследованиям, *яблоком Диониса* была айва). Афродита подарила Парису яблоко, которое символизировало любовь богини, купленную ценой жизни, и оно явилось для него своего рода пропуском на Острова Блаженных.

В Афинах молодожены делили и ели яблоко при вхождении в брачные покои; передача или бросание яблок считалось знаком любви. Согласно мифу, богиня-мать Гея подарила на свадьбу Зевса и Геры дерево с золотыми яблоками, которое символизировало плодородие. Геракл привез его из страны гипербореев, где оно охранялось столбовым драконом и тремя гесперидами. Символика яблони связана и с богиней Артемидой. Другой миф сообщает о непревзойденно искусной в беге Аталанте, заявившей, что выйдет замуж только за того, кто ее догонит. Гиппомен, получив от Артемиды несколько яблок гесперид, во время соревнования бросал их на землю по одному, и пока девушка их подбирала, ему удалось настичь бегунью. В итоге волшебные плоды стали свадебным подарком. С тех пор в обрядах, связанных с Артемидой/Дианой, яблоки вру-

чаются женихам в качестве приза в полуденных брачных соревнованиях в беге. Их подбирает девушка, которую обгоняет бегущий юноша.

Во время ежегодного праздника в делосском храме Артемиды молодой Аконтиос влюбился в прекрасную Кидиппу и положил к ее ногам яблоко с надписью: «Клянусь Артемидой, что будешь принадлежать Аконтиосу». Так возник своеобразный способ объясняться в любви через мимолетную клятву и доводить дело до свадьбы. Немецкое выражение *Apfel (nicht) essen moechten* (мочь [или не мочь] есть яблоко), в переносном смысле означает *быть* или *не быть импотентом*.

У кельтов яблоня также является символом любви: Конла прожил целый месяц, питаясь только яблоками с яблони своей возлюбленной, и не похудел. У древних ирландцев вино из плодов яблони использовалось в ритуалах плодородия, посвященных богине-матери. Плоды и тонкие корни применялись в любовной магии.

Яблоня как символ искушения, греха и искупления. Яблоко олицетворяет искушение, грехопадение человека и Спасение. Со Средних веков символизирует запретный плод. Греческое *Melon* и латинское *Malum* означают и зло, и большой плод, а не только яблоко, для точного наименования и определения которого нужно добавить собственное его название. В Библии можно обнаружить множество мест, в которых не указано, о каких именно яблоках идет речь; упоминаются несколько раз только гранаты. Поэтому в истории соблазнения Евы Змием говорится не о яблоне, а о некоем дереве: «мы можем есть только плодов дерева, которое среди рая» (Бытие 3:1–6). Точно так же не приводятся подробности и в Коране, хотя его исламские толкователи называют *фигу* (т. е. смокву, инжир) или *виноград*, а то и *колос пшеницы*. Традиция же изображать яблоко в качестве символа грехопадения появилась, скорее всего, в эпоху Возрождения, когда каждый уважающий себя художник писал библейские сюжеты, а эпизод с грехопадением был одним из самых распространенных.

Обретя роль запретного плода, яблоко стало выражением первородного греха. *Яблоком Адама* называется

кадык, который бывает только у мужчин. Согласно легенде, это аналог кусочка запретного плода, который застрял у Адама в горле. Одним из самых расхожих монашеских присловий в Средние века было: «Яблоко принесло миру все зло». Символом греха и фальши стало яблоко Содомы — внешне красивое, а внутри наполненное пеплом, как писал в «Еврейской истории» Иосиф Флавий (37–103 гг.), однако до конца не объясняя этого выражения.

В христианской символике яблоко — еще и эмблема земных чаяний, т. е. бранных, проходящих, а его цвет, запах и вкус — искушения загробного мира. Яблоко в руке Христа выражает искупление первородного греха; в руке Девы Марии — олицетворяет как бы новую Еву. Корзина с яблоками — атрибут святой Доротеи.

Эмблема тайны, магии и знания. В русских сказках героини, чаще всего Баба Яга, гадают с помощью яблока: «Катись, катись наливное яблочко по золотому блюдечку. Покажи мне...». Спасовские яблоки, т. е. освященные в день Преображения Господня, использовались при разговлении ими для загадывания желаний. Считалось, что то, что задумано в момент проглатывания первого кусочка, непременно сбудется.

Яблоко — эмблема знания и в то же время потаенности, таинственности. Если разрезать его на две равные половины, станут видны семенные коробочки, сложенные в виде пентаграмм (пятиконечной звезды), которая в свою очередь является знаком знания и инициации. В эзотерическом учении яблоня ассоциируется с сознательным выбором. Тацит, упоминая в своем описании рунического гадания *плодоносное дерево*, имеет в виду, скорее всего, именно яблоню.

В кельтской традиции яблоко было плодом магии, считалось самовозрождающимся питанием для чародеев, волшебников, колдунов. У галлов яблоня была священным деревом, наравне с дубом. В кельтских религиях яблоко также было символом передаваемых знаний. Из плотной древесины яблони изготавливались сосуды для хранения лекарственных смесей и мазей, т. к. считалось, что она усиливает целебные свойства препаратов. Использовалась она и для ритуальных костров.

Символика яблока раздора. По греческому мифу, богиня раздора Эрида, не приглашенная на свадьбу царя Пелея и nereиды Фетиды, бросила среди гостей золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Три могущественнейших богини Гера, Афина и Афродита стали претендовать на него. Они просили Зевса присудить яблоко достойнейшей, но тот повелел Гермесу передать яблоко Парису, сыну троянского царя Приама. Каждая из претенденток старалась посулами склонить судьбу в свою сторону: Гера обещала славу и богатство, Афина — воинскую славу и мудрость, а Афродита — отдать в жены самую прекрасную женщину. Ею оказалась жена спартанского царя Менелая, которую благодаря богине похитил Парис, чем вызвал Троянскую войну.

Можем сделать вывод, что яблоня и ее плод — яблоко, олицетворяют древнюю Богиню (космическую силу) вечной жизни и молодости, связанную с женской магией и тайнами, а также воспроизведение жизни через любовь и страсть. Связь яблони с Миром мертвых указывает на возможность их перерождения (реинкарнации) в космическом круге Бытия.

Осина

В фольклоре часто присутствует осина. Это дерево больше всего известно своей дрожью, которая чаще всего трактуется как ответственность за некую вину.

Рассмотрим функциональные особенности символики данного дерева.

Осина как «виноватое» («дрожащее») дерево. Биологи объясняют дрожание осины (по-другому она называется *дрожащим тополем*) ее характерной особенностью — очень подвижными листьями, приходящими в движение даже от слабого ветерка, поскольку листовые пластинки прикрепляются к концу длинного, тонкого черешка, плоского и сильно сплющенного с боков и, как следствие — особенно легко изгибающегося.

Согласно библейскому сюжету об Иуде — предателе Христа, что повесился на осине, она разделила его участь, став проклятым деревом. Но в судьбе Спасителя, точнее в

самом трагичном периоде его жизни, это дерево встречалось не раз.

Этимологические мифы связывают «трясение» осины с Божьим проклятием, наложенным на осину за то, что из нее сделаны крест, на котором распяли Христа, гвозди, которыми он был прибит к кресту, а также *стицы*, которые мучители загоняли ему под ногти.

Сохранились легенды, объясняющие осиновою дрожь по-разному: по одной из них, дерево, узнав, что из него будет сделан крест для распятия, задрожало от ужаса всей листвою. По другой — во время распятия все деревья склонили верхушки, и лишь осина осталась прямой, за что и обречена была на вечную дрожь. Во всяком случае, выбор осины в качестве орудий пытки и казни, был, разумеется, не случаен: она задолго до того считалась деревом мертвых (а по современным данным известно, что при выдержке ее древесина *костенеет*).

В литовском предании «Ель — королева ужей» повествуется, что дочь Ели, Осина совершила тяжкий грех: предав мать и отца, послужила причиной их гибели, и после смерти превратилась в дерево, названное по ее имени. Латыши объясняли дрожание листьев разгуливанием Вея Маты (Мата — значит *мать*) по корням осины или сотрясанием ее злыми силами, например Марей (аналог славянской Марены, богини Зла и Смерти).

Связь осины с миром злых или опасных сил. Кое-где у восточных славян осину считали также *чертовым деревом* (гуцулы так и вовсе называли черта — *осиновец*). В местах, где растет осина, по народным поверьям, «вьются» черти. Именно по этой причине у прибалтийских народов запрещалось укрываться в грозу под осиной, т. к. Перкунас (бог-громовник) поражает именно ее, прячущую черта.

С осиной как негативным деревом связаны многие народные поговорки и присловья: осина некрасива, сучкаста и шумлива; осина все шепчется, проклятое дерево; на осине кровь под корою (и действительно, изнутри она имеет красноватый оттенок); одна ягода, горькая рябина, одно дерево, горькая осина; дрожит, как осиновый лист; трясется, как лист на осине; удавлюсь на горькой осинушке, на самой

вершинушке; осина и без ветра шумит; с осину (с оглоблю) вырос, а ума не вынес; ладило б тебя на осину!

На день Фоки и Ионы (5 октября), считавшийся началом осени, осина якобы примеряла русалкино платье, да так и оставалась в нем стоять — русальим призраком на земле.

Благословенная функция осины как универсального оберега. Осиновый кол издавна известен как оружие против вурдалаков и упырей, поскольку они считались проклятыми при жизни (заложными) душами, и одолеть их можно было лишь *проклятым* деревом — по принципу подобия. Осиновыми колышками окружали огородные грядки, защищая их от медведки. На Феклу-заревницу (7 октября) начинали молотьбу, и самый старший из молотильщиков, взяв вырезанную из свежей осины широкую лопату, набирал ею зерно, а затем, перекрестясь на восток, побрасывал зерна на ветер, приговаривая: «Первую лопату — “во имя Отца”, вторую — “во имя Сына”, третью — “и Святого Духа”». Потом шли лопаты «дедке», «бабке», «внучатам», «всем добрым людям». У А. Линевого в «Листах каменной книги» осиновый кол упоминается в качестве средства защиты входа в землянки древних стойбищ, а этот автор — не просто писатель, но еще и известный этнограф, археолог, имя которого связано с открытием петроглифов (наскальных рисунков) в Карелии. В рунической традиции осина связывается с символом *Ehwaz*, ей приписывается мудрость, способность противостоять любым условиям, отводить смерть, исцелять.

Можем сделать вывод, что символ осины всегда относился к Нижнему миру, но являлся сильнейшим оберегом от всякого зла. Негативная трактовка символики осины усилена отношением к ней в христианстве как хтоническому символу.

Ива (верба)

У ивы много других народных названий: верба, шелестящее дерево, колдовское дерево, колдовской аспирин, бредина (от русского *брод*, т. е. мелководе на реке, по которому ее переходили с берега на берег). Это дерево часто встречается в фольклоре и обрядах. Оно явно маги-

ческое и даже привлечено в христианскую православную обрядность. Кроме того, его символика часто встречается в фольклоре, в том числе сказочном, при характеристике героя или для представления ситуации. Несчастные девушки часто уподоблены плакучей иве.

Рассмотрим основные функции этого образа.

Ива как символ весны и солнца. Ива считалась у славян священным деревом, символом непрерывности и постоянства жизни. Именно она символизирует древнеславянского языческого бога Ярилу, связанного с приходом весны. До наших дней сохранился обычай раз в год в ночь на Ивана Купалу в честь бога Солнца украшать цветами вербу, жечь вокруг нее костры. По окончании праздника ветки ивы сажали во дворах. На Волыни и в Подолье девушки украшали цветами деревце или ветку вербы на Ивана Купалу и водили вокруг нее хоровод, а затем парни врывались в девичий круг, захватывали вербу и разрывали ее на части. Известны украинские фольклорные тексты, прямо или косвенно связывающие вербу с Солнцем и Небом.

У греков закрученная в спираль ветка ивы стала символом жизни. Ива была атрибутом греческой богини Геры, супруги Зевса, и римской богини земли и плодородия Цереры. Кроме того, в греко-римской традиции ива посвящена Европе и соотносится с Артемидой/Дианой. Артемида имела ряд весенних праздников, в том числе Комоедицы. Ивовый прут был ее эмблемой и символом деторождения.

Вербное воскресенье — один из важнейших праздников православной церкви, который празднуют за неделю до Пасхи. Он посвящен въезду Иисуса Христа в Иерусалим, жители которого стелили ему под ноги пальмовые ветви. Поскольку в большинстве европейских стран пальма не растет, вместо нее стали использовать цветущие ветки ивы (вербы), которые торжественно освящают и высаживают в усадьбах, вдоль дорог или по берегам водоемов. Считалось, что если кто посадит в землю принесенную из церкви освященную вербу да семь утренних зорь будет поливать ее водой, то принесет это посадившему большое счастье и во всяком деле удачу, а стубишь такое дерево — придет беда.

В некоторых местах существовал обычай, обязывающий жениха перед весенним праздником Пасхи с четверга на пятницу приносить в церковь ствол ивы с ветками, увешанными разноцветными шерстяными нитками и платками — подарками невесте. Наряженная ива стояла в церкви до праздника. В день праздника иву вместе с ее нарядом торжественно сжигали.

Связь ивы с Миром смерти и Миром предков. Вербка на Украине символизировала *Прадедову жизнь*. В Древней Греции она посвящалась женским божествам, так или иначе связанным с миром Смерти: Гекате, Кирке, Персефоне. По греческим мифам, в Колхиде, на пути к Золотому руно Медеей была посажена ивовая роща. На растущие в ней деревья вешали тела умерших. В подземной роще Персефоны, владычицы преисподней, тоже растут печальные ивовые деревья. А одна из хранилищ чудесных золотых яблок так горько оплакивала их похищение Гераклом, что была сама превращена в иву. Да и самому Гераклу она посвящалась (наряду с тополем и оливой).

Но вообще ива — женское дерево (согласно «Старшей Эдде», именно из нее была сотворена первая женщина), связанное с различными водными обрядами. В христианстве плакучая ива, символизирующая горе и смерть, присутствует на картинах, изображающих Распятие.

Ива как обережное и колдовское дерево. По верованиям славян, это дерево защищает от стихийных бедствий, нечистой силы и т. п. В то же время старая ива считается прибежищем чертей, водяных и другой нечисти. Древние славяне приписывали вербе волшебные свойства. Считалось, что ветки вербы способны уберечь человека от всяческих несчастий и козней, злых духов. Они же оберегали посевы и охраняли скот. Ветка вербы была подобна амулету, который помещали в красном углу избы и в хлеву. При первом весеннем выгоне скота на пастбище хозяйки похлестывали его ветками вербы, специально прибереженными для этого случая. Это считалось охранной мерой от возможных напастей типа отравления ядовитой травой, нападения волков или увязания в болоте, а также эффективным действием для повышения удойности коров и улучшения качества молока.

Ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье, применялись для защиты от грома, грозы и бури. Русичи верили, что ветки вербы, брошенные против ветра, прогоняют бурю; в огонь — умирляют его; во двор — останавливают град; посаженные в поле — охраняют посевы. Как волшебный символ, верба выступает в русских закличках, благопожеланиях, ритуалах. Степан Разин, позакрывавший все церкви на Дону, наказал народу проводить венчание под вербой.

Украинцы вербой обсаживали криницы для уберечения от злых сил, чтобы вода была *пригожа та здорова*. Обсаживали также копанки, в которых стирали белье, дабы очищать воду. Как символ печали, сажали на могилах. Например, в народной песне есть слова:

В кінці греблі шумлять верби,
Що я насадила...
Нема того козаченька,
Що я полюбила...

Ее старались вырастить и на огороде. Существовала примета: примется верба — девушка замуж выйдет, а хлопец женится, и будут они здоровые. На Украине верба была также условным деревом военного совета запорожцев.

Сербы вновь выученный заговор сначала произносили *на вербу*, а потом уж наговаривали на людей и скот. Так поступали «чтобы заговор так же легко принялся, как принимается верба». На юге Польши и в Галиции известны рассказы о чудесной дудочке, которую можно сделать из вербы, растущей в самой глубине леса, там, где не касался ее солнечный луч и где она никогда не слышала ни петушиного крика, ни шума бегущей воды. По поверью, с помощью такой дудочки можно развеселить загрустившего человека, заставить танцевать того, кто никогда этого не делал, привлечь себе в ульи чужих пчел, разоблачить злодея и убийцу и т. п. По некоторым старинным славянским верованиям, от музыки из такой дудочки встанут мертвые из могил.

В европейской низовой традиции иве приписывались чары против луны и ведьм. На Кавказе козья ива служила объектом поклонения, как и другие священные деревья,

ее называли *зеленым крестом*. В Древней Греции, как уже упоминалось, ива была посвящена, в том числе, Гекате, в сферу полномочий которой входили призраки, а также колдовство. Но ива соотносилась и с Цирцеей — колдуньей, превратившей спутников Одиссея в свиней.

К иве обращались прежде всего женщины, желавшие решить свои любовные проблемы. Например, венки, сплетенные из тонких ивовых ветвей, считались мощным приворотным средством. В Боснии девушки опоясывались вербой в Юрьев день, чтоб на следующий год *быть с нузом*, т. е. выйти замуж и забеременеть.

Освященная верба у всех славян считалась целительным средством: ею окуривали людей и помещения; растертую в порошок пили (с можжевельником), прикладывали в примочках. На вербу переносили болезни: «Верба из-за моря, принесла верба здоровья...». У восточных славян практиковалось хлестание вербной веткой в Юрьев день в качестве средства от болезней и несчастий. После экзекуции ветку втыкали в поле, закладывали за икону или же бросали в пруд. Верили, что даже одно прикосновение, не говоря уже о похлестывании освященной вербой, особенно сразу по возвращении из церкви (когда она полна *воскресительной* силой), давало здоровье. Начинали обряд с детей, сопровождая его благопожеланием роста и здоровья: «Как вербочка растет, так и ты расти!». Этот обычай был распространен в Полесье, на Украине, в Белоруссии, России, Черногории, Герцеговине, Славонии и в других местах, где жили славяне. Почки с освященной вербы закатывали в хлеб и скармливали овцам, чтобы *водились*.

В народной медицине почечные чешуйки применяли как средство от малярии. Кору ивы как лекарственное средство использовали в Древней Греции во времена Теофраста и Диоскорида. В славянских странах иву применяли как противовоспалительное и противохородачное средство. Малороссийские знахари использовали отвар ивовой коры при лечении туберкулеза легких, ревматизма, гепатита и т. д.

Отрицательная символика старой вербы. Старая верба считалась проклятым деревом в некоторых районах Сербии, Боснии, Македонии и Польши. Данное представление

базировалось на том, что она не давала плодов или тени и, как правило, была гнилой изнутри. По легенде, ее проклял св. Сысой, который метил из лука в черта, спрятавшегося в дереве. Другое предание утверждает, что из ивы, а не из осины, были сделаны гвозди для креста, на котором распяли Христа.

По белорусским верованиям, черти весной «отогреваются» на вербе (старой, сухой и дуплистой), а после Вербного воскресенья падают в воду. Поэтому полагали, что от Вербного воскресенья до Пасхи нельзя пить воду, зачерпнутую под этим деревом. Белорусская и польская поговорка гласит: «Влюбился, как черт в сухую (старую) вербу». Словаки считали, что водяной часто сидит на самой высокой вербе и высматривает свою жертву.

Символ женственности и кротости. Ива по всей Европе противопоставляется сосне и дубу. Последние не могут вынести бури и ломаются под порывами ветра, а гибкие ветви ивы, приходя в движение под их напором, возвращаются затем в прежнее положение и остаются целы. Кроме того, в средневековой Европе ее называли деревом певцов и поэтов, поскольку считалось, что она способна даровать красноречие.

Можем сделать вывод, что ива — символ хтонической лунной богини женской магии, целительства и колдовства. Она связана с водной стихией и Загробным миром. Функциональным аналогом такой богини является Медея, персонаж греческой мифологии.

Орешник

В фольклоре часто упоминается орешник. В частности, он растет вокруг избушки бабушки в сказке «Красная Шапочка», из него изготавливаются различные магические предметы: дудочки, посохи, волшебные палочки и т. д.

Рассмотрим основные функции орешника.

Связь с урожаем. По русской примете, если случается богатый урожай на орехи, то на следующий год будет такой же на хлеб. Считалось, что пустой орех предвещает смерть и голодный, неурожайный год, а полный — благополучие и здоровье.

Связь с Миром мертвых. Орешник в народной культуре западных и южных славян — священное дерево, связанное с Загробным миром. В Болгарии, Македонии и восточной Сербии лесной орех и его ветки считались местом обитания душ предков, посещавших землю в Троицкую неделю. Поэтому накануне Троицы люди избегали обрывать ветки лещины, боясь потревожить души умерших. На Вознесение, в Духов день, ветками лесного ореха украшали дома, стелили на полу в доме и в церкви, коленопреклонялись на них и молились, а также, прижимая к уху, прислушивались. Считалось, что таким способом можно услышать мертвых и даже говорить с ними. Уклонение от подобных обрядовых действий серьезно осуждалось, т. к. воспринималось в качестве помехи душам попасть на землю и вернуться обратно (они остались бы *запертыми на том свете или на этом*). В конце дня эти ореховые ветки относили на кладбище, обметали ими могилы, чтобы *на том свете* душа умершего могла укрыться в их тени. О связи лесного ореха с Загробным миром и предками говорят рождественский обычай подавать к столу орехи в качестве поминального блюда.

Напомним, что речевка из русской народной игры «Сидит-сидит Яша» подчеркивает, что этот персонаж занимает позицию «под перелющем, под ореховым кустом» и грызет «орешки каленые». Орех в восприятии древних славян был сродни яйцу как растительный вариант символа жизни и Вселенной. Он также имеет скорлупу, под которой находится живительная сущность. Яша-Ящер грызет орехи, т. е. выпускает эту сущность на волю.

Орешник, как и яблоня, считался деревом, недоступным молниям. Так как он есть принадлежность Нижнего мира, то *не виден* Громовержцу. Поэтому славянский хтонический Ящер и вообще любая *нечисть* у всех европейских народов прячется под ним от молний и грома. В грозу прятались под орешником, в качестве громоотводного средства ветки втыкали в землю на полях, закрепляли в зазорах стен и в стрехах хозяйственных построек, держали в доме, делали из них крестики. Особенно важным считались эти действия в Юрьев день и на Ивана Купалу. Однако полагали, что гроза и гром, не властные над самим деревом, губительны для его плодов.

У западных и южных славян при рождении жеребенка домашние старались его как можно быстрее поднять с земли, говоря при этом: «Оставь ореховое, возьми кизиловое». Тем самым выражалось благожелание новорожденному поскорее покинуть сферу небытия, откуда он появился на свет, и начать расти, быть здоровым, поскольку кизил являлся символом здоровья и крепости. Эти же слова прозвучали в адрес тяжелобольного человека, их говорила мать ребенку, который долго не мог научиться ходить, т. е. не завершил еще своего перехода в *этот* мир.

Так как подземные боги у всех народов связывались с сокровищами и богатством, то подобное отношение перешло и на орех. Согласно словацким поверьям, чудодейственная ветка лещины может указать человеку путь к спрятанным в земле кладам. Из орешника делали рогульки для поиска воды и кладов (в современном языке — *биоэнергетические рамки*). Фольклорные герои обзаводились волшебными посохами из орешника.

Функция оберега. Ветка ореха, благодаря своему магическому статусу, по принципу симпатической магии широко использовалась в качестве оберега от нечистой силы. Словены во время рождественских гаданий при вызове на перекресток нечистой силы очерчивали вокруг себя магический круг с помощью ветки лещины. Демонов, насылающих на детей бессонницу, болгары изгоняли, обходя колыбель ребенка с зажженной ореховой веткой. У русских орешниковыми ветками защищались от русалок. Чехи и словаки подкладывали ветки лесного ореха в амбары, били ими по стенам домов и кладовых, изгоняя оттуда мышей. Болгары полагали, что змеи не только боятся лещины, но и умирают от нее.

Интересно, что в сказке о путешествии Нильса с дикими гусями дудочка для изгнания крыс («палочка и девять дырочек») изготовлена из ореха.

Можем сделать вывод, что орех является атрибутом Мира мертвых и Подземного мира вообще. В этом качестве, по магическому принципу *подобное изгоняют подобным*, он обладает уникальными волшебными свойствами в качестве оберега от нечистой силы и грозы, а также инструмента для поиска всего тайного и скрытого от глаз.

Олива (маслина)

Символика оливы обычно связана с такими понятиями, как победа, долголетие, прочность, надежность и надежда, плодородие, счастливый брак, мир и спокойствие в государстве и т. д. Оливковое дерево считается обиталищем Луны и служит ее эмблемой. Но при этом все его значения подпадают под определения судьбы: хорошей/счастливой, или злой, или неизбывной предопределенности.

Рассмотрим основные функции этого образа.

Символика судьбы. Считалось, что оливковое дерево на Акрополе несет в себе жизнь и судьбу народа. В этом плане олива — эмблема Зевса/Юпитера, Афины/Минервы, Аполлона и Кибелы, т. е. богов, связанных с предсказанием судьбы.

Отметим, что, например, Геракл и Одиссей были *людьми судьбы*, находящимися под особым покровительством богини Афины, и их оружие было сделано из посвященного ей дерева оливы. Малоизвестен мифологический факт, что в древнейшие времена существовала Афина-Мория, вторая часть имени которой происходит от слова Мойра, означающего *участь, судьбу*. Сами оливковые деревья назывались *toriai elaiai*, т. е. *деревья судьбы*. Схолиаст к «Облакам» Аристофана¹³³ сообщает: «Священные оливы Афины на Акрополе назывались деревьями судьбы», и когда сын Посейдона, соперника Афины в Аттике, пытался срубить эти деревья, топор случайно убил его самого.

По другой версии, «священная олива божества, Мория, произрастала в гимнасии». Плиний тоже называет это дерево *роковым* («*Oleaster fatalis*»)¹³⁴, а Нонн использует древнюю культовую формулу обращения к Афине: *благодарение оливкового дерева*¹³⁵.

Хорошо известно, что Судьба/Мойра исключала действие случайности, внося в развитие мира элементы недоступной людям телеологии, необходимости и закономерности. Таким образом, Афина — причастная судьбе, и ее олива — причастное судьбе дерево.

¹³³ Схолиаст. 1005 D252; bn.

¹³⁴ Плиний. Nat. hist. XVI 199.

¹³⁵ Нонн. XV 112 Ludwich.

Символ миролюбия, покоя, прочности, безопасности и надежности. На оливу указывают как на символ прочности, т. к. это дерево славится своей плотной, тяжелой и крепкой древесиной. Из нее были изготовлены дубинки Геракла, и именно оливковым колом Одиссей выкалывает глаз Циклопу.

В греко-римской традиции олива олицетворяет достижение и мир. Ветви оливы символизировали мирные намерения. Оливковая ветвь была античным символом мира, поэтому она — атрибут персонифицированного Мира и золотого века человечества.

С незыблемостью брака и судьбой связано и то, что кровать Пенелопы и Одиссея была изготовлена из оливковой древесины. Двадцать лет Пенелопа неуклонно отвергала всех женихов, преданно дожидаясь мужа. Этот миф послужил основанием для установления свадебного обычая для жениха и невесты надевать или несли в руках гирлянду из оливковых ветвей. Это была эмблема обеспечения мира, изобилия и надежности в семейной жизни.

В раннем христианстве использовались венки из ветвей оливкового дерева как символ надежности в вере, т. к. Христос просил своего Небесного Отца об изменении своей страшной Судьбы: «Да минет меня чаша сия». В христианстве олива — плод церкви, правоверность и мир. Голубка с оливковой веточкой символизирует отлетающие души праведников, почивших в мире. В сценах Благовещенья с оливковой ветвью иногда изображается архангел Гавриил.

Олива как символ победы. В античные времена победители в бою или ритуальных спортивных играх воспринимались как удостоенные особо благоприятного отношения богов. Для его получения совершались специальные ритуалы. Оливковый венец на голове победительницы отождествлял девушку с Герой, Афиной и Луной, а венок победителя Олимпийских игр из веток дикой оливы символизировал Зевса. Лист оливы означает обновление жизни. Кроме того, венок, украшенный оливковыми ветвями, вручался в Древней Греции победителям Олимпийских игр. Победителей спортивных состязаний в честь Афины одаривали кувшинами оливкового масла, ценившегося

тогда на вес золота. Оливковые венки вручались римским солдатам за храбрость в бою и т. д.

Можем сделать вывод, что олива в первую очередь есть символ благой судьбы и Богини судьбы.

Смоковница (фига, инжир)

Смоковница — дерево, многократно упоминаемое в Библии и Талмуде. О ней говорит Иисус. Под ней нашли приют спасенные Ромул и Рем — основатели Рима.

Рассмотрим символику этого образа.

Символ брака, плодовитости и плодородия. Листья и плоды смоковницы иногда толкуются как сочетание мужского и женского начал, символизирующее жизнь и любовь. Фига имеет очень много семян, и это объясняет, почему дерево соотносится с браком, плодовитостью, вождением, женским началом. Но оно олицетворяет и истину. Плод смоковницы по форме похож на грудь женщины, поэтому фи́га часто сопоставляется с образом многогрудого дерева. Плоды его видны раньше, чем листья.

Инжир был символом плодородия в Индии, где его связывали с созидательной силой Вишну и Шивы. Рельефы ограды священной ступы в Бхархуте, датируемые серединой II в. до н. э., изображают женскую фигуру, которая обвивает ствол дерева *ашватха* (смоковницы) рукой и ногой. Другой рукой она склоняет к своей голове ветви с плодами, образуя над головой арку из листьев.

Как символ священного брака, смоковница выступает в одной индийской легенде: *«Небесная дева Урваши полюбила юношу Пурураваса и согласилась жить с ним на земле, но с условием, что никогда не увидит его без одежды. Гандхарвы (полубоги) решили расстроить их любовь. Ночью они похитили барашков, привязанных к ложу Урваши и, сверкнув молнией, осветили бросившегося в погоню Пурураваса.*

Урваши исчезла. Пуруравас долго скитается в поисках Урваши, пытается стать гандхарвом. Для этого гандхарвы дают ему священную жаровню, принеся на которой жертву, можно стать гандхарвом. Пуруравас теряет жаровню, и ему приходится добывать огонь

трением друг о друга дощечек, выструганных из смоковницы».

В Древней Греции фи́га была фаллическим символом и атрибутом богов плодородия Приапа и Диониса. Святыней Рима считалась смоковница, под которой Капитолийская волчица кормила Ромула и Рема. С этим деревом соотносилась Румина, древнеримская богиня вскармливания. Признаки его увядания воспринимались жителями как знак угрожающей городу страшной опасности.

Популярный жест *fisco* (большой палец между указательным и средним) был в эпоху Средневековья знаком против *дурного глаза* и одновременно — непристойностью.

Смоковница как символ очищения и снятия грехов.

С помощью смоковницы лечили те болезни, которые, по мнению древних, связывались с ритуальной нечистотой и богами Нижнего мира. Речь идет о язвах, всевозможных кожных заболеваниях и уродствах, отравлениях в результате укусов хтонических существ: змей, скорпионов и т. д. Знаменитые врачи древности (в Греции — Гиппократ, в Риме — Гален и араб Абу Али Ибн Сина — Авиценна) указывали на эти и многие другие свойства смоковницы.

Обряд ритуального очищения римлян справлялся в день *Nonae Sarpotinae* на Марсовом поле, у Козьего болота, под смоковницами, которые тоже назывались *козьими* (*sarpificus*). Очистительной жертвой богам Нижнего мира был сок смоковниц.

Можем сделать вывод, что смоковница некогда соотносилась с древней Великой богиней-матерью Средиземноморского региона, которая была покровительницей материнства, брака, деторождения, а иногда — плодородия. Смоковница олицетворяет возможность очищения от болезней и грехов через перенос их в Нижний мир к хтоническим богам.

СИМВОЛИКА КУСТАРНИКОВ, ТРАВ И ЦВЕТОВ

Тростник (камыш)

В народном фольклоре, в частности, в сказках, часто упоминается тростник или камыш. Из него делают всевозможные вещи: дудочки и волшебные палочки. Тростник может преображаться в воинство и помогать герою, он своим шелестом предостерегает или дает совет. В греческой мифологии с тростником связывается огонь в качестве жизненного начала, т. к. Прометей принес огонь людям в полом тростнике.

Рассмотрим основные функции тростника.

Тростник как символ царской власти. Тростник в Восточном Средиземноморье выступает как эмблема царской власти. Царские трости в Палестине также изготавливали из камыша. Таково же его символическое значение на полуострове Индостан (danda). В Древней Индии племенные царьки имели титул *носящие трость*.

Среди древних реликтовых индоарийских этносов Приазовья были некие дандарии — *тростниковые арии*, или *арии со скипетрами из тростника*. У кельтов *Камышовый жезл* используется в ритуале жреческого посвящения первой ступени, он же является символом королевской власти. Изначально жезл показывал, что претендент прошел посвящение Подземного мира и имеет право на власть в мире Подлунном.

Тростник как медиатор связи с иными мирами. У славян и многих других народов существует сюжет о том, как преследуемый герой или при жизни, или после гибели превращается в тростник. Дудочка, вырезанная из этого тростника, обличает убийцу и гонителя героя.

У древних греков тростник тесно связан с прорицающими богами: Паном, Аполлоном и Гермесом. Известен миф о преследовании Паном целомудренной нимфы Сиринги от горы Ликей до реки Ладон. Там она попыталась укрыться от погони, превратившись в тростник. Не сумев отличить ее от остальных тростинки, Пан наугад срезал несколько стеблей и сделал себе из них свирель. Сирингу-свирель Пан как нашел, так и потерял, но Гермес скопировал этот инструмент и объявил его своим собственным изобретением. Он же и продал его Аполлону, покровителю искусств.

Шотландская волынка изначально была создана как магический инструмент, чтобы дать возможность живому поговорить с еще не возрожденными или с Богами преисподней под защитой звука свирели. У кельтов звук свирели из камыша открывает двери преисподней и защищает от ее стражей, которые не тронут вошедшего, пока она звучит. Камыш они называли *Самхейна*, что означает *Ночи Духов*. Его толстые корни, похожие на корни деревьев, послужили поводом считать растение обиталищем прячущейся дриады, а также воспринимать в качестве символа Нижнего мира, места, из которого дух возрождается через котел Керриден. Кельты соотносили тростник с Пуулом/Плутоном, богом Загробного мира.

Многие индоевропейские народы от Ирландии до Меоиды и Индии крыли свои дома камышом, который рассматривался как ритуальный инструмент связи с небесными богами — подателями блага. В друидском календаре тростник обозначал двенадцатый лунный месяц после зимнего солнцестояния или последний месяц перед зимним солнцестоянием. Отведенное ему столь почетное место указывает на явно скаральный характер растения, связаный с переходом в новое качество Природы и Космоса.

Можем сделать вывод, что тростник исторически связывался с царской властью, а поскольку она, в свою очередь, являлась выражением возможности правителя пользоваться магическими свойствами родовой земли, силой предков и богов плодородия Нижнего мира, то тростник получил значения прорицания и медиатора связи с иными мирами.

Трава

Трава символизирует пользу, подчинение, в образе дерна означает родную сторону. Пригоршня травы означает победу, захват страны, сдачу. У римлян венок из травы вручался герою войны или спасителю. В русских песнях и сказках трава имеет особые поэтические названия: *травушка-муравушка, мурава духовитая, травка шелковая*. В народе упоминалась и злая, и горькая трава. Например: «Польнька, польнька, травонька горькая, сама ты, злодейка, уродилась, заняла, злодейка, в саду местечко — место доброе, хлебородное». Существуют песни и сказки про *лютые коренья, про лихия травы*: «Я разрою сыру землю в темном лесе глубоко, накопаю злакоренья и на реченьку пойду».

Считалось, что наиболее мощные магические свойства имеют растения, обладающие сильным запахом либо колючками, шипами, а также ядовитые. В «белой» магии широко используются лепестки роз вместе с сухой лавандой, которыми наполняют популярные нательные кисеты-обереги, мята.

Рассмотрим основные функции травы как символа.

Связь с предками и первочеловеком, олицетворение народа. Трава нередко выступает как символ простых людей, покорности, подчиненности, безвестности, неприметности, но также и полезности.

В ряде традиций распространено представление о траве как о волосах некоего первочеловека, из членов которого возникла земля или Вселенная: германский Имир, русский Адамий в «Голубиной книге», китайский Пань-Гу и т. д. В ряде случаев трава вырастает из крови и слез богов, как, например, чай в Китае.

Священное и мистическое значение травы. В русской сказочной традиции *травя-мурава* обладает целебными и волшебными свойствами, в частности, подачи сил. Герой может набраться их, повалившись на траве. Все сказочные кони должны для того, чтобы прийти в полную силу, должны или три зорьки, или три года кататься по траве и питаться ею.

В других традициях трава также часто имеет священное значение. Например, в буддизме это трава *Дурва* (тибетск.) или *Куша* (санскр.). Эту траву для устройства сидения под

деревом Бодхи Будде подарил человек по имени Мангалам. В тексте Соднама Цземо «Дверь, ведущая в Учение» рассказывается: «Будда, который до достижения просветления думал о том, на чем он должен сидеть для того, чтобы наступило просветление. Он узнал, что все предыдущие будды сидели на травяном сидении. Справа от дороги продавец трав собирал накошенную траву счастья шанака, и Будда сказал ему: «Сегодня эта трава может принести мне великую пользу: одолев Мару вместе с его полчищами, я достигну высшего просветления и покоя». И тот поднес ему сноп травы, а также сине-зеленую траву куша, похожую на шею павлина. На месте достижения просветления, аккуратно разложив траву верхушками внутрь, корнями наружу, Бодхисаттва обошел семь раз вокруг дерева Бодхи и сел, скрестив ноги».

В Древней Греции невесты украшали свою прическу стебельками травы — это означало верность избраннику. У греков с травой были связаны представления о долголетию и здоровье. Кроме того, считалось, что люди или боги научились готовить из трав опьяняющий напиток, вкушение которого дает силу, процветание, увеличивает плодородие, открывает путь к новой жизни. Высшая форма его — напиток бессмертия, вкушаемый богами. Особые мифы связывают траву с мифологическим персонажем, превращенным в нее, и с получаемым из него напитком (бог Сомма в индийской традиции, возможно, бог Квасура у славян и др.).

Можем сделать вывод, что трава в сознании народа имеет божественное происхождение, поэтому обладает магическими, мистическими и целебными силами, связывается в ряде случаев с происхождением людей.

Различные волшебные травы и кустарники

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся в фольклоре травы и их свойства. Часть из них имеет не биологическое, а легендарное происхождение.

Перелет-травя. Это растение, цветок которого, легкий и сияющий, подобно звездочке, переносится с места на место. Мифологическое свойство перелет-травы заключается в исполнении всех желаний нашедшего ее.

Разрыв-трава (прыгун, скакун). Растение, нередко путаемое с цветами папортника, которому приписывают его свойства. Листья разрыв-травы имеют форму крестиков, а цвет огненный. Если на нее наткнется коса, то непременно сломается. Это связано с чудесным свойством разрушать любые преграды и запоры. Кроме того, эта трава способна нейтрализовать силу многих талисманов, например заговоренных игл и подков. Но добыть ее чрезвычайно сложно, поскольку, как считается, это сопряжено со смертельной опасностью. Узнать разрыв-траву можно, бросив в реку: ее отличительная особенность заключается в способности плыть против течения.

Цветение ее очень коротко. Оно приходится на полночь Иванова дня (24 июня) и длится ровно столько времени, сколько требуется для того, чтобы прочитать три молитвы: «Отче наш», «Богородицу» и «Верую».

Купена (купина) неопалимая. В христианской средневековой живописи горящий куст этого растения символизировал непорочность Девы Марии. Но еще раньше в библейской символике он олицетворял огненного ангела, представшего перед Моисеем. В огненной символике ведической традиции также встречается аналогичный мотив.

Славяне глубоко почитали купену. Считалось, что если хранить дома ее частицу, то он не пострадает от огня. Ладанки с купеной и крестики, вырезанные из ее корня, защищали своих владельцев от огня, молний и волков, чьи глаза в темноте мерцали. На корне купены от прошлогодних листьев остаются следы в виде своего рода печатей. Считается, что они могут *запечатать* грижу, которую заговорили, если носить их с собой.

Плакун-трава. В народе плакун-траву называют еще ревенкой. Некоторые считают, что это другое название Иван-чая, кое-кто предпочитает соотносить плакун-траву со зверобоем, по третьей версии, речь идет о диких васильках. Наиболее известен сюжет, связанный с этим растением, из «Голубиной книги»:

Плакун-трава всем травам мати:

Когда жидовья Христа распяли,
Святую кровь его пролили.

Мать пречистая Богородица
По Иисусу Христу сильно плакала,
По своему сыну по возлюбленному.
Ронила слезы пречистые
На матушку на сырую землю.
От тех от слез от пречистых
Зарождалася плакун-трава.

Собирать плакун-траву следует на ранней заре под Иванов день. Полагают, что главная ее сила в цветах и корне. В чем же она заключается? Рассмотрим основные свойства плакун-травы.

Функция оберега от нечистой силы. По старинному поверью, эта трава заставляет плакать бесов, смиряет и подчиняет нечистых духов. Корень травы считался подходящим материалом для амулетов, в том числе крестовельников.

Функция плавания. Корень Плакун-травы помогает хорошо плавать, не дает утонуть.

Функция власти над невидимым. Считалось, что растение обладает чудесным свойством открывать клады.

Целебные функции. Плакун-трава, по поверьям, лечит чахотку, желтуху, глазные болезни.

Прикрыш-трава. Данное растение признавалось полезным для нейтрализации воздействия наговоров на свадьбы. Пока невесту вели от венца к дому жениха, знахарь должен был опередить процессию и успеть положить под порог прикрыш-траву. Собирали ее осенью, от Успенья до Покрова.

Мандрагора (трава Цирцеи). Мантрагора считалась самым могущественным из всех волшебных растений. Оно не имеет стебля, а лишь розетку, в которую собраны крупные листья, и узловатый корень, напоминающий человеческую фигуру. Эта трава обладает рядом волшебных качеств.

Сексуальная функция. Считается, что корень мандрагоры обладает свойствами усиливать половое влечение.

Колдовская функция. Согласно старинным верованиям, сок из корня мандрагоры вызывает пророческие видения и дает способность к левитации. По преданию, в ней содержится маленький демон, который может дать совет

или предсказать будущее, если искупать корень в вине и завернуть в шелк.

Выкапывание мандрагоры признавалось небезопасным, поскольку ей приписывалось свойство издавать при этом ужасный крик боли, и все, услышавшие такой звук, падали замертво. Уберечься можно было, залепив уши воском и пожертвовав собакой: растение обвязывали веревкой и привязывали ее конец к ошейнику несчастного животного. Бросив перед ним кусок мяса, собиратель травы убегал без оглядки, а пес, кинувшись за едой, выдерживал из земли мандрагору и тут же околевал.

Чертополох (колюка). Этому растению приписывается немало волшебных способностей. В частности, оно может унять чертей (отсюда и название), обладает свойствами шапки-невидимки и охраняет от напастей путников в дороге (если иметь его при себе в ладанке, залитой воском).

Прострел-трава. Свойства этого представителя волшебной флоры триедины, поскольку носят оберегающий характер.

Целительная функция. Прострел-трава заживает раны, нанесенные острым оружием.

Функция защиты от огня. При постройке дома ее кладут в основании, чтобы он не пострадал от грозы и пожара.

Функция защиты от колдовства. Это растение использовалось для того, чтобы не допустить порчи.

Трава-трясунка. Нежная фитосущность с белым цветком, стелющаяся по земле, обладает способностью исполнять желания своего владельца.

Осот полевой. Растение, растущее в сухих лугах и березовых рощах. Ему приписывали дар приносить богатство.

Адамова голова. Собранную в Иванов день траву следует хранить в тайне до Великого четверга следующего года, и тогда она одарит собирателя и хранителя.

Функция удачи на охоте. Охотники окуривают ею снаряды в Великий четверг.

Функция власти и обаяния. Имеющий корень Адамовой головы в любом обществе становится душой и распорядителем.

Трава-не-чуй-ветер. Считается, что это растение непостижимым образом растет зимою на берегах водоемов. Сбирать ее стоит под Васильев вечер, а пригодится она тому, что хочет быть удачным рыболовом, не прибегая к неводу, или намерен управлять ветром.

Девясил. Полагают, что отвар травы передает девять сил, заключенных в ней.

Чернобыльник. Это вид крупной полыни, представляющий собой растение с листьями, похожими на крапивные, которое и обретается в непосредственной близости от нее. Под корнем его можно найти уголь, который приносит постоянную удачу тому, кто его носит с собой. Кроме того, чернобыльник используется как оберег против нечистой силы и сглаза. Сбор ведется в конце августа — начале сентября.

Бузина. Демонический кустарник, который является воплощением и вместилищем черта. Считается проклятым, нечистым и опасным растением, которое нельзя использовать в бытовых целях.

В народной медицине под куст бузины символически переносили недуги, например, чахотку, лихорадку, зубную боль, или выливали под него воду, в которой купали больного. У славян бузина применялась при исцелении последствий укусов змей и ос. Ветки бузины использовались в качестве оберега от ведьм на Юрьев день и Иванову ночь, а также в обрядовых действиях по вызыванию дождя.

Кукушкины слезы (ятрышник). Этому растению приписывают свойство способствовать повышению скорости и неутомимости лошадей.

Крапива. Широко распространенная и достаточно обычная трава, как оказывается, издревле пользовалась чудесной славой.

Функция оберега. Считалось, что это жгучее растение боится нечисть. На Иванову ночь посреди деревни складывали огромную кучу крапивы в качестве непреодолимой баррикады для ведьм, которым в таком случае был заказан вход в селение, а утром через крапивную копну прогоняли скотину. Крапиву вешали на ворота, на наличники, на крыльцо, чтобы не допустить во двор и в дом злых духов.

Эта трава, смешанная с солью, по поверьям, обладает мощным магическим действием против ведьм.

Целительные свойства. Крапива со стародавних времен была известна как кровоостанавливающее средство. Древние воины, отправляясь в военные походы, имели в нательных мешочках порошок из высушенных листьев крапивы, которым засыпали раны, полученные в сражениях, для их скорейшего заживления.

Магические функции. Полагают, что высушенная крапива, если ее носить на груди, обеспечивает спокойствие и лечит бессонницу, а еще придает храбрости и даже возвращает любовь супругов. Сбор ведется с 19 июля по 23 августа.

Чистотел (трава-царские-очи). Считалось, человеку, который носит с собой чистотел, обеспечен мир в отношениях со всеми вокруг него. Парадоксально, что это не может уберечь его от попадания в суд, но по крайней мере он от этого в результате не пострадает, поскольку непременно выиграет процесс.

Трава-сова. Растение, которое пользуется дурной славой. Оно облеплено мошкой, а в корне находятся черви. Но тем не менее свойства травы-совы двойки.

Демоническая функция. По старинным верованиям, если на нее набредет человек, то заблудится или сойдет с ума.

Пророческая функция. Помогает найти вора.

Трава-хмеля. Растет у воды, на островах, имеет очень толстый корень и яркий «румяный» цвет.

Функция идеальной пищи. Корень хмеля может спасти от голода, отведав его, можно не есть целый месяц.

Функция защиты. Используется в качестве амулета, охраняющего от вооруженного нападения.

Белена. Магические свойства этого ядовитого растения заключаются в следующем. Во-первых, маслом из него натираются ведьмы, чтобы летать. Во-вторых, его используют в обрядовых действиях по вызыванию дождя.

Сон-трава (красавка, белладонна). Ядовитое растение белладонна получила название красавки из-за того, что после натирания щек соком ее ягод появляется яркий румя-

нец. Кроме того, ее называют также сонным зельем, сонным дурманом, сон-травой. Употребление ее плодов приводит к повышенной двигательной активности, безудержному немотивированному смеху, зрительным, слуховым и обонятельным галлюцинациям и ощущению полета. По этой причине красавка входила в состав колдовских мазей и напитков. А вот зелье из корня красавки способно обеспечить глубокую спячку.

Пророческая функция. Считали, что красавка обладает пророческой силой. Если положить траву на ночь под изголовье, то она покажет человеку в сонных видениях его судьбу. Всякий, заснувший на этой траве, приобретает способность предсказывать будущее, причем, находясь во сне.

Собирают красавку в мае, в пору цветения, причем с особыми причетами-наговорами.

Улика-травя. Она описывается в травниках как растение красно-вишневого цвета с листьями-лапками и желтыми цветками. Используется для приготовления приворотного зелья.

Хмель. Относится к природным оберегам. Засушенные цветки хмеля использовались в приворотных зельях.

Чеснок. Благодаря сильному запаху и обеззараживающим свойствам считается сильным амулетом, широко известен в применении против вампиров.

Лапчатка. Травя, растущая по берегам рек, на лесных полянах в хвойных лесах. Полагали, что если ее повесить на шею, то она прояснит рассудок и расположит к владельцу влиятельных лиц.

Конопля. Поскольку из этой травы изготавливали веревки и шнуры, она была непосредственно связана с наузами, т. е. являлась оберегом.

Кошачья мята. Из-за того, что по внешнему виду эта травя похожа на настоящую мяту, то она часто подменяла ее в ритуалах, неся противоположные свойства. При помощи возжигания смеси растений, в состав которых входила кошачья мята, вызывали демонов.

Лен. Символ плодородия и урожайности, одна из очень значимых культур для славян. Все части растения в сушеном виде носили на груди, добавляли в травяные сборы. Лен

защищал путника в дороге, придавал мышлению человека гибкость, свойственную собственному стеблю, а дух одаривал силой и прочностью.

Лук. Лук олицетворяет единство, многое в одном, космос, первопричину всего, бессмертие, открытие тайны (по принципу достижения центра посредством удаления одного слоя покрова за другим). Он известен как средство отвращения злых сил и особо эффективен против вредных лунных сил.

Лук-порей. Символ победы, защиты от ран. Запах его, подобно чесночному, считался похожим на запах ударившей молнии. Лук-порей был атрибутом святого Давида, служил эмблемой Уэльса.

Цветы

Роза. По археологическим данным, роза существует в культуре около пяти тысяч лет. Во II тысячелетии до н. э. розы изображались на стенах критских жилищ, а спустя десять веков — на гробницах древнеегипетских фараонов. На Западе роза и лилия занимают место восточного лотоса. Мистическая роза — его близкий аналог по символическому значению. Роза олицетворяет и небесное совершенство, и земную страсть, а также время и вечность, жизнь и смерть, плодородие и девственность.

Кроме того, она несет еще множество значений: идеальная форма, плерома, завершенность, таинство жизни, ее средоточие, неведомое, красота, благодать, счастье, но также сладострастие, страстность; в сочетании с вином — чувственность и соvrащение. Символизируя сердце, роза занимает положение в центре креста, в точке единения. Как цветок женских божеств, роза означает любовь, жизнь, творчество, красоту. Увядание розы символизирует смерть и скорбь, ее шипы — боль, кровь и мученичество. В похоронных обрядах она соотносится с вечной жизнью, вечной весной, воскресением. Она олицетворяет также молчание и тайну. По христианской мифологии, цветок воплощает в себе милосердие, милость, всепрощение, божественную любовь, мученичество и победу. Символическое значение у христиан принимают и части розы: ее

зелень соотносится с радостью, шипы — с печалью, а сам цветок — со славой.

В символике цветка значим его цвет: золотая роза — эмблема совершенства, красная — желаний, страсти, радости, красоты, завершенности. В христианской символике красная роза является символом мучений, а белая — эмблемой чистоты. Это толкование вошло в обиход в самые первые годы христианства.

Роза как символ любви. В этом значении розу широко применяли на Руси в любовных заклинаниях и гаданиях: цветок, носимый на себе, — знак зачатия; увидеть розу, особенно красную, во сне считалось предсказанием успеха в любви, тогда как белая роза являлась плохой приметой. Если девушка желала узнать своего суженого, она срывала в Иванов день розовый бутон, который заворачивала в белую бумагу и прятала до Рождества. В случае сохранения у бутона формы и цвета она несла его в церковь. Считалось, суженый обязательно подойдет к ней в храме и попросит дать ему цветок. Бытовало поверье, согласно которому загулявшего возлюбленного можно вернуть с помощью сложного ритуала собирания трех роз в ночь на Ивана Купалу.

В греко-римской традиции роза — торжествующая любовь, радость, красота, желание. Это атрибут Афродиты. В Древнем Риме этот цветок тоже отождествлялся с Венерой, а его происхождение связывали со слезами богини. Греки, считавшие розу даром богов, были другого мнения о том, как она появилась на земле. По словам Анакреона, роза родилась из белоснежной пены, покрывавшей тело Афродиты, когда богиня любви выходила из моря. Увидев цветок, очарованные дивной красотой растения боги обрызгали его нектаром, который придал ему чудный аромат, но не сделал цветок вечным, и роза осталась такой же смертной, как и все, что рождается на земле. Жрицы Афродиты украсили белыми розами алтарь храма и сад. Цветок оставался белым до тех пор, пока Афродита не узнала о том, что ее возлюбленного Адониса смертельно ранил вепрь. Устремившись в рощу Пифона, где он находился, она бежала по розам, не обращая внимания на их шипы, которые ранили ей ноги до крови. Капли божественной крови падали на цветы, превращая их в ярко-красные.

Другая легенда гласит, что во время одного из пиршеств богов на Олимпе Купидон задел своими крылышками сосуд с нектаром, который опрокинулся и окрасил белые розы в красный цвет имевшегося в нем напитка, одновременно передав им его нежный аромат.

В Древней Персии поэты не уставали воспевать розу. По персидским сказаниям, она была подарком самого Аллаха: «Явились к нему однажды все цветы с просьбой назначить им нового повелителя вместо сонного лотоса — тот хотя и был красив, но часто забывал о своих обязанностях. Аллах внял их просьбе и назначил правительницей белую розу с охраняющими ее острыми шипами. Соловей, увидав новую царицу цветов, был очарован ее красотой и в восторге прижал розу к своей груди. Но острые шипы вонзились ему в сердце, и алая кровь, брызнув из груди несчастного, оросила нежные лепестки дивного цветка. До сих пор наружные лепестки многих роз сохраняют свой розовый оттенок».

По христианской трактовке, белая роза зарделась от удовольствия и стала красной, когда ее поцеловала гулявшая в Эдемском саду Ева.

С Купидоном связывают и происхождение шипов розы. Вдыхая ее благоухание, он был ужален пчелой и в гневе выстрелил в розовый куст стрелой, которая превратилась в шип. Другой миф связывает появление шипов с именем Вакха. Преследуя нимфу, он оказался перед непреодолимой оградой из терниев и приказал ей стать оградой из роз. Однако позже, увидев, что такая ограда не может удержать нимфу, Вакх снабдил розу шипами.

Христианская версия связана с рассказом св. Амвросия. Еще до того, как стать одним из цветов земли, роза росла в раю, и тогда у нее не было колючих отростков. Только после грехопадения человека роза облучилась в шипы, дабы напоминать ему о совершенных грехах и об изгнании из рая; однако аромат и красота розы продолжают напоминать людям о райском блаженстве. Возможно, в связи с этой легендой Деву Марию называют «розой без шипов», ибо, согласно традиции, она свободна от первородного греха.

Роза у греков была спутницей радостных и печальных торжеств. Венками из них, перевитых миртами, украшали невест и осыпали новобрачных. Розами убиралась дверь,

ведущая в дом, а лепестками усыпалось брачное ложе. Розами греки устилали путь возвращавшегося с войны победителя и его колесницу. Венки из роз были весьма популярны. В религиозных обрядах их водружали на головы статуй богов и клали к их ногам. Гости, приглашенные на обед, украшали себя венками; гонец приносил радостное известие с венком в руке; юноши вывешивали их над дверями в дом своих возлюбленных.

По индийским пуранам, Лакшми, красивейшая из женщин, родилась из распускавшегося бутона розы. Хранитель Вселенной Вишну, увидев красавицу, спящую в своей розовой колыбели, разбудил ее поцелуем и взял в жены. Лакшми стала богиней красоты. По преданию, раскрывшийся бутон Лакшми состоял из 108 больших и 1008 мелких лепестков. С этой минуты роза была провозглашена символом божественной тайны, которую она хранит под защитой острых шипов.

Роза как символ смерти и воскресения. В Греции, Риме и позже в ряде германоязычных стран роза стала цветком, связанным с похоронами и со смертью. Нередко ее превращали в цветок Загробного мира. Пиндар, Проперций и Тибулл воспевают «Розу Елисейских полей». С другой стороны, роза на могилах мучеников отсылает к идее воскресения. Греки розами убирали урны с прахом покойных. Венки на голове и груди могли означать траур и символ скоротечности жизни. Их же клали на тело умершего и на его гробницу. В Риме увядшая роза также олицетворяла краткость жизни и была эмблемой царства теней. В Германии роза — это символ меча и смертельной раны. Вследствие этого розовыми садами называли и поле битвы, и кладбища.

Магические и мистические свойства розы. Роза в Древнем Риме имела сакральное значение. Она стала символом молчания, сохранения тайны. Во время пиршеств с потолка залы свешивалась искусственная роза, посвященная богу молчания Гарпократу. По греко-римской мифологии, бог тишины Гарпократ склонил Венеру к любовной связи; чтобы купить его молчание, сын Венеры, Купидон, дал ему белую розу.

В круглом бутоне греки видели символ бесконечности. Розе приписывали множество чудодейственных свойств:

уберегать останки от разложения, возвращать красоту и многие другие.

Из Греции роза была перенесена колонистами в Рим и прекрасно там прижилась. Если в Греции у богов она служила символом любви и красоты, а у людей — выражением веселья, радости и глубокой печали, то у римлян во времена республики этот цветок считался символом строгой нравственности и служил наградой за выдающиеся деяния.

В индуизме серебряная роза — жилище Брахмы. В Древней Индии цветок пользовался таким почетом, что по существовавшему тогда закону каждый принесший его царю мог просить у него все, что пожелает. Брамины украшали розами храмы, а цари — свои покои, розами усыпали пути богов во время религиозных процессий, розами уплачивали дани и подати. В древности индусы связывали с розой любовь, радость, тайну и тишину. В поздней легенде Брахма, споривший о цветах с Вишну, отдал предпочтение сначала лотосу, но, увидев розу, показанную ему собеседником, признал свою ошибку и вместе с ней — первенство Вишну.

Древние германцы посвятили розу одной из своих главных богинь — Фригге. В германской традиции розы принадлежат карликам, гномам, феям и находятся под их неусыпной защитой.

Известна иранская легенда о Заратуштре, которого уложили с целью умерщвления на горящее ложе, превратившееся, однако, в ложе из роз. В священном саду Негаристан можно встретить чудо-розу Эглантерию высотой до 6 м, со стволом до 70 см в обхвате. Это розовое дерево не имеет аналогов в мире и ему приписываются мистические свойства (благословление Неба, исцеление и т. д.).

По христианской легенде, св. Николай в пургу и трескучий мороз решил отнести хлеб беднякам, но игумен запретил ему это делать. В тот же миг случилось чудо: хлеб превратился в розы как знак того, что святой затеял богоугодное дело.

В различных древних трактатах описывается множество целительных качеств розы. Она применялась как средство от обмороков, как жаропонижающее и кровоостанавливающее, обезболивающее, заживляющее, противо-

воспалительное и дезинфицирующее. В средневековой медицине особо ценными считались лепестки багряных (темно-красных) роз.

В Европе были известны магические действия, связанные с розой: для привлечения любви добавляли розовую воду в ванну, плоды ее надевали на нитку и носили как бусы. Считалось, что действие любовной магии усиливается, если во время совершения действия надеть на голову венок из роз или поставить одну розу в вазе на алтарь. Лепестки розы, уложенные в мешочек и повешенные на шею, помогают забеременеть. Для пророческих снов заваривали чай из розовых лепестков, который полагалось выпить на ночь. Для полноценного восстановления сил во время ночного отдыха советовали сжигать лепестки роз в спальне. Разбросанные по дому лепестки воспринимались как средство успокоения и ограждения от домашних неурядиц.

В Германии говорили, что прикосновение к розе превращает оборотней обратно в людей и уличает ведьм.

Можем сделать вывод о том, что роза — фитоморфный образ Богини любви, красоты и посмертного перерождения (реинкарнации), которая, по древним представлениям, была связана с рождением. Эта великая богиня была наделена магическими божественными функциями благоговения, излечения и очищения. Примером такой богини является греческая Афродита, римская Венера, этрусская Туран, индийская Лакшми и т. д.

Иван-да-марья. Цветок имеет символику любви и приворота, иногда страсти, в том числе и запретной. О его мифологических значениях было рассказано в одной из предыдущих частей исследования.

Этот цветок имеет символику священного соединения огня и воды. Сочетая в себе желтый и голубой цвета, он отражал купальские значения огня и воды, столь широко используемые во время праздника. Он являлся инструментом единения с богами и между людьми.

Функция заживления. Считалось, что иван-да-марья заживляет застарелые раны.

Анютины глазки. Мифологическая традиция объясняет происхождение названия цветка тем, что в него была пре-

вращена девушка за излишнее любопытство к чужой жизни. Соответственно и сам цветок стал символом любопытства.

Лютик. Лютику приписывалось несколько символических функций.

Символ беспечности и легкости. На Руси он был символом легкомыслия, беспечности и легкости вообще. Порошок из сушеных лепестков лютика в некоторых странах советуют носить с собой для легкости путешествия.

Символ недоброжелательности и безумия. В греко-римской традиции лютик означал подшучивание, недоброжелательность, безумие. Он был эмблемой Ареса/Марса. Берсерки, воины-медведи скандинавов, приводили себя в неистовство, в том числе с помощью биохимического средства: в верхнюю часть щита у них были вшиты травы, и в бою берсерк кусал щит не от безумия, а принимал обезболивающее и возбуждающее. Одной из таких трав являлся лютик.

Одолень-трава. Под мифическим названием скрывается белая и желтая кувшинка, у которой есть и другие названия: любка двулистная, ночная фиалка. Символизм этого растения обусловлен целым рядом приписывавшихся свойств.

Символ любви. Водяной прострел-отвар из одолень-травы считался любовным напитком. Девушкам давали клубни цветка, чтобы их полюбили парни. Отсюда и произошло русское название *любка*. В Древней Греции кувшинка была символом красоты и красноречия. Молодые девушки плели из кувшинок гирлянды и украшали ими свои туники. По западноевропейским поверьям, в кувшинках живут эльфы.

Защита от болезней. Одолень-трава была главным оберегом для защиты от различных болезней, т. к. в народе считалось, что болезни на человека насылают злые силы, а двойной Огненный знак, который приписывали этому растению, способен сжечь любую хворь и болезнь, очистить тело и душу. В старину знахари давали жажущим овладеть чудо-силой два клубня любки двулистной с рекомендацией: «Прочертить белым по больному месту крест-накрест — забудешь, что болело». Отваром из одолень-травы лечили зубную боль. Он служил и противоядием. Как символ

чистоты, считался талисманом, охраняющим от нечистой силы, глаза и защиты от недобрых людей.

Утоление голода и жажды, восстановление сил. Это растение брал в дорогу путник, чтобы одолеть горы, леса, а также чародея или врага. Полагали, что одолень-трава отгоняет всякое зло. Согласно легенде, во времена Запорожской сечи казаки носили высушенные клубни любки двулистной на шее, которые не раз спасали казацкие жизни, возвращали силу, избавляли от голода.

Татары обычно переставали преследовать казаков, когда те уходили от преследования в пустынные степи, считая, что они там погибнут. Однако казаков спасали высушенные клубни любки, которые они жевали. Клубни утоляли голод, жажду, восстанавливали силу. Татары допрашивали редких пленников, пытались узнать, что спасает их в голодной степи. Казаки погибали, но тайны не выдавали. Спустя некоторое время татары все-таки узнали о таинственных свойствах любкиных клубней и сами начали носить амулеты с ними.

Поднятие статуса. Полагали, что тот, кто носит при себе одолень-траву, достигнет власти и уважения, а кто найдет ее — любой талант приобретет. В связи с этим любобытен следующий причет:

«Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил, породила тебя Мать сыра-земля, поливали тебя девки простоволосыя, бабы-самокрутки. Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили. Отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокия, доли низкия, озера синия, берега крутыя, леса темныя, пеньки и колоды. Иду я с тобою, одолень-трава, к окиян-морю, к реке Иордану, а в окиян-море, в реке Иордане лежит бел-горюч камень Алатырь. Как он крепко лежит предо мною, так бы у злых людей язык не поворотился, руки не подымались, а лежать бы им крепко, как лежит бел-горюч камень Алатырь! Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца, во всем путе и во всей дороженьке!».

Североамериканские индейцы считали, что кувшинка появилась из искр, упавших с Полярной звезды. Тот, кто ее найдет, получит удачу.

Защитная функция. Кувшинка охраняет людей во время путешествия. С корневищем её пастухи обходили поле, чтобы скотина не пропала. Полагали, что если найдешь клубень черного цвета одолень-травы и притронешься к корню, сбудется все, что ни пожелается.

Лилия. Это священный цветок многих народов, имеющий ряд символических функций.

Символ плодородия и обильности. В этом качестве лилия известна на Ближнем Востоке.

Символ любви. Не только на Ближнем Востоке, но и в Европе цветок олицетворял с давних пор плотскую любовь. Но в христианстве белая лилия — символ духовной, возвышенной любви, веры и чистоты. Она выступает атрибутом Девы Марии.

Символ власти. У многих народов это цветок власти. Во Франции он включен в герб королевского дома.

Функция колдовского предмета. Яркие красные лилии связаны с колдовством, обычно злым, в том числе приворотным. Использовались для натравливания злых духов на след жертвы. В качестве отвращающей магии высушенный цветок такой лилии в нагрудном медальоне отводил от своего хозяина злые силы.

Лотос. Это символ космического начала. Божественный цветок на Востоке несет в себе символику совершенствования в боге, т. к. охватывает все три стихии: воздушную, водную, подводную. Он является магическим тронем многих божеств. Будда и Брахма могли соотноситься с лотосом. Лотос о тысяче лепестков иногда олицетворяет Вселенную в ее стремлении к богу. Лотос вообще означает божественность.

Символ совершенства. Лотос есть символ совершенства, рождения и возрождения, духовного роста человека, способности души к совершенствованию. Он являлся главенствующим среди растений для народов Индии, Дальнего Востока, Древнего Египта.

Крокус. Это растение связано с важными жизнеобновляющими процессами, которые, накладываясь на символику человеческой судьбы, по поверьям, даруют возможность продления цветущего возраста.

Символ обновления жизни и природы. Как один из первых весенних цветов, крокус олицетворяет обновление жизни и природы.

Символ омоложения. Из корней крокуса готовили обереги, считавшиеся весьма могущественными. Для этого их выкапывали поздней осенью, сушили всю зиму на чердаке возле печной трубы, а потом использовали для разглаживания морщин и омоложения кожи.

Ромашка. Повсеместно распространенное растение с любовью воспринималось славянами с давних времен. Это обусловило наделение его целым рядом магических качеств.

Функция целительства. Цветы ромашки издревле использовались при врачевании многих внутренних болезней, а также для придания красоты волосам и лицу.

Функция предсказаний. Обычай гадать на ромашке о любви основан на принципе, согласно которому прикосновение к цветку дает информацию.

Папоротник (жар-цвет, перунов цвет, кочедыжник). Это растение овеяно множеством старинных преданий и тайн, ему приписывалась прямая и непосредственная связь с волшебством.

Функция подачи божественных знаний и способностей. У славян цветок папоротника наделялся чудодейственными магическими свойствами. Согласно одной из легенд, Ярило облагодетельствовал людей, даровав им огонь. Ежегодно в ночь с 23 на 24 июня он посылает на землю пламя, которое разгорается в цветке папоротника, зацветающем только в купальскую ночь. В это время, по поверьям, он окружается лешими и ведьмами. Иногда считалось, что цветущий папоротник стережет Жар-птица.

Человек, нашедший и сорвавший *цвет-огонь папоротника* («Царь-огонь»), становится невидимым и приобретает способность видеть сокрытые в земле клады, понимать язык всякого дерева и всякой травы, речь зверей и домашних животных. Он не боится ни бури, ни грома, ни воды, ни огня, делается недоступным влиянию злого чародейства и может повелевать нечистыми духами.

Предание гласит, что завидя пламенный цветок в руках человека, всевозможная нечисть в ужасе разбегается

от него. И тот, кому выпадет счастье его найти и взять с собой, тому золото само в карманы посыплется, а в дом придет удача.

Однако сорвать цветок папоротника трудно и опасно. Во-первых, распускается он в полночь лишь на одно мгновение, и его тотчас обрывает рука невидимого злого духа; во-вторых, духи мрака, холода и смерти напускают ужасы на смельчака и пытаются увлечь его за собой в свой мир.

Но заполучить дивный цветок можно было и случайно. Одна былина рассказывает, как человек отправился в ночь на Ивана Купалу в лес разыскивать пропавших быков, и в полночь ему в лапоть упал цветок папоротника. В этот момент человек сразу же узнал, где он находится, стал понимать язык птиц и животных, увидел в земле таящиеся сокровища. Однако по дороге домой цветок стал жечь ему ногу, и человек, вытряхнув лапоть, потерял его, а с ним и все свои чудесные знания.

Функция лекарственного растения. В античной традиции папоротник мужской считали лекарственным растением. Его упоминали в своих сочинениях Плиний, Диоскорид, Теофраст, на Востоке — Авиценна. В Средние века о нем забыли, и причина была в том, что использовали подряд все виды папоротников, среди которых были и нелекарственные. Не всегда получая желаемый эффект, врачеватели пришли к выводу, что папоротники пользы не приносят.

В средневековой Франции достаточно долго шли поиски средств, обладающих противогельминтным действием. Когда прошел слух, что секрет такого лекарства имеется в Швейцарии и находится в руках доктора Нуффера, по приказу короля Людовика XVI была снаряжена делегация, но она не успела встретиться с врачом, т. к. он умер. Вдова запросила за рецепт 18 тысяч ливров. Выкупив рецепт, французы были весьма удивлены: его главным компонентом был экстракт корневищ мужского папоротника.

Мелисса (лимонная мята). В мифологической традиции она наделена положительными свойствами.

Символ дружбы и позитивных эмоций в общении. Считалось, что цветы мелиссы привлекают симпатии людей к тому, у кого они имеются, и обеспечивают успех в общении с кем бы то ни было.

Рута. Кустарнички с желтыми соцветиями, растущие в Крыму и на Кавказе, являются ядовитыми. На протяжении веков растению присваивали самые различные колдовские свойства. Засушенные цветки руты использовались для окуривания помещений в качестве средства для изгнания злых духов.

Клевер. У многих народов клевер является священным растением, особенно четырехлистный, который считается магическим, т. к. образует крест из листьев.

Функция возрождения. В христианстве клевер есть символ Троицы. Он олицетворяет божественную триаду, тройной аспект жизни тела, души и духа. Это эмблема ирландского святого Патрика.

В Ирландии четырехлистный клевер стал символом страны. Истоки этого восходят к соотношению его с возрождением. Согласно древней кельтской легенде, где-то есть зеленый остров (так переводится название Ирландии), куда попадают души всех праведников.

Функция оберега. Сушеные соцветия четырехлистного клевера оберегают от дурного глаза, помогают в праведных делах. Считается, что колыбель Иисуса была выслана клевером.

Четырехлистный клевер приносит счастье, и каждый листок в нем имеет свое значение: первый приносит славу, второй — удачу, третий — верную любовь, четвертый — здоровье.

О священной природе растения говорит и тот факт, что оно упоминается в библейских преданиях. Одно из них гласит, что Ева, пытаясь спастись от божьего гнева, нашла эту цветущую траву-амулет. Большой силой обладает клевер, найденный лунной ночью, особенно в ночь на Ивана Купалу или в предрассветный час мая. Полагают, что его следует окунуть в святую воду, трижды прочитав молитву богородице, затем засушить в книге.

Связь с любовью. Клевер является приворотным средством. Если его подарить любимому человеку, то он непременно ответит взаимностью.

Клубника. Помимо отменных вкусовых качеств и пользы для организма, это растение в мифологической традиции наделено волшебными свойствами.

Функция подателя благ. Клубника — символ достатка и изобилия.

Магические функции. Корешки клубники использовались в гаданиях, вероятно, из-за своих слабых наркотических свойств. По той же причине считается, что если их носить на груди, то усиливаются магические способности.

Лаванда. Это растение с очень сильным специфическим запахом в западноевропейской традиции является атрибутом колдунов и волшебников. Считалось, что лаванда помогает людям, общающимся с потусторонним миром, обостряет способности медиумов. Кроме того, ей приписывали власть над духами ветра.

ГРИБЫ

В фольклоре, в том числе сказочном, часто упоминаются грибы. Они либо сами являются героями (как, например, в сюжете «Война грибов»), либо олицетворяют нечто магическое. Особенно часто «участвуют» грибы в фольклоре народов, сохранивших древнейшие шаманские представления, т. к. шаманы и по настоящее время широко используют галлюциногены для вхождения в трансовое состояние.

Рассмотрим основные функции грибов.

Гриб — символ связи с иным миром. Галлюциногены. Грибы принадлежат к потустороннему миру, где человек пребывает до рождения и после смерти. Например, в чешских выражениях *тогда ты еще ходил по грибы, когда ты еще грибы нас* подразумевается, что *тебя еще на свете не было*. Согласно польским и украинским поверьям, видеть, собирать грибы во сне — к смерти. Известно греческое название грибов как *пищи богов* и ацтекское — как *божьей плоти*.

Шаманские путешествия на небо обычно предваряются вкушением напитка из мухомора, обеспечивающего соответствующий эффект космизации пространства и установления связей между космическими зонами. В этом контексте гриб в известной степени напоминает Мировое древо.

Связь с хтоническими существами. Грибы в мифологии славян занимают промежуточное положение между животными и растениями. В народных представлениях они часто соотносятся с нечистыми животными и растениями, экскрементами и гениталиями животных, инородцами. На это намекают и своеобразные названия ряда грибных видов. У русских это *собачий гриб, чертов табак*; у сло-

ваков — *вороний помет, борода еврея, цыганский гриб*; у поляков — *бычьи яйца* и т. п.

В народной славянской демонологии грибы — живые существа, они обладают даром речи, превращаются в демонических существ, в золото, а то и отбирают у людей силу и здоровье. Растущие кругами, грибы указывают на место игр волшебных существ самовил (вил) или присутствие нечистой силы. Например, в русской традиции они называются *ведьмиными кольцами*.

Считалось, что грибы могут превращаться в жаб, червей, им случается быть причиной появления в доме змей. Они связаны и с мухами, комарами, мышами. У поляков и белорусов представляются заколдованными ведьмами или карликами. По северорусскому поверью, грибы не появятся, если под дождем искупалась ведьма.

Зато освященные грибы служат оберегом от нечистой силы, от сглаза и используются в народной медицине.

Функция божественного происхождения. В Ягнобской долине (Таджикистан) бытует представление, согласно которому Великая мать вытряхивает из своих одежд вшей, которые при падении на землю превращаются в грибы. Происхождение грибов часто связывается с остатками трапезы мифологических существ, например южнославянских самодив.

По некоторым легендам, они возникли из пищи, которую втайне от Христа ели и выплюнули уличенные им апостолы. У немцев, украинцев, белорусов и словаков существует предание о св. Петре, который стал есть украдкой хлеб (пирог), данный ему некоей женщиной. Христос спросил, что тот ест — Петр давится, и хлеб превращается в грибы. В австрийском варианте этой истории говорится, что в пору солнцеворота св. Петр и Господь проголодались, крестьянин дал Петру три золотистых пончика; они оба съели по одному, а третий Петр спрятал; по пути стал кусать, но каждый раз, когда хотел проглотить, Господь его о чем-нибудь спрашивал, он выплевывал кусок, и тот превращался в гриб лисичку.

Связь грибов с громом. Грибы связаны с дождем, громом, молнией. У русичей с давних пор бытуют выражения *растет, как грибы после дождя* (т. е. очень быстро), *гриб-*

ной дождь (дождь при солнце). Поляки говорят, что видеть во сне грибы — к дождю. Словене мухомор называют *грибом молнии*. Чтобы быть удачливыми в сборе грибов, они, по старинному обычаю, кувыркались при первом громе и катались по траве. Известная греческая (и римская) поговорка говорит о том, что грибы растут не от дождя, а от грома, и это согласуется с мифологическими представлениями, распространенными в Индии, Кашмире, Иране, у аравийских бедуинов, на Дальнем Востоке, в Океании, у мексиканских индейцев.

Примечательно, что в одном случае названия грибов отражают древние представления об их связи с богами грозы и грома: русский *громовик*, словенский *molnjena goba* (молнийный гриб), маорийский *whatitiri* (гриб-гром, от имени мифической прародительницы Whatitiri, внук которой Tawhaki испускает молнии), китайский *лэйцзинсюнь* (гриб, испуганный громом), *лэйшэнцзюнь* (гриб громового раската) и др. Древнегреческое название одного из видов земляных грибов *xegavviov* означает буквально *удар молнии*.

В другом случае древние воззрения, пройдя через призму отношения христианства к язычеству, трансформировались настолько, что названия грибов стали соотноситься с чертями. Например, один из видов имеет одинаковое название у многих народов, совпадающее с поименованием белемнитов — *чертовы пальцы*. С ними нередко ассоциируются *чертовы стрелы*. Как ни парадоксально, имеется в виду не принадлежность черта, а оружие громовержца, направленное против него (иносказание именного, т. е. конкретно адресованного).

Возможна связь гриба с той частью основного индоевропейского мифа, которая заключается в наказании громовержцем своих детей, свержении их с неба и обращением в насекомых или хтонических животных. Гроза, собственно, и является моментом ссоры и наказания, так что грибы изначально могли выступать как результат трансформации наказанных детей.

Функция происхождения людей и появления гениталий. У славян в зависимости от внешнего вида, в смысле выпуклости–вогнутости, грибы делятся на *мужские* и *женские*,

соотносятся с гениталиями человека и наделяются соответствующей эротической и брачной символикой. Так, в русском фольклоре известен сюжет о войне мужских и женских грибов; в белорусских свадебных и весенних песнях присутствует мотив о том, как девушка приносит из леса мухомор и кладет с собой спать. Старинные поверья утверждают, что грибы в снах для девушки означают жениха, для женщины — беременность.

На северо-востоке Индии у народа Мизо (лушеи) записан миф: «Две сестры пошли собирать дикие огурцы; старшая не нашла, попросила младшую поделиться, та отказалась; старшая от огорчения стала проваливаться в землю, видна лишь макушка; родители велели младшей вызволить старшую; младшая обещает старшей дать ей огурцов; старшая начинает подниматься; когда в земле оставались лишь ее ноги, поднялась тревога, что идут охотники за головами; сестру потянули, ноги остались в земле, она превратилась в гриб».

Можем сделать вывод, что гриб является шаманским средством «путешествия между мирами», при этом носит явную фаллическую символику, связан с хтоническим миром, а в ряде случаев — с происхождением людей.

ЧАСТЬ 7

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
(АВТОРСКАЯ) РЕКОНСТРУКЦИЯ
МИФОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДРЕВНИХ
СЛАВЯН

ГЛАВА 1

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (СЛАВЯНСКАЯ ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ)¹³⁶

Не любо, не слушай, а врать не мешай.

Русская пословица

Хорошо, когда кто врет весело и складно.

А. Твардовский

«Василий Теркин»

Вратити, врацу, вращати — воротить.

Вратитися — возвратиться, обратиться.

Врать — вращение ворот.

И.И. Срезневский

«Словарь древнерусского языка»

Начнем мы, помолясь, воротить или врать действительность, т. е. оборачивать ее на другую сторону — сторону неизвестную, древнюю — славянскую магическую сторону мира¹³⁷.

Начнет сие писание раб Божий Алексей, помолясь Белому свету и Богу небесному, поклонясь на четыре стороны Мира светлого подсолнечного, собрав свои мыслишки худые и скромные знания, дабы позабавить тебя, мой строгий судия-читатель, сим писанищем, и начнет он его с заговора, чтоб дело сие удачно было. Завяжу я узелок крепко-накрепко, приговаривая: «Как этот узел завязан, так и у меня, раба Божия Алексея дело скоро б сошлось»,

¹³⁶ Стилизованное изложение под речь народных сказителей: «изложено, как излагали бы древнерусские обавники, они же офени, что ни в коей мере не влияет на серьезность излагаемого».

¹³⁷ Наше слово «врать» (обманывать) появилось сравнительно недавно. Раньше в Древней Руси это был *поворот, изменение*. А что, как не поворот действительности и есть магия, тем более любовная?

трижды скажу, в триединстве — сила. Положу узелок тот и начну помаленьку. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Итак, начнем.

Бляди, лебяди, лебеди

«Я — каторжная блядь», — глаголит Катя Маслова в сочинении знатном А.Н. Толстого «Воскресенье». «Я лучше в баре блядам буду подавать ананасную воду», — утверждает пиит В. Маяковский. Хотя бы из этого, да и просто потолкавшись на улице, любой поймет (если не ведал сие до этого), что бляди — нечто нехоршее, женщины-бляди особым уважением не пользуются (в отличие, к примеру, от валютных проституток).

А что же раньше-то? В старину говаривали старые люди, люди ученые, что сам Киев-град основали три братца Кий, Щек, Хорив и имели они сестрицу Лебядь или, по другим толкованицам, Лыбядь, Лебядь. Что-то странно сие, но давай, мой читатель строгий, разберемся. Поговаривают, что на севере до сих пор воду и плесы воды называют Бля-Бля. Причем о женщинах и не думают.

В древности Блядами именовали девиц-красавиц, невест длинноносых. Только вот во время монголо-татарских набегов и хватали-то в полон вражий этих красавиц первыми. Кто красу свою природную не испоганил сажей, грязью или увечьем, того и хватали, коли ноженьки не шибко резвые были. И стали этих дивчин блядей-красавиц называть нарицательно, с подтекстом — блядь, значитца.

Как и в Отечественную войну последнюю, если не спряталась, да во всей красе супостату показала — блядь ты последняя. Так-то!

Но причем тут вода (т. е. Бля-Бля) и лебеди? Лебеди — птички водные, кроме того, в былинах и сказках эпитет они имеют постоянный — «лебядь белая». А водица-то речная и озерная везде белой водой, иначе — священной именуется. Тогда как море-то — синее. В сказаниях земли нашей говорят еще о девах лебединых-блядах, т. е. что от века особой красой они обладают и силой вещей. Олицетворяли они облака дождевые весенние. Доченьками Окиян-моря были они. Обитали девы сии в морях, озерах, криницах тож.

Кого любили, за того люблю сверхъестественную задачу могли исполнить.

Словцо «Бля» — это «бела вода», значит. Отселе и слова «блеск» и «белый» происходят. Означает словцо «лебедь», или «леблядь», еще и «светлая, блестящая». «Бел» — корень такой, и к слову «большой» в смысле «большой пирог» (ох, люблю) отношение имеет. И эпитет, т. е. присказочка такая, «леблядь белая» постоянно в сказках наворачивается.

Былица еще есть о богатыре Михайле Потыке, да слышали ее, наверное, очень она в народе расхожая. В ней глаголят, что богатыря сево полюбила Авдотья Лиходеевна. Превращалась она в лебядь белую и летала над водами. Но в силу характера мужнина, хоть и сильно героического, но и пьянства окаянного тож, сбежала от богатыря непутевого. Троекратно проверяла его, когда догонял он ее с любовником. Давала вина ему заветного. Однако не молодую жену Михайлушко хватал и не свою обидчика — млада царя, ее любовника, а чару с вином. И так нажирался, сердешный, что Илья Муромец с Добрыней Никитичем его еле-еле каждый раз выручить могли.

Сваливал он потом вино свою на то, что вино-то сонное, чародейное. Но кто пить-то заставлял, да еще не раз и не два, да по трем кубкам кряду? Захотела бы Леблядь-Авдотьюшка, одной рюмочкой яда его бы удела, чтоб другим пить неповадно было целыми лоханями. Да нет, жалела, думала муженек образумится. Образумился, охальник. Схватил в жены сестру любовника Авдотьюшки-предательницы, а свою женку законную, венчаную, пришиб мечом до смерти. Да еще тестюшку своего в азартную игру — тавлеями прозывается, облапошил и до нитки обобрал в благодарность за то, что он свою дочь принцессу-красавицу за простого мужика отдал. Да и врать горазд был — на пиру у князя Владимира так заврался, что и не знал, что делать далее. А она, лебедушка, все терпела такого олуха царя Небесного. Дотерпелась — зарезал он ее, и все дела.

Перейдем потихоньку к русским сказочкам. К примеру, о повествованьце о Морском царе и его премудрой дочери. В этой сказке-присказке Иван-царевич отправился к царю Морскому, а у берега, видимо, по старой привычке

своей за голыми девками в бане иль у речки подсматривать, подсмотрел, сердешный, как прилетели белы уточки-лебедушки, скинули птичьи перышки и купаться начали.

Спер тоды он у самой красивой и молоденькой из них, Василисы Премудрой, птичью одежду ее и не отдавал, пока она не согласилась за него, охальника бесстыжего, замуж пойти. Материлась страшенно потом она, вытаскивая столь неожиданно суженого из передраг различных. А он, как нарочно, в них влезад со странной настойчивостью.

Вообще-то на Руси святой, как с времен прапрадедовских повелось еще, ряжение в шкуру зверя лесного али перышки птицы поднебесной, а также маски — хари на гульбищах всенародных, почиталось способом колдовским зверем тем али птахой самому становиться. Так-то. Отселе, кстати, и кожа Царевны-лягушки свой почин ведет, которую ей приходилось до срока носить. Но тута ужо другой Иван-царевич постарался, проявил смекалку и удаль — кожу сжег, жену потерял и накувыркался вдоволь по горам, лесам и весям, ее, сердешную, назад вызволяя. Скучно ему, видать, было-то без приключений на свою задницу тошую.

Бают люди сведующие, что чаровницы и искусницы были те Бляди-Лебляди-Лебедушки белые. С водой они связаны, и магия у них была древняя, водная. Не случайно одна из них, набросав косточки в один рукав и капелек вина красного — в другой, закружилась в танце, взмахнула левым рукавом — появилось озеро светлое, взмахнула правым — поплыли по озеру лебеди. Али наоборот, да и какая разница, впрочем.

В другой сказочке, а какой — сами поищите — богатырша Белая Лебядь, живой воды владелица (вот она, водицато!) и молодильных яблочек. Три братца за ее сокровищами гонялись, что там было дальше, не помню, а кончилось все, как водится, свадьбой, да почестным пиром.

Вспомянем наших прародителей Кия, Щека и Хорива, основателей Киев-града. Видать, без сестрицы своей многоученой не обошлись бы они. Куды там! Лыбедью и речка-красавица в Киеве прозывается.

Братья-славяне наши — чехи то есть, тоже ничего путевого без леблядей вещей построить не смогли. В Хронике

Козьмы Пражского аж от XII в. доводится до нас, что мудрейшей дочкой и помощницей основателя Кракова — Крака (или Крока), была младшая и мудрейшая из трех сестер Либуше — Лебядь, по-нашему. Избрали ее вождем и судьей племени после смерти отца ее светлого Крака. Указала сия дщерь мудреная народу князя-пахаря Пшемысла и предсказала основание Златы-Праги.

Если замучил или примучил я, недостойный писатель, тебя, глубоко достойный или застойный, не пойму уж никак... читатель, то вот обряд тебе магический древний, и с блядьми-лебедями, девушками-красавицами, невестами без места.

Если почитывал ты хоть когда книжки с картинками, дорогой читатель, да еще их рассматривал, то видел, как бояр с длинными до полу рукавами рисовали. Но не боярское это обличье, а рукава длинные до полу у древних славянок были.

Водили девицы те пляски-хороводы в наряде том. Водили его в полночь, в полнолуние опричь озера или речки какой случится. Кружили они рукавами — как крыльями помахивали, песню протяжную запевали. Поглядишь минут пять на круговерть ту — аж в глазах зарябит, как пень трухлявый станешь. Энто теперича гипнозом с использованием ритмических сигнальных, звуковых и видеосистем прозывается, ежели не по-людски, а по-ученому балакать. А ребята, как тот Иван-царевич за Василисой Премудрой, — все охальники, любят за девками из-за кустов или еще чего подсматривать. Что они тама ночью затеяли? Может голышом купаться начнут? И тут «как кур в ошип» — пословица такая имеется. Их, сердешных, остолбеневших, зачарованных, любая в своей красе убедить сможет, хоть и красы той и отродясь не бывало. Главное, что она, когда он, дурачок, ей сватов пришлет, будет абсолютно ни причем, а он, гордый своим выбором «долгожданным», будет божиться, как давно он ее приметил и любит. А давно ли? Не с того ли танца подсмотренного? Так что, может быть, Василиса Премудрая, играя и танцую у моря-окияна, себе жениха-то Иван-царевича и подманивала? Кто знает, на то она и премудрая. А то чего это царевичу зазря по лесам и весям болтаться, когда на царство его достойная прави-

тельница имеется, да и самому ему, глядишь, применение отыщется, хоть в опочивальне, хоть где.

Кончались все эти танцы при луне «горьким причитанием невестушки-леблядушки об отце-матери»:

Как пойдут да люди добрые
 На отхожую работушку
 Со семьями, со артелями,
 Со казаками, со казачихами,
 Со дочерями — белыми лебедями.
 Уж как мой кормилец батюшко
 И кручинная моя матушка
 Пойдут одни-одинешеньки.

Похвальная забота о родителях проявлялась, если счесть, что доченьки стремились упорхнуть от родителей поскорей, как «белые лебедушки».

Поведаю только, что Леля пресвятая — у прародителей наших богиней брака, красоты, девичества и любви почиталась. Лялей ее еще величали. От слова «лялька» и произошло слово «ляльник» — девишник, по-белорусски. Но об этом другой сказ.

Но первый слог в словах «леблядь», «лебядь» — «ле», не от Лели ли, «бл» — «бля» — белая, светлая, благостная, водяная, т. е. сама юная девическая любовь, но и не без хитринки, не без магии. Не за это ли еще и ополчились на блядей-красавиц? Кстати, в словаре языка древнерусского знатным мужем Срезневским писанного, слово «блядь» только в смысле «неправота», «другая» обозначается. Значит, вру я вам, бляду новую сказочку.

Леля, Лада

Бхль — поддерживать, одафивать.

Бхарана — поддерживающий.

Санскрит

Поведаю я вам сказания стародавние, были былинные, древние. Как по небу синему вперед месяцу светлому скакали две лосихи-праматери. Мать, Ладой нареченная, теперь ее еще Медведицей Большой прозывают, влекла за

собой дочь любимую. Леля — имя ее. Все, что на черной земле, в бору густом, в окиян синем море появилось, в высях небесных запело и оперилось, все-все Мать с дочерью своей народили. Народили и приветили. Род людской породили и силу ему дали.

Где какой ребеночек уродится, тому око небесное — звезда вещая — светить начинает. Не просто светит звезда та. Судьбу его — долю, недолю — предсказывает.

Молодожены, коли хотели жить счастливо, приносили Ладе-матери — богине любви и брака счастливого — приношение радостное. Птиц живых выпускали, цветы несли, мед и ягоды лесные, яхонтовые. Предание гласит, что в стольном граде Киеве стоял храм Лады-богини, весь узорчатый, и красавица-Лада в ожерелье из жемчугов держала на руках дочь, свою Лелю златоволосую. Дочь любимую, девической любви заступницу и покровительницу.

Многомудрый Стрижев пишет в «Народном календаре»: «Настает лето на зеленой неделе. Справляли когда-то Семник — девичий праздник. Называли его Семник честной, подобно Масленице».

На Семник особая честь березе воздавалась. Она у древних предков наших священным деревом почиталась. Самой Лады Матери Великой то древо было.

Еще с утраца самого в семницкий четверг по селам и городам молодые парни и девки с песнями величальными носили изумрудные ветки березовые. Затем девицы-невестушки в лес дремучий шли веночки из цветов плести. В венках тех девицы-красавицы к реке быстрой отправлялись березку завлекать. У корня березку священную, березку Ладушки нашей обвязывали поясом шелковым, на ее ветви раскидистые, лентами шелковыми перевитые, венки вешали.

Мудрены девы наши, ох, мудрены, ведь веночек-то плели они не абы как, а на жениха своего, на суженого-ряженого. Круг творили, как кольцо свадебное, приговаривали при том, плетя веночек на суженого¹³⁸: «Стану, благословясь, выйду, перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами, стану на восточну сторону. На восточной стороне течет

¹³⁸ Архангельская обл., 1972 г.

огненная Мать-река. Помолюсь тебе, покорюсь тебе. Не ходи сквозь болота зыбучи, не ходи сквозь леса дремучи, пойди в ход, в плоть раба Божия. Подожди его, раскали его, чтоб не мог ни на мягкой постели спать, ни работы работать днем по солнышку, ночью по месяцу, и лучше свету белого казалась раба Божья... (имя), лучше солнца красного, лучше матери родной и отца. Аминь!» Трижды приговаривали.

О водной магии женской мы уже поведали ранее. Девицы-красавицы с венками чудесными заговоренными шли не куда-то, а к реке. Искали березоньку-Ладу и ей кланялись, прося о любви милого. Играли затем в горелки, гореть — любить, значитца. Отсюда и река огненна, и огненный цветок любовный, что искали и вплетали в веночек заветный. Словечки в честь Лады придумывали:

лад — супружеско согласие на любви основано;

ладить — супружество в любви провести;

ладковать — сватать;

лады — помолвка. А нынче-то «лады» мужики меж собой говорят, когда дело сладили. Знали бы они, что женихаются друг с другом, обязуются в одну постелю ложиться;

ладило — сват;

ладники — о приданом сговор;

ладняня — песня свадебная;

ладный — это хороший, красивый будет.

Ладами не только таратайку жестяную, шибко вонючую, но и любимых именовали.

Ранее бытописанное описание наше о храме Лады в городе Киеве, видимо, и взаправду было. Храм тот, вроде, еще при князе Владимире смастерили. Больно охочь он до баб и девок был, пока свет христианства его в лоб не осенил, а токмо, может, и при свете этом не остепенился.

До тысячи баб держал для услады уд своих, да и жен семь-восемь имел, устали считать-то их. Как же ему богине любви честь не воздать? Мужчина солидный был, все делал с размахом. Небось и храм-то отгрохал, не чета греческому Акрополю. Да беда — пришлось сносить, как христианство освоил. Больно уж сестра византийских кесарей приглянулась, да и честь царская, и чин немалый, а

ему энто, ох, как нужно было, сам-то он бастрюком был, не по чину на княжестве сидел. Мамка-то его не женкой законной у отца Владимирова, великого князя Святослава, была, а рабыней-ключницей ходила, как говорят. Малушкой прозывали ее еще.

А без христианства ту бабу византийскую не отдавали никак, хоть умри. Он уж и Херсонес, Корсунь, по-нашему, спалил, и греков побил, а оне никак. Крестись, и все тут. В это время храму Лады в Киеве и карачун пришел. Но что бы не содеял с храмом Лады и Лели княже Володимер, долго еще на Руси Святой пели по деревням, городам и весям, прося Ладу-заступницу о помощи.

Мудреные книжники глаголят тако же, что почитание культа Лады под именем Лето бытовало и на море Адриатическом. И гиперборей северные, славяне, по-нашему, слали ей ежегодные дары, в солому обернутые. Видать, не простая то была богиня.

К слову, грецкие Аполлон и Артемида — ее дети. Кстати, Аполлон кажную зиму на Русь или в Гиперборею к себе домой возвращался, и стрелы-то солнечные свои хранил не где-то на Олимпе грецком, а дома, на Руси святой. Мол, так сохранней будет. Греки, оне ушлые — сопрут. Говорят еще, что в пору весны прекрасная Лада вступала в брак с могучим громовником Перуном, слала на землю благодатное семя дождей и оживляла природу. Заклинали весну-красну так:

Благослови, мати,
Ой мати, Лада, мати,
Весну закликати!

Или братья славяне — хорваты — летнее солнцестояние закликали¹³⁹:

Красивый Иван рвет розы
Тебе, Ладо, святое божество.
Ладо, слушай нас, Ладо!
Песни, Ладо, поем мы тебе,
Сердца наши склоняем к тебе.
Ладо! Слушай нас, Ладо!

¹³⁹ Конец XVIII в.

Или:

Да ударит, Лада,
 Да ударит урожайный дождь.
 Ой, Лада, ой...
 А доченьку ее, Лелю-раскрасавицу, просили так:
 «Дай нам житцу, да пшеницу,
 Леля наша, Леля!
 В огороде, сеножати,
 Леля наша, Леля!
 Кожны гряды, ровны зряды,
 Леля наша, Леля!»

Даже в далекой Лидии Ладу и Лелю почитали и славил. Жрец ихний облачался, видимо, чтобы никого не обидеть, и в мужское, и в женское сразу. Изображал он тем одно существо — двуполца, по-нашему, а по-ученому — гермафродит будет.

Да и в Грузии была Лада — Дала, по-ихнему. Вообще они грузинцы те, все нашиворот-выворот всегда норовили содеять. Даже имячко святое наоборот говорили: Лада — Дала. Она, мать божеств, за зверье всякое отвечает, воду, лес, плодородие. В общем, дел у нее по горло.

Что еще поведать тебе, взыскательный читатель, о Ладе? Разве что обрядец один.

На «макушке лета», в первое воскресенье после Петрова дня будет, куклу Лады сжигали с песнями и плясками. Не зла ей хотели, не подумай худого, провожали на отдых на небо. Помогла, знать, она крестьянам и в урожае, и в иных делах. А дела такие были. На Семик эти куклы приносили к обвитой лентами березе и пели:

Благослови, Троица, Богородица,[®]
 Нам в лес пойти
 Венок сплести!
 Ай, Дид! Ай, Ладо!

Веночки те заговоренные с березки хранили до Троицы, кидали в воду, и по тому, как они плыли, они гадали-рядили или на суженого свово, или о судьбе-судьбинушке девичьей. Не забывали и обряды заветные проводить у березки-Лады аж до самой Троицы.

За веночками следили так: чей сохнет — та холостой еще годик проходит. Уронив венок с головушки в речку, смотрели, к какому бережку пристанет — туда и замуж идти. Ячменьку — знак солнца и плодородия, поедали под березкой заветной, силой солнышка себя наполняя. Кумовались с подружками, целовались через ветки березки этой и становились неразлейвода. Пели при этом:

Пойдем, девочки,
Завивать веночки!
Завьем веночки,
Завьем зеленые.
Стой, мой веночек,
Всю недельку зелен.
А я, молодешенька,
Весь год веселешенька!

Нашенская «Во поле березонька стояла, во поле кудрявая стояла. Люли, люли, стояла» (не Леля ли стояла?) — песня этого же праздника будет.

Или:

Тонет ли, тонет ли
Мой золотой венок?
Тужит ли, тужит ли
По мне миленький дружок?

О подруге-куме пели тако ж:

«Ну-тка, кума, покумимся, полюбимся.
Ты мне кума, ты мне кума.
И я тебе, и я тебе.
Твое ко мне, мое к тебе».
Кума куме говорила:
«Нейди, кума, весной замуж —
Весной, кума, хлеба нету.
Ты иди, кума, в осень замуж —
В осень, кума, хлеба много».

Ну что еще может пожелать лучшая подруга?

Или:

Вы, кумушки-голубушки,
Вы, подружки мои,
Кумитесь, любитесь,
Любите и меня.

О Ладе примета была верная, ежели поутру вроде следы на поле или лугу находили, говаривалось: «Лада-Щедрыня походила, урожай будет!».

Ладушки еще с Масляной пели, первые весняшки. Оладушки ей пекли и сами ели.

Вспоем и мы славу Рожанице-Ладе:

«Ой, Ладочка, Ладочка,
Зеленое перышко,
Листик кудрявый.
Поем тебе Славу!
Дай нам сено собирать,
Дай нам жито зажинать!
Пусть танцуют все девчата —
Ладочка пришла до хаты!»

и Леле:

О Лелю молодая, о Лелю!
Ты вьюная, о Лелю!
Ты по горнице пойди, о Лелю!
Покажи свое лицо, о Лелю,
Да в окошечко, о Лелю.
Своего-то вьюнца, о Лелю.
Да пожалуй-ка яичко, о Лелю!
Еще красненькое, о Лелю!
Что на красном блюде, о Лелю.
И при добрых людях, о Лелю!

Так пели новобрачным. О яичке говорилось как о солнечном символе плодovitости и достатка в семье. А главное, не забыть принести в жертву Ладе летом белого петуха, а то обидится.

Лелеем мы память о Леле и ладим в усладу богине Ладе.

Но не пора ли поговорить о браке и семье — дело это серьезное и магии любовной в этом деле хватает. А как же иначе?

Русалки

Он видел, как из-за осоки выплывала русалка,
мелькала спина и нога, выпуклая, упругая,
вся созданная из блеска и трепета.

Она оборотилась к нему — и вот ее лицо,
с глазами светлыми, сверкающими, острыми,
с пеньем, вторгавшимся в душу,
уже приближалась к нему, уже была
на поверхности и, задрожав сверкающим смехом,
удалялась — и вот она опрокинулась на спину,
и облачные перси ее, матовые, как фарфор,
не покрытый глазурью, просвечивали пред солнцем
по краям своей белой, эластически
нежной окружности. Она вся дрожит
и смеется в воде...

Н.В. Гоголь «Вий»

А не вспомнить ли нам, мой взыскательный читатель, русалочек? Это девицы такие с рыбьим хвостом, или без него, кто знает. Пиит такой был, Пушкиным прозывался. Так этот самый пиит говаривал, что сидит эта русалка на ветвях. Но с рыбьим хвостом, вроде и несподручно по веточкам-то скитаться. Тако же поговорим слегка о том, был ли хвост рыбий у русалочек, а ежели был, то зачем и что она на ветвях забыла, бедная? А главное — причем тут женская магия?

Вспомянем о том, что русальная неделя была с 19 по 24 июня, прямо перед купальским праздником. Девицы-красавицы наши браслетки сымали и рукава свои длинные распускали, в птичек превращались. То ль в птичек, то ль в русалочек. И танцевали, и танцевали и пели:

На грязной неделе
Русалки сидели.
Ой рано и ру!
Русалки сидели,
Сорочки просили:
— Ай девочки-подружки,
Дайте сорочки.
Дайте сорочки,
Завейте веночки,
Завейте веночки
На святы духовые.
Ой, рано и ру!
На духовые!

Веночек заветный еще завить надо, да и откуп, одежду, т. е. русалке подарить. А веночек-то завивали, чтобы хлопцы приветили, да и заклятие это брачное, очень сильное будет.

Еще и за силу Матери-земли русалочки ответ держали, росу больно любили, где пробежит она, пролетит, там и урожай поболее, а где плодородие, там и свадьба, и достаток, да и детишки родятся.

Говорят еще стародавние люди, что и с водой, как и лебедушки, русалки связаны. Вешали им в русалочью неделю нитки, пряжу, полотенца, рубашки на ветви плачущие, нагнутые к водице, значит. Оттуда и хвост рыбий им. С хвостом там плавать веселее. Берегинями их звали еще, помогали к берегу добраться. А берег-то берегом и называется потому, что спаслись на нем из воды студенной. Ай, красавицы те русалочки были, токмо волос у них непривычный — длинный-длинный, да и зеленый к тому ж.

Думал я, думал грешным умишком своим, да надумал думку. Отчего так, то с крыльями русалочки, яко птицы Божия, то с хвостом рыбьим? Да вот от чего. Небушко-то предки наши окияном небесным рекли, называли значит. Летали русалочки с небес на землю грешную. Все в перышках, а как переселились на окиян, реки, моря земные, перышки покидали, да чешуей с хвостом рыбьим обзавелись. Так и поныне. Каки на небе остались — те с перышками, с крыльями значит, все порхают. А каки речки там, озера всякие лесные себе в жилище приглядели, те полурыбами стали. Любят русалочки еще музыку послушать. Да и петь мастерицы, как сирены грецкие, токмо не так злы, как те не люди. После дождинка в четверг, говорят, и не даром. Чистый четверг, тако ж молвят, и тоже не даром. Воде земной и небесной даже посвящен этот день. Перун Грозный — бог грозы и дождя, водитель воинства небесного днем этим верховодит. Да и не только он. У девушек-красавиц своя надежда в тот день русалочки. Девушки наши в день этот на зорьке красной трижды в воду погружались, затем по землице сырой катались по три разу вдругорядь. По росе русальной целебной катались, валялись, да и не просто так, а с востоку на запад, по ходу солнышка красного, силу ее целебную, росы той, к своей красе прибавляя. А затем

по углам на крышу изб взбирались, к солнышку красному поближе, и Весну-красну песенкой славили.

А еще говорят старики, чтоб хлебушко-кормилец уродился получше, русалкой, всю в цветах и венке, обряжали самую красивую девку. Вели с песнями ее к полю и толкали в рожь колосисту. Она затем выбегала оттуда и ловила всех, кто под руку попадет. А они со смехом разбегались. Да и правда скучно русалочке одной по полю бегать. А рожь-то густая опосля становилась.

Приготовься, терпеливый читатель мой. Молвлю слово я тебе по-ученому про русалок тех же, в книжках академических прописанное: «В русалиях славянских обнаруживаются черты, напоминающие культ Диониса во Фракии, элевисинские мистерии в Афинах, обряды, в которых участвовали посвященные — мисты — жрецы, танец «мечей» у германцев, танец «марутов» — богов грозы у индусов». Так-то, древен сей праздник и почитаем по всем городам и весям.

Как мы говорили прежде, русалочки разные бывают. Родятся-то они как и Вилы — русалки южных братьев наших славян из дождя, солнцем озаренного, и от росы животворной. Живут по-разному. Те, что в водоемах местечко присмотрели — в хрустальных дворцах обитают; другие — замки в облаках сварганили. Сварганить — небесное строительство, значит. Сва — небо будет, оттуда и наша свадьба испокон имеет, иными словесами — небом осященная. Но об этом другая сказочка.

Русалочки-полуденницы по ржи бегают, по полю. Польют весной росой да дождичком землю-матушку, но и прогневаться за неучтивость и леность могут, бурю наслать.

Гребень волшебный у русалочки речной имеется. Волосы свои зеленые она им украшает и расчесывает. Гребнем тем сети слишком жадных рыбаков рвет, или жернов мельничный, катаясь на нем при луне, попортить может. Точно воду зазря мутит. С гребнем тем и в лесу обретаться может, даже без водицы любимой. Но горе тому парню, который подсмотреть за русалкой захочет, как за девкой деревенской. Защекочет его до смерти. Тут или ноги уноси, или белены-попыни сухой порошок ей в глаза кидай — очень она его не любит. Но не будем о грустном...

Ежели пожалеет кого русалка и полюбит, будь хоть парень, хоть девка, и случись с ним несчастье-смерть лютая, заплачет она над ним. А слезинки ее — вода живая, жизнь дарующая. Огоньки синенькие над могилками спящих в земле мертвецов зажигает. То души людей ее стараниями оживают. У древних колодцев, говорят старики, Царица русалок воду живую хоронит. Любая душа не оживет, на небо не попадет без напитка этого волшебного, русалкой с неба принесенного, так-то.

Но и не только девушки могли помочь от русалок получить, но и парни. Но, ох, и трудно это было. Дружина собиралась русальная, ночевали вне дома оне, говорить не могли, ну ни словечка. Да веночек ежели себе на голову — поклон русалочке, надеть не забудут.

Зато неделю целную в какой дом ни придут, вокруг больного или немочного хоровод с прыжками учинят, тот и будет здоров.

Девушек все ж русалочки больше любили. Какая нечаянно помрет до свадьбы, той на Русальную неделю могли и жизнь во плоти человеческой вернуть, правда, побаивались таких селяне. А опосля недели Русальной хоронили таких «русалок», дабы не смущали других. Так, на всякий случай, чучело русалки жгли или в воду бросали, по-разному бывало.

Да, побаивались все же русалок, как и женщин сведущих и сильных вообще. А русалка ведь и ребенка потерянного могла выходить и спасти, ежели ей самой чем помогут, отблагодарит и одарит на всю жизнь, а если об ее младенце позаботятся, то тем паче.

А теперь и самое интересное будет. Вспомняем лебедушек-лебядушек, т. к. русалочка к тому ж лебедью оборачиваться умела. Да и у Морского царя иногда в доченьках ходила. Родственницы они с лебядушками будут.

А вспомняем-ка, дружи мои, качели наши детские, так вот качались на них, как русалки на ветвях, в честь благости русалок и к небу приобщение тож, как на волне колыхались. Любили русалки это. Да и на празднике русальном, девушки-красавицы себе женихов присматривали, да иногда по-нашему грех творили со своим суженым-ряженым. Да не парни девок выбирали, а девки парней. Неделя-то

Русальная. Обливать водой всех подряд было тогда принято. Хоровод вокруг колодцев водить. Конь соломенный делался тож, солнышко означал, кидался на всех он, ему и удаль давал конечек на крыше, тоже солнышку привет. Стариков или увечных каких «злыми» корешками в бане парили, да в баню на крапиве несли. Нехай потерпят. Зато русалочка старика усе стерпевшего силой и здоровьем одарит.

А еще напиток священный варили из молодой травы. Варили, меняя три раза ее, медом, хмелем заправляли да изюмом сухим. На третий день разливали и к Троице на стол давали. 7–8 градусов был напиток тот, а забирал не хуже иного вина крепленого, да и лечил здорово.

А еще, наши девоньки-красавицы, не приходилось ли вам быть женихом обманутыми или тако ж суженым своим? Ваши прабабушки знали в таком положеньице, чего делать-ладить требуется. Шли они к роднику или озеру лесному да плакали, жаловались на обидчика заступнице — русалочке. Так тому мужу али жениху солоно потом было, ох, солоно. До сих пор чародейство есть такое: на водицу-обиду свою попенять, да в водицу ту, в мисочку или еще куды, дареное супостатом-то колечко и бросить. Будет тогда ему, ох, весело. Токмо русалочку добрым словом помянуть требо. Особливо знать надо, что лучше не зимой, а летом, весной, осенью жаловаться. Старинушки говорят, что зимой русалки спят, а просыпаются только на Рождество, когда колядино коло парубки гоняют.

А вообще, коли погадать там на речке, или попросить чего девонька у водицы проточной хочет — кинь перышко, пусть плывет. И проси, чего хочется по женской своей части, али девической. Перышко-то — русалочке подарок. Или ниточки каки на кусты повесить и песенку тихонько пропеть перед собой требуется:

У ворот береза зеленая стояла,
Зелена стояла, веточкой махала.
На той на березе Русалка сидела,
Русалка сидела, рубахи просила:
«Девки-молодухи, дайте мне рубахи!
Хоть худым-худеньку, да белым-беленьку!»

А после пения три раза скажи: «Возьми, русалочка, подарочек, дай мне отдарочек». Да и скажи просьбу свою, повесив на куст или дерево лоскутки или нитки, а не жалко, то и рубашку белую. Да от тоски зеленой, если заела, злодейка, пошептать надо на водицу русалочке: «Вода, ты, вода, ключевая вода! Как смываешь ты, вода, круты берега, пеня, коренья, так смывай тоску-кручинушку с белого лица, с ретивого сердца. Будьте мои слова легки и крепки». А читать надо на воду, которой умываешься.

А еще старые люди говорят, что русалка русалкой прозывается потому, что Русой река в древности именовалась, слово «русло» от речного «ло» — ложа — происходит. Не отсюда ли племя русов именуется — люди это с реками связанные, с силой и магией водной, женской повенчаные.

Макошь (Мокошь, Мокощ, Мокуша, Макоша)

На приборном сыром берегу вещая Мокуша, охраняя молнийный огонь, щелкала всю ночь веретеном, прjala горящую нить из священных огней.

А.М. Ремизов «К морю-океану»

Вспомянем же святого князя Володимира. Установил сей князь на горе капище, и среди богов, там стоящих, стоял и идол Макоши-матери. Да не просто матерью была славная Макошь. Плела она ниточку, ниточку судьбинушки человеческой. Оборвет ниточку, и кончится жизни срок. Как грецкие Мойры — пряжа судьбы она. С Рожаницами она всегда вместе. По сей день на рушничках да скатертях вышивают вместе их на Севере нашем Святорусском.

Да и за урожай она радела. Носили рушники те, с Макошею щедрой, по полям до верхушки лета, да руки ее к солнышку светлому были обернуты, силу его ко всходам призывали. А опосля середины лета к земле-кормилице направлены. Оберегала она, знать, те всходы. Голову она большую имеет, знать, умна шибко. Руки у нее длинные, до работы всякой охочие. Порой говаривали: «Не оставляй, баба, на ночь кудель неприбрану, а то Макошь запрядет». Не любит, знать, беспорядок в хозяйстве.

А просили мать-Макошу о жребии счастливом да и урожае хорошем весной. Макошь и мать-сыра земля наша есть едины. Рожаницы наши — Лосихи великие, мать с дочкой от небесной тверди рождение посылают, а Макошь землице, значит, свою силу дает, утробну, материнскую. Крестьянин, перед тем как землицу по весне пахать, ложился на пашню, дырочку делал в земле, в чреве Матери-земли и как с женой родной с ней совокуплялся, семя свое в нее испускал, в брак вступал священный. Грехом большим считалось до марта 23, пока мать-Макоша беременна, бить ее, землю, т. е. колы вбивать, заборы городить, пахать тем более. Человеке, случайно упавший на землю, прощеньице у нее испрашивал. Жертвы матери-Макоши приносили, закапывали в землю хлеб, яйца, курей. Да и с женщинами любовью на сырой земле занимались, чтоб урожай был побогаче. А с 1 по 3 ноября, во время посиделок девичьих, справляли и заглавный из 12 праздник Макоши. Сватов засылали к девицам, верили — Макоша-мать удачу принесет. А мы скромным своим умишком пораскинули, да долю собрать не смогли, а коды собрали, то оказалось, что Макошь-мать нашу судьбинushку просить о детишках надо, да об урожае хорошем. Непременно в пятницу просить — ее это день.

А говорить надо так, при родах например, на воду говорить, опять водица-то, да дать пить родильнице: «Стану я, раба Божия... (имя), благословясь, пойду, помолюсь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду я в чисто поле, помолюсь и поклонюсь на восточну сторону. На той восточной стороне, на престоле чудесном, посеред земли сидит Мати-Макошь. Пресвятая Мати-Макошь! Сходи со престола святого и бери свои золотые ключи, и отпирай у рабы Божией... (имя) мясные ворота и выпускай младенца на свет и на Божью волю. Да будет так!»

Коштом еще в древности удача прозывалась, кошелки всякие, кошары для овец, все, что оберечь и охранить надо было, с Ма-кошью (Матерью Кошью) было связано.

Кошку, кстати, к удаче до сих пор в дом первой запускают. Капризна она, кошка, ласки и внимания требует, а без нее удачи в избе не будет. Все добро мыши погрызут. Да и кудель, нити всякие, на лавке забытые нерадивой хо-

зяюшкой, она, кошка-то, не хуже Макоши спутает да раздерет. Видать, и к кошечкам святая Макошь неравнодушна. И плодовицы они, и нечисть всякую из дома гонят. А если трехцветны, то и к удаче в делах. Да и прибиваются только к людям добрым, без пакости. А обидишь, так исчезнет, да и удачу всю с собой на хвосте унесет. Не обижайте кошечек, ибо матери-Макоши, что за судьбу нашу печется, они любезны. Да и без того грех это.

Свадебка

*Ездил в город Алексей,
От молод князь.
Ездил в новый, новоездил,
Ездил в новый, новоездил.
Красных девок повысмотрел,
Красных девок повысмотрел.
Сужену Марью повтырглядел,
Сужену Марью повтырглядел.
Походка у ней все павиная, все павиная,
Разговоры у ней лебединны...*

Перейдем, мой суровый читатель, честным мирком да к свадебке. Как же иначе? Зачем же наши девицы-леблядушки гадали-волховали, наряжались? Перед красными молодцами хороводы деяли, да заступниц своих просили рожаниц да Берегинь, да Лелю с Ладой, да Макошь-Мати. Все для того — для свадебки скорой да счастливой. Союз Солнца красного да Месяца, Неба да Земли тому зарукой.

Да и обычай был такой — по весне целовать молодых, чтоб они любовью своей помогли матушке-Земле нашей поскорей с себя путы снежные да льдистые скинуть. Чтоб травушка-муравушка скорей в побег пошла. Ходили деревней всей по домам молодых. Одна из женок заплетала след зимы лютой. Скакала верхом на метелке и звонила в колокольчик — весну-красну звала. Другая елочку несла, да не просто так, а украшенную лентами, платочками цветными, полотенцами. Зиму, знать, ель-то ее дерево, провожали с почестями. А след заматали так, на всякий случай. Вдруг Зимушка поглядит-поглядит на елку украшенную,

да вернется вновь. Подходили к домам молодых, песнею своей просили угощенье:

Виноград в саду цветет,
А ягода созревает.
Виноград-то Иван-сударь,
А ягода, а ягода — свят Прасковья его.
Дай им бог совет-любовь
Во свете во любви
Хорошо надо пожить.

А молодые что? Привечали, конечно, всех пирогами, яйцами, вином одаривали. А времечко-то выбирали не простое, а когда предков помянуть надо. Дзядями оно прозывалось, просыпались души их, дедов наших, от спячки зимней.

Знать, в дни эти они поближе, и благословить, и помочь могут. Умники большие были, предки-то наши. Окромя того, на Маслену смотрины всей деревней молодым делали — Столбы празднество сие прозывалось. Стояли они — молодожены, одетые в одежи венчальные, по обеим сторонам улицы, скоко ни есть. И при всем народе честном должны были любовь друг к дружке выказывать, ласковы слова говорить. А чтоб поцеловались, кричали им: «Порох на губах». Где уж тут ругаться да перечить друг дружке. Умно, от народа ссоры не скроешь. Срам на весь мир будет. Так что лучше и не заводить ссоры-то.

Девицам на выданье таку ж смотрину устраивали. Тут уж парни с матерями глядели, приглядывали. А чтоб молодые крепче любили друг дружку, особые жрицы-обавницы были. Например, на соль наговаривали: «Как соль люди в пище любят, так бы муж жену любил»; на мыло говорили: «Коль скоро мыло с лица смоется, столько бы муж жену не любил». Женки должны были умываться мылом тем, да соль мужу в еду добавлять, чтоб на сторону и мысли не было не токмо податься, а и посмотреть даже. Для приворота еще ворот от рубахи женки брали, сжигали и приговаривали: «Какова была рубашка на теле, таков бы муж к жене был». И пепел тот в пищу супругу добавлять треба.

Перед засылкой сватов гнали из избы кошек с собаками, кабы дело не испортили. А чем? Кто знает. Ставили хлеб круглый да с солью на стол, молчали...

Хлебушко-то он земли-матери знак — знать, ее благо-словление. А соль — о детях, о достатке просьба. А соль на то и соль, что от солнца она. Недаром ее вся нечисть боится. Насолить полу — это лишнюю нечисть от него отогнать. А ежели нечисть, или порок по-ученому, привычны? То-то же.

Невестушка, когда сваты приходили, плакала. И как бы умирала. Умирала, голубушка, для старой жизни вольготной, девической. Нарождалась для новой — замужней. Пели тогда:

Где-то есть еще у девушки,
Где родитель, моя матушка,
Во проклятое замужество
Я пошла, потом схватилась!
Как родитель, моя матушка,
Во прекрасном девичестве
Ты держала меня, девушку,
Будто гостейку во горнице,
Будто пташечку во клеточке.

Обрывали, обрывали девушки своей мнимой смертью и мнимую связь с отцом и матерью. Чтоб уж теща и тесть не лезли зазря к молодым с советом и указом. Да и увлечения девичьи парнями другими иль игры с подругами не мешали в ее новой жизни. В баньке парили молодых, очищали заговоренной водицей перед свадьбой.

Встречали их родители жениха в шубах наизнанку. Недаром говорят, что мех богатству знак. Поили медом — сила в ем превеликая есть.

Свойственников-сродственников жены к своему очагу приобщали, печной золой мазали. А мазала их сестра жениха, потому и золовкой ея прозывали, от золы печной то, от домового, что за печкой живет и хозяйство блюдет.

А то домовый, небось, и не признает, навредить может. Да и от вредности всякого шли али ехали к молодцу супругу не прямым путем, а окольным. А чтобы сглаза какого или наговора со стороны не было, бабка специальная, хитро-стям всяким обученная, след метелкой мела. Не могли сила злая на след плюнуть, или того хуже — в огонь отбросить. Дружок молодого нечисть кнутом отпугивал — ремненным

кнотом по дороге стегал. А нечисть прута, ох, не любит. Право слово.

Непросто это — от нечисти избавляться. Дружок молодого с мечом, и должен был сон молодых охранять. Но за дверью. А вы где думали?

Да разных обычаев свадебных много на Руси водилось. Где-то невест похищали. Кой-где молодая сапоги с нареченого снимала — покорность выказывала.

А нам интересно два обычая, пожалуй. На мех молодых за стол сажали. И богатству-то медвежий мех лучше. Медведь в лесу всему хозяин и голова. Чтоб молодые своим умом жили да богатство нажили — его мех лучшее средство. Ложили спать на снопах хлебных. Это затем, чтобы хлеб уродился. Своей страстью молодой с хлебом поделаться — он и отблагодарит.

А ели молодые на пиру только лебедей. А куды без них? Вещая сила давалась в этом кушаньи. Лебедь-то и в небесах, и на земле, и на воде, и под водой обретаться может. Весь мир знает и связывает. Силу во всех мирах молодым дарит. А наряд головной у молодой жены рогатый — кикой называется — лебедем, значит. Становилась она царевной-Лебядь. Приобщалась к высшим женским лебединым таинствам. А бабки мудреные ее этим тайнам и магии учили. Говорили мы о них — обавницами их звали.

Хорошо это свадьбу играть, весело и для здоровья весьма пользительно: «Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». А жаль.

ГЛАВА 2

РЕКОНСТРУКЦИЯ МИФА О ТВОРЕНИИ МИРА

*Иван да Марья
В реке купались.
Где Иван купался,
Берег колыхался.
Где Марья купалась,
Трава расстилалась.
Купала на Ивана!
Купался Иван,
Да в воду упал.
Купала на Ивана!*

Расскажу я вам сказочку стародавнюю, заветную. Скоко весен сказочке той? А и счета нет. Было это тогда, когда ничего не было. Когда только мир наш под-небесный народился и красой украсился. И так, слушая, да думай, а врать не мешай.

Великое небо *Сварог* от жены своей мать-сырой земли Макоши деток народил. Звали деток Иван да Марья, близнецами они были прекрасными. Ивана-то еще Солнцем красным, или Хорсом величали. Тако же и Коло прозваньё было. Предки наши великие, когда Солнышко доброе Хорсом величали, хороводы водили, все по ходу солнышка — посолонь значит. Хороший-то — солнечный, благодатный, значит. Коло — круглый, полный, опять же колодцы да колокола, да колядки, да и сокол от этого имени прозываются. Не даром сокол — птичка солнечная, волшебная. Да и Финист Ясный Сокол — витязь заветный — не промах был. У братьев-суседей наших древних — скифов — «Колонсаем» солнечный царь-прородитель прозывался. Он, видно, от нашего Коло свой род-племя вел.

Сестрицу-то Мореной или Марьей Моревной величали. Луной, кстати, на небе звалась она. Ночная властительница

была. Морок какой наслать — это видения такие — мором, болезнью нечестивцев наказать — все могла. Море синее — тоже ее забота. Приливы с отливами блюла, да и всякие сокровища и тайны морские знала-ведала.

Волшебницей великой сестра оказалась. За воды синие бездонные отвечала. За женские таинства. Но Земля-мать безвидна и пуста была, не бегали еще по небу Лосихи-рожаницы. Лада с Лелей крепко спали еще сном волшебным. Правил брат Хорс-Иван воздушным простором, пускал стрелы свои лучезарные к Матери-земле. Но не было жизни на ней. Не было любви и рожденья. В темных водах, освещаемых Луной-Мореной, шевелилось темное и загадочное нечто. Но не было в нем жизни.

Разделили брат и сестра время, день светлый — Солнышко, ночь — Моревне-Луне. Встречались только на зорьке утренней и вечерней. Одинокó жили. Но стала поглядывать сестра Моревна на свое отраженье в гладь водную, загадочную. И познала красоту свою она, и увидела брата своего глазами другими. Себя в нем узнала, близнецы ведь.

Распознала Морена мужское от женского отличие, и захотелось ей слиться с братом в воединое. Соединить свое водное женское с его огнем мужским. Возлюбила Морена брата Солнышко, и он ее возлюбил, и родилась от взглядов их друг на друга Великая Лосиха Рожаница. Лада, любовь ее еще в народе зовут. Но бессильна была Лосиха, ибо не сошлись еще в браке тела их, не загорелся огонь новый, жизнь нарождающий. Не родился жизнь дарующий, кипящий Купала.

А теперь друга сказочка. О мире подземном — Пекло прозывается. Родила мать-сыра земля Кощей Великого Бессмертного. Кощей-то силу костям Матери-земли давал. Чтоб не бурлила и не колыхалась она телом своим. Землетрясение то колыхание ныне зовется. Не текла бы кровь ее яркая из груди ее. Грудью горы у матери-сырой земли были. Чтоб могла Мать-земля успокоиться, родился Кощей Великий. Кощей его прозвали. Богатством недр матери своей земли владел он. Камнями да минералами, жилами разными скреплял, как поясом опоясывал чрево матери своей. И восхотел Кощей еще богатств водных, тайн неодолимых. Восхотел править всем, что под небом

обретается. Хотел сковать льдом да торосами море синее Моренино. Удастся ему это и по сию пору, пору зимнюю Кощеву, мертвой красотой богатую. А окиян Ледовитый, льдом скованный, — его вотчина.

Приглянулась колдуну Кощеюшке (а словцо «колдун» тоже коло происхождения ведет, коло — поворот, изменение по кругу), волшебница Марья Моревна — суженая брата своего Солнца Красного. Но увела она о его замысле черном.

Лишила она его царство подземное вод своих текущих. А без них не мог бы Кощей двигаться. Сам себя сковал силой своей, все останавливающей, мертвой. Хотел к Морене по водам ее текущим да по бегущей дорожке лунной подобраться, ан не получилось. И поделом.

А перед свадьбой своей с сестрой Хорс-Иванушка хотел проведать да узнать тайны ее гротов подводных, да подземные кладовые оглядеть. Осветил он светом своим одну из них, да увидел Кощя — сына земли-Матери. Не ведал Солнце-князь о замыслах Кощя и дал ему три раза водицы испить. Унесла вода волшебная Моренины заклятья на самого Кощя. И ожил он. Да еще и силу животворящую от Солнца получил. Набрался силы, околдовал Морену и унес ее в гроты свои подземные. Остался Солнце-царь без сестры-невесты, один-одинешенек.

Родила Моревна-водница от Кощя Зиму-Зюю, и снег со льдом при ней были. Раньше-то Кощей токмо камень — кость Земли-матери омертвить, окостенить мог. Теперь и воду земную в полон смог охватывать, льдами да торосами. В книгах ученых Ледниковым периодом время то называется.

Пришлось тады Солнцу красному и Бабе Яге на поклон идти. Костяную ногу она имела мертвую, а сама охрану между миром живых и мертвых несла. Ступой управляла она, когда по земле носилась, ступой раньше гроб — домочина прозывалась. Помелом за собой мела, чтоб ее не нашли, след ее потеряли.

Научила она Солнце Красное как с Кощеем управиться, но только не просто так научила. Взяла обет вечный незыблемый с Солнышка, что все умирать зимой в природе будет. Жизнь, какая народится, срок свой к смертушке во

владение придет. Скосит косою своею она жизнь всякой былиночки, всяково в светлый мир народившегося. Косы девок, туго сплетенные до замужества, отсюда имя несут. Ибо девка не мятая, не венчанная не дарует еще жизни, не родит никого. Мертвые они отчасти. А после замужества косы расплетали обязательно. Как лучи животворящие вокруг солнышка. Но не об этом мы.

Нашел он яичко заветное — кощеево сердце, где кость волшебная спрятана была. Опосля в пересказах ее уже иногда иглой прозывали. Призвал в помощь отца своего *Сварога* — небо светлое. Помог отец ему кость добыть. А в кости той сила крепящая кости-камни земли была.

Нашел ее по подсказке Яги-Бабы. Да не просто нашел. Среди моря-окияна синего Морениной вотчины остров каменный Кощеев стоял. Буяном тот остров назывался. Буй-сила на нем хранилась. Сила заветная. Потому и прозывался так. Стоял дуб на острове, корнями в царство Кощеево опирался, до жил-костей Матери-земли доходил, ветвями до светлого неба, сада райского доставал. Мировое дерево то было. Потому как три мира соединяло, как лестница заветная. Помог то дерево вырвать Иванушке Медведь-хозяин. Не просто медведь, а бог Велес в своем облике зверином. Носил он его, когда по миру ходил. Охранял Велес дорогу на небо, но чтоб помочь Ивану смерть Кощееву заполучить, приподнял Дуб извечный, Перуново то дерево было, и из-под корней сундук заветный достал.

А вот и первый вам медведь. Не даром он свадьбе солнца и луны, огня и воды способствует. Если ручной медведь заревет в доме — быть свадьбе. Игрушечных медведей недаром девки любят. Прислонился медведь к девице — жди жениха. А на свадьбе не токмо «горько!» орали, но и «Медведь в углу» говорили: он следит за всеми. Невеста на это: «Иванушку люблю», и целовались. Мать невесты в вывернутой шубе стояла, жениха ждала, того же медведя изображала. От бесплодия еще хорошо ежели медведь ручной через женку переступит. А хворых и еще пуще рожаниц шерстью медведя окуривают — сила в ем.

Достал Иван наш сундук Кощеев, разбил его с медвежьей помощью, а оттуда Заяц, и наутек. Смертушку свою

Кощей хитро спрятал. Недаром глаголят «как заяц быстр». Поди догони! Да Заяц не просто и к Кощей в услужение попал. Считали, что нечистым он создан. Кому он дорогу перескочит — к несчастью. Беременным потому зайчатинку ни-ни кушать. Заяц тот не прост был, ох, не прост, силу мужскую заветную он хранил, а без нее никакой брак не возможен.

В честь Зайца того позднее, правда, хороводы молодцы на Руси водили. Заячьими они звались, потому как с прыжками и подскоками. Силу любовную мужикам в уды и чресла их вливали. Плодовитыми, как зайцы, становились. В хороводах зайныка женихом представляется, веночек вьет, невесту целует.

Девушка кака, если замуж хочет, зайца поймать должна, или уж в магазине купить. Песни пели еще: «Зайнык серенький, да не ходи ты по сеням, не топай ногою, я лягу с тобою». Девки-то поют, не путанки. О зайце перед самым совокуплением жениху с невестой напоминали, при бесплодии кровью заячьей потаенное свое женки мажут. При родах трудных тоже — жиром заячьим. Зайца во сне кто поймает — непременно забеременеет и сына родит. А мужику-то — к поносу, шутка така, к удаче-то будет. Кура от заячьего помета тоже несется хорошо, сифилис еще тем пометом лечат.

Шапка заячья, может, и не дюже казиста, да мужику силы прибавляет. Вот он, заяц, какой!

И поймать Ивану того зайца Волк — слуга отца его *Сварога*, помог, волю Синего Неба исполняя. Дар в волке вещей имеется. И свадьбе он помог. Дружину жениха волками до сих пор серыми кличут, да и родню невесты тоже. Но это женихова сторона. Волк, он породниться помогает, потому что предок. Недаром Серый волк в сказке женитьбу Ивану-царевичу устраивает. Предок небо Солнышку в виде волка помогает. Опять же челюсти волчьи как амулеты от всей нечисти и сглаза помогают. Продолжение рода тоже это дает. И ест-то волк скотину не просто, а за грехи наши и в жертву предкам, все по наущению Божьему. Чертей еще ест, чтоб плодились меньше, заяц и чертом может быть. Волчий зуб ребенку грызть дают, чтоб зубы лучше резались. Хвост волка носят от болезни всякой.

Волк от всего защита. Предки наши милые всегда на страже, защищают потомков. Правда, если просить об этом.

Итак, задрали зайца, вылетела утка из него в вышину. А утка-то птичка не простая. Ее из серебра или еще чего делали и на грудь вешали. Утка-то птичка первая волшебная силу и власть в трех мирах дает. Без уточки той не совладать Ивану с Мореной, в море Щукой нырнет она, в небеса Лебедью белой улетит, на земле каплей росы — блеснет, и не сыщешь.

Так вот уточку ту, что из зайца выпорхнула — Кощееву смерть понесла, — Сокол солнечный разорвал. Говаривали ранее мы, сокол — птичка солнечная Хорсу подручница. Да и ныне жениха «ясен сокол» зовут. Сокола изображение жениху хорошо иметь — к удаче. Да и воинская, и мужская доблесть в соколе, недаром он символом Рюриковичей был. А что за жених без доблести.

Жертва не напрасна была. Яйцо родила утка. Но в море-окиян оно попало. Мужская сила от зайца в мир явилась. Женская сила от уточки. Весь мир созданный, *Сварогом*-батюшкой, оно олицетворяло.

Яйцо то волшебное, в нем смерть Кощея хранится, скорлупой костяной заросло — силой Кощеевой. А в нем желток яки огненно солнышко — мужеско начало, да белок жидкий — женская сила Моренушки. Они в единстве пребывают. И кость — смерть Кощеева, костью мира, земли-Матушки в ем.

Упало яичко в сине море, но вынес его Иванушке — солнцу красному, сам Род. Могучий предок он всего живого. Щукой обернулся Род могучий, а щуку или образ ее носить с собой — деток и родителей береженье признавать. Семью это защищает. От щуки, Родом посланной, богатыри у ранее бесплодной царицы, поварихи и собаки народились. Затем золотым, серебряным и медным царствами завладели. Вот что Род-то ущутил. Емелюшко тож по щучьему веленью что хотел, то и имел. Вот, что значит с богом Родом дружить, да и с предками.

Дал Род великий Ивану силу порождения, силу зачатия, а без этого какая свадьба.

Сломал Хорс-Иван ту кость, и вновь земля-Матушка ходуном заходила. Разломились недра ее, взбурлились

окияны, путы, Морену удерживающие, лопнули. Вырвались воды на свободу, а с ними и Морена. Но снова сковать землю пришлось, силу Кощею дать. Нельзя, чтоб бурлила и клекотала Мать-земля. Сочетались браком тогда сестра с братом, Марья с Иваном или Луна с Солнышком, или огонь с водой. Родилось тепло тогда, Любовь ожила и силу родительнице Лосихе — Ладе, дала людей, и все сущее народить. Купалой сын Марьи и Ивана зовется. А иной-кто и *Ярилой* кличет. Сила та ярилина — жизнь сама. Населился мир поднебесный тварью и растениями всякими, и род людской после того пошел. Но через смерть проходить ему приходится. Ведь Баба Яга без интересу своего помощь не окажет...

Через смерть в ночь на Купалу и огонь с водой проходят. Куклу-то Морены-воды жгут, в брак с огнем приводят. Колесо огненно с горы в речку пускают — тоже брак. Тот же. А кипящая живая, огненная вода Купале сродни. До сих пор бают о живых горячих источниках. На утро после Купалы смотрят еще, будет ли туман над посевом, родился ли Купала.

Прыгают через огонь суженые, взявшись за руки, и в воду потом голышом лезут. Союз свой просят воду и огонь освятить. А чудес-то много в ночь эту, и семь змей волшебных, и семь трав целебных, заговорных колдуны собирают. Даже папоротник цветет и цветом своим клады подземные указать может.

Но нечисть всякая, пока Солнце с Луной, огонь с водой брачуются, тоже без пригляду лезет, а за ними Баба Яга-смертушка стоит. Смотрит, кого способно и прибрать. Тут глаз востро держать надо. Круг очертить вокруг праздника, костров поболее зажечь или заговор какой вовремя сказать. Сжигать старье всякое в благодатном огне купальном требо. Болезни и неудачи горят в нем. Пир обильный устраивают. Все-таки свадьба великая деется. А девки с парнями, за кем не углядят родичи старшие, свой брак в честь божественных Брата с Сестрой справляют. Любовь больно в эту ночь разгорается. Опять же от бесплодия в водице купальной молодой поможет, а огонь силушки даст. Гадали по венкам девицы еще, но об этом уже было. Хороводы водили в честь Хорса опять же.

Очищали свое хозяйство всякими песнями и наговорами:

Как на горушке, ой на горы,
На высокою, на крутой,
На раздольицы широкой
Там горит огонь высокий.
Как в том огню жгли три змеи:
Как одна змея закликуха,
Как вторая змея заползуха,
Как третья змея веретейка.
Закликуха-змея коров закликает,
Заползуха-змея заломы ломает,
Веретенка-змея зажин зажинает.

Можно менять имена змей по надобности всякой. Например:

Как одна змея — пьянцуха мужня,
Как втора змея — присуха чужая,
Как третья змея — убыток в дому.
Пьянцуха-змея мужа совращает,
Присуха злая — разлучницы злоба,
Убыток в дому — недоля горькуша.

От Морены-то матери и чародейство женское водное пошло. Лебедушки, русалки всякие силы волшебные у нее черпают. А памятью о браке священной сестры с братом Марьи и Ивана остался — цветок волшебный иван-дамарья. Сине-фиолетовый цвет воды-Морены навечно запечатлен в нем с желтым цветом брата ее Хорса солнцесветлого.

Добыл Иван смерть Кощееву, наполнилась Земля-матушка мужской и женской силой. Хлынули воды Моренины, Кощеем скованные, освободили Морену. А там они с Солнышком свадебку сыграли и Купалу силу любви и Яри и жизни породили. Был я на пиру том, или вру, не помню, может, и вру, а ложка большая у меня. Кстати, амулетик к дому — полной чаше. Так я не токмо большую ложку взял, а и маленечку таку, и цепочки привесил, на счастье. Расчесал то, что на голове осталось, вверх — в честь Солнышка. И малый гребешок привесил на цепочку, тож для чистоты и

здоровья. Закрыл дом ключиком, и ключик повесил, охран-
ный для имущества символ, и к богатству. Еще уточку да
зайчика повесил, да пасть волка. Бубенчик еще — чертей
отгонять, не любят они звона эптова. Пока вешал да соби-
рался, да вам байки баял, на том пиру все подъели и выпили.
И поделом мне, знал же, что из-за излишней болтливости
да словоблудия обавницам, баянам и сказочникам ничего
не достается. Пока они болтают — все и подъедят. «По
усам текло, а в рот не попало». Так и мне.

Сочинил писаньице сие скардное раб Божий Алексей.
Да славен Бог будь. Во веки веков. Аминь.

ГЛАВА 3

КОЩУНЫ

В этом разделе автором сделана попытка не только восстановить славянский пантеон и картину мироздания (семь небес, пять сторон земли — центр и четыре направления, шесть нижних миров), но и попытаться на основе имеющихся знаний восстановить, хоть в некотором приближении, основные мотивы учений различных направлений восточнославянской традиции. Эти направления, как и во всем мире, связывались с теми или иными мифологическими персонажами. Реконструкция такого рода проводится впервые. Текст излагается в поэтической форме, поскольку все подобные учения излагались аналогичным образом.

Круг мира, круг богов

ПЕСНИ МИФА

Кощуны черные, облитые огнем,
Как грани исчезающих надежд.
В своей безмолвной гордости поем
На остриях бушующих невежд.

Лик темного былинного бытья,
Весь в копоти простуженных свечей.
От были той осталась нам кутья
И всполохи встревоженных ночей.

Суровый лад и поступь как набат,
А шутка кровью сохнет на мече.
Гуляй, пляши и пей, враг и собрат.
А счастье? Сокол вольный на плече...

Бог Велес к нам из сумрачных глубин
 Подъемлет клад, зарытый искокон.
 Стрибог — державы грозный властелин,
 Дает святой незыблемый закон.

Дажьбог, наполнив длани серебром,
 Булат вложил в сердца богатырей.
 Перун взмахнул двуликим топором,
 На битву с ратью двинулся своей.

Извечный враг — сын матери-Земли,
 Змей черный поднимается со Дна.
 Перун, бог-воин, стрелы шлет свои,
 Ему для битвы молния дана.

Бог Велес часто жаждой обуян,
 Крадет дары богов, добро людей.
 Змеей струится сумрачный туман,
 Перуна враг крадется среди камней.

Перун стрелою рвет Велеса грудь,
 Он жжет его и гонит в тьму Земли.
 Тот мечется под стрелами как ртуть,
 Уходит вглубь как в море корабли...

Перуну друг Ярило — вешний бог,
 Зимы сон гонит яростью своей.
 Он свет и сила, благодати рог,
 Жар в сердце, изобилие полей.

Но труден по Земле Ярилы шаг,
 В нем гнев и ярость, пение мечей...
 Он посылает огненных собак
 Из светлых, но безжалостных очей.

Перун — он первый открывает Явь
 Неукротимым подвигом своим.
 Он неба гнев, он дух его, он Правь,
 И только Марь закрыта перед ним.

Марь паутиной оплетает мир,
Сном Бездны ослепляет нам глаза.
Морена нити ткет, зовет на пир,
Где кубок — череп, а вино — слеза.

Смерть, мор и морок — три сестрички сна.
Морена — мать им, Бездна — колыбель.
Перину Нави и сосуд без дна,
Несет слуга их — буйная метель.

Сварог-Отец раскинул пламя крыл.
По тем крылам Сын-Солнце держит путь.
Сварог нам знания и огонь открыл,
Смывает с глаз людей Морены муть.

Второй Сварога сын — слепой Дажьбог,
Богам и людям шлет дары небес.
Не все доходит, часто вещей Рок
Даров богатых уменьшает вес.

Богиня доброй женской ворожбы,
Мать-Макошь, ткет избыток на поля.
Ткет ткань семейной радостной Судьбы.
Ее благословляет вся Земля.

Любовь земную, сказочный полет,
Мечтания под грезами луны
Богиня Леля юности дает,
Все песни сердца ей посвящены.

Богиня Лада даст спокойный нрав,
Лад в сердце, в доме и в кругу друзей,
Лад в музыке, и прав ты иль не прав —
Гнев ярости растает перед ней.

Бог Суд Стрибога вещего закон
Исполнит на Земле в урочный час.
Где Правда, а где Кривда — все на кон,
Никто не избежит бесстрастных глаз.

Хранит традиции великий вещей Род.
 Следит, чтоб род людской не угасал,
 Шлет слуг своих, чтоб поддержать народ —
 Отец всем добрый, будь хоть стар, хоть мал.

Кошуну черные облиты серебром,
 Хранят старинной мудрости завет.
 Не зная этого, по ним пока живем,
 Живем по ним, пока есть Солнца свет.

Зачин. Явление

Взойдя на холм царящий над рекой,
 На камень древний руны положил.
 Ночь пронизал печальный волчий вой,
 Блеснула сталь, кровь брызнула из жил.

Курган исторг невнятных звуков хор.
 Всплеснулись вверх наречья, имена,
 Затем метнулись тени на простор.
 Пред ним предстала призраков стена.

Старик шагнул из призрачной стены.
 Он величаво руку протянул.
 Изрек: «Не бойся, мы не колдуны».
 Раздался вокруг него смешливый гул.

«Мы те, кто круг рождений разорвал.
 Несет нас Воля сквозь миры и дни.
 Потомка кровью нас к себе призвал.
 В мирах Сварога мы давно одни.

Коль длани Прави выдержишь удар,
 Пройдешь Круги миров, Круги богов.
 Получишь мудрость — вековечный дар.
 Найдешь свой Путь, познаешь бег веков.

Мне возложил он руку на чело.
 Затем раскрылся огненный провал:
 Смерть, бред и боль, вдруг стало все светло.
 Дух в сердце и смеялся, и рыдал.

Основа Бытия — Подземный мир
Явил кругов своих туманный бег.
Блеснул Луны серебряный потир,
Окутал сердце полуночный снег.

Нижний мир

Круг первый

ИЛЛЮЗИИ МОРЕНЫ

Мелькнули тени, закружилось все.
Плащом белесым пал кругом туман.
Пронзило сердце острое копьё.
Раздался голос: «Все кругом обман.

Не верь тому, что марево вокруг.
Игрой иллюзий, майей мир объят.
Ведь если все есть Майи дымный круг,
То Майя не иллюзия стократ.

Весь мир реальный в Прави так глубок,
Что только в Кривде Образ явлен вам.
Теней одних тасуете комок,
Не придаете ценности словам.

Не цените реальности путей,
Путей Богов и Прави высоту.
Иллюзии и чад земных страстей
Застят глаза на Сварги красоту.

Морена учит истине богов:
Ведь слабый жив иллюзией побед,
А сильный, орды разметав врагов,
В успехе видит Мары темный бред.

Не все способен человек достичь.
И в бездне мрачной не видать ни зги.
Велеса путь не каждому постичь.
Огонь в душе зажги и береги.

Круг второй

ЗЕРКАЛО ЯЩЕРА

Родился низкий гул, нахлынуло ненастье.
Луна блестит сквозь саван облаков.
Как будто демон ночи волчьей пастью
Свет поглотил у здешних берегов.

В железе черном всадник с ветром мчится.
В руке его хрустальное копьё.
За ним бежит огромная волчица,
И ядом капает на землю острие.

Древнейший бог, туманных бездн хранитель,
Явился Ящер из седых глубин.
Он — Вождь, могильных призраков водитель;
Он — парадокса чудный исполин.

Из уст суровых побежало слово:
«Узнай другую сторону, глупец.
Когда не важны средства — то основа,
Что лжива цель, и ей пришел конец.

Познать себя ты можешь через воду.
Ее зеркальный блеск в иных мирах.
Вглядись в нее — и обретешь свободу
Или навеки обратишься в прах.

Ты в отражении себя увидеть рвешься,
А видишь только то, что пожелал.
Себя в себе не зришь, коль не смеешься.
В других же зришь причудливый оскал.

Оскал своих пороков и покуты
Ты зришь в чужой, не познанной душе.
Но божий лик за краткие минуты
Способен разуверить в мираже.

Ты можешь стать подобен даже Высшим.
Забудь про отражение себя.

Забыв себя, мы в новом мире дышим,
Перерождений череду дробя.

Гора настолько высока бывает,
Насколько сам высок в сравнении с ней.
Нашедший Путь в мирах не умирает.
Рок отступает в круговерти дней.

Знай, преданный и верный может стать
Быть и бесчестным, лживым подлецом.
И с ним тогда приходится расстаться —
Хоть будь он другом, хоть твоим отцом.

Знай, раб страстей — всегдашний раб любого,
Кто эти страсти может пробудить.
Беги от них, не говоря не слова,
Когда не хочешь в скверне дальше жить.

Знай, тот, кто сам себя в примеры ставит,
Все потерял: себя и образец.
Перед самим собой подчас лукавит:
Надел горшок, а думает — венец.

Ты бойся тех, кто благо даст насильно.
Они для «блага» мир сожгут в огне.
Избегни тех, кто молвит всем умильно:
«Все средства хороши, а истина — в вине».

Не веруй ты тому, себя кто презирает.
Бичующий себя ждет похвалы толпы.
Благочестивых зри: они, коль правду бают,
Всегда в себе несут Наследия столпы.

Круг третий
ЖИВА-МАРА

В лучах мелькнула девичья коса;
Вдруг брызнул смех звенящим соловьем.
Открылась неизбывная краса:
Вошла богиня солнечным дождем.

«Я — Жива, Жизнь», — поведали уста.
 Фонтан цветов рассыпался кругом.
 Внезапно вмиг исчезла красота,
 Как будто растоптали сапогом.

Прекрасный лик пронал, и черный зев
 Открылся. Виден черепа оскал.
 «Я — Мара, Смерть», — в тиши раздался рев.
 Последний в жизни виден карнавал.

Вновь смена. Снова девичье лицо.
 Раздался голос сильный, как река:
 «Открою циклов древнее кольцо;
 Познай, ибо премудрость высока.

От жизни к смерти человек идет,
 Рассудок, душу, тело он крепит.
 Ввысь бесконечен путника полет:
 За жизнью смерть, вновь жизнь, и смерть не спит.

Круг жизни — суть соцветие кругов,
 В которых жизнь и смерть ведут игру.
 Мы оживаем в каждом из миров,
 В который путь проложим по утру.

Вопросов и ответов череда
 Ведет вперед просящего Пути.
 Безмолвный не узнает никогда,
 Куда ему положено идти.

Поведаю мозаику речей.
 В них не найдешь начала и конца...
 Лишь для пытливых огненных очей
 Открыта кладовая мудреца.

Смысл жизни — в понимании пути.
 В пути за смыслом Жизни смысл найдешь.
 Понять смысл Жизни — значит перейти
 К тому, в чем Суть, — все остальное ложь.

Суть Жизни — череда ее дорог,
Развитие ее средь мертвых скал.
Найди начала, отыщи порог,
Познай небытия кривой оскал.

Узри богини Живы второй лик,
К истокам Жизни прикоснись рукой:
Закон, Пространство, Время, Круг возник,
Когда слились Движенье и Покой.

Закон, Пространство, Время, Цикла Круг
Познать поможет прародитель Род.
Всегда в блаженстве иль гнетет недуг —
Тебя он к Прави бережно ведет.

Бог в человеке — Рода вечный дар,
А человек в богах нашел приют.
Восходит в Ирий душ волшебный пар,
И люди славу Истине поют.

Движение от Вечности во прах —
То человек в богах, пойми ответ.
Бог в человеке вызывает страх.
Он прах подымлет в бесконечный Свет.

Движением из Вечности во тлен
И из Небытия к вершине Сил
Богиня Жива разрушает плен,
Который человек в душе носил.

Запомни двуединый путь людей,
В котором скрыта верная стезя:
В молчании прекрасен соловей,
Лишь слабый прав, возмездием грозя.

Тот глуп, кто только дух к богам стремится,
Отбросив жизни чудные цветы.
Он, не родившись, будет вновь убит
Незнанием любви и красоты.

Тот глуп, кто только в жизни смысл нашел,
 Забыв Дажьбога солнечный венец.
 Не может к солнцу воспарить осел.
 Умрет душа, всему придет конец.

Лишь только тот, кто Мир познал и Дух, —
 Сварогу внук, Дажьбогу верный сын.
 Ему не нужен пастырь иль пастух,
 И Сварга вся открыта перед ним.

Не верь несущему телесному хулу.
 Вы не сосуд для духа и души.
 Не чтящим тело — не воспой хвалу,
 Уйти от изуверов поспеши.

Без тела не познаешь Явий мир,
 Дух и душа в бессилии молчат.
 Жизнь отступает — лихоманок пир,
 И вороны над трупами кричат».

Круг четвертый

ЗАКОНЫ СТИБОГА

Взвились колонны ветров из земли.
 Восстал старик в величии небесном.
 «Внемли мне», — гром раздался. — Мне внемли!»
 От слов его Вселенной стало тесно.

Стрибог, простерши огненную длань,
 Раскатами просыпал зерна истин:
 «Пред богом человек достоин встань,
 И в буйных ветрах зрение очисти.

Творец не суть слияния вещей,
 Иначе мир бы был непознаваем.
 Он жизни путь для вдумчивых очей.
 Он нас ведет у края и за краем.

Вперед путь и движение назад:
 Суть — череда бессмертных отражений.

Из дум Творца течет времен уряд,
Не ведает ошибок и сомнений.

Суть отражений — время после Сна.
Творец себя познает во Вселенной.
А человеку воля отдана...
Творца он образ в этой жизни тленной.

Творя, подобен человек Творцу.
Себя меняет через сотворенье.
Он Роду поклоняется — Отцу:
Творить, дерзать и жить — его вельенье.

Запомни: в каждой капле Рода лик,
Закон и Правь — две оси мира Яви.
Навь — это в Маре разрушений миг,
Подобен он божественной отраве.

Без Мары мир давно б закостенел,
Ведь точный знак — смерть время и движенья.
Она кладет туманности предел.
Она зарод развития и сомненья.

Познать возможно, заглянув за край...
Конечное скрывает бесконечность,
А так же бесконечное конечность.
Всегда скрывает Бездна чей то Рай.

Весь мир един в различии своем.
Различия — тональности творенья.
Единство льда скрепляется огнем,
А в рокоте грозы Сирина пенья».

Стрибог изрек: «Познай единства знак!
Увидевши прямой и легкий путь,
Поймешь, он крив или ведет во мрак.
Ступивши раз с него, нельзя свернуть».

Запомни, в малом — часто суть богов,
Как капля совершенной Океана.

Ведь Океана нет без берегов,
А в капле целокупность без обмана».

Круг пятый

ИСТИНЫ ВЕЛЕСА

Раздался переливов нежный звук,
Над полем перебор игры пролился.
Раздался белый камень как-то вдруг —
Великий Велес в мире проявился.

«Что Истина? Ответствуй, наш Отец.
К чему стремиться сердцем торопливым?
Поведай мне: в чем мудрости венец?
В чем человек способен быть счастливым?»

«Поверь мне, ваша Истина есть боль», —
Глаголил тихо Велес величавый:
«Проведать хочешь — что же, так изволь
Узнать, что человек всегда неправый.

Боль в том таится, что не истин ты.
В глазах богов иного не бывает.
Ваш мир лишь тень небесной красоты,
А правда ваша в руце божьей тает.

Но ваших истин сумрачный полет
Для духов низших век не уvidaет.
Для Высших Истин ведом поворот.
Великий Род один всю правду знает.

Все остальное — тени от теней.
Чем ниже ты, тем и темнее тени.
Ко Светочу стремиться все ж верней,
Откроются небесные ступени.

Для человека Истина чиста,
Она проста, как камень на дороге;
Для Бога в ней сокрыта высота,
В ней парадокс: «Найди у камня ноги».

«А как же знаний пылкий хоровод,
Плоды мятежных воспарений духа?»
«Узри же, в мире все наоборот,
Все знание для божьей воли глухо.

Узнаешь только крохотную грань
Среди трудов, надежд и вдохновений.
Ту цену заплатив, шагнешь за грань,
Глотнешь ты меда божьих откровений.

Ты, человек, приходишь в светлый мир.
Не знает ничего грудной младенец.
Всю жизнь стремишься ты на знаний пир,
Накопишь много красочных безделиц.

Однако редко кто, но познает
В конце пути себя, свою природу.
Он ведает, что знания полет
Подобен темной Майи хороводу».

Круг шестой

МАТЬ-СЫРА ЗЕМЛЯ

В цветах прекрасных Мать-земля явилась,
Улыбкой мудрой время одарив.
Поведала, в чем есть земная сила,
Завесу тайн немного приоткрыв:

«Чреда времен — основа обновлений,
Природы, человека верный путь.
Круг жизни — смерти верный путь нетленья,
С него нельзя на сторону свернуть.

Земля все в двуединстве порождает.
В ней жесткость камня, гибкость ручейка.
Гранит величье формы сохраняет,
В нем Целостность, Цель и Сила высока.

Чем жестче Власть, Сознание, Основы,
Тем легче нужной цели им достичь,

Но жесткость для себя самой — оковы.
Она не даст меняться и любить.

Чем жестче мир, тем он сильнее, но хрупок.
Удар времен сотрет его в песок.
Цель не достигнешь по пути уступок,
Но ветер не ломает колосок.

Зри, человек по форме близок к Богу,
Его мозг силой жесткости храним.
Пластичность тела даст пройти дорогу,
Рок не убьет, коль разминешься с ним.

Всегда союз Закона и Свободы
Давал творить, давал и сохранить.
Познай в нем все величие природы:
Сумеешь меда мудрости испить.

Мир земной

Круг первый
СВЕТ ЛАДЫ

Открылась роща, в зелени роса.
В ней женщина явилась средь берез...
Богини Лады нежная краса
Способна с глаз умыть потоки слез.

Улыбкой нежной одарив весь свет,
Богиня рассмеялась, как ручей.
Не нужно стало выпренних речей,
А на вопрос нашелся сам ответ:

«Свет — это состояние души.
Улыбка непогоду расточит».
Всегда заветы Лады хороши,
Богиня добротой людей крепит.

Свет Лады даже через Навий мрак
Узреть позволит Хорса яркий луч.

Не страшны бездна, топь и буерак,
Разгонит свет буруны темных туч.

Круг второй

ЛЮБОВЬ ЛЕЛИ

Поля покрылись солнечной росой,
Взметнулся сарафан из незабудок.
Чудесной девы легкий шаг босой
Скользит по ветру в переливе дудок.

Всегда юна, пригожа и стройна,
Богиня Леля средь цветов явилась,
Как будто в ночи солнце пробудилось,
Запела в сердце нежная струна.

«Богиня, про Любовь поведай нам,
Открой ее звенящие истоки!»
«Бессилен знак, нельзя отдать словам
Игры Любви блестящие потоки.

Любите ваших чад — то свет любви
К божественному, к Богу в вашем сердце.
Любовь к живому — тайну улови,
К богам откроет потайную дверцу.

Кто говорит, что любит лишь богов,
Тот просто никого не любит ныне.
Он океан без дна и берегов;
Он одинок, как суховей в пустыне.

Любовь же к человеку — тайный путь.
Способен он открыть познание Рода.
С пути того попробуешь свернуть —
И смертью отомстит твоя природа.

Единства знак — в любви муж и жена.
Насильно полюбить не может даже ветер.
Единство в Полноте — что есть прекрасней в Свете?
От злобы защитить способна лишь она.

Круг третий

ОЧИЩЕНИЕ ОГНЯ

Связав миры, промчался всадник в ночь.
Он в языках блестящего огня.
Отец Огонь всегда готов помочь,
Заветы Рода бережно храня.

Всеочищающий Отец Огонь
Сжигает только то, что можно сжечь.
Грядут века по солнцу, посолонь...
Не нужно в жизни тленное иметь.

Огонь рукой по смертному пройдет —
Останется тепло и яркий свет.
За смертью снова юности полет,
Как за вопросом следует ответ.

Круг четвертый

СВОБОДА ЯРИЛЫ

Вокруг взметнулись буйным цветом травы,
Свод неба своей синью мир объял.
Запели песню радости дубравы,
И всадник гордый из земли восстал.

Был обнажен, облит сияньем света.
В одной руке он череп поднимал,
В дугой — колосья — символ яри лета.
Взгляд острый, как отточенный кинжал.

Ярило в яркой яри появился,
Наполнил силой все, что может жить.
Весенний гул вновь по земле разлился,
Все ввысь стремится, хочет полюбить.

«Поведаю тебе Закон свободы», —
Рек Бог великий в пламени страстей.
«Ведь без него исчезли бы народы,
Земля бы содрогнулась от костей.

Свобода — не отрыв от воли Мира.
Она не в своеволие от богов,
Она не в беге пламенном Сатира,
Не в том, что ты не знаешь берегов.

Свободы луч — в свободе от земного,
От тленного в самой твоей душе.
Свободен ты у очага родного,
Замшелых истин расторни клише.

Свободу любит тот, кто сам не знает,
В чем суть Свободы и что делать с ней.
Он сам себе в своей любви лукавит,
Бредет во сне через тропинку дней.

Всегда зовущий к битве за свободу,
Стремится права чьи-то растоптать.
Зажженный мир горит ему в угоду,
Всех обворует словно ловкий тать.

Идущий к власти, под Свободы стягом,
Придя во Власть, идет по головам...
Своим стальным, непримиримым шагом
Растопчет горло мыслям и словам.

Раб мнит, что без оков он стал свободен.
Однако раб в душе — на троне раб.
К Пути и Прави раб тот не пригоден,
В цепях живут диктатор и сатрап.

Немой с рожденья ждет свободы слова.
Он мнит, что, уничтожив мудреца,
Мудрее станет вся его основа,
Забыв, что Слово — Сила Праотца.

Тем, кто живет в Законе и по Прави,
Ограниченье силу придает.
Он мудро зрит, не льстит и не лукавит,
В свободе Духа шествует вперед.

Познай, что даже Род-Миротворитель
Себя сковал, Законом очертив.
Свободы и Закона Прародитель
Дал Навь и Правь, всю землю сотворив.

Тот человек в себе имеет душу,
Кто знает, Что не в праве сотворить.
Мудрец законы Сварги не нарушит,
Не станет он вино из Бездны пить».

Круг пятый

ЗЛО И ДОБРО СУДА

Раздался гонг, унялся хор страстей,
Возникли белоснежные палаты.
На троне из отбеленных костей
Сверкнули искрой золотые латы.

Предстал на троне величавый Суд —
Закона бог и праведных решений.
Ему в посмертье души отдают.
Закон его не ведает сомнений.

Улыбка неожиданно сошла
С сурового божественного лика
И тихой сказкой дальше повела,
Как песней замороженной калика:

«Добро и зло — две грани у пути.
Нет цели — между ними нет различий.
Когда неведомо куда идти —
Не знаешь ни законов, ни приличий.

Когда благая цель тебя ведет,
Зло и добро — ошметки под ногами.
Добра и зла не ведает полет.
Не знает зла путь, созданный богами.

Зло и добро, как братец и сестра.
Одно не знает смысла без другого.

Они сидят у каждого костра,
Скрываются среди самого родного.

Добро и зло у каждого свои.
Гончар ждет солнца, хлеботор — осадков.
Ведь могут разозлить и соловьи.
Везде полно законов и порядков.

Но есть добро как вечный божий знак,
Но и оно всегда имеет меру.
Переборщишь — не избежишь и драк,
И даже потеряешь в Рода веру.

Зло также есть как вечный Бездны взгляд.
Но мера и его меняет цену.
Зло перенесший, люди говорят,
Находит в благодати ему замену.

Добро и зло сравнивши в тот же час,
Покоя равновесия достигнешь.
Но в этом равновесии погибнешь,
Исчезнет путь, умолкнет божий глас».

Небесный мир

Круг первый

СЛОВО СЕМАРГЛА

Блестящей птицей в зареве пожаров
Семаргл вознесся через звездный плес.
Достиг пути Лосих, пути Стожаров,
Расправил крылья вековечный пес.

Гонец богов, их слова провозвестник,
Речет про Слово слово с вышины.
Подобен глас его суровой песне:
«Все смыслы Словом в слове рождены».

Дела и мысли сгинувших народов
Хранятся в каждом слове языка.

Вернется слова мудрого природа
Из тьмы глубин, придет из далека.

Плеск чувств, познание истин, дум раскаты
Хранит язык — Велеса чудный дар.
Текут рекой восходы и закаты,
Все освещает языка пожар.

Круг второй

ВЛАСТЬ ПЕРУНА

Взорвалась Сварга громами раскатов,
Зигзаги молний прянули с небес.
Явил Перун свой лик в часы заката,
За ним седой дружины стальной лес.

Он воевода и хранитель Яви.
О смысле Власти свою речь повел.
Речет он, что правители не вправе
Лишь от себя измыслить произвол.

Стремленьем к власти чаще тот страдает,
Кто не способен сам творить и жить,
Кто в Духе выше — тех гнетет и лает
Ничтожество свое не позабыть.

Чем меньше прав на власть имеет деспот,
Тем он кровавей, нетерпимей, лжив.
Он в пустоте себе готовит место,
Дышать способен, только всех убив.

Любовь проверить может лишь измена.
Удачей друга взвесишь дружбы свет.
Идее верность мерит Власти смена,
Когда за верность нужно дать ответ.

Узнать возможно честность в человеке,
Когда долги он сам тебе вернет.
А человека мерят в этом веке,
Дав власть или отняв ее почет.

Правитель слабый властью не напьется.
Ему всегда ее не достает.
Ведь выше власть кому-то отдается,
Страх не дает продвинуться вперед.

Он в страхе всюду врага находит.
Враг мнимый — самый страшный среди врагов.
Подобна жизнь его плохой погоде,
Он — океан, без дна и берегов.

Открою вам, кто власти быть достоин:
Не добр властитель, только справедлив;
Волхв добр, не справедлив он и не воин,
Горит огонь в нем Сварги, все затмив.

Когда и волхв, и воин в одном лике,
Правитель ваш и добр, и справедлив.
Добро подарит нищему калике,
Врага разметет, войско устремив.

Узнай о том, что не всегда от Прави
Приходит Власть к вершителям судеб.
Бывает Власть от Мары и от Нави,
Тогда она тлетворный горький хлеб.

Кто Прави власть обьял своей десницей,
Проводит Волю Сварги на земле.
По жизни он летит могучей птицей,
Пути народов зрит в предвечной мгле.

Круг третий

ПОУЧЕНИЯ МАКОШИ

Перед глазами промелькнули тени.
Неслись года, эпохи времена.
Богиня Макошь шла через ступени,
Судьбу людей прядущая одна.

Познай, что мир в своем величье
Есть светлый Храм божественной красы.

Род в нем являет миру все обличья,
Стоят в нем Прави верные весы.

Есть Путь, и путь — в судьбе у человека.
Один в Пути не ведает преград.
Идет вперед от века и до века,
Другой и малой тропке все же рад.

Один суть Прави у Природы внемлет.
В любой травинке он Закон узрит.
Другой суть истин в храме лишь приемлет,
Храм божьим благолепием манит.

Молящий в храме искренен в молениях,
В той мере, что познал он божий лик.
Растет он ввысь в своих перерождениях,
Возможен для него Рождений миг.

Круг четвертый

ВОСХОЖДЕНИЯ ДАЖЬБОГА

Пролился свет из солнечных глубин,
В нем воин чудной красоты возник.
Явился Духа светлый исполин,
Как лал блистал его высокий лик.

Даждьбог предстал во всей красе своей,
Своим потомкам смысл Пути открыл.
Ведет вперед по солнечной росе,
Ухабы указать не позабыл.

«Коль не идешь вперед — идешь назад, —
Пророкотал он гласом громовым. —
Летать рожденный и паденью рад,
Трамплин для новых взлетов перед ним.

Учись взлетать, к паденью легок шаг.
Взлетев, лети на сколько хватит сил.
Но, не взлетевший, будет сир и наг,
Он пал до взлета, душу уронил.

Полетом Духа в Ирий путь пробит.
Чтобы лететь — все пути развяжи.
Орел средь тока воздуха парит,
Не тратит сил, не видит миражи.

Груз памяти — цепей боль на ногах,
Она ж деянья светлые хранит.
Несет вперед или низвергнет в прах,
Кто знает, что сломает, что скрепит.

Снеси удар Беды, грай воронья,
Она всегда предвестница удач.
Боль и успех всегда одна семья.
Ты от ударов Рока не заплачь.

Удар врага в желании отбить,
Запомни: безразличие к врагу
Его способно навсегда казнить
На тихом и спокойном берегу.

Когда нет сил идти против ветров,
Могущих разорвать и растоптать,
Остановись — останешься здоров.
Зло пережди, вперед иди опять.

Дорога в вышину не только взлет,
Бывает нужно к Бездне подойти.
Взлетевшему всегда готов почет,
Назад нередко тягостней идти.

Спустившийся потерей удручен.
Во тьме нет света, Бездна вопиет.
Но к помощи другим он был рожден,
И снова к свету сердце восстает.

Алмаз и уголь вместе рождены.
В одном есть свет, вся Сварги сила в нем,
В другом все грани тусклы и черны.
Различье в том, как жили под Огнем.

Знай, искупить ты можешь только то,
Что хочешь пред богами искупить.
Перенесешь, что можешь, но зато
Сумеешь браги радости испить.

Понять сумеешь истины тогда,
Когда их корни ведомы тебе.
Мочь, Захотеть, Суметь и Знать — всегда
Способны воспротивиться Судьбе».

Круг пятый

ХОРС О ГРЕХЕ

Трисветлый Хорс с небесной вышины
На землю глянул солнечным лучом.
Ему с небес грехи людей видны,
В бессмертье иссякает их мечом.

Бог солнца миру целостность дарит.
Все хорошо, где Хорса светлый лик.
Там хор и хоровод всегда царит,
Где человек единства дар постиг.

Речет Высокий царь небесных жил:
«Хочу, чтоб грех свой человек познал.
Не в том он состоит, как в людях жил,
Он в том, как ты прожил, любил и знал.

Не нарушай гармонию стихий,
Не нарушай Закон единства сфер.
Любовь дари, не лги и не убий,
Познай высокий знак — искусство мер.

Не бойся согрешить перед людьми.
Страшнее грех перед самим собой.
Грех перед Завтра мира, пред детьми
Рождает зла над миром новый рой.

Печалитесь убийства и войны,
Бойтесь гнева огненных стихий.

Не ведаете вы своей вины,
Пред гласом Рода вечно вы глухи.

Отдельный человек ломает лад.
Дойдя до точки, душу может сжечь.
Ее спасет лишь подвиг иль собрат,
Решивший на себе тот грех иметь.

Чужих грехов его придавит тень.
Из Бездны в мир извергнется печаль,
Гармонии умолкнут в этот день,
Грехи сломают Навию печать.

Земля в тоске исторгнет силы мглы:
Война, мор, глад раскинут хоровод...
Мир держится на острие иглы.
Качни — и разольется бездна вод.

Не осуждай того, кто ростом мал.
Не может знать — не может дать ответ.
Дорогу снизу каждый начинал,
Не каждый сразу зрит благой Завет.

Жизнь вехой испытаний вам дана.
Не мочь иль не хотеть — велик раздел.
Натянута через миры струна,
Чтоб каждый в жизни песню свою пел».

Круг шестой

СВАРОГ О РОЖДЕНИИ МИРА

Раздалось небо, появился трон.
Хрусталь небес взыграл волшебным светом.
На троне Муж, как Вечности канон,
Улыбка дарит щедрости приветом.

Сварог речет: «Мир в Бездне пребывал,
Как отраженье сущности Закона.
Нельзя сказать, велик он или мал,
Никто не ведал времени эона.

Ничто — как сон Творца, в кругу времен
Бескрайности другое отраженье,
Неведение, незнание имен,
Смерть и мечта про новое рожденье.

Бог Род в бескрайней дреме пребывал,
Во мгле лишь тлела искра возжеланья.
Но сжата страсть; взрыв Вечности обвал,
Рожден мир через новые страданья.

Великий Род, сжав Волю в кулаке,
Законом ограничил мир и Силу,
Иначе Бездна в огненном витке
Рожденный мир во тьме сведет в могилу.

Творения Творцу принадлежат.
На новой грани, через цепь рождений,
Все изменилось снова во сто крат.
Рождает Род круг новых поколений.

Все снова, но извечно рождена
Богов бессмертных воля, сила, слово.
Стряхнула прах вневременья волна,
И к жизни вновь Вселенная готова».

Круг седьмой

ТВОРЧЕСТВО РОДА

Божественное Древо показалось,
Сияние разлилось в вышине,
Исчезли страх, сомнения, усталость,
Растаяли заботы как в огне.

Без звука сам собой глас Рода слышишь,
И внемлет ему каждый волосок.
Возникшего восторга не опишешь,
Он как в пустыне ледяной глоток.

Ты, человек, не мелок и не жалок,
Творца будь отражением всегда.

И в водной капле есть морей подарок.
В тебе сам Род струится как вода.

Творящий — Созидателю подобный.
Вернет он долг Природе и богам,
Ведь творчество рекою полноводной
Ведет людей к небесным берегам.

Идеи, мысли, символы и вещи
Твори — и Бездне вечной дашь отпор,
Иначе Бездна душу возьмет в клещи,
Развеется бессмертия узор.

Суть человека — отраженье Рода.
Не сотворя тем призывает смерть.
Жизнь — это мыслей, смыслов, дел свобода.
Грех — пламень Рода в сердце не иметь.

Есть творчество и в смене дряхлых истин.
Ломай, но чти основы бытия.
Весь мир, от сора ветхого очистив,
Твори, жизнь и судьбу благодаря.

Ломай, чтоб созидать богам во славу,
При этом сохраняй суть красоты,
Чти предков достижения по праву —
Все видят ваши деды с высоты.

Богами Сотворенное — прекрасно.
Природа, мир гармонии полны.
Творимое коль с замыслом согласно,
То полно красотой глубины.

Что нужно и полезно — все красиво.
Безделиц пыльный хлам отринь вовек.
Тогда пройдешь свой путь ты так счастливо,
Как только может сделать человек.

Краса веков таится в идеалах,
К которым шел по времени народ.

Природы красота таится в малом.
Она смывает тяготы забот.

Красивый человек весь соразмерен:
Характер, облик — духу в унисон.
Кто цели и душе бывает верен,
Свершений чудных будет посвящен.

Не все красиво, к чему есть влечение,
Возможно и чудовище любить.
Но красота не ведает сомненья,
А без нее нельзя под небом жить.

Подчас уродство путают с прекрасным.
Толпы кивок ломает смысла грань.
Превозносить дрянное — все ж напрасно,
Хоть головою стену протарань.

Творения искусства в высшей мере
Приводят к пониманию Творца.
Гармония и чувства в его сфере
Приносят вам веления Отца.

Твой главный бой с тем, кто красу не ценит.
Под маской человека Бездна в нем.
Лишь в никуда ведут его ступени,
Красивое мечом бьет и огнем.

Но в красоте есть тайна вековая.
За смыслом смысл укрылись в глубине,
Законченность и целостность нагая
Скрывают новый мир на самом дне.

ВЫХОД

Спустился с холма седого над рекой,
Пошел он в мир в слиянии Колец.
Луна в тиши застыла над горой,
Путь указал божественный Отец.

Библиография

1. *Аверин Ю.В., Ганя И.М., Успенский Г.А.* Птицы Молдавии. Т. 1–2. Кишинев: Штиинца, 1970–1971.
2. *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
3. *Адити А., Адити Е.* Руны: Толкование Старшего Футарка. СПб., 1993.
4. *Адоньева С.Б.* Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000.
5. *Адоньева С.Б., Овчинникова О.В.* Учебные задания по курсу «Устное народное поэтическое творчество. Традиционная крестьянская магия». СПб., 1992. № 155.
6. *Александровский Г.* Кельты — загадочный народ, потомки которого и сегодня живут в Европе // Наука и жизнь. 1988. № 3. С. 72–80.
7. *Альбедиль М.Ф.* В магическом круге мифов. СПб.: Паритет, 2002.
8. *Андреев А.* Русские боги в зазеркалье. Баба Яга // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3–4. М.: Менеджер, 1997.
9. *Апулей.* Апология. Метаморфозы. Флориды. М.: Изд. Академии наук СССР, 1960.
10. *Арутюнян С.Б.* Армянская мифология. Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1997.
11. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3. М.: Индрик, 1994 (по изд. 1869).
12. Ахарваведа Шветашватара упанишада. Кн. XV. IV, 12.
13. *Байбурун А.К.* Обрядовые формы половой идентификации // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
14. *Байбурун А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сб. МАЭ РАН. Т. 37. Л., 1981.
15. *Байбурун А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
16. *Белик В.П., Тараненко Л.И.* Тайна черного аиста // Жизнь птиц. Т. 1. 1995.
17. *Белик В.П., Тараненко Л.И.* Штрихи истории «лесного отшельника» // Природа. 1996. № 11.

18. *Белова О.В.* Эротическая символика грибов в народных представлениях славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.
19. *Бернштам Т.А.* Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1.
20. Библия.
21. *Богданов К.А.* Игра в жмурки: Контексты, традиции // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 1999.
22. *Борейко В.Е.* Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев, 1996.
23. *Борхес Х.Л.* Бестиарий: Книга вымышленных существ. М., 2000.
24. *Брюзгина (Уманская) А.С.* Позднеантропогеновые птицы Украины и смежных территорий (преимущественно по материалам из археологических памятников). Дисс. канд. биол. наук. Киев, 1975.
25. *Булаховский Л.А.* Семасиологические этюды: славянские наименования птиц // Вопросы слав. языкознания. Львов, 1948.
26. *Бурчак-Абрамович Н.Н., Цалкин В.И.* Материалы к изучению птиц Европейской части РСФСР // Бюл. МОИП. Отд. биол. 77 (20). 1972.
27. Былины. Л.: Лениздат, 1984.
28. Былины. М.: Современник, 1991.
29. *Вагурина Л.М.* (сост.). Славянская мифология. Словарь-справочник. М.: Линор & Совершенство, 1998.
30. *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
31. *Виноградов Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1978.
32. *Воинственский М.А.* Птицы степной полосы Европейской части СССР. Киев: АН УССР, 1960. С. 1–292.
33. *Вълчинова Г.* Сечко и Марта — формирането на един митологичен комплекс в българската народна култура // Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1994.
34. Галльская война // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. Т. 1–2. М: РИА День, 1991.
35. *Герни О.Р.* Хетты. М.: Наука, 1987.
36. *Геродот.* История. М.: Ладомир-АСТ, 1999.

37. *Гесиод*. Теогония // Эллинские поэты. М.: НИЦ; Ладомир, 2000.
38. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М.: Московский рабочий, 1991.
39. *Гордон С.* Ханаанейская мифология // Мифологии древнего мира. М., 1977.
40. *Горнунг Б.В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М.: АН СССР, 1963.
41. *Горнунг Б.В.* К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964.
42. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М.: Прогресс-Традиция, 1999.
43. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992.
44. *Грищенко В., Борейко В.* Птах із легенди // Соц. культура. № 11. 1988. С. 20–21.
45. *Грищенко В.Н.* К вопросу о происхождении названия «аист» // Беркут. 1996. 5 (2). С. 209–215.
46. *Грищенко В.Н.* Миграции птиц как одна из причин их сакрализации. Мат. II конфер. молодих орнітологів України. Чернівці, 1996. С. 48–52.
47. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1998.
48. *Гура А.В.* Мышь. Крыса // Символика животных в славянской народной традиции. М., 1998. С. 404–416.
49. *Гура А.В.* Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. М., 1979.
50. *Гура А.В.* Символика животных в славянских народных верованиях. М., 1997.
51. *Гусев В.Е.* Народные игры, драмы и театр // Этнография восточных славян. М.: Наука, 1987.
52. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1999.
53. *Динцес Л.А.* Русская глиняная игрушка. М.–Л., 1936.
54. *Долбик М.С.* Птицы белорусского Полесья. Минск: АН БССР, 1959.
55. Духовная культура Белозерья: этнолингвистический словарь. М., 1997.
56. *Дьяконов И.М.* Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла: Общие черты первого периода истории древне-

- го мира и проблема путей развития // История древнего мира. Т. 1. Ранняя древность. М.: Главн. ред. восточн. л-ры, 1982.
57. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений / Под ред. А.С. Архангельского. Т. I–XII. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1902.
58. Жуковский В.А. Сочинения. М.: Худ. лит., 1954.
59. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск, 1999.
60. Зайцева И. Экология и мифология Брянского леса. Брянск, 1996.
61. Законы Ману. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
62. Замятин С.Н. Очерки по палеолиту. М.–Л., 1961.
63. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. СПб., 1914. № 29.
64. Зороастрийские тексты. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
65. Иванов В.В. Древние культурные и языковые связи Южнобалканского, Эгейского и Малоазийского (Анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
66. Иванов В.В. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1969. 4.
67. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
68. Иванов В.В. Луна, упавшая с неба // Древняя литература Малой Азии. М., 1977.
69. Ингерманландская эпическая поэзия. Петрозаводск: Карелия, 1990.
70. Ирасек А. Старинные чешские сказания. М.: Правда, 1987.
71. Кабакова Г.И. Антропология женского тела. М., 2001.
72. Калевала. БВЛ. М.: Худ. лит., 1977.
73. Калевала. Петрозаводск: Карелия, 1973.
74. Каллимах. Гимн к Зевсу. 50.
75. Канева И.Т. Спряжение шумерского глагола на материале шумерских героико-эпических текстов // Переднеазиатский сб. Т. 2. Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока. М., 1965.
76. Карельское народное поэтическое творчество. Л.: Наука, 1983.

77. *Карху А.А.* Среднеголоценовые птицы из археологических памятников Подмосковья // Орнитология. М.: МГУ, 1990. 24.
78. *Килимник С.* Український рік у народних звичаях в історичному освітленні. Київ: Обереги, 1994. 2.
79. Киргизский героический эпос. М.: Манас, 1961.
80. *Кириков С.В.* Изменения животного мира в природных зонах СССР: Степная зона и лесостепь. М.: АН СССР, 1959.
81. *Клепикова Г.П.* Славянские названия птиц (аист, ласточка, ворон) // Вопр. слав. языкознания. М.: АН СССР, 1961. 5.
82. *Клинггер В.* Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1909–1911.
83. *Кнежевик С.* Птиците во фолклорот и во симболиката кај балканските народи // Македонски фолклор. 1971.
84. *Коссович К.А.* Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария. СПб., 1861.
85. *Кржижевский М.* Реликты доисламских верований в современном фольклоре самарских башкир // Этнос и культура. 1996. 3.
86. *Кривелев И.А.* История религий. М.: Мысль, 1975.
87. *Ксенофонт.* Киропедия. М.: Наука, 1976.
88. *Ларрингтон К.* Скандинавия // Женщины в легендах и мифах. М.: Крон-пресс, 1998.
89. *Лебедева А.А.* Народные знания славян. Этнография восточных славян. М.: Наука, 1987.
90. *Лебедева М.И.* О происхождении названий аистов. Аисты: распространение, экология, охрана. Минск: Навука і тэхніка, 1992.
91. *Лебедева М.И.* Почему они аисты? // Наука и жизнь. 1981. № 9. С. 136–138.
92. *Лерхе А.В.* Пернатые путешественники: Перелет птиц. Ростов н/Д, 1941.
93. *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
94. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957.
95. *Лысенко О.В.* Метаморфозы одежды в хаосе архаичных форм. Модель формирования архаической структуры «на-

- родного костюма» в восточнославянской этнокультурной традиции XIX–XX вв. // Мифология и повседневность. Вып. 2. Мат. Научн. конф. 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999.
96. Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. М.: Ладомир, 1995.
97. Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
98. Марченко К.К. Греческое поселение на острове Березань. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
99. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. Л.: Наука, 1967.
100. Миллер В.Ф. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры // 777 заговоров и заклинаний русского народа. М.: Локид, 1997.
101. Митрополит Іларіон. Дохристиянські вірування українського народу. Київ: Обереги, 1994.
102. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Ред. Р.П. Матвеева. Новосибирск, 1987. № 84.
103. Мифологический словарь. М., 1991.
104. Мифы и легенды. Т. I и II / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
105. Мифы индейцев Южной Америки. СПб., 1994.
106. Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992.
107. Мищенко А.А. Привлечение пернатых хищников: Обзор проблемы. Методы изучения и охраны хищных птиц. М., 1990.
108. Младшая Эдда / Пер. О.А. Смирницкой; под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М.: Ладомир, 1994.
109. Море значений, установленных святыми / Ред. Е.И. Кычанов. СПб., 1997. 1.
110. Морохин Н.В. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997.
111. Наговицын А.Е., Гаврилов Д. Боги славян. Язычество. Традиция. М.: Рефл бук, М. 2002.
112. Наговицын А.Е. Мифология и ритуал хеттов. М., 2005.
113. Наговицын А.Е. Обереги и мифы финно-карелов // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 7. М.: Менеджер, 1997.
114. Наговицын А.Е. Этруски: Мифология и магия этрусков. М.: Академический Проект, 2000.

115. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Худ. лит., 1957.
116. *Немировский А.И.* Мифы и легенды Древнего Востока. М., 1994.
117. *Немировский А.И., Харсекин А.И.* Этруски: От мифа к реальности. М., 1983.
118. *Овидий.* Метаморфозы. М.: Худ. лит., 1977.
119. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 2007.
120. *Ончуков Н.Е.* Северные сказки: В 2 т. СПб., 1998.
121. Орфические гимны. Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
122. *Плотникова А.А.* Мифология атмосферных и небесных явлений // Славянский и балканский фольклор. М.: Индрик, 2000.
123. *Плутарх.* Избранные жизнеописания: В 2 т. М.: Правда, 1987.
124. *Познанский Н.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917.
125. Полное собрание русских летописей: Густынская летопись. Т. 40. СПб., 2003.
126. *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М.: Прогресс, 1964.
127. Поэзия и проза Древнего Востока. БВА. М.: Наука, 1973.
128. *Приедниекс А., Страздс М., Страздс А., Петриньш А.* Атлас гнездящихся птиц Латвии 1980–1984. Рига: Зинатне, 1989.
129. *Путилов Б.Н.* Детский поэтический фольклор. СПб., 1997. № 580, 581.
130. *Путилов Б.Н.* Эпос: Этнография восточных славян. М.: Наука, 1987.
131. *Рак И.В.* Египетская мифология. М., 2004.
132. *Ренфрю К.* Происхождение индоевропейских языков // В мире науки. 1989. № 12.
133. Ригведа. Избранные гимны / Пер., комм. и вступ. статья Т.Я. Елизаренковой. М., 1972.
134. *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его «Хроника». М., 1966.
135. Родной бог ариев // Наследие предков. М., 1998. № 5.
136. Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999.
137. Русские народные сказки. М., 1956.
138. Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995.

139. Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА. 1965. № 1. С. 33–35.
140. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.
141. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997.
142. Садашивачарья Свами. Род-Рудра: родной бог ариев // Наследие предков. М., 1998. № 5.
143. Садовников Д.Н. Загадки русского народа. М., 1959.
144. Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края // Записки РГО по отд. этнографии. Т. XII. 1884.
145. Себийю П. Сказки и предания французских провинций. М., 2001.
146. Седакова И.А. Орисницы // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
147. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966.
148. Сказки Филиппа Павловича Господарева / Зап. Н.В. Новикова; ред. М.К. Азадовский. Петрозаводск, 1941. № 15.
149. Славянская мифология: Словарь-справочник / Сост. А.М. Вагурина. М.: Линор & Совершенство, 1998.
150. Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Наука, 1980.
151. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.
152. Соколова З.П. Животные в религиях. СПб.: Лань, 1998.
153. Сомов Н.Н. Орнитологическая фауна Харьковской губернии. Харьков: Тип. А. Даре, 1897.
154. Срезневский И.И. Дополнения и замечания к «Замечаниям о праздниках у малороссиян» // Маяк. Т. XI. Кн. 21, гл. 3. 1843.
155. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989.
156. Станюкович Т.В. Народное декоративно-изобразительное искусство. Этнография восточных славян. М.: Наука. 1987.
157. Страхов А.Б. Балто-славянский миф о происхождении аиста и античные параллели // Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. М., 1979.
158. Суждения Духа разума // Зороастрийские тексты. М.: Изд. фирма «Восточная л-ра» РАН, 1997.
159. Сумцов Н.Ф. Ворон в народной словесности. СПб., 1890.
160. Сумцов Н.Ф. Заяц в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. № 3.
161. Сумцов Н.Ф. Мышь в народной словесности // Этнографическое обозрение. Кн. 8. М., 1891. № 1.

162. *Сумцов Н.Ф.* Олень в произведениях народной словесности и искусства. Культурные переживания // Киевская старина. 1890. № 1.
163. *Тараненко Л.И.* О некоторых экологических адаптациях и происхождении синантропности белого аиста. Аисты: распространение, экология, охрана. Минск: Наука і тэхніка, 1992.
164. *Тараненко Л.И.* Об изучении названий птиц // Социально-орнитологические идеи и предложения. Ставрополь, 1992.
165. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.—Л., 1962.
166. *Тетерин С.* Двойняшки. Пермский оракул для гадания и привлечения личной удачи. М.: София, 2000.
167. *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.—Л., 1957.
168. *Толстой Н.И.* Верх — низ // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995.
169. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
170. *Топоров В.Н.* К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975.
171. *Топоров В.Н.* Мышь // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1987.
172. *Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Тр. по знаковым системам. Т. 5. Тарту, 1971.
173. *Топоров В.Н.* Семантика мифологических представлений о грибах // *Valcanica*. М., 1979. С. 234–279.
174. Флора и фауна / Сост. В.М. Федосеенко // Мифы о растениях и животных. М.: Русь, 1998.
175. *Фоли Д.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1997.
176. *Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь. М.: Полит. лит., 1983.
177. *Фрезер Д.Д.* Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1989.
178. *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999.
179. *Хоул К.* Энциклопедия примет и суеверий. М., 1998.
180. Хрестоматия по истории СССР. М., 1951.
181. Чародейство. Волшебство. Знахарство. Заклинания. Заговоры. М.: Терра, 1998.

182. *Шаповалова Г.Г.* Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.
183. *Шарлемань Н.В.* Природа и люди Киевской Руси. Киев: Киевск. эколого-культ. центр, 1997.
184. *Шейнина Е.Я.* Энциклопедия символов. М., 2001.
185. *Штернбергер А.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
186. *Щепанская Т.Б.* Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Сб. МАЭ РАН. LVII. СПб., 1999.
187. Энциклопедия сверхъестественных существ. М.: Локид-пресс, 1997.
188. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 1999.
189. Энциклопедия суеверий. М., 1997.
190. Языческие таинства. Мистерии восхождения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Apollod. Mythographi graeci, v. I / Apollodori Bibliotheca, ed. R. Wagner. Lipsiae, 1926.
2. Apollonias de Rhedes. Argonautica / Ed. H. Francel. Oxford, 1961. I. 496–502.
3. *Archer G., Goodman E.M.* The Birds of British Somaliland and the Golf of Aden. London: Gurney and Jackson, 1937. 1:1–285.
4. *Beck H.* Das Ebersignum im Germanischen. Ein Beitrag zur germanischen Tier-Symbolik. B., 1965.
5. *Bert E., Lorenzi M.C.* The Influence of Weather Conditions on the Reproductive Success of the White Stork (*Ciconia ciconia*) in Piedmont, Italy. Intern. Weißstorchtagung. Kurzfassungen der Beiträge. Hamburg, 1996.
6. *Błoński J.* Mikołaj Sęp-Szarzyński a początki polskiego baroku. Kraków, 1967.
7. *Broek R. van den.* The Myth of the phoenix according to classical and early Christian traditions. Leiden, 1972.
8. *Cohen M.N.* The food crisis in prehistory. New Haven, 1977.
9. *Creutz G.* (1988). Der Weiss-Storch. Die Neue Brehm-Bücherei. 375. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1–236.
10. Dionysii Halicarnasei quae exstant, ed. C. Jacoby. I–IV. Lipsiae, 1885–1905.
11. *Durui C.* Historiri des Romains. I. Paris. P. 75.

12. *Dyrcz A., Grabicki W., Stawarczyk T., Witkowski J.* (1991). Ptaki Śląska. Wrocław. 1–526.
13. *Eliade M.* Myth and reality. N.Y.: Harper & Row, 1963. P. 30 ff.
14. *Eliade M.* Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. N.Y. Bollingen Series LXXVI, 1964.
15. *Fellows Ch.* (1839). A Journal written during an Excursion in Asia Minor 1838. London. 1–347.
16. *Franke W., Mey E.* Bemerkenswerter Brutplatz des Schwarzstorchs (*Ciconia nigra*) in Thüringen. Anzeiger Ver. Thüringer Ornithol, 1994. 2 (2): 135.
17. *Frisbie T.R.* Southwestern Indians and Cranes. ICF Bugle, 1986. 2 (1): 3–5.
18. *Gattiker E., Gattiker L.* Die Vögel im Volksglauben. Wiesbaden: AULA-Verlag, 1989.
19. *Gimbutas M.* The gods and goddesses of Old Europe. Los Angeles, 1974.
20. *Gonzenbach J.G.* Auszug aus meinem ornithologischen Tagebuch. Juni 1856 bis Juli 1857. Naumannia, 1857. 7.
21. *Hagemeyer W.J.M., Blair M.J.* (eds.) The EBCC Atlas of European Breeding Birds. Their Distribution and Abundance. London: T. & A.D. Poyser, 1997.
22. *Hancock J.A., Kushlan J.A., Kahl M.P.* Storks, Ibises and Spoonbills of the World. Academic Press, 1992.
23. *Hinkelmann Ch.* Der Weißstorch (*Ciconia ciconia*) im ehemaligen Ostpreußen. — Bl. Naumann-Museum. 1995. 15.
24. *Hocart A.M.* Kings and Councillors. Cairo, 1936.
25. *Hornberger F.* Der Weißstorch. Die Neue Brehm-Bücherei. 375. Wittenberg Lutherstadt: A. Ziemsen Verlag. 1967.
26. *Jobes G.* Dictionary of mythology. Folklore and symbols. N.Y., 1962.
27. *Kahl M.P.* Welt der Störche. Hamburg, Berlin: Parey, 1981.
28. *Kammenhuber A.* Materialien zu einem hethitischen Thesaurus. Lfg., 1976.
29. *Kiechle F.K.* Gotterdarstellung durch Menschle in den altmediterranen religionen. Historia, 1970. Bd. XIX. H. 3. S. 260.
30. *Sternberg L.* Divine Election in Primitive Religion, 1924. P. 476 ff.
31. *Leder G.* Der Kranich — ein literarischer Held. Falke, 1987.
32. *Levi-Straus C.* Mythologiques I. Le cru et ie cuit. P., 1964. P. 92–116. *Wensinck A.J.* Tree and bird as cosmological symbols in Western Asia, Amst., 1921.
33. Liv. Ab urbe condita, edd. G. Weissenhorn. M. Meller — W. Heraeus. I–IV. Lipsiae, 1930–1933.

34. *Løppentin B.* Danske ynglefugle i fortid og nutid. — Acta Hist. Scient. Nat. Med. Univ. Hauniensis. Odense. 1967.
35. *Macrobii Saturnalia*, rec. I. Willis. Lipsiae, 1970.
36. *Martianus Capella*, ed. A. Dick. Lipsiae, 1925.
37. *Martens J.* Brutvorkommen und Zugverhalten des Weißstorchs (*C. ciconia*) in Griechenland. Vogelwarte, 1966.
38. *Mewes W., Nowald G., Prange H.* (1999). Kraniche: Mythen, Forschung, Fakten. Karlsruhe: G. Braun. 1–108.
39. *Mublestein H.* Die Etruscer in Spiegel ihrer Kunst. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1969. S. 323.
40. *Nilsson M.R.* The Minoan-Mycenaen religion and its survival in Greek religion. L., 1927.
41. *Oesting M.* (1984). Cranes in Folklore. ICF Bugle. 10 (1): 2–3.
42. *Otten H.* Kampf von Konigi und Gottheit in einem hethitischen Ritualtext. BM. 7, 1974.
43. *Ovid. Fast.*, VI, 475.
44. *Pausaniae Graeciae description*, ed. M.H. Rocha-Pereira. I–III. Leipzig, 1973–1981.
45. *Plini Naturalis historia libri XXXVII*, edd. L. Jan — C. Mayhoff. I–V. Lipsiae, 1892–1933.
46. *Plutarchi vitae parallelae*, rec. C. Lindskog — K. Zigler. I–IV. Leipzig, 1969–1980.
47. *Poole A., Spitzer P.* (1983). An Osprey revival. — *Oceanus*. 26 (1): 49–54.
48. *Propertii elegiarum, libri IV*, ed. R. Hanslik. Leipzig, 1979.
49. *Przyluski J.* La Grande Deesse. P., 1950.
50. *Roux J.-P.* Faune et flore sacrees dans les societes altalques, P., 1966.
51. *Sachs C.* World history of dance. N.Y., 1937.
52. *Saladin D`Anglur.* Du foetus an chamane la construction d`un troisieme sexe inuit, in *Etudes/Inuit/Studies*, 10 (1–2), 1986. P. 25–113.
53. *Schenk J.* Die Heuschreckenplage auf dem Hortobágy im J. 1907 und die Vogelwelt. Aquila, 1907.
54. *Schenk J.* Von der Vogelwelt verhinderte Heuschreckenplage. Aquila, 1910.
55. *Schleusing G.A.* La religion ancienne et modern de Moscovite. Amsterdam, 1698.
56. *Schröder P., Burmeister G.* Der Schwarzstorch. Die Neue Brehm-Bücherei. 468. Magdeburg: Westarp Wissenschaften, 1995.
57. *Schroeder L.* Arische Religion. Lpz., 1923, Bd. 1.

58. *Schüz E.* Über Stelzvögel (Ciconiiformes und Gruidae) im Alten Ägypten. Vogelwarte, 1966.
59. *Schüz E.* Über die Namen des Weißstorchs (*Ciconia ciconia*) als Ausdruck einer vielfältigen Mensch-Vogel-Beziehung. — Beih. Veröff. Naturschutz Landschaftspflege Bad. Württemberg. Karlsruhe, 1986.
60. Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Aeneidos libros commentarii, rec. G. Thilo, H. Hagen. Lipsiae, 1922–1923.
61. Shamanism The Aryan-Dravidian Controversy // Conscious Living.
62. *Shoverman G.* The great Mother of the gods (Bulletin of the University of Wisconsin. № 43). Madison, 1901.
63. *Sóra I.* Flock of Storks Feeding on a Burning Barley Stubble. Aquila, 1973.
64. *Tavakoli E.V.* (1989). The White Stork (*Ciconia ciconia*) distribution in Iran. Weißstorch — White Stork. Proc. I Int. Stork Conserv. Symp. Schriftenreihe des DDA. 10: 183–187.
65. *Tavakoli E.V.* (1992). Cliff storks (*Ciconia ciconia*) in Iran. — SIS-Group Newsletter. 5 (1/2). 6–7.
66. *Tcherkas N.D.* (1995). Black Stork adaptation to transformation of breeding biotopes. Bird Numbers 1995. Pärnu. 51.
67. The Tribes of the Ashanti Hinterland. Vol. 1–2. Ox., 1932.
68. *Thiollay J.-M.* L'exploitation des feux de Brousse par les oiseaux en Afrique occidentale. Alauda, 1971.
69. *Tomiałojć L.* Ptaki Polski. Rozmieszczenie i liczebność. Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1990.
70. *Tyler H.* Pueblo Birds and Myths. Univ. of Oklahoma Press, 1979.
71. *Vacano O.* Die Etruscer in der Welt der Antice. Lpz., 1962. P. 136.
72. *Varro M.T.* Varronis De lingua latina libri, cur. L. Spengel, ed. filius Andreas Spengel. Berolini, 1885.
73. *Wilke G.* Weltenbaum und die beiden kosmischen Vogel in der vorgeschichtlichen Kunst, «Mannus. Zeitschrift für Vorgeschichte», 1922, Bd. 14.
74. *Zaebner R.C.* Zurvan: A Zoroastrian Dilemma. Oxford, 1955.
75. Zosimi Histori nova Oxford, 1963. V. 41.
76. *Jensen A.E.* Das religiöse Weltbild einer friihcn Kultur, Stuttgart, 1948.
77. *Preuss K.T.* Religion und Mythologie der Uitoto. Gottingen, 1921. Kammenhuber A. Esquisse degrammaire palaite, — «Bulletin de la Societe de linguistique de Paris», t. 54, 1959, fasc. 1.

Об авторе

А.Е. Наговицын — доктор философских и кандидат психологических наук, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологий, член Союза писателей, участник многих международных и российских научных и образовательных проектов. Художественный талант автора проявился в создании более двух десятков скульптурных миниатюр из мамонтовой кости по мифологическим сюжетам народов мира, выставлявшихся на его персональных выставках.

Он является автором многих научных работ, среди которых наиболее значимыми представляются следующие труды: «Этруски: мифология и религия» (2000), «Боги славян. Язычество. Традиция» (в соавторстве с Д.А. Гавриловым) (2002), «Тайны славянской мифологии» (2003), «Магия хеттов» (2004), «Особенности ритмо-фонетической структуры текста» (учебное пособие, 2005), «Трансформация гендерных ролей в мифологических системах (учебное пособие, 2005), «Древние цивилизации: общая теория мифа» (2005) и др.

Содержание

Введение.....	3
---------------	---

ЧАСТЬ 1

РИТМО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРА

Глава 1

Предпосылки использования ритмо-фонетики в изучении культурной традиции	11
--	----

Глава 2

Смысловое (когнитивное) значение фонетических и графических знаков (звуков и букв) русского языка	15
---	----

ЧАСТЬ 2

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФУНКЦИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Глава 1

Основные философские понятия славянской традиции.....	25
Бог, Спас, богатырь, богатый.....	25
Дух, душа, свят, чудо	25
Обряд, жертва, тризна, треба	26
Крест.....	27
Правь, навь, явь. Правда и кривда.....	28
Судьба, рок, доля, недоля, лихо	29
Удача, беда, горе.....	31
Земля, змей, зло.....	32

Глава 2

Цветовосприятие в мировоззрении славян.....	37
---	----

Глава 3

Божественные персонажи пантеона	39
Род и Рожаницы	39
Стрибог и Дажьбог	42

Велес (Волос)	46
Перун.....	48
Сварог.....	49
Ярило.....	51
Лада	52
Макошь (Мокошь).....	53
Хорс.....	55
Суд	56
Леля	57
Див	57
Семаргл (Симаргл).....	58

Глава 4

Другие мифологические персонажи славянской традиции	60
Святогор и Илья Муромец	60
Свентовит	62
Чур и Щур.....	63
Кощей Бессмертный, Марья Моревна, Морена, Кострома... и Иван Купала.....	64
Баба Яга	71
Ящер	72

Глава 5

Реконструкция пантеона русских (славянских) богов	73
--	----

ЧАСТЬ 3

ЭЛЕМЕНТЫ КОСМОГОНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СЛАВЯН. ПРОТИВОБОРСТВО ВЕРХА И НИЗА

Глава 1

Образ бога-трикстера как индикатор социальных изменений	79
--	----

Глава 2

Велес и Перун.....	81
--------------------	----

Глава 3

Громовники индоевропейцев и их оружие.....	87
--	----

Глава 4

Зооморфные представления о богах.....	96
Конь	96
Бык.....	97

Баран	100
Козел и божества, связанные с этим символом (Фавн и Велес, Ярило и Дионис)	102
Трансформация символа змея в мифологических системах. Велес, Бадняк, Змей, Волх	110

ЧАСТЬ 4

ФИННО-КАРЕЛЬСКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИИ КАК РОДСТВЕННЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Глава 1

Небесный мир.....	136
Верхнее девятое небо	136
Верховный бог Укко	137
Ильматар	144
Рауни	147
Восемь нижних небес	148

Глава 2

Мифы о сотворении мира	150
------------------------------	-----

Глава 3

Море.....	169
-----------	-----

Глава 4

Земля.....	171
------------	-----

Глава 5

Мир смерти.....	172
-----------------	-----

Глава 6

Боги и культурные герои — устроители земли.....	174
--	-----

Глава 7

Обожествленные предки.....	175
----------------------------	-----

Глава 8

Хозяйство	178
-----------------	-----

Глава 9

Обереги	179
---------------	-----

Глава 10

Одежда финнов и карел как обережная защита	181
---	-----

Глава 11	
Магия финно-карел и саамов.....	184

Глава 12	
Мифология и картина мира у саамов	186

ЧАСТЬ 5

ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Глава 1	
Анализ сказочных текстов как носителей древних мифологических представлений	191

Красная Шапочка, или миф о смерти Смерти.....	191
Сестрица Аленушка и братец Иванушка.....	197
Мотивы хеттских космогонических мифов в русской народной сказке об Иване Быковиче.....	208
Курочка Ряба	225
По щучьему веленью.....	226
Волк и семеро козлят.....	227
Теремок.....	227
Колобок	228
Морозко.....	228
Репка.....	228
Конек-горбунок.....	229
Иван-царевич и Серый волк	229

Глава 2	
Отражение мифологических представлений славян в народных праздниках и играх	231

Глава 3	
Отражение мифологической картины мира славян в народной игрушке	245

ЧАСТЬ 6

ЗООМОРФНАЯ И РАСТИТЕЛЬНАЯ СИМВОЛОГИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Глава 1	
Символика гадов и рыб.....	255
Змей (змея)	255
Лягушка	258
Щука.....	259

Глава 2	
Символика насекомых	261
Пчела	261
Муравей	269
Глава 3	
Символика диких животных.....	272
Лев.....	272
Медведь.....	273
Волк	276
Вепрь.....	278
Олень.....	281
Лиса	285
Заяц.....	286
Мышь	291
Крыса.....	296
Белка.....	296
Глава 4	
Символика домашних животных	299
Конь	299
Корова	302
Бык.....	304
Свинья	307
Баран	308
Козел	310
Пес (собака)	312
Кот (кошка)	312
Глава 5	
Символика птиц	317
Орел.....	317
Сокол.....	320
Ворон.....	323
Сова	328
Петух.....	330
Утка.....	335
Гусь	336
Лебедь	338
Голубь.....	341
Аист	345
Журавль.....	358
Цапля.....	362

Глава 6	
Символика деревьев	364
Дуб	364
Береза	369
Ель	374
Яблоня	379
Осина	388
Ива (верба)	390
Орешник	395
Олива (маслина)	398
Смоковница (фига, инжир)	400
Глава 7	
Символика кустарников, трав и цветов	402
Тростник (камыш)	402
Трава	404
Различные волшебные травы и кустарники	405
Цветы	412
Глава 8	
Грибы	425

ЧАСТЬ 7

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ (АВТОРСКАЯ) РЕКОНСТРУКЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Глава 1	
Роль женщины в славянском фольклоре (Славянская любовная магия)	431
Бляди, лебяди, лебеди	432
Лея, Лада	436
Русалки	442
Макошь (Мокошь, Мокощ, Мокуша, Макоша)	448
Свадебка	450
Глава 2	
Реконструкция мифа о Творении мира	454
Глава 3	
Кошунуны	463
Круг мира, круг богов	463
Песни мифа	463
Зачин. Явление	466

Нижний мир	467
<i>Круг первый.</i> Иллюзии Морены	467
<i>Круг второй.</i> Зеркало Ящера	468
<i>Круг третий.</i> Жива-Мара	469
<i>Круг четвертый.</i> Законы Стрибога	472
<i>Круг пятый.</i> Истины Велеса	474
<i>Круг шестой.</i> Мать-сыра земля	475
Мир земной	476
<i>Круг первый.</i> Свет Лады	476
<i>Круг второй.</i> Любовь Лели	477
<i>Круг третий.</i> Очищение Огня	478
<i>Круг четвертый.</i> Свобода Ярилы	478
<i>Круг пятый.</i> Зло и добро Суда	480
Небесный мир	481
<i>Круг первый.</i> Слово Семаргла	481
<i>Круг второй.</i> Власть Перуна	482
<i>Круг третий.</i> Поучения Макоши	483
<i>Круг четвертый.</i> Восхождения Дажьбога	484
<i>Круг пятый.</i> Хорс о грехе	486
<i>Круг шестой.</i> Сварог о рождении Мира	487
<i>Круг седьмой.</i> Творчество Рода	488
Выход	490
Библиография	491